Научно-практический журнал

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

№3
2023

ISSN 2079-0295

Автономная некоммерческая организация
«Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права»

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 3 (55) 2023
Выходит ежеквартально

© Власть Закона, 2023

ISSN 2079-0295

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 3 (55) 2023
Выходит ежеквартально

SALUS POPULI SUPREMA LEX
Благо народа – высший закон (*лат.*)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации –
ПИ № ФС77-38792 от 8 февраля 2010 г.
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4 (юридические науки)
(квартиль К 2)
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
Учредитель и издатель:
Автономная некоммерческая организация
«Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права»
Сайт издателя: www.niiapsp.ru;e-mail: anoniiapsp@yandex.ru
Сайт журнала: www.vzlaw.ru;e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru
Подписано в печать 25.09.2023. Формат 70×100 1/16.Объем 17.1875п. л. Тираж 500 экз.

При использовании материалов данного печатного издания
обязательна ссылка на источник публикации.

Мнения, высказанные в публикациях, размещенных в данном печатном издании, являются субъективными позициями авторов относительно рассматриваемых ими вопросов, за которые редакция журнала ответственности не несет.

© Власть Закона, 2023

Главный редактор

Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Заместитель главного редактора

Руденко Евгения Юрьевна, к. ю. н., доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

Редакционный совет

Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Белых Владимир Сергеевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», заслуженный деятель науки РФ.

Букалерова Людмила Александровна, д. ю. н., профессор, проректор НОУ ОВО «Российская академия адвокатуры и нотариата», профессор Государственного университета управления.

Губин Евгений Парфирьевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. Ю. Ломоносова», заслуженный юрист РФ.

Диденко Анатолий Григорьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры частноправовых дисциплин Каспийского общественного университета (Казахстан).

Зайцев Олег Александрович, д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник Центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, вице-президент Союза криминалистов и криминологов

Кузнецова Ольга Анатольевна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Стус Нина Владимировна, д. ю. н., профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».

Филиппов Петр Мартынович, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», заслуженный юрист РФ.

Малько Александр Васильевич, д. ю. н., профессор, директор Саратовского филиала ФГБУН «Институт государства и права РАН», заслуженный деятель науки РФ.

Муртазакулов Джамшед Саидалиевич, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права Таджикского национального университета (Таджикистан).

Попондопуло Владимир Федорович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой коммерческого права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», заслуженный деятель науки РФ.

Турлуковский Ярослав Владимирович, доктор права, профессор Института гражданского права, руководитель Центра исследований права Восточной Европы и Центральной Азии факультета Права и управления Варшавского университета (г. Варшава, Польша).

Цыбуленко Зиновий Иванович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и семейного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Редакционная коллегия

Анисимов Алексей Павлович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет».

Барков Алексей Владимирович, д. ю. н., профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Грошев Александр Васильевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

Долинская Владимира Владимировна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина» (МГЮА).

Емелькина Ирина Александровна, д. ю. н., профессор факультета права Департамента дисциплин частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Иншакова Агнесса Олеговна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права Института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», Почетный работник сферы образования РФ.

Курманалиева Асель Абылкановна, к. ю. н., директор Центра нормотворчества и верховенства права при Министерстве юстиции Кыргызской Республики

Мазаев Владимир Дмитриевич, д. ю. н., профессор, заместитель заведующего базовой кафедры межотраслевого регулирования факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Меретуков Гайса Мосович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой криминалистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

Молчанов Александр Александрович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД РФ».

Морозов Сергей Юрьевич, д. ю. н., профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», .

Рузанова Валентина Дмитриевна, к. ю. н., доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Савченко Марина Станиславовна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой государственного и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

Серова Ольга Александровна, д. ю. н., профессор, первый проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Тужилова-Орданская Елена Марковна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Почетный работник высшего профессионального, образования РФ, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, заслуженный юрист Республики Башкортостан.

Харитонова Юлия Сергеевна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», руководитель НОЦ «Центр правовых исследований искусственного интеллекта и цифровой экономики».

Чеговадзе Людмила Алексеевна, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Editor-in-Chief

Vladimir Pavlovich Kamyshansky, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law at the FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Director of the ANO "Research Institute of Current Problems of Modern Law", Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF, Honoured Scientist of Kuban.

Deputy editor-in-chief

Rudenko Evgenia Yurievna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law at the FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin".

Editorial board

Rasskazov Leonid Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF, Honored Scientist of the RF, Honored Scientist of Kuban.

Belykh Vladimir Sergeyevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law at the Ural State University of Law, Honoured Scientist of the Russian Federation.

Bukalerova Ludmila Alexandrovna, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector of non-profit educational institution organization of higher education "Russian Academy of Advocacy and Notaries", Professor at the State University of Management.

Gubin Evgeny Parfiryevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law at Moscow State University named after M.Y. Lomonosov. Professor, Head of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University, Honoured Lawyer of the Russian Federation.

Didenko Anatoly Grigorievich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Private Law Department at the Caspian Public University (Kazakhstan).

Zaitsev Oleg Alexandrovich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Criminal, Criminal Procedure Legislation and Judicial Practice of the Federal State Research Institution "Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation", Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice President of the Union of Criminalists and Criminologists

Kuznetsova Olga Anatolievna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law at the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Perm State National Research University".

Stus Nina Vladimirovna, Doctor of Law, Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North Caucasus Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice".

Philippov Pyotr Martynovich, Doctor of Law, Professor of the Civil Law Department at the Astrakhan State University, Honoured Lawyer of the Russian Federation.

Malko Alexander Vasilievich, Doctor of Law, Professor, Director of Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation.

Murtazakulov Jamshed Saidalievich, Doctor of Law, Professor of the Civil Law Department of the Tajik National University (Tajikistan).

Popondopulo Vladimir Fedorovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Commercial Law Department of the Saint Petersburg State University, Honoured Science Worker of the Russian Federation.

Turlukovsky Yaroslav Vladimirovich, Doctor of Law, Professor at the Institute of Civil Law, Head of the Center for Law Studies in Eastern Europe and Central Asia, Faculty of Law and Government, University of Warsaw (Warsaw, Poland).

Tsybulenko Zinoviy Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil and Family Law of Saratov State Law Academy, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Editorial board

Anisimov Alexei Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of the Civil and International Private Law at the Institute of Law Volgograd State University.

Barkov Alexey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Groshev Alexander Vasilievich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin”.

Dolinskaya Vladimira Vladimirovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Civil Law Department, Kutafin Moscow State Law University.

Emelkina Irina Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor of the Law Department of the Private Law Disciplines of the National Research University Higher School of Economics.

Inshakova Agnesa Olegovna, Doctor of Law, Professor, Head of Department of the Civil and International Private Law at the Institute of Law, Volgograd State University, Honorary Worker of Education of the Russian Federation.

Kurmanalieva Asel Abylkanovna, Candidate of Juridical Sciences, Director of the Center for Rule-Making and Rule of Law under the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic.

Mazaev Vladimir Dmitrievich, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Basic Department of Intersectoral Regulation, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics.

Meretukov Gaisa Mosovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminalistics, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin

Molchanov Alexander Alexandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure at the Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

Morozov Sergey Yurievich, Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Law and Procedure of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Ulyanovsk State University", Honorary Professor of Zhengzhou University (PRC), Honored Lawyer of the Ulyanovsk Region..

Ruzanova Valentina Dmitrievna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Business Law at Samara National Research University named after Academic S. P. Korolev, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Savchenko Marina Stanislavovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and International Law, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.

Serova Olga Alexandrovna, Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector for Academic Affairs, Pskov State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ufa University of Science and Technology", Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan.

Haritonova Yulia Sergeevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Pre-business Law Department at the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Head of the REC "Center for Legal Research of Artificial Intelligence and Digital Economy".

Chegovadze Lyudmila Alekseevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.I. V. Ya. Kikotya.

Содержание

Колонка главного редактора

Камышанский В. П. Моему дорогому Учителю, профессору П. М. Филиппову, исполнилось 85 лет! *16*

Актуальные проблемы современного права

Андреев Ю. Н. О соотношении и балансе частных и публичных интересов в российском праве *23*
Коваль В. Н., Процевский В. А., Морозова А. Н. Особенности правового регулирования частных интересов в процессе функционирования портовой инфраструктуры *35*
Новоселова Л. А., Медведева Т. М. Углеродные единицы и единицы выполнения квоты выбросов парниковых газов как объекты гражданского оборота *49*
Павлов В. П. Проблемы частноправового регулирования отношений по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности *59*
Ротань В. Г., Очкуренко С. В. Конституционные основы гражданского законодательства и логика его толкования и применения..... *70*
Савченко М. С., Опарин В. Н. Проблемы правового регулирования предвыборной агитации с использованием сети интернет..... *87*
Цечоев В. К. Советский государственный арбитраж в 1950–1960-х гг. *97*
Алиева П. Х. Запрет на приближение с позиций обеспечения безопасности потерпевшего *108*
Кравченко А. А., Мендохов К. Х. Проблемы предоставления земельного участка взамен ранее арендованного и изымаемого для государственных или муниципальных нужд *114*
Мантул Г. А. Право застройки в гражданском праве *129*

Назарова Н. А., Калюжный Е. А., Шабурова Е. В. Правовое регулирование отношений по информированному добровольному согласию пациента на медицинское вмешательство. 137
Руденко Е. Ю., Попова Л. И. К вопросу о включении в кредитный договор условий, ущемляющих права заемщика 153
Сапожникова Н. И., Мурзаков А. А. Пенсии за выслугу лет в системе социальной защиты государственных гражданских служащих 164
Таранюк Ю. В. Особенности и значение толкования норм права судом Европейского союза 173
Хачак Б. Н., Самыгин П. С., Катбамбетов М. И. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: актуальные проблемы и перспективы 185
Чешин А. В. Использование фикций в гражданском праве: преимущества и недостатки 197
Чукреев В. А., Букалерова Л. А. К вопросу о необходимости криминализации незаконных деяний в сфере трансплантологии 207

Наука и практика стран СНГ

Бобоев Д. К. Функциональная особенность обязательства вследствие причинения вреда 224

Трибуна молодого ученого

Абдуллаев Л. Ш. Аналогия закона и логически закрепленные в актах гражданского законодательства правовые нормы 245
Дмитровский П. В. Подходы к определению информационного общества: соотношение гражданского и информационного общества 262
Кандрина Е. Г. Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при исключении юридического лица из государственного реестра 272

Кондратьев С. С. Обязанности губернаторов по охранению народного здравия в российской империи в XIX веке 280
Латынин Ю. А. Отсрочка при выплате судебного штрафа 291
Остапова Е. А. Сроки в гражданском праве и их исчисление 302
Сиразетдинова Э. Т. История становления ответственности за самоубийство и преступное участие в нем.....317
Соболева М. В. Юридическая ответственность за профессиональные правонарушения в сфере предоставления платных медицинских услуг: сравнительный анализ законодательства Российской Империи и Российской Федерации 326
Соколов И. А. Особенности определения пределов деятельности прокуратуры по обеспечению информационной безопасности государства.....338
Сурдина А. И. Принципы защиты прав детей: понятие, сущность и место в системе принципов российского права 351
Шахов А. В. Детерминанты гражданско-правового статуса иностранных граждан 365
Яготинцева Т. Ю. Гражданско-правовая ответственность за коррупционные правонарушения должностных лиц государственных органов.....379

Рецензии. Критика

Камышанский В. П. Рецензия на книгу Андреев Ю. Н. Интересы в современном российском праве: теория и практика: монография. – М.: Проспект, 2023. – 496 с. 388

Contents

Column of the chief editor

Kamyshansky V. P. My dear Teacher, Professor P. M. Filippov, turned 85 years old! *16*

Actual problems of modern law

Andreev Yu. N. The correlation and balance of private and public interests in russian law.....23
Koval V. N., Protsevskiy V. A., Morozova A. N. Peculiarities of legal regulation of private interests in the process of functioning of port infrastructure.....35
Novoselova L. A., Medvedeva T. M. Carbon units and greenhouse gas emission quota fulfilment units as the objects of civil turnover.....49
Pavlov V. P. The problems of private law regulation of relationships on the creation and use of results of intellectual activity 59
Rotan. V. G., Ochkurenko S. V. Constitutional bases of civil legislation and the logic of its interpretation and application.....70
Savchenko M. S., Oparin V. N. The problems of legal regulation of election campaigning using the internet.....87
Tsetchoev V. K. Soviet state arbitration in the 1950s-1960s....97
Alieva P. Kh. The prohibition on approaching from the point of view of the safety of the victim 108
Kravchenko A. A., Mendokhov K. Kh. Problems of granting a land plot to replace a previously leased and withdrawn land plot for state or municipal needs 114
Mantul G. A. Development rights in civil law.....129
Nazarova N. A., Kalyuzhniy E. A., Shaburova. E. V. Legal regulation of relations informed voluntary consent of the patient for medical intervention 137

Rudenko E. Yu., Popova L. I. To the question of inclusion in a loan agreement the terms that infringe the rights of the borrower.....153
Sapozhnikova N. I., Murzakov A. A. Superannuation pensions in the social protection system of state civil servants 164
Taranyuk Yu. V. Features and significance of interpretation regulation of the law court of the European union 173
Khachak B. N., Samygin P. S., Katbambetov M. I. Criminal liability and artificial intelligence: current problems and perspectives 185
Cheshin A. V. The use of fictions in civil law: advantages and disadvantages.....197
Chukreev V. A., Bukalerova L. A. To the question of the need to criminalise unlawful acts in the field of transplantology 207

Science and practice of the CIS countries

Boboev D. K. Functional peculiarity of the obligation due to infliction of harm 224

Tribune of a young scientist

Abdullaev L. Sh. Analogy of law and legal norms that are logically enshrined in acts of civil law *245*
Dmitrovskiy P. V. The approaches to defining the information society: relationships of civil and information society ..*262*
Kandrina E. G. The legal nature of subsidiary liability of persons controlling a debtor in case of exclusion of a legal entity from the state register *272*
Kondratyev S. S. The duties of governors for the protection of public health in the Russian Empire in the XIX century *280*
Latynin Yu. A. Delay in payment of court fine.....*291*
Ostapova E. A. Time limits in civil law and the calculation of them *302*
Sirazetdinova E. T. History of responsibility for suicide and criminal participation in it.....*317*

Soboleva M. V. Legal liability for professional offences in the sphere of paid medical services: comparative analysis of the legislation of the Russian Empire and the Russian federation and the Russian Federation 326
Sokolov I. A. The specifics of defining the limits of the procurator's office's activities to provide information security of the state 338
Surdina A. I. Principles for the protection of children's rights: definition, essence and place in the system of principles of russian law 351
Shakhov A. V. The determinants of the civil legal status of foreign citizens 365
Yagotintseva A. V. The civil legal liability for corruption offences of officers of government bodies 379

Reviews. Criticism

Kamyshansky V. P. Book review Andreev Y. N. Interests in modern Russian law: Theory and practice: a monograph. - Moscow: Prospect, 2023. - 496 p. 388

Колонка главного редактора

МОЕМУ ДОРОГОМУ УЧИТЕЛЮ,
ПРОФЕССОРУ П. М. ФИЛИППОВУ, ИСПОЛНИЛОСЬ 85 ЛЕТ!

MY DEAR TEACHER,
PROFESSOR P. M. FILIPPOV, TURNED 85 YEARS OLD!

Петр Мартынович Филиппов родился 18 июля 1938 года в г. Соль-Илецке Оренбургской области. В 1961 г. окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета (ЛГУ). После успешного окончания университета работал в прокуратуре Оренбургской области следователем районной прокуратуры, затем прокурором Новоорского района. Такой успешный карьерный старт в системе прокуратуры нынешние выпускники юридических вузов могли бы рассматривать пределом своих мечтаний. Однако Петр Мартынович думал иначе. У него со студенческой скамьи сформировалось желание вновь вернуться в город на Неве и продолжить учебу в аспирантуре. Он полюбил этот прекрасный город. Немало времени уделял изучению истории и культуры Ленинграда, пропитался его духовностью и за годы учебы в университете много сделал для того, чтобы по своему внутреннему состоянию, способности воспринимать окружающий мир, как мир добра и света стать истинным петербуржцем, знающим и

любящим этот город. Лично я в этом убедился, когда мы с Петром Мартыновичем практически тридцать лет назад прогуливались по Невскому проспекту, на следующий день после защиты моей кандидатской диссертации. Надо было слышать, с какой любовью он рассказывал до бесконечности о каждом доме, памятнике, канале, соборе, музее, которые встречались нам по пути.

Видимо, любовь к городу и природная тяга к новым знаниям стали причинами, которые побудили П. М. Филиппова поступить в 1966 г. в очную аспирантуру ЛГУ с должности прокурора Новоорского района Оренбургской области. В ноябре 1970 г. в Ленинграде под руководством доцента Н. И. Авдеенко Петр Мартынович защитил кандидатскую диссертацию «Согласительный порядок рассмотрения трудовых споров в СССР». Мне посчастливилось быть знакомым с Ниной Ивановной Авдеенко, маленькой хрупкой женщиной, которая пережила страшную блокаду Ленинграда. Она очень тепло отзывалась при нашей встрече о своем ученике – Петре Мартыновиче Филиппове, и даже сожалела, что не смогла полностью ознакомиться с содержанием моей кандидатской диссертации, чтобы активнее поддержать нас на защите, как член диссертационного совета.

После успешной защиты кандидатской диссертации, с 11 октября 1969 г. и по настоящее время П. М. Филиппов почти полвека работал вначале в Высшей следственной школе МВД СССР, а после ее переименования – в Волгоградской академии МВД России в должности преподавателя, доцента и профессора кафедры гражданско-правовых дисциплин. С 1993 по 1998 г. руководил кафедрой гражданско-правовых дисциплин академии. Его педагогический стаж – более пятидесяти лет. Он является признанным авторитетом среди специалистов в области гражданского процесса и гражданского права.

В 1988 г. Петр Мартынович защитил докторскую диссертацию «Проблемы теории судебной защиты», стал первым доктором юридических наук и профессором по гражданскому праву и гражданскому процессу в Волгоградской области. П. М. Филиппов внес существенный вклад в развитие теории гражданского процесса. В частности, он первым доказал, что право на судебную защиту есть право личности. Им дано авторское определение понятия правосудия как метода (способа) осуществления защиты права в суде. Его предложения о расширении полномочий судьи в стадии подготовки дела к судебному разбирательству и необходимости проведения

заседания в этой стадии были восприняты законодателем. Практически все разработки, отраженные в монографии П. М. Филиппова «Судебная защита и правосудие в СССР» (1987 г.), оказались реализованными в процессе реформирования гражданского процессуального законодательства.

Его воспитанники – сотрудники высшей школы, судьи, прокуроры, адвокаты, государственные и муниципальные служащие органов государственной власти и управления федерального, регионального и местного уровня – успешно используют предложенные им научные доктрины в законотворческой и правоприменительной деятельности. П. М. Филиппов отдавал и продолжает отдавать много сил и знаний при подготовке научных и педагогических кадров для вузов страны. Под его руководством подготовлены, защищены более сорока кандидатских и пять докторских диссертаций. Мне посчастливилось быть первым среди его учеников, защитивших вначале кандидатскую, а затем докторскую диссертации. Это было замечательное время, когда кафедра гражданско-правовых дисциплин академии после двадцатилетнего перерыва дружно взялась за написание кандидатских диссертаций под чутким надзором и контролем своего научного руководителя. Петр Мартынович многократно их тщательно вычитывал и вносил, как всегда, очень ценные замечания, идеи и предложения, которые впоследствии, как правило, становились выигрышными на защите и придавали дополнительную значимость выносимым на защиту научным результатам соискателей.

По инициативе П. М. Филиппова в 1997 г. в Волгоградской академии МВД России создан диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по специальности 12.00.03 – Гражданское право; семейное право; гражданский процесс; международное частное право. Это был первый диссертационный совет в Нижнем Поволжье и на Юге России. П. М. Филиппов бессменно руководил им более десяти лет. За время работы совета в нем успешно защитились свыше двухсот молодых ученых из различных вузов Российской Федерации (РФ). Это позволило существенно повысить научный потенциал профессорско-преподавательского состава учебных заведений системы МВД России и Юга России. Для Волгограда образование диссертационного совета стало организационной основой формирования волгоградской цивилистической школы.

П. М. Филипповым подготовлено и опубликовано около 100 научных, учебных и учебно-методических работ. Под научной редакцией и в соавторстве с П. М. Филипповым издан целый ряд учебников, учебных пособий и монографий (более 15). Учебное пособие по гражданскому праву 2003 г. рекомендовано Министерством внутренних дел РФ в качестве учебного пособия для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России, обучающихся по специальности 0203 – Правоохранительная деятельность.

В 2012 г. под редакцией П. М. Филиппова издан учебник по гражданскому процессу, в котором отражены новейшие изменения в гражданско-процессуальном законодательстве РФ и учтены тенденции, указанные в последних актах высших судебных инстанций. В течение 2012 г. данный учебник был внедрен в учебно-педагогическую и научно-практическую деятельность более чем 20 учебных заведений, правоприменительных организаций, правоохранительных органов, в том числе и зарубежных.

В 2016 г. под редакцией П. М. Филиппова и при его соавторстве в издательстве «Юриспруденция» издан учебник по жилищному праву, который послужил основой для введения спецкурса по дисциплине «Жилищное право» в региональных юридических вузах и на юридических факультетах.

В 2017 г. под редакцией П. М. Филиппова вышли в свет 5-е издание учебника по гражданскому процессу и учебное пособие «Основы гражданского права: общая часть (для иностранных слушателей, обучающихся в образовательных организациях системы МВД России)». Авторские коллективы награждены дипломами победителей и призеров конкурса на лучший учебник, учебное пособие по юридическим дисциплинам для высших учебных заведений, организованного Волгоградским региональным отделением общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». В 2018 г. издательством «Юстиция» выпущен учебник «Арбитражный процесс». Его авторы – П. М. Филиппов и С. Ю. Семенова.

Разменяв девятый десяток лет, Петр Мартынович продолжает показывать пример не только физического, но и творческого долголетия. В 2020 г. в издательстве Волгоградского государственного университета (г. Волгоград) вышла его монография в соавторстве с В. В. Севостьяновым «Договорные аспекты правового регулирования предпринимательской

деятельности по эксплуатации опасных производств». В 2022 г. издательством «Русайнс» выпущено второе издание монографии «Судебная защита и правосудие в России», переработанное и дополненное с учетом новейшего законодательства. В этой монографии исследованы проблемы осуществления правоохранительной функции государства методом правосудия в гражданском, арбитражном, административном и уголовном судопроизводстве. Показана степень доступности существующих процессуальных форм реализации права на судебную защиту.

За последние пять лет П. М. Филиппов принял участие более чем в 15 конференциях, в том числе международного характера. Продолжает читать курс лекций по гражданскому процессу. На высоком профессиональном уровне проводит занятия с адъюнктами и аспирантами очной и заочной форм обучения. Не считаясь с личным временем работает с молодыми преподавателями в Школе педагогического мастерства. Его лекции вызывают особый интерес у начинающих педагогов.

В настоящее время П. М. Филиппов продолжает активно заниматься подготовкой и аттестацией научно-педагогических кадров. Является членом докторского диссертационного совета на базе Юго-Западного государственного университета. За последние пять лет под руководством П. М. Филиппова несколько аспирантов защитили кандидатские диссертации.

Петр Мартынович принимает активное участие в общественной жизни в рамках деятельности регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». С 2009 г. – бессменный председатель совета Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России. Является одним из организаторов общественной организации «Клуб докторов наук» г. Волгограда.

П. М. Филиппов – полковник милиции в отставке, заслуженный юрист России, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Награжден медалями МВД СССР «За безупречную службу», «200 лет МВД России», «Ветеран труда», «За трудовую доблесть», «За заслуги в научной и педагогической деятельности», имеет классный чин юрист 1 класса. Дума города-героя Волгограда наградила П. М. Филиппова высшим почетным знаком «За верность Отечеству». Неоднократно поощрялся правами Министра внутренних дел РФ, Главы администрации Волгоградской области.

Характеризуя несомненные успехи юбиляра в сфере науки и образования, не могу не отметить человеческие качества Петра Мартыновича, с которым судьба меня связывает уже более тридцати лет. Это, прежде всего, личная скромность, душевная теплота, стремление помочь и поддержать тех, кто в этом нуждается, умение понять и простить тех, кто, быть может, по мнению других, заслуживал иного к ним отношения. Я высоко ценю поддержку и помощь, которые мне оказал Петр Мартынович в качестве научного руководителя и научного консультанта при написании кандидатской и докторской диссертаций. Нашему юбиляру свойственна высочайшая требовательность к себе и ответственное отношение к делу, которому он посвятил всю свою сознательную жизнь. Все эти качества являются образцом служения науке и высшей школе для новых поколений ученых-цивилистов.

Справедливости ради следует признать, что за всеми успехами моего дорогого Учителя всегда незримо присутствует его замечательная супруга – Нина Тимофеевна. Филипповы отметили алмазную свадьбу! Прожили 60 лет в браке и продолжают показывать пример совместной счастливой семейной жизни. Нина Тимофеевна в самом начале поддержала непростой выбор Петра Мартыновича между работой в прокуратуре и научной деятельностью. Всегда живо интересуется его научной и педагогической деятельностью, радуется успехам и морально поддерживает любимого супруга в трудные минуты. Они вместе воспитали замечательную дочь, врача, способствовали выбору профессии юриста и профессиональному росту внука.

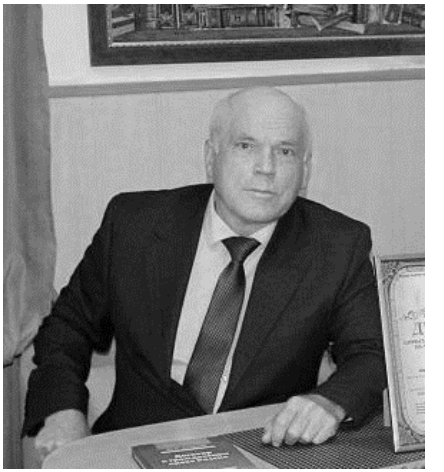
Редакционный совет и редакционная коллегия журнала «Власть Закона» от всей души поздравляют Вас, дорогой Петр Мартынович, с юбилеем! Крепкого Вам здоровья, долгих лет жизни, счастья, благополучия и новых творческих успехов в деле подготовки достойной научной смены!

В. П. Камышанский
главный редактор журнала «Власть закона»
доктор юридических наук, профессор

Раздел

Актуальные проблемы современного права

УДК 340
ББК 67



Ю. Н. Андреев
профессор кафедры гражданского права
Юго-Западного государственного университета,
федеральный судья в отставке,
доктор юридических наук, профессор
Россия, г. Москва
andreevvrn3@yandex.ru

О СООТНОШЕНИИ И БАЛАНСЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

THE CORRELATION AND BALANCE OF PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS IN RUSSIAN LAW

В статье исследованы некоторые современные проблемы соотношения и баланса частных и публичных интересов в российском праве, проанализированы научные суждения известных ученых в контексте темы. Сформулирована авторская позиция о понятии и видах интересов в праве, а также подготовлен ряд предложений о совершенствовании правового подхода к обеспечению разумного баланса (соотношения) публичных и частных интересов в праве. По утверждению автора, правовые (законные) интересы – это социально значимые интересы, содержащиеся в нормах субъективного права либо исходящие из духа (смысла) закона, отражающие материальные и духовные потребности субъектов права, выполняющие роль специфического

регулятора общественных отношений. Баланс частных и публичных интересов зависит от социально-экономических условий, качества и содержания субъективных прав, закрепляющих эти интересы, от правоотношений, содержащих субъективные права и корреспондирующие им юридические обязанности, от механизма правового регулирования в конкретной правовой ситуации, способов правовой защиты и охраны интересов. Государство призвано выявлять, закреплять и охранять частные и публичные интересы, учитывая их тесную взаимосвязь и особенности.

Ключевые слова: публичные интересы, частные интересы, баланс интересов, частное право, публичное право, субъективные права, общее благо, материальные и духовные потребности, охрана (защита) интересов.

The article investigates some modern problems of correlation and balance of private and public interests in Russian law, analyses scientific judgements of famous scientists in the context of the topic. The author's position on the concept and types of interests in law is formulated, and a number of proposals on improving the legal approach to ensuring a reasonable balance (correlation) of public and private interests in law are prepared. According to the author, legal (legitimate) interests are socially significant interests contained in the norms of subjective law or proceeding from the spirit (meaning) of the law, reflecting the material and spiritual needs of subjects of law, fulfilling the role of a specific regulator of social relations. The balance of private and public interests depends on socio-economic conditions, the quality and content of subjective rights enshrining these interests, on legal relations containing subjective rights and corresponding legal obligations, on the mechanism of legal regulation in a particular legal situation, on the methods of legal defence and protection of interests. The state is called upon to identify, consolidate and protect private and public interests, taking into account their close interrelation and peculiarities.

Keywords: public interests, private interests, balance of interests, private law, public law, subjective rights, common good, material and spiritual needs, protection (defence) of interests.

В отечественной юридической литературе продолжаются научные дискуссии о соотношении частных и публичных интересов. Причинами разногласий является ряд объективных и субъективных факторов, связанных с историей нашей страны, разнообразием понимания социально-правовой природы, сущности и связи интересов с правом.

Представляется, что правовые (законные) интересы – это социально значимые интересы, закрепленные в нормах позитивного (объективного) права и субъективных правах либо гарантируемые духом (смыслом) закона (охраняемые законом интересы), отражающие материальные и духовные потребности

субъектов права, являющиеся социальным регулятором многих общественных отношений. Сопровождаемые потребностями, мотивами, целями, сознанием и волей юридических личностей, интересы инициируют их юридические действия, способствуют возникновению, изменению и реализации правовых отношений, ведут к овладению (пользованию) материальными и духовными благами[1]. Большую роль в становлении, реализации и охране (защите) правовых интересов играют субъективные права, договорные условия, обязательственные правоотношения, способы правовой защиты, меры юридической ответственности.

Частные интересы – это индивидуальные интересы конкретной личности (индивида, физического или юридического лица), отражающие ее физические, материальные и духовные потребности, определяющие ее фактическое поведение, закрепленные, как правило, в нормах частного (гражданского) права и действующие преимущественно с помощью дозволений, стимулов, поощрений и рекомендаций. Однако многие современные юристы-исследователи вполне обоснованно признают в гражданско-правовом (частноправовом) методе регулирования наличие таких публично-правовых средств (способов, приемов) воздействия, как позитивные обязывания, запреты и ограничения.

Различают имущественные и личные неимущественные интересы, интересы в сфере интеллектуальной деятельности, корпоративные, семейно-правовые, наследственные, жилищные, земельно-правовые, страховые, договорные, деликтные, кондикционные интересы и т. д. Иными словами, все нормы (большинство норм) объективного (гражданского) права, его институты и подинституты, субъективные гражданские права «несут» на себе тот или иной законный интерес своих носителей и субъектов. Считаем, что частные интересы специфическим способом входят в сферу публичных интересов, отражающих (призванных отражать и защищать) частные интересы, а защита частных интересов предусматривает и защиту (охрану) публичных интересов. В свою очередь, охрана (защита) публичных интересов тесно связана с защитой (охраной) частных интересов. Такова, полагаем, диалектическая связь между обсуждаемыми уникальными правовыми явлениями (категориями).

[1] См.: *Андреев Ю. Н.* Интересы в современном российском праве: теория и практика. М.: Проспект, 2023. С. 6–7.

Публичные интересы – это не механический (арифметический) набор индивидуальных (частных) интересов, а органический сплав осознанных государством и обществом потребностей, государственной воли и публичных действий, направленных на благо абсолютного большинства членов общества, граждан государства (общее благо), с возможным ограничением отдельных (частных) интересов ради интересов всего общества[1]. Публично-правовые интересы закреплены в Конституции Российской Федерации (РФ)[2], публично-правовых отраслях (правовых принципах и нормах), реализуются с помощью публичных правоотношений с участием субъектов публичного права, а в некоторой степени – в нормах частных правоотношений. Публичные (государственные и общественные) интересы тесно связаны с публичным правом, публично-правовыми (императивными) началами праворегулирования, упорядочением общественных отношений публичного характера, выполнением целей и задач публично-правового регулирования, мерами публично-правовой ответственности, интересами государства и общества. Публичное право отличается от частного интересами, субъектным составом, способами правового воздействия на регулируемые отношения, назначением и сферой применения.

Как известно, еще юристы Древнего Рима утверждали, что критерием отличия публичного права от частного является характер интересов, защищаемых правом: области публичного права принадлежит все то, что относится к статусу (состоянию) Римского государства, а к частному праву – выгоды, интересы отдельных лиц[3]. Согласно правовым идеям древнегреческого мыслителя Демокрита (ок. 460–370 до н. э.), свобода отдельного индивида связана с характером общественного и государственного устройства, со свободой общества[4]. Немецкий

[1] Термины «publicum» и «publicus» переводятся с латинского языка как «предназначенный для всех» и «общественный» (совершающийся в присутствии публики, гласный, общественный, не частный. Подробнее об этом см.: Современный словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1992. С. 502.

[2] Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

[3] См., напр.: *Новицкий И. Б.* Римское право. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 2–3.

[4] Фрагменты Демокрита. Свидетельство о нем // История политических и правовых учений. Хрестоматия: в 2 ч. Ч. 1. Зарубежная политико-правовая мысль / сост. В. В. Ячевский. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2000. С. 100–101.

юрист Р. Иеринг (1818–1892) обращал внимание на то, что человек действует в интересах общества в целях самосохранения, воспроизводства человеческой жизни, потребности труда и имущественного оборота, получения пользы[1]. Его соотечественник и коллега Ф. К. Савиньи (1779–1861) разъяснял, что целью публичного права служит целое, а частного – отдельный человек[2].

По убеждению известного цивилиста, профессора Г. Ф. Шершеневича (1863–1912), общее благо, общественные интересы состоят из множества частных интересов и охраняются правом, потому что обеспечивают благоденствие частных лиц[3]. Доктор юридических наук, профессор Ю. А. Тихомиров пишет, что в предмет публичного права входят устройство и деятельность государства, его подразделений, институтов гражданского общества; механизмы и уровни самоуправления; основы правовой системы, правотворчества и правоприменения. Государственные интересы тесно связаны с исполнением государственных функций, государственной безопасностью, охраной прав, свобод и законных интересов граждан. Публичное право включает в себя ряд отраслей публичной направленности, и ему свойственен императивный метод праворегулирования. Правда, границы между публичными и частными интересами динамичны и нечетки: отдельные частные интересы могут приобрести публичный характер и, наоборот, некоторые публичные интересы способны перейти в разряд частных интересов. Публичное право находит воплощение и в нормах частного права, которые аккумулируют правовой материал, придают ему определенную функцию и защиту. Носителями публично-правовых интересов выступают общество, государство, общественные объединения, граждане. Государство призвано своевременно и объективно предупреждать, выяснять и преодолевать возможные конфликты между публичными и частными интересами. Публичное право призвано гармонизировать интересы общества, государства и

[1] *Иеринг Р. фон.* Избранные труды. Самара: Самарская гос. экономическая академия, 2003. С. 36, 43, 181, 267.

[2] См.: *Савиньи Ф. К. фон.* Система современного римского права: в 8 т. Т. 1 / пер. с нем. Г. Жигулина. М.: Статут, 2011. С. 286–287.

[3] См.: *Шершеневич Г. Ф.* Понятие о гражданском праве. Казань: тип. Имп. ун-та, 1898. С. 8.

личности. Недопустимо противопоставлять частные интересы интересам общества и государства[1].

Профессор В. Ф. Яковлев обращал внимание на то, что в сферу публичного права входят конституционное право, организация государственной власти, государственное управление, государственные финансы, охрана природы, борьба с посягательствами на жизнь и здоровье граждан, их имущество, достоинство и честь, судоустройство и процессуальное право[2]. Профессор Г. В. Мальцев призывал уважать интересы других субъектов права, самоограничивать себя ради законных интересов других лиц, стремиться к компромиссам и уступкам во имя общего блага. Защищая субъективные права, общество и государство защищают общие (типичные) интересы, а с помощью них – индивидуальные интересы[3].

Профессоры А. В. Малько и В. В. Субочев обоснованно утверждают, что частное и публичное право – это равные подсистемы права, имеющие свою сферу и свои методы праворегулирования. Публичные и частные интересы недопустимо отождествлять, но в то же время и противопоставлять друг другу. Законодатель призван ограничивать публичную власть ради обеспечения личных прав человека[4].

По нашему мнению, недопустимо создавать искусственные границы между публичным и частным правом, между частными и публичными интересами: они органически дополняют друг друга предметом и методом праворегулирования, целевым назначением. Некорректно заявлять о безусловном и абсолютном приоритете публичных интересов над частными интересами. Государство призвано осуществлять регулятивные, охранительные, управленческие, коммуникативные, информационные, воспитательные, правовые и иные функции в сфере политики, экономики, идеологии, науки, культуры, правотворчества, правоприменения, обеспечивать государственный суверенитет,

[1] См.: *Тихомиров Ю. А.* Публичное право: учебник. М.: Изд-во БЕК, 1995. С. 25–55; *Тихомиров Ю. А.* Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 3.

[2] См.: *Яковлев В. Ф.* Роль права в современной экономике России // Яковлев В. Ф. Правовое государство: вопросы формирования. М.: Статут, 2012. С. 209.

[3] См.: *Мальцев Г. В.* Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 35, 359–361.

[4] См.: *Малько А. В., Субочев В. В.* Законные интересы как правовая категория. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 197–207.

обороноспособность страны, безопасность своих граждан, осуществлять защиту прав и законных интересов граждан и общества в целом, соответствуя тем самым высокому назначению демократического, социального и правового государства, политика которого должна быть направлена в конечном итоге на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (глава 1 Конституции РФ).

Разумно действующие общественные интересы, обусловленные реальными условиями человеческого бытия и объективными закономерностями общественного развития, интересами государства и личности, способствуют достижению частных интересов. В свою очередь, частные интересы влияют на формирование и защиту публичных интересов. Некоторые гражданско-правовые нормы закрепляют и защищают публичные интересы, относящиеся, например, к государственной регистрации юридических лиц, объектов недвижимости, участию публично-правовых образований в гражданско-правовых отношениях, правовому режиму государственной казны, государственной и муниципальной собственности и т. д.[1] Частное и публичное право нуждаются во взаимной конвергенции[2].

Профессор В. П. Камышанский справедливо пишет о том, что взаимопроникновение частного и публичного права означает использование частноправового метода регулирования в публичной сфере общественных отношений, а публично-правового – в частной сфере, особенно в сфере договоров, собственности, авторских и патентных прав[3]. Согласно обоснованному выводу профессора Е. В. Вавилина, большое значение в уравновешивании разнопорядковых интересов в праве имеют принципы равенства участников правоотношений, беспрепятственного осуществления гражданских прав, сочетания прав и обязанностей, эффективности, гарантированности, диспозитивности, сочетания

[1] См., напр.: *Андреев Ю. Н.* Участие государства в гражданско-правовых отношениях. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 8–23; *Яценко Т. С.* Гражданско-правовая охрана публичных интересов. М.: Статут, 2016. С. 85–99.

[2] См., напр.: *Коршунов Н. М.* Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма: Инфра-М, 2018. С. 18–19.

[3] См.: *Камышанский В. П.* О публичных и частных началах в гражданском праве и конвергенции гражданского права // Актуальные проблемы частного и публичного права в свете теории конвергенции: сб. науч. ст. / отв. ред. Ю. С. Харитонова, Н. Д. Эриашвили. М.: Закон и право, 2012. С. 128.

личных и общественных интересов, сотрудничеств, недопустимости злоупотребления правом[1].

Несомненно, между частными, общественными и государственными интересами могут случаться конфликты ввиду социально-экономических и политических факторов, ненадлежащего уровня правовой культуры и правового воспитания участников конфликта, некачественной законодательной, правоприменительной и правозащитной деятельности и т. д. При балансировании интересов государство обязано соблюдать требования соразмерности, необходимости, пропорциональности, четко формулировать ограничения в сфере интересов, предлагая адекватную модель правового механизма обеспечения равновесия ведущих (приоритетных) и иных интересов в праве, не посягая на основные права и свободы граждан. Одной из современных задач отечественной юриспруденции, законодателя и правоприменителя служит выявление, обоснование, закрепление и применение правовых средств, адекватных публичным и частным интересам[2].

Зарубежный термин «баланс» означает «равновесие» (в пер. с франц. «balance» означает «весы»)[3]. Р. Иеринг разъяснял, что цель права состоит в уравновешивании интересов в обществе, нахождении компромисса между ними[4].

Российский философ и религиозный мыслитель В. С. Соловьев (1853–1900) рассматривал цель права как уравновешивание личной свободы и общего блага. Юридическим основанием такого уравновешивающего средства является закон, а его авторитетным исполнителем – государство. Общество не

[1] См.: *Вавилин Е. В.* О соотношении частных и публичных интересов в гражданском праве // Актуальные проблемы частного и публичного права в свете теории конвергенции: сб. науч. ст. / отв. ред. Ю. С. Харитонова, Н. Д. Эриашвили. М.: Закон и право, 2012. С. 66.

[2] Подробнее об этом см.: *Кравченко О. Ю.* Публичные и частные интересы в праве: политико-правовое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 6–7; *Ориу Морис.* Основы публичного права: монография. М.: Инфра-М, 2015. С. 12–15; *Черепахин Б. Б.* К вопросу о частном и публичном праве // Черепахин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 93–121; *Яковлев В. Ф.* О взаимодействии публичного и частного права // Публичное и частное право: проблемы развития и взаимодействия, законодательного выражения и юридической практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. Д. Перевалов. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. С. 181.

[3] См.: *Васюкова И. А.* Словарь иностранных слов. М.: АСТ-Пресс, 1998. С. 16.

[4] *Иеринг Р. фон.* Цель в праве. СПб.: издание Н. В. Муравьева, 1881. С. 7–10.

должно допускать злодейства и надругательства над личностью, отставлять без внимания страдания людей[1].

По определению профессора В. А. Мальцева, баланс интересов – легальное справедливое соотношение конституционно обоснованных прав и обязанностей сторон с учетом приоритетов таких интересов. При этом следует учитывать интересы всех субъектов правоотношения[2].

Профессор В. Ф. Яковлев справедливо утверждал, что высшим предназначением права является уравновешивание интересов: в обществе постоянно наблюдается столкновение конфликтующих интересов государства и налогоплательщика, продавца и покупателя, наемного работника и работодателя. Поэтому право призвано обеспечивать баланс этих интересов[3].

Баланс интересов в праве – это результат сложившегося равновесия публичных и частных интересов субъектов конкретного или общего правоотношения, достигнутый в добровольном порядке (по согласованию сторон) либо по принуждению управомоченных государственных органов с целью удовлетворения законных потребностей и интересов. Окончательный баланс законных интересов двух или более лиц (группы лиц), в целом общества и государства может быть негативным либо позитивным, ложным или реальным, достигнутым либо не достигнутым. Баланс интересов зависит в некоторой степени от социально-экономических условий, качества и содержания субъективных прав, закрепивших эти интересы, от правоотношений, содержащих, как известно, субъективные права и корреспондирующие им юридические обязанности, от механизма правового регулирования в конкретной правовой ситуации, способов правовой защиты и охраны интересов.

Основные выводы

Правовые (законные) интересы – это социально значимые интересы, имеющие типичный, объективный-субъективный характер, обусловленные материальными и духовными потребностями, закрепленные в нормах позитивного права и

[1] *Соловьев В. С.* Нравственность и право // История философии права / под ред. Д. А. Керимова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. С. 460–461.

[2] См.: *Мальцев В. А.* Баланс интересов в сфере обеспечения безопасности: понятие и механизм государственно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 18. С. 6, 9.

[3] См.: *Яковлев В. Ф.* Указ. соч. С. 210–211.

субъективных правах либо в сущности и назначении права (в смысле и духе закона), обеспечивающие доступ к материальным и нематериальным благам.

Словосочетание «баланс интересов» следует понимать как достигнутое в добровольном или принудительном порядке равновесие конкурирующих (законных и незаконных, приоритетных и неприоритетных, однопорядковых и неоднопорядковых) интересов субъектов права (правоотношения) в предусмотренном законом порядке с целью гармонизации этих интересов, максимального удовлетворения материальных и духовных потребностей всех спорящих носителей конкурирующих интересов

Библиографический список

1. *Андреев Ю. Н.* Интересы в современном российском праве: теория и практика. М.: Проспект, 2023. 496 с.

2. *Андреев Ю. Н.* Участие государства в гражданско-правовых отношениях. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 355 с.

3. *Вавилин Е. В.* О соотношении частных и публичных интересов в гражданском праве // Актуальные проблемы частного и публичного права в свете теории конвергенции: сб. науч. ст. / отв. ред. Ю. С. Харитонова, Н. Д. Эриашвили. М.: Закон и право, 2012. С. 66–73.

4. *Васюкова И. А.* Словарь иностранных слов. М.: АСТ-Пресс, 1998. 631 с.

5. *Иеринг Р. фон.* Избранные труды. Самара: Самарская гос. экономическая академия, 2003. 520 с.

6. *Иеринг Р. фон.* Цель в праве. СПб.: издание Н.В. Муравьева, 1881. 412 с.

7. *Камышанский В. П.* О публичных и частных началах в гражданском праве и конвергенции гражданского права // Актуальные проблемы частного и публичного права в свете теории конвергенции: сб. науч. ст. / отв. ред. Ю. С. Харитонова, Н. Д. Эриашвили. М.: Закон и право, 2012. С. 128–137.

8. *Коршунов Н. М.* Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма: Инфра-М, 2018. 240 с.

9. *Кравченко О. Ю.* Публичные и частные интересы в праве: политико-правовое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2004. 28 с.

10. *Малько А. В., Субочев В. В.* Законные интересы как правовая категория. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 359 с.

11. *Мальцев В. А.* Баланс интересов в сфере обеспечения безопасности: понятие и механизм государственно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 18. С. 5–10.

12. *Мальцев Г. В.* Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 800 с.

13. *Новицкий И. Б.* Римское право. М.: Волтерс Клувер, 2009. 304 с.

14. *Ориу Морис.* Основы публичного права: монография. М.: Инфра-М, 2015. 574 с.

15. *Савиньи Ф. К. фон.* Система современного римского права: в 8 т. Т. 1 / пер. с нем. Г. Жигулина. М.: Статут, 2011. 510 с.

16. Современный словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1992. 820 с.

17. *Соловьев В. С.* Нравственность и право // История философии права / под ред. Д. А. Керимова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. 638 с.

18. *Тихомиров Ю. А.* Публичное право: учебник. М.: Изд-во БЕК, 1995. 496 с.

19. *Тихомиров Ю. А.* Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 3–12.

20. Фрагменты Демокрита. Свидетельство о нем // История политических и правовых учений. Хрестоматия: в 2 ч. Ч. 1. Зарубежная политико-правовая мысль / сост. В. В. Ячевский. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2000. С. 547

21. *Черепахин Б. Б.* К вопросу о частном и публичном праве // Черепахин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. 476 с.

22. *Шершеневич Г. Ф.* Понятие о гражданском праве. Казань: тип. Имп. ун-та, 1898. 31 с.

23. *Яковлев В. Ф.* О взаимодействии публичного и частного права // Публичное и частное право: проблемы развития и взаимодействия, законодательного выражения и юридической

практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. Д. Перевалов. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. С. 181–186.

24. *Яковлев В. Ф.* Роль права в современной экономике России // Яковлев В. Ф. Правовое государство: вопросы формирования. М.: Статут, 2012. С. 209–211.

25. *Яценко Т. С.* Гражданско-правовая охрана публичных интересов. М.: Статут, 2016. 312 с.

УДК 349
ББК 67.407

В. Н. Коваль
профессор кафедры
«Гражданское право и процесс»,
директор Юридического института
Севастопольского государственного университета,
доктор юридических наук
Россия, г. Севастополь
v.n.koval@mail.sevsu.ru

В. А. Процевский
профессор кафедры
«Трудовое право, судебная и прокурорская деятельность»
Севастопольского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
Россия, г. Севастополь
vaprotsevskiy@mail.sevsu.ru

А. Н. Морозова
доцент кафедры
«Конституционное и административное право»
Севастопольского государственного университета,
кандидат юридических наук
Россия, г. Севастополь
anmorozova@mail.sevsu.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ПРОЦЕССЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОРТОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION OF PRIVATE INTERESTS IN THE PROCESS OF FUNCTIONING OF PORT INFRASTRUCTURE

Статья посвящена определению современных особенностей правового регулирования частных интересов в процессе функционирования портовой инфраструктуры Российской Федерации. Проанализированы место и роль частноправовых интересов в

формировании эффективной модели государственного регулирования деятельности морских портов, указаны перспективы развития частно-государственного партнерства в вопросах эксплуатации портовой инфраструктуры. Предложены авторские выводы и рекомендации, направленные на формирование концепции защиты частноправовых интересов российских контрагентов в условиях введения некоторыми государствами односторонних ограничительных мер, оказывающих негативное влияние на свободу торгового мореплавания и предпринимательской деятельности, связанной с использованием морских портов.

Ключевые слова: частные интересы, морские порты, торговое мореплавание, портовая инфраструктура, санкции, частноправовые отношения, правоприменительная практика, судебная и арбитражная практика.

The article is devoted to the definition of modern peculiarities of legal regulation of private interests in the process of functioning of port infrastructure of the Russian Federation. The article analyses the place and role of private legal interests in the formation of an effective model of state regulation of seaports, and indicates the prospects for the development of public-private partnership in the operation of port infrastructure. The author's conclusions and recommendations aimed at the formation of the concept of protection of private legal interests of Russian contractors in the conditions of introduction by some states of unilateral restrictive measures that have a negative impact on the freedom of commercial navigation and business activities related to the use of seaports have been proposed.

Keywords: private interests, seaports, merchant shipping, port infrastructure, sanctions, private law relations, law enforcement practice, judicial and arbitration practice.

Рассматривая некоторые проблемные вопросы, связанные с учетом частноправовых интересов в процессе функционирования портовой инфраструктуры, необходимо обратить внимание на тот факт, что сегодня многие правовые явления не ограничиваются одной отраслью знаний, приобретая комплексный характер.

Отношения, складывающиеся в рассматриваемой сфере, на наш взгляд, представляют интерес для специалистов в трех отраслях знаний – теории государства и права, гражданском праве и экономике. Так, анализируя указанные отношения, экономисты говорят о позитивных явлениях в портовой инфраструктуре, приводя интересную статистику; прогнозируют развитие отрасли

в позитивном ключе, даже несмотря на санкции, если это рассматривать на общегосударственном уровне[1].

Практика, складывающаяся в гражданско-правовой сфере, напротив, свидетельствует о том, что частноправовые отношения в последние пять лет «страдали» от таких явлений, как ковид и санкции. Рассматривая эту проблему с точки зрения теории права, можно констатировать наличие двух противоположных точек зрения, которые сегодня превалируют над другими в отечественной науке:

О крайне негативном опыте советского периода, когда частное право отсутствовало как таковое и подавлялось интересами государственными.

В частности, ряд авторов полагают, что социалистическая система права была крайне недейственной именно в связи с тем, что частное право было неразвитым. Такая низкая эффективность объясняется, с их точки зрения, тем фактом, что законодатель, будучи фактически волюнтаристом, деспотом, посягнувшим, как считал еще Р. фон Иеринг, на свободу отдельных лиц, сам себя уничтожил, создав нежизнеспособную систему, трагически уничтожив социализм[2]. Они убеждены в том, что данный факт подтверждает и Ф. Ницше, считавший социализм производной от деспотии, который унаследовал все ее черты[3].

Изложенная позиция обоснована аргументами в пользу демократического, правового общества, которое не может существовать, не поддерживая частноправовые интересы, являющиеся не только институтом гражданского права, но и одним из фундаментов конституционного[4]. Полагаем, данное мнение имеет право на существование, однако не учитывает, к примеру, международно-правовые аспекты, оказавшие значительное, на наш взгляд, влияние на распад Советского Союза, что позволило бы не так бескомпромиссно критиковать результаты советской политики, в том числе в сфере защиты частноправовых интересов.

---

[1] Прирастаем мощно: порты России ждет развитие // PortNews. 2023. № 1. URL: https://www.advis.ru/php/view_news.php?id=5CF50A8A-BBAA-7049-83D7-200B5EB2E50F (дата обращения: 16.09.2023).

[2] *Иеринг Р.* Борьба за право / пер. с нем. М.: Феникс, 1991. С. 49.

[3] *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое: книга для свободных умов // Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 446.

[4] *Першин М. В.* Частно-правовой интерес: понятие, правообразование, реализация. автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 7.

Не согласились с приведенной точкой зрения и авторы, полагающие, что у государства нет и не может быть собственных интересов, оно реализует свои задачи и функции посредством не зависящих от него социальных институтов, таких как общество, социальные группы, частные лица и т. д.[1]

Заслуживает внимания попытка установления баланса между частноправовым интересом и государственным для их эффективного взаимодействия. Тем более что такое объединение продиктовано рядом факторов:

– взаимной консолидацией норм различных отраслей права;

– одинаковыми функциями этих правовых институтов в гражданском праве;

– публичным актом в качестве юридического факта для возникновения правоотношений в сфере гражданского права;

– реализацией государственных функций и задач частноправовыми методами[2].

В результате возникает необходимость научного осмысления, поиска некой гармонии, баланса частноправового и государственного интереса во всех отраслях национального права. Такая гармония труднодостижима в современных реалиях, если государство, с одной стороны, декларирует приоритет демократических и правовых принципов, основанных на гибком, изменяющемся по запросу общества законодательстве, вносит в систему управления новые информационные технологии, обеспечивающие реализацию принципов открытого государственного управления, с другой – обязано обеспечивать безопасность государственных интересов, при этом предполагается жесткий контроль.

Все это усугубляется стиранием границ между государственно-правовыми и частноправовыми интересами во всех сферах жизни общества[3]. Так, затруднительно найти грань, при которой государственная поддержка частноправовой сферы переходит в плоскость вмешательства государства в указанную сферу с контрольно-надзорными функциями. В этой связи

[1] *Кряжков А. В.* Публичный интерес: понятие, виды и защита // Государство и право. 1999. № 10. С. 91.

[2] *Бублик В. А.* Правовое регулирование предпринимательства: частные и публичные начала // Хозяйство и право. 2000. № 9. С. 12.

[3] *Курбатов А. Я.* Обеспечение баланса частных и публичных интересов – основная задача права на современном этапе // Хозяйство и право. 2001. № 6. С. 89.

становится очевидным тот факт, что искомый баланс способно обеспечить только государство, воздействуя на публично-правовую и частноправовую сферы жизни общества путем законодательного регулирования постоянно изменяющихся правоотношений в рассматриваемой сфере[1].

Современные исследователи полагают, что в частноправовой сфере главная задача государственных институтов заключается в том, чтобы обеспечить создание и применение правил общеобязательного характера, которые позволяли бы субъектам участвовать в этих правоотношениях на паритетных правах, если обе стороны при заключении договора могут передать друг другу обусловленный условиями договора эквивалент. Именно так законодатель решил вопрос о предоставлении свободы участникам гражданско-правовых отношений в целом, закрепив в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) возможность применения публично-правового метода в случае, если диспозитивность нормы нерезультативна[2].

Проанализировав основные сферы интересов в научной среде относительно реформирования деятельности портов в частноправовой сфере, можно определить ведущие научные направления:

Ряд авторов, исследуя проблемы реформирования институтов управления портовыми услугами, предлагают изучать складывающиеся в этой сфере отношения через призму частно-государственного партнерства и утверждают, что «частно-государственное партнерство в сфере модернизации инфраструктурных портовых услуг обладает рядом преимуществ и положительных экстерналий (наличие возможностей противостоять политическим, страновым, макро- и мезоэкономическим рискам; более эффективное использование возможностей частного бизнеса, берущего на себя часть его коммерческих и инвестиционных рисков и способного эффективно управлять объектами инфраструктуры), что позволило предложить инструменты расширения возможностей государства в вопросах создания и финансирования

[1] *Архипова Е. Ю.* Баланс частных и публичных интересов при правовом регулировании // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 132.

[2] Актуальные проблемы финансового права: учебник / под ред. А. Д. Селюкова, И. А. Цинделиани. М.: Юстиция, 2019. С. 14.

инфраструктурных проектов развития морского транспорта (создание правового поля партнерства; отработка правил ведения диалога заинтересованных сторон; экспертное сопровождение партнерства; взаимная гарантия устойчивости партнерства, снижающая риск преждевременного разрыва связей)»[1].

Некоторые авторы предлагают основные совершенствования государственного регулирования деятельности отечественных морских портов, отталкиваясь от приоритетного права государства в деятельности морских портов, необходимости лицензирования предпринимательской деятельности в морских портах и создания Концепции возрождения торгового флота России[2].

Кроме того, авторы исследуют отдельные «узкие» темы, рассматривают частноправовые отношения, складывающиеся в морских портах, и предлагают основные направления совершенствования указанных правовых институтов[3] (в частности, договор лоцманской проводки, договор морской перевозки груза и др.).

Можно заключить, что исследования выполнены в основном в сфере экономики и давно. Это приводит нас к необходимости создания Концепции реформирования действующего законодательства в аспекте защиты частноправовых интересов в процессе функционирования портовой инфраструктуры, особенно с учетом изменений в сфере правового регулирования и правоприменения в последние пять лет. Законодатель также связывает государственный и частноправовой интерес в рассматриваемой нами сфере, подтверждая теоретические исследования.

---

[1] *Кошевой В. С.* Реформирование управления портовыми услугами на основе частно-государственного партнерства: автореф. дис. … канд. экон. наук. Кисловодск, 2010. С. 8.

[2] *Вилинов И. Е.* Совершенствование системы государственного регулирования деятельности морских портов России: теоретико-методологические аспекты: дис. … д-ра экон. наук. М., 2002. С. 14; *Трунин Е. Г.* Совершенствование государственного регулирования развития морских портов России: автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2002. С. 10.

[3] *Григорьянц К. А.* Договор лоцманской проводки в системе гражданских договоров: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. С. 5; *Иванов Г. В.* Особенности правового регулирования лоцманской проводки судов как договора оказания возмездных услуг: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 17; *Малюков К. А.* Основные направления развития правил о договоре морской перевозки груза: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. С. 12.

Так, например, Морская доктрина РФ устанавливает, что «проведение эффективной национальной морской политики и активизация морской деятельности являются одним из приоритетов Российской Федерации в XXI веке и требует консолидации усилий всех органов государственной власти Российской Федерации, научного, научно-образовательного и предпринимательского сообщества, включая малый и средний бизнес, по формированию благоприятного правового, инвестиционного и делового климата в сфере морской деятельности»[1].

Новые ограничения, возникшие в связи с введением санкций, беспрецедентны и масштабны. Они затрагивают все сферы бизнеса, что влечет за собой изменения договоров или невозможность их исполнения. Судебная и арбитражная практика рассмотрения споров, возникающих в этой связи, полноценно еще не сформирована.

По мнению Ю. Аксенова, с учетом позиций Верховного Суда РФ, а также нормативных актов, принятых в период пандемии COVID-19, не стоит ожидать массового расторжения договоров путем обращения в суды. В качестве примера споров, в которых суд уже признал введенные ограничения основанием для расторжения договора, эксперт приводит дела № А41-13431/2022 и № А41-8371/2022. В них истцы обосновали свои обращения повышением цен. Суд признал их доводы обоснованными и счел возможным применение нормы о существенном изменении обстоятельств[2].

Иными словами, сегодня происходит процесс формирования новых отношений, складывающихся в ходе применения частноправового договора как одного из способов регулирования отношений в международном морском праве, с учетом новых геополитических реалий – санкционного режима, ограничений, созданных ими противоречий и трудностей. В рамках данного процесса реформируется действующее законодательство. Процесс реформирования продиктован необходимостью обеспечения целостности и защищенности РФ.

[1] Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 31. Ст. 5699.

[2] *Аксенов Ю.* Расторгнуть договор из-за санкций: пути и перспективы // Право.ру. Спецвыпуск: литигация. 2022. 20 июня. URL: https://pravo.ru/story/240730 (дата обращения: 16.09.2023).

Кроме того, в рассматриваемой нами сфере присутствует еще одна специфическая черта: все отношения пропускают через призму «обеспечения вопросов безопасности», что может налагать дополнительные ограничения на субъектов права, реализующих свои частноправовые интересы в процессе функционирования портовой инфраструктуры. В частности, упомянутая Морская доктрина РФ делает особый акцент на вопросах обеспечения безопасности, закрепляя в п. 25 положение о том, что «пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19) привела к геополитической неопределенности и глобальному экономическому кризису в мире, связанному со стремлением ведущих иностранных государств изменить существующий миропорядок, усилению тенденций к свертыванию процессов глобализации, борьбе за лидерство в мире, повышению роли национальных экономик и государственного управления, в том числе в сфере морской деятельности». Пункт 36 Морской доктрины РФ гласит: «Основные усилия государства в сфере развития морского транспорта должны быть направлены на создание благоприятной организационно-правовой и экономической среды, способствующей расширению его возможностей и повышению конкурентоспособности, а также на существенное развитие прибрежно-портовой инфраструктуры Российской Федерации, которая сможет обеспечить экономическую независимость и национальную безопасность Российской Федерации»[1]. Полагаем, данные меры целесообразны, поскольку не возникает при этом коллизия между государственным и частноправовым интересом, а существует приоритет обеспечения физической безопасности значительного количества граждан, объектов инфраструктуры, экономической безопасности российского государства в целом.

Особую актуальность сегодня приобрела практика применения Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»[2]. На это обращают внимание и арбитражные апелляционные суды[3], привлекая к ответственности

[1] Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 31. Ст. 5699.

[2] О транспортной безопасности: федер. закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 7. Ст. 837.

[3] Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 августа 2013 г. № Ф07-4930/13 по делу № А56-69042/2012 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL:

за нарушения в сфере обеспечения транспортной безопасности, установления ее уязвимости, обеспечения государственной тайны в различных сферах деятельности морских портов, от обучения до реконструкции портов и перевозки грузов. Общей проблемой, которая известна и авторам-исследователям, и законодателю, является недостаточно развитая портовая инфраструктура, в совершенствование которой вовлекается и частный бизнес[1].

https://base.garant.ru/41157518/?ysclid=lmxdq6rzmh271692354 (дата обращения: 16.09.2023); Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 октября 2014 г. № 13АП-19913/14 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/60410646/?ysclid=lmxds9dzym973375356 (дата обращения: 16.09.2023); Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 апреля 2014 г. № 18АП-3075/14 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS018&n=48663&cacheid=C456AF635A1597D254A37DC272339CEA&mode=splus&rnd=Aqo1mqTS4n9w1gJ13#8Zu1mqTiTTw7oINH (дата обращения: 16.09.2023); Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 19 декабря 2013 г. № 03АП-5726/13 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/54820066/?ysclid=lmxe0nm9yq588485343 (дата обращения: 16.09.2023); Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 8 ноября 2013 г. № 08АП-8528/13 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/arbitral/ (дата обращения: 19.09.2023); Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 февраля 2013 г. № 14АП-10398/12 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/54352535/?ysclid=lmxebd82o0349096193 (дата обращения: 19.09.2023); Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Алтайского краевого суда от 18 сентября 2013 г. по делу № 33-7580/2013 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/XXS9OT0SlDru/?ysclid=lmxeec6uze853035735 (дата обращения: 19.09.2023); Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 ноября 2011 г. № 15АП-9910/11 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/53576347/?ysclid=lmxegd6xhz751538940 (дата обращения: 16.09.2023).

[1] *Жулева О. И., Кузьменкова В. Н.* Обоснование стратегического значения Северного морского пути методом анализа логистических и геополитических аспектов его перспективного функционирования // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 5 (ч. 2). С. 295; Заключение Счетной палаты Российской Федерации от 31 августа 2021 г. № ЗСП-179/16-09 на отчет об исполнении федерального бюджета за 2020 г.: утв. Коллегией Счетной палаты РФ (протокол от 27 августа 2021 г. № 57К (1500) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/402938771/?ysclid=lmxdkge237911582144 (дата обращения: 16.09.2023).

Кроме того, в настоящее время российская судебная практика (с учетом санкционных осложнений) развивается по следующим направлениям[1]:

Санкции рассматривают как обстоятельства непреодолимой силы.

Верховный Суд РФ дает свое толкование относительно рассматриваемых обстоятельств в связи с тем, что в настоящее время уже сложилась судебная практика и что она противоречива (суды рассматривают введение санкций и как обстоятельство непреодолимой силы, и как обстоятельство, таковым не являющееся[2]). В этой связи Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 24 марта 2016 г. № 7 раскрыл критерии, применяемые для квалификации обстоятельств, толкуемых как обстоятельства «непреодолимой силы»[3].

Практика последних лет складывается с учетом рекомендаций Верховного Суда РФ. Так, в деле № А51-2251/22 суд указал: «Введение экономических санкций странами ЕС и США в отношении РФ само по себе не свидетельствует о том, что именно данное обстоятельство могло явиться следствием увеличения для ответчика сроков оплаты поставленного и полученного товара в период с 23 июня по 4 августа 2021 г., а также не может служить основанием для освобождения ответчика от обязанности оплатить товар в срок, установленный дилерским договором». В решении по делу № А56-29656/22 указано: «Ссылка ответчика на изменившуюся внешнеэкономическую и внешнеполитическую ситуацию в мире в феврале 2022 года также не может быть принята судом во внимание, поскольку ответчиком не представлены суду доказательства существования объективных препятствий для того, чтобы исполнить требования истца по оплате переданного АО “ВекторБиальгам” (ответчику) товара»[4].

---

[1] *Бойко Г.* Как судиться с компанией, попавшей под санкции: новая практика // Акционерное общество. 2022. 1 декабря. URL: https://ao-journal.ru/kak-suditsya-s-kompaniey-popavshey-pod-sanktsii-novaya-praktika?ysclid=lmxenm1h5m281805382 (дата обращения: 19.09.2023).

[2] Там же.

[3] О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 (в ред. от 22 июня 2021 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 5.

[4] *Бойко Г.* Указ. соч.

Санкции рассматривают как существенное изменение обстоятельств. К тому же единое мнение у судов относительно данного вопроса также не сформировалось.

Так, в деле № А39-5782/15 введение санкций в отношении ПАО «ВТБ» в итоге не признано существенным изменением обстоятельств, являющимся основанием для расторжения или изменения договора согласно ст. 451 ГК РФ. Напротив, в деле № А40-149566/19 суды сочли применимыми положения ст. 451 ГК РФ, поскольку введение санкций в отношении истца служит обстоятельством, которое стороны не могли предвидеть при заключении договора за шесть лет до введения санкций[1].

В результате исследования судебной практики выявлены нормы и позиции, которые могут быть полезны в случае судебного разбирательства с лицом, в отношении которого иностранным публично-правовым образованием введены односторонние ограничительные меры (санкции). Так, отсутствует однородная практика в отношении признания санкций обстоятельствами непреодолимой силы. Для признания санкций форс-мажорными обстоятельствами потребуется доказать их соответствие критериям, указанным Верховным Судом РФ в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7.

В отношении вопроса о признании санкций в качестве существенно изменившихся обстоятельств также отсутствует единообразная практика правоприменения. Вместе с тем Верховным Судом РФ сформирована позиция относительно изменения подсудности и возможности рассмотрения споров с участием российских контрагентов, в отношении которых введены санкции, арбитражными судами РФ.

Так, введение иностранным государством ограничительных мер в отношении российского контрагента приводит к существенному ограничению его доступа к правосудию. В связи с этим установлена исключительная компетенция российских арбитражных судов по делам с участием таких лиц, независимо от того, имеют ли иностранные лица статус предпринимателя[2].

Как представляется, подобный подход применим и к частноправовым отношениям в морской сфере, в которой аргументация существенно изменившимися обстоятельствами позволяет защитить российских контрагентов в случае, если

[1] Там же.

[2] *Бойко Г.* Указ. соч.

применимое, исходя из принятых еще до введения санкционного режима договорных положений, иностранное право противоречит публичному порядку РФ в связи с априорным односторонним ограничением прав, то есть при прямом противоречии применимого права основополагающим принципам доступа к правосудию и равноправия сторон.

В целом в результате проведенного исследования правового регулирования частных интересов в процессе функционирования портовой инфраструктуры можно выделить некоторые его основные особенности в современных экономических условиях: а) обеспечение частных интересов российских контрагентов в процессе функционирования портовой инфраструктуры, непосредственно зависит от эффективной государственной (публично-правовой) защиты их интересов от политически мотивированных односторонних ограничений (так называемых санкций), препятствующих нормальной коммерческой деятельности в торговом мореплавании; б) эффективным инструментом защиты законных интересов российских субъектов портовой деятельности является обеспечение их доступа к справедливому правосудию через установление возможности изменения подсудности в пользу российских государственных арбитражных судов, включая случаи выбора сторонами применимого иностранного права до введения ограничительных мер, понимаемых в качестве существенного изменения обстоятельств; в) частноправовые споры, рассматриваемые российскими государственными арбитражными судами в условиях односторонних ограничительных мер со стороны отдельных зарубежных государств, требуют формирования единообразной правоприменительной практики, концептуально основанной на безусловном приоритете реального обеспечения равенства сторон в контексте защиты частных интересов российских контрагентов как стороны, необоснованно претерпевающей негативные последствия, от воли которой не зависит наступление существенного изменения обстоятельств.

Библиографический список

1. *Аксенов Ю.* Расторгнуть договор из-за санкций: пути и перспективы // Право.ру. Спецвыпуск: литигация. 2022. 20 июня. URL: https://pravo.ru/story/240730 (дата обращения: 16.09.2023).

2. *Архипова Е. Ю.* Баланс частных и публичных интересов при правовом регулировании // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 132–139.

3. Актуальные проблемы финансового права: учебник / под ред. А. Д. Селюкова, И. А. Цинделиани. М.: Юстиция. 2019. 480 с.

4. *Бойко Г.* Как судиться с компанией, попавшей под санкции: новая практика // Акционерное общество. 2022. 1 декабря. URL: https://ao-journal.ru/kak-suditsya-s-kompaniey-popavshey-pod-sanktsii-novaya-praktika?ysclid=lmxenm1h5m281805382 (дата обращения: 19.09.2023).

5. *Бублик В. А.* Правовое регулирование предпринимательства: частные и публичные начала // Хозяйство и право. 2000. № 9. С. 12–22.

6. *Вилинов И. Е.* Совершенствование системы государственного регулирования деятельности морских портов России: теоретико-методологические аспекты: дис. … д-ра экон. наук. М., 2002. 301 с.

7. *Григорьянц К. А.* Договор лоцманской проводки в системе гражданских договоров: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. 28 с.

8. *Жулева О. И., Кузьменкова В. Н.* Обоснование стратегического значения Северного морского пути методом анализа логистических и геополитических аспектов его перспективного функционирования // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 5 (ч. 2). С. 295–299.

9. *Иванов Г. В.* Особенности правового регулирования лоцманской проводки судов как договора оказания возмездных услуг: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 29 с.

10. *Иеринг Р.* Борьба за прав / пер. с нем. М.: Феникс, 1991. 64 с.

11. *Кошевой В. С.* Реформирование управления портовыми услугами на основе частно-государственного партнерства: автореф. дис. … канд. экон. наук. Кисловодск, 2010. 27 с.

12. *Кряжков А.В.* Публичный интерес: понятие, виды и защита // Государство и право. 1999. № 10. С. 91–99.

13. *Курбатов А. Я.* Обеспечение баланса частных и публичных интересов – основная задача права на современном этапе // Хозяйство и право. 2001. № 6. С. 88–97.

14. *Малюков К. А.* Основные направления развития правил о договоре морской перевозки груза: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 30 с.

15. *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое: книга для свободных умов // Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 833 с.

16. *Першин М. В.* Частно-правовой интерес: понятие, правообразование, реализация: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 35 с.

17. Прирастаем мощно: порты России ждет развитие // PortNews. 2023. № 1. URL: https://www.advis.ru/php/view_news.php?id=5CF50A8A-BBAA-7049-83D7-200B5EB2E50F (дата обращения: 16.09.2023).

18. *Трунин Е. Г.* Совершенствование государственного регулирования развития морских портов России: автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2002. 33 с.

УДК 347
ББК 67.404.02

Л. А. Новоселова
заведующая кафедрой
финансовых сделок
и новых технологий в праве
Исследовательского центра
частного права (РШЧП) имени
С. С. Алексеева,
доктор юридических наук,
профессор
Россия, г. Москва
la-novosiolova@yandex.ru

Т. М. Медведева
заместитель начальника
отдела законодательства о
юридических лицах
Исследовательского центра
частного права (РШЧП) имени
С. С. Алексеева,
кандидат юридических наук
Россия, г. Москва
snow100@mail.ru

УГЛЕРОДНЫЕ ЕДИНИЦЫ И ЕДИНИЦЫ ВЫПОЛНЕНИЯ КВОТЫ ВЫБРОСОВ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА[1]

CARBON UNITS AND GREENHOUSE GAS EMISSION QUOTA FULFILMENT UNITS AS THE OBJECTS OF CIVIL TURNOVER

[1] Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы «Проблемы правовой природы углеродных единиц» (номер НИР в ЕГИСУ НИОКРТР 123021700041-9)

Согласно авторской позиции, государственное воздействие на субъектов, осуществляющих выбросы парниковых газов и тем самым причиняющих и краткосрочный, и долгосрочный ущерб природе, традиционно осуществлялось путем установления особых налогов на выбросы либо квотирования и установления платы за превышение квот. В ранее опубликованной статье рассмотрен один из новых способов воздействия на хозяйствующих субъектов, которые реализуют программы, снижающие количество выбросов: предоставление им возможности создания оборотоспособного объекта (углеродной единицы) для целей привлечения дополнительного финансирования. В настоящей статье проанализирован другой, более традиционный по основаниям возникновения, рыночный инструмент – единицы выполнения квот, порядок создания и оборота которых регулируется в Российской Федерации специальным федеральным законом. Анализ его норм позволяет авторам обосновать вывод об однотипной правовой природе углеродных единиц и единиц выполнения квот как объектов гражданского оборота в России: это – особые имущественные права, обращение которых законодателем конструируется по аналогии с правилами о бездокументарных ценных бумагах. С учетом этого внесены предложения по устранению дублирования правовой регламентации отношений по учету и распоряжению рассматриваемыми объектами, а также более четкому определению оснований прекращения прав на них, учитывающих особенности возникновения углеродных единиц и единиц выполнения квот.

Ключевые слова: гражданский оборот; объект гражданского права; углеродная единица; рынок углеродных единиц; единица выполнения квоты выбросов; хозяйствующий субъект; биржевая торговля; страхование.

According to the author's position, the state impact on entities that emit greenhouse gases and thereby cause both short-term and long-term damage to nature has traditionally been carried out by establishing special taxes on emissions or quotas and setting fees for exceeding quotas. The previously published article considered one of the new ways of influencing economic entities that implement programmes that reduce emissions: giving them the opportunity to create a negotiable object (carbon unit) for the purpose of attracting additional funding. This article analyses another, more traditional on the grounds of occurrence, market instrument - units of quota performance, the order of creation and turnover of which is regulated in the Russian Federation by a special federal law. Analysis of its norms allows the authors to justify the conclusion about the similar legal nature of carbon units and units of quota fulfilment as objects of civil turnover in Russia: these are special property rights, circulation of which the legislator constructs by analogy with the rules on book-entry securities. Taking this into account, proposals are made to eliminate duplication of legal regulation of relations on accounting and disposal of the objects in question, as well as a clearer

definition of the grounds for termination of rights to them, with regard to the peculiarities of the emergence of carbon units and quota fulfilment units.

Keywords: civil turnover; object of civil law; carbon unit; carbon market; emission fulfilment unit; economic entity; exchange trading; insurance.

В ранее опубликованной статье[1] предпринята попытка определить правовую природу углеродных единиц, создаваемых в соответствии с Федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»[2] (далее – Закон об ограничении выбросов), как объектов гражданского права и установить, в каком направлении может развиваться регулирование их оборота.

Вместе с тем изолированное рассмотрение лишь такого инструмента, как углеродные единицы, не дает полного представления о формировании так называемого углеродного рынка – системы обращения создаваемых в соответствии с природоохранным законодательством объектов, связанных с учетом количества выбросов парниковых газов. Важное место в этой системе занимает еще один новый объект – единица выполнения квоты выбросов парниковых газов.

Данное понятие введено Федеральным законом от 6 марта 2022 г. № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации». Закон о проведении эксперимента определяет единицу выполнения квоты как верифицированный результат выполнения установленной квоты, выраженный в разнице между установленной квотой и фактической массой выбросов парниковых газов, эквивалентной тонне углекислого газа[3].

В свою очередь, квота выбросов парниковых газов (квота) – это величина допустимых выбросов парниковых газов, характеризующая их массу, устанавливаемая для региональной регулируемой организации в целях достижения углеродной нейтральности на территории участника эксперимента в соответствии с Законом о проведении эксперимента (подп. 1 п. 1 ст. 2). Закон об эксперименте подробно характеризует процедуру определения размера квоты выброса парниковых газов для

[1] *Новоселова Л. А., Медведева Т. М.* Указ. соч.

[2] Об ограничении выбросов парниковых газов: федер. закон от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5124.

[3] См. подп. 4 п. 1 ст. 2 Закона о проведении эксперимента.

организаций, чья деятельность регулируется в соответствии с данным законом, и устанавливает плату за ее превышение[1].

Если фактические выбросы окажутся меньше установленной квоты, то могут быть выпущены единицы выполнения квоты. Как следует из ч. 14 ст. 8 Закона об эксперименте, в случае выполнения региональной регулируемой организацией в отчетном году квоты уполномоченный орган по результатам оценки ее выполнения принимает решение о выпуске единиц выполнения квоты в количестве, соответствующем разнице между установленной квотой и фактической массой выбросов парниковых газов.

Указанные единицы подлежат зачислению на счет региональной регулируемой организации в реестре углеродных единиц. На основании данного решения уполномоченного органа и заявления региональной регулируемой организации выпущенные единицы выполнения квоты оператор зачисляет на счет региональной регулируемой организации в реестре углеродных единиц.

Сравнение механизма создания углеродных единиц и единиц выполнения квоты демонстрирует тот факт, что при большой разнице в основаниях их появления существуют определенные черты сходства. Углеродные единицы в своей основе имеют волевые действия частного субъекта по реализации климатического проекта, но как объект гражданского права возникают при наличии определенной санкции государства, которое проверяет основания их возникновения (наличие положительного эффекта от климатического проекта и объем этого эффекта). Особые частные субъекты, получившие специальные полномочия от государства, «уполномоченный государством орган» проводят проверку – «верификацию» – отчетов для подтверждения сведений о сокращении (предотвращении) выбросов парниковых газов или об увеличении поглощения парниковых газов в результате реализации проекта. Только после этого углеродные единицы зачисляются на счет исполнителя климатического проекта в реестре углеродных единиц, и их можно рассматривать

[1] Об утверждении Правил исчисления и взимания платы за превышение квоты выбросов парниковых газов в рамках проведения эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов на территории Сахалинской области: постановление Правительства РФ от 5 августа 2022 г. № 1390 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 32. Ст. 5858.

как особый объект, в отношении которого владельцем могут совершаться различные действия, сделки.

В отличие от этого, единицы выполнения квоты возникают как результат действий государства по установлению квот на выбросы парниковых газов, и решение о выпуске таких единиц принимает уполномоченный государственный орган с учетом выполнения регулируемой организацией квот на выбросы.

Таким образом, основания возникновения углеродных единиц и единиц выполнения квоты отличаются существенно. Если углеродные единицы возникают по инициативе частного лица (участника климатического проекта) и включены в реестр, становятся объектами оборота после их верификации уполномоченным государством субъектом, то единицы выполнения квоты возникают в результате решения государственного органа по итогам проверки соблюдения регулируемой организацией установленных для нее квот выбросов и определения количества единиц соблюдения квоты. Однако для включения этих единиц в реестр углеродных единиц необходимо и волеизъявление регулируемой организации.

Единицы выполнения квоты считают выпущенными в обращение с момента их зачисления на счет региональной регулируемой организации в реестре углеродных единиц (ч. 3 ст. 11 Закона об эксперименте). Этот же реестр используется для учета углеродных единиц, создаваемых в порядке, установленном Законом об ограничении выбросов.

Правила, устанавливающие порядок учета прав, определения владельца и фиксации сделок в отношении углеродных единиц, создаваемых в порядке, предусмотренном Законом о выбросах парниковых газов и Законом об эксперименте, аналогичны. К примеру, п. 8 ст. 11 Закона о проведении эксперимента устанавливает, что удостоверением выпуска в обращение единиц выполнения квоты и права на них владельца таких единиц являются записи по счету в реестре углеродных единиц и выписки по данному счету. Подобное правило для углеродных единиц содержится в пунктах 8 и 9 ст. 10 Закона о выбросах парниковых газов.

Как и операции с углеродными единицами, все проводимые операции с единицами выполнения квоты регистрируют в реестре углеродных единиц путем внесения в него соответствующих записей. Одинаково определяют права и владельца углеродных

единиц, и владельца единиц выполнения квоты. Их владелец может:

– передать единицы выполнения квоты иному лицу. Такая передача осуществляется на основании распоряжения владельца счета посредством списания единиц выполнения квоты с его счета и зачисления на счет приобретателя таких единиц (п. 9 ст. 11 Закона об эксперименте, п. 8 ст. 19 Закона о выбросах парниковых газов);

– предъявить единицы выполнения квоты к зачету (п. 5 ст. 11 Закона об эксперименте и п. 8–10 ст. 10, п. 3 ст. 11 Закона о выбросах парниковых газов).

Аналогично описан и порядок проведения зачета (как нами ранее указано, правильнее было бы использовать иной термин): зачет единиц выполнения квоты осуществляется оператором в соответствии с распоряжением владельца счета в реестре углеродных единиц посредством списания единиц выполнения квоты с его счета и зачисления на счет изъятия из обращения (п. 11 ст. 11 Закона об эксперименте). Таким образом, определен и порядок погашения углеродных единиц (п. 9 ст. 10 Закона о выбросах парниковых газов).

Очевидно, что, несмотря на различия в основаниях возникновения, рассматриваемые объекты однотипны по своей природе и могут быть отнесены к имущественным правам. Их имущественный характер определен прежде всего возможностью использования для расчетов с государством в рамках платежей за превышение квот на выбросы парниковых газов. Вторым фактором, который отражен в обоих случаях, является возможность отчуждения, прежде всего возмездного, другим участникам отношений, которые заинтересованы либо в получении возможности «зачета» для целей сокращения выплат, либо в приобретении оборотоспособного товара для целей совершения биржевых сделок.

Очевидным недостатком действующего регулирования можно признать отсутствие в законе и подзаконных актах четкого механизма реализации базового полномочия владельца углеродных единиц и единиц выполнения квот – возможности предъявить их к зачету. Закон описывает лишь технические аспекты действий владельца указанных объектов, но не определяет, что происходит после зачисления их на счет погашения: не ясно, необходимы ли для их погашения какие-либо действия со стороны участников отношений и как именно зачисление на счет погашения

сказывается на имущественной сфере владельца. Логично предположить, что это должно снижать размер выплат за выброс парниковых газов. Однако как именно это происходит, кто отвечает за достижение такого результата, нормативно не установлено.

Не препятствует характеристике углеродных единиц и единиц выполнения квот в качестве имущественного права и то, что в ряде случаев на практике участники оборота погашают принадлежащие им единицы без зачета, самостоятельно, исключительно для целей демонстрации поведения, направленного на снижение отрицательного влияния природу при осуществлении хозяйственной деятельности. Неиспользование права не может изменять его характеристик, а действия владельцев единиц следует рассматривать как акт реализации своего права путем его добровольного прекращения.

Несмотря на достаточное распространение в практике социально ориентированных компаний такого варианта распоряжения углеродными единицами и единицами выполнения квот, законодатель не предусмотрел специальных норм, которые регулировали бы этот порядок, но и не исключил его. Вместе с тем указание в законе только на операцию так называемого зачета может создать определенные затруднения в реализации такого порядка прекращения углеродных единиц и единиц выполнения квот.

В отношении единиц выполнения квот законодатель устанавливает одинаковый с углеродными единицами порядок обращения, конструируемый по аналогии с порядком обращения ценных бумаг. Соответственно, в аспекте развития и совершенствования законодательства ранее высказанные замечания и предложения об устранении пробелов в регулировании обращения углеродных единиц[1] в полной мере касаются и единиц выполнения квот.

Если рассматривать только урегулированные законом аспекты существования обоих объектов – с момента их возникновения при внесении в реестр углеродных единиц и момента их прекращения при погашении (зачете), то различий в регулировании не усматривается. В связи с этим не совсем ясно, для каких целей законодатель их на этой стадии существования создает дублирующие нормы.

[1] *Новоселова Л. А., Медведева Т. М.* Указ. соч.

Одинаковую природу углеродных единиц и единиц выполнения квот подтверждает и возможность зачета для выполнения квот как единиц выполнения квот, так и углеродных единиц, создаваемых в рамках климатических проектов. Закон об эксперименте (п. 8 ст. 8) прямо указывает, что для выполнения квот региональные регулируемые организации вправе использовать принадлежащие им углеродные единицы и единицы выполнения квоты (при условии зачета таких единиц в реестре углеродных единиц). Информация о зачете углеродных единиц и единиц выполнения квоты подтверждается юридическим лицом, уполномоченным Правительством РФ на ведение реестра углеродных единиц (оператором), и отражается региональной регулируемой организацией в углеродной отчетности.

Использование в законе двух различных понятий в отношении однотипного явления может вызвать вопрос, не является ли более оправданной терминология, которая подчеркивает сходство рассматриваемых инструментов, особенно на стадии оборота. В мировой практике биржевой торговли используется единый термин «углеродные единицы», и данное понятие объединяет два их вида. Один из них – углеродные единицы сертифицированного сокращения выбросов – используются для определения количества парниковых газов, на которое уменьшились выбросы (или увеличилось их поглощение) при реализации сертифицированного климатического проекта (соответствует понятию «углеродная единица» в российском праве). В литературе говорится о том, что такие единицы в Европейском союзе не засчитываются в квоты и не торгуются на бирже[1].

Второй – углеродные единицы разрешенных выбросов – используется для определения парниковых газов, разрешаемых к выбросам в рамках квоты на выбросы, и применяется регулятором для указанной цели. Такие объекты задействованы в системе ограничения и торговли квотами на выбросы и торгуются на Европейской энергетической бирже[2].

Российское законодательство создает оба рассматриваемых объекта как, очевидно, рыночные, с целью включения их в систему

[1] *Зозуля В. В., Саханов В. В., Саханов В. В.* Углеродный налог: проблемы организации биржевых торгов углеродными единицами // Международный бухгалтерский учет. 2022. Т. 25. № 6. С. 663.

[2] Там же.

биржевых торгов. И с этой точки зрения, приведение наименований объектов к единообразию можно был бы обсуждать. Однако поход российского законодателя вряд ли следует критиковать: он основан на разграничении рассматриваемых объектов, исходя прежде всего из оснований их возникновения.

Существующее регулирование не содержит и положений, которые бы отражали возможные эксцессы в существовании углеродных единиц и единиц выполнения квот. Очевидно, что при их создании могут быть допущены нарушения (например, государственный регулирующий орган может неправильно определить объем единиц, или по каким-то причинам решение организации, осуществлявшей верификацию климатического проекта, может быть признано противоречащим закону и недействительным). Какие последствия повлекут эти обстоятельства? По всей видимости, в целом ряде случаев, если нарушение затрагивает возможность появления объектов, они должны быть аннулированы. Но каков должен быть механизм их изъятия из оборота и каким образом будут защищены права добросовестных участников оборота? Представляется, что для биржевого инструмента вариант, при котором сделки с такими объектами будут признаны недействительными, неприемлем.

Одним из вариантов решения видится в введении правил об обязательном страховании участников этих отношений. Однако механизм страхования в подобных отношениях в исследуемых отношениях пока не проработан и вряд ли будет эффективным. Более разумным решением было бы установление правил, запрещающих по истечении определенного срока аннулировать выпущенные в оборот углеродные единицы и единицы выполнения квот, прежде всего в случаях, если они отчуждены другому лицу. Последствия недействительности актов создания и распоряжения такими объектами должны быть максимально сведены к возможности получения компенсации за причиненные убытки.

Учитывая большой интерес к углеродной повестке и поиску инструментов имущественного воздействия на участников этих отношений, становится очевидным, что законодательство в этой области будет дорабатываться и уточняться. В ходе этой доработки одним из основных направлений является установление более четкого гражданско-правового регулирования отношений по поводу углеродных единиц и единиц выполнения квот: четкого определения прав и обязанностей участников отношений по их

созданию, использованию и прекращению, особенностей совершения сделок с ними, возможности и порядка обращения на них взыскания в исполнительном производстве и банкротстве, особенности применения мер гражданско-правовой ответственности.

Библиографический список

1. *Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б.* Роль национального климатического закона в обеспечении «энергетического перехода» // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 2. С. 151–162.

2. *Зозуля В. В., Саханов В. В., Саханов В. В.* Углеродный налог: проблемы организации биржевых торгов углеродными единицами // Международный бухгалтерский учет. 2022. Т. 25. № 6. С. 663–678.

3. *Кичигин Н. В., Хлуденева Н. И.* Правовые механизмы углеродного регулирования в Российской Федерации // Экологическое право. 2022. № 3. С. 10–16.

4. *Новоселова Л. А., Медведева Т. М.* Углеродные единицы как объект гражданского права // Власть Закона. 2023. № 1 (53). С. 92–104.

5. Подходы зарубежных стран к определению правовой природы углеродных единиц // Центр стратегических разработок. 2022. 28 декабря. URL: https://www.csr.ru/upload/iblock/bac/ffj511q4c15x0grscubcqef5zdxiipbr.pdf (дата обращения: 18.01.2023).

6. *Тарасов А.* На Мосбирже начали продавать углеродные единицы // Рос. газ. 2022. 22 октября.

7. *Энг Ву Рэйчел, Инь Яп Пей* Отслеживание роста углеродных кредитов в Сингапуре и за его пределами // IFLR. 2021. 6 июля. URL: https://www.iflr.com/article/2a646mpixhlq5fibkaj9c/tracking-the-growth-of-carbon-credits-in-singapore-and-beyond (дата обращения: 18.01.2023).

8. Legal nature of EU ETS allowances: final report // European Commission. 2019. July. URL: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/9d985256-a6a9-11e9-9d01-01aa75ed71a1/language-e (дата обращения: 18.01.2023).

УДК 347.78.01; 347.78.02
ББК 67.404.3

В. П. Павлов
профессор
Департамента правового
регулирования экономической деятельности
юридического факультета Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
Россия, г. Москва
vppavlov@fa.ru

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО СОЗДАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE PROBLEMS OF PRIVATE LAW REGULATION OF RELATIONSHIPS ON THE CREATION AND USE OF RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY

Статья посвящена обоснованию межотраслевого подхода к правовому регулированию отношений по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности. На примере публикаций отечественных и зарубежных правоведов, с привлечением материалов судебной практики показано, что при сведении к исключительно гражданско-правовому регулированию отношений в области результатов интеллектуальной деятельности невозможно в полном объеме урегулировать существующие общественные отношения в данной сфере. Для этого необходимо комплексное регулирование посредством норм законодательства, учитывающих специфику авторского труда и результатов его деятельности. Право на вознаграждение автору за опубликованное произведение нельзя однозначно относить к товарно-денежному возмездному отношению эквивалентного характера, поскольку с учетом сложившейся российской практики последних десятилетий прибыль от публикации произведения присваивает издатель.

Ключевые слова: двойственная правосубъектность публично-правовых образований, межотраслевой подход в гражданском праве, организационные отношения в авторском праве, публично-правовая функция авторства, результат интеллектуальной деятельности, автор, авторское право.

The article is devoted to the substantiation of the inter-branch approach to the legal regulation of relations on the creation and use of the results of

intellectual activity. On the example of publications of domestic and foreign legal scholars, with the involvement of judicial practice materials it is shown that when reducing to exclusively civil law regulation of relations in the field of intellectual activity results it is impossible to fully regulate the existing social relations in this area. This requires comprehensive regulation through the norms of legislation, taking into account the specifics of author's labour and the results of his activity. The right to remuneration to the author for the published work cannot be unambiguously attributed to the commodity-monetary compensatory relationship of equivalent nature, since, taking into account the existing Russian practice of recent decades, the profit from the publication of the work is appropriated by the publisher.

Keywords: dual legal personality of public-law entities, inter-sectoral approach in civil law, organisational relations in copyright, public-law function of authorship, result of intellectual activity, author, copyright law.

Проблема определения места авторского права в системе российского законодательства издавна занимала умы исследователей. Отсутствие целеполагания в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) и его отдельных институтах служит предпосылкой для множества гипотез и предположений о структуре гражданского права, его месте в системе права в целом и институтах, обеспечивающих необходимые межотраслевые связи гражданского права. Одним из примеров такой структурной и функциональной неопределенности является институт авторского права.

Еще во второй половине XIX в. И. Г. Табашников выражал озабоченность неопределенностью места авторского права в системе российского законодательства: «С тех пор, как положительные законодательства приняли это злополучное право под свою защиту, оно носится по горизонту науки без всякого определенного назначения и по дуновению того или другого ученого или легко передвигается с одного места на другое, или же парит в пространстве, подобно птице, высматривающей место, куда ей удобнее было бы спуститься»[1].

Век спустя, в 1965 г., немецкий цивилист О. Ульмер, адепт монистического авторского права, писал о том, что авторское право, если рассматривать его как единый институт, невозможно поместить в правовую систему, которая признает только имущественные и личные права. По этой причине в авторском

[1] *Табашников И. Г.* Литературная собственность, ее понятие, история, объект и субъект. СПб.: тип. М. И. Попова, 1878. Т. 1. С. 120.

праве оказалось невозможным развести средства охраны личных и имущественных интересов. Четкого соответствия между личными и имущественными интересами с одной стороны и личными и имущественными правами – с другой добиться не удалось. Осуществление имущественных прав на произведение непосредственно связано с рядом личных неимущественных интересов автора, и наоборот, осуществление личных неимущественных прав имеет явные имущественные последствия… В этой связи отсутствуют основания для четкой дифференциации личных и имущественных правомочий[1].

Сегодня, в начале XXI в., можно говорить о поляризации позиций сторонников и противников регулирования права интеллектуальной собственности исключительно в рамках ГК РФ. При обсуждении проекта части ГК РФ, посвященной праву интеллектуальной собственности, в 1999 г. большинство специалистов высказались за две ступени регулирования этого института. А. П. Сергеев писал: «В Гражданском кодексе следует закрепить общие положения скорее не для практического применения, а именно для закрепления рамок для дальнейшей законодательной работы. Тогда можно будет также опираясь на нормы Гражданского кодекса применять аналогию»[2].

В этом контексте интерес представляет эволюция позиции В. А. Дозорцева, главного идеолога проекта части IV ГК РФ о правах на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. В 1999 г. на Международной научно-теоретической конференции, посвященной проблемам интеллектуальной собственности в ГК РФ, он утверждал, что для полноценного упорядочения законодательства только Общих положений недостаточно, что это – лишь первый шаг. В Особенную часть кодификационного акта подлежат включению все гражданские права по каждому институту права интеллектуальной собственности[3]. В качестве обоснования своей позиции он ссылался на то, что отсутствие в ГК РФ норм об отдельных видах исключительных прав облегчает воздействие на

[1] См.: *Ulmer E.* Urheber- und Verlagsrecht. Berlin, Heidelberg, New York: Springer-Verlag, 1980. S. 112.

[2] Проблемы интеллектуальной собственности в Гражданском кодексе России: материалы Междунар. науч.-теорет. конф. / Институт международного права и экономики имени А. С. Грибоедова (ИМПЭ). М., 1999. С. 56.

[3] Там же. С. 10.

специальное законодательство, обособленное по видам прав, борьбу за установление режима, отвечающего интересам лоббирующих кругов, доминирующих на рынке, в основном иностранных предпринимателей. Включение в ГК РФ положений об отдельных видах исключительных прав и установление их системы очень усложнит такое воздействие, поставив специальное законодательство в определенные рамки[1].

Оппонентом выступил доктор Михай Фичор, эксперт Всемирной организации интеллектуальной собственности. Он обратил внимание на то, что для современного регулирования в области интеллектуальной собственности характерно лавинообразное нарастание административных и процессуальных элементов, которые не могут быть отделены от других важных норм и не могут быть полностью включены в Гражданский кодекс[2].

Данную позицию поддержал Поль Флорансон, представитель Программы ТАСИС по интеллектуальной собственности. Он, сославшись на существующую в России логику двухуровневого построения законодательства, предложил в ее рамках сделать так, чтобы эта общая часть, основные принципы не мешали применению специальных законов. Иная ситуация была бы очень опасна[3].

Е. Герасимов, представитель отдела творчества, культурных индустрий и авторского права (ЮНЕСКО) задачу норм ГК РФ увидел в «фильтрации» всех других нормативных актов, целесообразность которой велика в области интеллектуальной собственности; в указанной области многие нормы законодательства быстро устаревают в связи с научно-техническим прогрессом. По этой причине, с его точки зрения, вносить многочисленные изменения в отдельные законодательные акты будет значительно проще, чем делать это в отношении норм ГК РФ[4].

В 2002 г. во взглядах на проблему кодификации у В. А. Дозорцева произошла переоценка. Он утверждал: «…именно ради имущественных прав на результаты творчества в конечном счете

[1]Проблемы интеллектуальной собственности в Гражданском кодексе России: материалы Междунар. науч.-теорет. конф. / Институт международного права и экономики имени А. С. Грибоедова (ИМПЭ). М., 1999. С. 53.

[2] Там же. С. 35.

[3] Там же. С. 43.

[4] Там же. С. 41.

осуществляется гражданско-правовое регулирование, несмотря на то, что они имеют личностное, а не собственническое происхождение и природу. По этой причине система законодательства не может сводиться к кодификационному акту (ГК РФ). Один кодификационный акт не в состоянии вместить все необходимое разнообразие норм. Его естественным продолжением должны стать специальные развернутые акты по отдельным видам исключительных прав и способам их охраны, развивающие и детализирующие принципиальные установки, содержащиеся в кодификационном акте. Гражданский кодекс позволяет четко обозначить гражданско-правовую принадлежность именно исключительных прав и распространение на них всех общих положений гражданского права вообще и норм общей части Гражданского кодекса в особенности»[1].

Тем не менее принятая в 2006 г. часть IV ГК РФ содержит Общие положения (гл. 69) и Особенную часть (гл. 70–77), детально регламентирующую отдельные институты права интеллектуальной собственности. Данное обстоятельство позволило В. П. Мозолину в 2008 г. при оценке норм гражданского законодательства относительно права интеллектуальной собственности сформулировать свое видение этого института в системе российского законодательства следующим образом: «Нормативные положения ГК РФ нарушают ст. 71 (о) Конституции Российской Федерации, предусматривающую правовое регулирование интеллектуальной собственности в виде самостоятельных федеральных законов за пределами гражданского законодательства. При этом игнорируется комплексный характер законодательства о правовом регулировании интеллектуальной собственности, предписываемый Конституцией»[2].

На пути построения комплексных отраслей находится проблема установления межотраслевых связей. Известны попытки построения комплексных отраслей путем формирования общего внутреннего коллизионного права[3]. В рамках действующего

[1] *Дозорцев В. А.* Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. ст. М.: Статут, 2003. С. 18.

[2] См.: *Мозолин В. П.* Современная доктрина и гражданское законодательство. М.: Юстицинформ, 2008. С. 24.

[3] См.: *Челышев М. Ю.* Значение исследования межотраслевых связей гражданского права для предупреждения, выявления и устранения юридических коллизий // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: сб. материалов

законодательства предложенный подход, безусловно, обеспечит единообразие судебной практики. Однако системный подход к решению коллизий в нормативных актах разных отраслей заключается в установлении существующих межотраслевых связей гражданского законодательства и законодательства в области публичного права для того, чтобы выявить искусственно созданные правовые конструкции, которые мимикрируют под полностью гражданско-правовые категории, а на поверку оказываются межотраслевыми связями, необходимыми для устойчивого функционирования гражданского законодательства в рамках общей системы российского права.

Устойчивость функционирования подсистемы гражданского права обеспечивается наличием ее межотраслевых связей с другими подсистемами права. Эффективность таких связей обусловлена не отсылочными нормами к другим отраслям, к которым прибегают лишь периодически, в связи со специфическими обстоятельствами, а в рамках непрерывно осуществляемых правоотношений. Одним из примеров межотраслевых связей служат абсолютные правоотношения. Следует отметить, что построение отечественным законодателем и относительных, и абсолютных гражданских правоотношений по горизонтальному типу, в основе которого лежит принцип равенства субъектов гражданских правоотношений, искажает правовой статус как собственника, так и автора произведения, каждый из которых непрерывно находится в вертикальных (публично-правовых) отношениях с государством, обществом по поводу социально значимого имущества, которым они обладают. Если главная задача государства в экономике – обеспечить интеллектуальное развитие общества и на этой основе всестороннее удовлетворение потребностей граждан, то автор действует в едином с государством направлении: предоставляет обществу созданные им нематериальные блага, способствуя тем самым увеличению общественного богатства, то есть выступает субъектом публичного права, а не частного.

Поскольку в области авторского и патентного права по крайней мере одна сторона (гражданин) является носителем публичного интереса в качестве автора созданного им и раскрытого обществу результата интеллектуальной деятельности

Междунар. науч.-практ. конф. Вып. 1 / отв. ред. Д. Х. Валиев, М. Ю. Челышев. М.: Статут, 2006. С. 207.

(РИД), то любые попытки представить совокупность отношений по созданию и использованию РИД в рамках гражданского права, нормы которого направлены на реализацию частных интересов участников, обречены на неудачу. Перспективы развития в исследуемой сфере даны Н. Л. Дювернуа: «Дальнейший успех разработки этого института заключается именно в применении или согласовании двух моментов, определяющих разные стороны его содержания, момента личного и имущественного, ибо они не только сосуществуют, но могут и коллидировать, и один исключает другой»[1].

В данном контексте следует сделать акцент на несостоятельности принятой в настоящее время методики отраслевого деления права одновременно по двум основаниям, в частности предмету и методу правового регулирования с точки зрения формальной логики. Это обусловило отнесение права интеллектуальной собственности к подотрасли гражданского права.

Действительно, классификация системы права будет только в том случае непротиворечивой, если деление целого (системы права) на части производится по одному неизменному основанию с начала деления и до его окончания. В этом аспекте деление права на публичное и частное производится по направленности интереса, который преследуют участники отношений в процессе взаимодействия. Для гражданского права характерен частный интерес, который преследуют обе стороны отношений. Для публично-правовых отношений на первый план выступает публичный интерес, носителем которого выступает одна из сторон.

Полагаем, нельзя согласиться с содержанием п. 1 ст. 124 ГК РФ. Приведенные в ней субъекты публичного права выступают на равных началах с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами. Дополнительные разъяснения, изложенные в п. 2 упомянутой выше статьи, относят публично-правовые образования к субъектам гражданского права. Логическое толкование данной нормы позволяет заключить, что в качестве субъектов гражданского права эти образования имеют свои частные интересы, отличные от публичных интересов, для реализации которых они созданы.

[1] *Дювернуа Н. Л.* Пособие к лекциям по гражданскому праву. Часть особенная. Вып. 1. Права вещные, право авторское и промышленное. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1899. С. 201.

Такая двойственная правосубъектность публично-правовых образований служит благоприятной основой для нарушения законных интересов юридических лиц, что уже отражено в судебной практике, в отношениях между Центральным банком (ЦБ) РФ и частными банками. Давая оценку роли государства в экономике, В. А. Гамза сделал следующий вывод: «Государство не должно непосредственно работать на рынках, иначе оно начинает конкурировать с другими – частными субъектами этого рынка, и, понятно, кто выиграет в этой конкуренции»[1].

Действительно, нередко возникают ситуации, в которых без вмешательства государства в хозяйственную деятельность в той или иной сфере производства и распределения продукции невозможно удовлетворить потребность общества в дефицитном продукте, в основе производства которого лежат дорогостоящие современные технологии. Однако для таких случаев западное законодательство использует конструкцию юридического лица публичного права. Государство создает данное юридическое лицо, наделяет его необходимыми активами и гражданской правосубъектностью для участия в товарообороте, а за собой оставляет контроль за результатами его деятельности и финансовыми потоками, оставаясь при этом субъектом публичного права[2].

Организационные отношения и авторское право

Отсутствие формально-логического определения РИД в доктрине и законодательстве послужило основой для рассуждений о возможности отнесения организационных отношений к объектам авторского права в рамках гражданско-правового регулирования и придания правового режима исключительности правам на организационные отношения.

По мнению В. А. Дозорцева, распространение режима исключительных прав на организационные отношения позволит охранять достижения в заранее не определенных сферах, в неограниченном числе сфер, без определения признаков, необходимых для предоставления охраны. Основой такой системы

[1] *Гамза В. А.* Главная задача государства в экономике – формирование и развитие рынков // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2008. Вып. 5. С. 105–106.

[2] *Ястребов О. А.* Основы правового положения юридических лиц публичного права зарубежных стран // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2009. № 4. С. 32–33.

должна стать конфиденциальность, сохранение результата в тайне[1].

Основываясь на формально-логическом определении РИД как способа действий над предметами материального мира по достижению нового для общества результата в любой области человеческой деятельности, концепция организационных отношений как объекта исключительных авторских прав не выдерживает критики[2]. Действительно, содержанием организационных отношений является порядок взаимодействия в группе лиц по достижению согласованного результата. В таких взаимодействиях лиц нет прямого воздействия на предметы материального мира, то есть вещи. По этой причине нет оснований для охраны отношений в режиме исключительных прав. Они могут охраняться как секреты производства, но это уже другой правовой режим, не имеющий отношения к исключительным авторским правам, хотя и ошибочно отнесен законодателем к таковым (ст. 1466 ГК РФ)[3].

Вознаграждение автору за опубликованное произведение сложно отнести к товарно-денежным возмездным отношениям эквивалентного характера, которые урегулированы гражданским правом, поскольку львиную долю прибыли от публикации произведения получает издатель в течение всей оставшейся жизни автора и еще на протяжении семидесяти лет после его смерти, а автору и наследнику достаются символические суммы от общей выручки издателя. Более того, требования публикации в престижных международных изданиях, предъявляемые к научным работникам для подтверждения их квалификации, неразрывно связаны с оплатой автором услуг этих издательств, в уставе которых гонорар автору, как правило, не предусмотрен.

Выводы

1. Отсутствие четко выраженного целеполагания в ГК РФ и его отдельных институтах служит предпосылкой для создания далеких от реальных потребностей хозяйственной деятельности правовых конструкций и дезориентации судейского корпуса в

[1] *Дозорцев В. А.* Указ. соч. С. 18.

[2] *Павлов В. П.* Проблемы теории собственности в российском гражданском праве: монография. М., 2000. С. 116.

[3] *Гаврилов Э. П.* Право интеллектуальной собственности. Промышленные права. XXI век. М.: Юрсервитум, 2016. С. 40.

стремительно растущей экономике интеллектуальной деятельности.

2. В рамках гражданского права невозможно в полном объеме урегулировать существующие частноправовые и публично-правовые отношения по созданию и использованию РИД. Для этого необходимо комплексное регулирование в рамках отдельного законодательства об авторском праве.

Библиографический список

1. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности. Промышленные права. XXI век. М.: Юрсервитум, 2016. 730 с.

2. *Гамза В. А.* Главная задача государства в экономике – формирование и развитие рынков // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2008. Вып. 5. С. 105–107.

3. *Дозорцев В. А.* Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. ст. М.: Статут, 2003. 416 с.

4. *Дювернуа Н. Л.* Пособие к лекциям по гражданскому праву. Часть особенная. Вып. 1. Права вещные, право авторское и промышленное. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 218 с.

5. *Мозолин В. П.* Современная доктрина и гражданское законодательство. М.: Юстицинформ, 2008. 176 с.

6. *Павлов В. П.* Проблемы теории собственности в российском гражданском праве: монография. М., 2000. 222 с.

7. Проблемы интеллектуальной собственности в Гражданском кодексе России: материалы Междунар. науч.-теорет. конф. / Институт международного права и экономики имени А. С. Грибоедова (ИМПЭ). М., 1999. 152 с.

8. *Табашников И. Г.* Литературная собственность, ее понятие, история, объект и субъект. СПб.: тип. М. И. Попова, 1878. Т. 1. 568 с.

9. *Челышев М. Ю.* Значение исследования межотраслевых связей гражданского права для предупреждения, выявления и устранения юридических коллизий // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Вып. 1 / отв. ред. Д. Х. Валиев, М. Ю. Челышев. М.: Статут, 2006. С. 204–208.

10. *Ястребов О. А.* Основы правового положения юридических лиц публичного права зарубежных стран // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2009. № 4. С. 32–36.

11. *Ulmer E.* Urheber- und Verlagsrecht. Berlin, Heidelberg, New York: Springer-Verlag, 1980. 610 s.

УДК 347
ББК 67.404

В. Г. Ротань
профессор кафедры
«Гражданское право и
процесс» Юридического
института
Севастопольского
государственного
университета,
доктор юридических наук,
профессор
Россия, г. Севастополь
rotan1942@mail.ru

С. В. Очкуренко
заведующий кафедрой
«Финансовое и банковское
право»
Юридического института
Севастопольского
государственного
университета,
доктор юридических наук,
доцент
Россия, г. Севастополь
svochkurenko@mail.sevsu.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЛОГИКА ЕГО ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ

CONSTITUTIONAL BASES OF CIVIL LEGISLATION AND THE LOGIC OF ITS INTERPRETATION AND APPLICATION

В статье обоснована необходимость последовательного подчинения логике процессов правотворчества, толкования и применения актов гражданского законодательства. Особенно важной признана строгость логического дискурса при толковании и применении конституционных норм, регулирующих гражданские отношения. Однако сбой допускается уже в первом звене указанного дискурса. Так, положения статей 8, 34 и 35 Конституции Российской Федерации (РФ), на которых основан принцип свободы договора, воспринимаются и в науке, и в судебной практике как нормы прямого действия, применение которых ограничено только ч. 3 ст. 55 Основного Закона страны. Игнорируется то обстоятельство, что в упомянутых конституционных положениях содержатся не только правила поведения, но и декларации, определяющие требуемое направление развития общественных отношений. Это следует признать и установить с помощью соответствующих средств границу между нормами и декларациями в содержании таких положений. Только после этого можно вести речь о применении правовых норм, закрепленных в указанных положениях, с учетом ст. 55 Конституции РФ. Нарушения логики правотолковательного дискурса происходит также вследствие попыток конституциализации основ гражданского законодательства и привнесения в систему права России принципов, которые не закреплены

ни в Конституции РФ, ни в законах РФ. Все это дополняется господством интуитивного подхода к толкованию гражданского законодательства. Поэтому в статье сделан вывод о необходимости отказа от интуитивной юриспруденции и перехода к юриспруденции рациональной, строго подчиненной логике человеческого мышления.

Ключевые слова: гражданское законодательство, логика, конституционные принципы, принципы гражданского права, декларация, правовая норма, социальный контекст, коллизии в праве.

The article proves the necessity of consistent subordination to logic of the processes of law-making, interpretation and application of acts of civil legislation. Especially important is recognised the strictness of logical discourse in the interpretation and application of constitutional norms governing civil relations. However, a failure is allowed already in the first link of the said discourse. Thus, the provisions of Articles 8, 34 and 35 of the Constitution of the Russian Federation (RF), on which the principle of freedom of contract is based, are perceived both in science and in judicial practice as norms of direct action, the application of which is limited only by part 3 of article 55 of the Basic Law of the country. 3 of Article 55 of the Basic Law of the country. They ignore the fact that the mentioned constitutional provisions contain not only rules of behaviour, but also declarations determining the required direction of development of social relations. This should be recognised and the boundary between norms and declarations in the content of such provisions should be established by appropriate means. Only after that it is possible to talk about the application of legal norms enshrined in these provisions, taking into account Article 55 of the Constitution of the Russian Federation. Violations of the logic of legal interpretation discourse also occur as a result of attempts to constitutionalise the foundations of civil legislation and to introduce into the system of Russian law principles that are not enshrined either in the Constitution of the Russian Federation or in the laws of the Russian Federation. All this is supplemented by the dominance of intuitive approach to the interpretation of civil legislation.

Keywords: civil legislation, logic, constitutional principles, civil law principles, declaration, legal norm, social context, conflicts in law.

Законодательство, в особенности такая его часть, как гражданское законодательство ввиду его объема и сложности, должно быть научно обоснованным. Среди признаков научной обоснованности находится и тщательная логическая обработка законопроектов. Представляется, что именно недостаточная логическая обработка проектов законов, устанавливающих нормы гражданского права, продолженная в традиции интуитивного понимания содержания конституционных и законодательных положений, наряду с естественным стремлением властвующих органов и лиц (в нашем

случае – судов и судей) к расширению сферы своего властвования питает идею судебного правотворчества в странах континентального права, в том числе и в России. Но «не в замене “традиционной методы” толкования закона методой “свободного права” заключается задача будущего, а в оживлении и одухотворении законодательства, в усовершенствовании его аппарата, дабы оно могло лучше улавливать голос жизни и живее реагировать на него, возможно, что еще раз в юридической жизни народов прокатится волна “свободного права” и судейского усмотрения, но рано или поздно будет понятно, что всякое течение этого рода лишь отбрасывает нас от настоящей дороги, увлекая нас на ложный путь»[1].

Дело, однако, сегодня дальше констатации «удручающего состояния законотворческого процесса»[2] не идет, а проблема качества гражданского законодательства и логики его толкования заменяется одобрением сложившейся ситуации, при которой «реально действующее частное право все сильнее начинает предопределяться судебной практикой, а не законодательными нормами»[3]. Это утверждение пугает перспективой, которая из него следует, поскольку в нем констатируется не состояние, а процесс («все сильнее…»). Если процесс не остановить (а механизмов, которые позволят остановить или хотя бы затормозить этот процесс нет), то он продолжится, и в конце этого процесса, который пока только начинается, будет такая констатация: «Действующее частное право предопределяется судебной практикой, а не законом». Вы, уважаемый читатель, этого хотели? Вы хотели вернуться назад к подчинению не закону, а личности, точнее, личностям, многим, хотя бы и в судейских мантиях? Личности, которые господствовали в период административно-командной системы, хоть были уверены в том, что они вооружены единственно верным и истинным марксистско-ленинским учением. А эти же, новые претенденты, они безоружны. Но претендуют, хотя и пассивно. Дело к тому идет как бы само собой, а не в духе пресловутой борьбы за признание судебного

[1] *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2016. С. 106.

[2] Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2020. С. 44.

[3] Там же. С. 148.

правотворчества, как назвал одно из своих произведений А. Г. Карапетов[1].

Хотелось бы обратиться к проблеме логической обработки проектов гражданского законодательства, разрешить ее как теоретически, так и на практике, а затем перейти к исследованию проблемы судебного правотворчества, имея ввиду не только теоретические положения о разделении властей и подчинении судей Конституции и закону, но и соответствующие конституционные нормы. С учетом изложенного следует признать актуальным обращение к исследованию и обсуждению проблемы логики гражданского законодательства и законотворчества.

Хотя предметом специального исследования проблема логики гражданского законодательства и гражданского законотворчества не стала, она нашла отражение в работах ученых-цивилистов Е. В. Васьковского, Н. А. Гредескул, О. С. Иоффе, В. А. Белова, А. Г. Карапетова, А. С. Еременко, а также теоретиков права Д. А. Керимова, А. М. Васильева, В. М. Сырых и других ученых. Целью настоящей статьи является попытка разработать теоретические положения в контексте соответствующей темы и привлечь внимание ученых к проблемам логики гражданского законодательства, гражданского законотворчества, а также к вопросам логики толкования и применения норм гражданского права.

Обратившись к проблеме логики гражданского законодательства и практики его толкования, стремясь дойти до самых глубинных основ, мы все-таки не будем вести поиск основной нормы, тем более что Г. Кельзен уже ее и нашел[2]. Удовлетворимся тем, что никто не отрицает (по крайней мере, всерьез) легитимность (действительность) Конституции РФ, которая и начинает процесс правового регулирования общественных отношений, в том числе и отношений, составляющих предмет гражданского права. Но, признав конституционные основы гражданского законодательства, мы должны перейти к исследованию логики гражданского законодательства через логически безупречный дискурс. Иначе, ощущая, хотя бы интуитивно, допущенное отступление от логики,

[1] *Карапетов А. Г.* Борьба за признание правотворчества европейского и американского права. М.: Статут, 2011. С. 12.

[2] *Кельзен Г.* Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лёзова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 246–249.

придем к выводу о том, что отсутствуют преграды для таких отступлений и в дальнейшем.

В п. 1 ст. 3 Гражданского кодекса (ГК) РФ законодатель очень осторожно указал на то, что в соответствии с Конституцией гражданское законодательство находится в ведении РФ. Иных правил относительно применения Конституции РФ к гражданским правоотношениям или, шире, регулирования Конституцией РФ отношений, составляющих предмет гражданского права, законодатель не устанавливает. И это правильно, поскольку особенности регулирования общественных отношений Конституцией РФ, особенности применения Конституции РФ не может определять ординарный законодатель. Это – полномочие законодателя конституционного. Если он этого не сделал, то ответы на соответствующие вопросы следует выводить из логики Конституции РФ. Ответы на такие вопросы может дать и Конституционный Суд РФ. Помочь должна и наука в той мере, в которой она познала указанную логику. Но научные идеи – это не источник права, а лишь помощь правоприменителю в познании логики источников права, в данном случае – Конституции РФ.

Безусловно, верным можно признать утверждение о том, что Конституция любого государства устанавливает нормы конституционного права, а все устанавливаемые Конституцией правовые нормы по своей отраслевой принадлежности являются нормами конституционного права. Но предмет регулирования Конституции состоит из двух частей. Первая из них – отношения, регулируемые исключительно конституционным правом, то есть отношения, связанные с организацией и деятельностью высших (возможно, только представительных) органов государственной власти. Вторая часть отношений, составляющих предмет регулирования Конституции, – это отношения, которые отобраны конституционным законодателем, исходя из логических и политико-правовых соображений, как наиболее значимые для общества или, по крайней мере, для политически господствующей группировки в целях их регулирования нормативным актом высшей юридической силы. Среди этих отобранных конституционным законодателем отношений находим и отношения, первоначально относящиеся к предмету гражданского права и остающиеся в составе этого предмета даже после их урегулирования (в наиболее значимой части) Конституцией государства. Мысль об урегулировании отношений, составляющих предмет гражданского права, нормами гражданского права и

одновременно (в соответствующей части) нормами конституционного права не согласуется с идеей, которую С. С. Алексеев разрабатывал в течение двадцати лет[1] и в соответствии с которой один и тот же вид общественных отношений не может быть одновременно предметом регулирования двух фундаментальных (профилирующих) отраслей права, поскольку последние характеризуются яркой контрастностью и юридической несовместимостью. При этом С. С. Алексеев к фундаментальным (профилирующим) отраслям относил, в частности, конституционное и гражданское право[2]. Но реальность, которую мы наблюдаем, представляется иной.

Отношения и регулирующие их нормы конституционного и гражданского права привлекают наше внимание в первую очередь. Привлекают по той причине, что после введения Конституции в действие утрачивают значение политико-правовые соображения, которые господствовали при отборе конституционным законодателем отношений, принадлежащих к предмету гражданского права, и при формулировании соответствующих конституционно-правовых норм. Далее в силу вступает логика, пренебрежение которой в такой высокоинтеллектуальной сфере, как право, является недопустимым, но которое (пренебрежение), как создается впечатление, становится или уже стало правилом.

Рассмотрим прежде всего положения Конституции РФ о свободе экономической деятельности (ч. 1 ст. 8 Конституции РФ), о праве на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской, иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34 Конституции РФ) и о праве каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им (ч. 2 ст. 35 Конституции РФ). Эти положения составляют фундаментальные основы регулирования отношений как предмета гражданского права. Они должны быть поняты во всей их логике. Но нет оснований утверждать, что такое понимание достигнуто.

[1] *Алексеев С. С.* Общие теоретические проблемы системы советского права. М.: Госюриздат, 1961. С. 14; *Алексеев С. С.* Общая теория права: курс в 2 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1981. С. 248.

[2] *Алексеев С. С.* Общая теория права: курс в 2 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1981. С. 248–249.

Конституционным Судом РФ сформулирована следующая правовая позиция: «Права владения, пользования и распоряжения имуществом, а также свобода предпринимательской деятельности и свобода договоров могут быть ограничены федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации), что корреспондирует положениям статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в силу которой право каждого физического и юридического лица на уважение принадлежащей ему собственности и ее защиту (и вытекающая из этого свобода пользования имуществом, в том числе в целях осуществления предпринимательской деятельности) не умаляет право государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами» (абзац 3 п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 14-П[1]).

На первый взгляд, создается впечатление, что приведенная мотивировка имеет признак строгой логичности: изложены (с некоторой конкретизацией) ч. 1 ст. 8 и ч. 2 ст. 35 Конституции РФ, а затем строго в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ указано на исключение из ранее приведенных базовых положений. Но при внимательном прочтении можно обнаружить и логические дефекты цитированного выше фрагмента мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ. Во-первых, ссылка на Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод[2] правильна только в основном, поскольку Протокол допускает гораздо более широкие возможности отступления от базового правила о защите собственности, чем те, которые возникают из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Во-вторых, из приведенного фрагмента постановления Конституционного Суда РФ следует, что Суд воспринимает ч. 1 ст. 8 и ч. 2 ст. 35 Конституции РФ как нормы прямого действия, действие которых

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 14-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 30. Ст. 3102.

[2] Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

ограничивается «только» ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Да, Конституция РФ имеет прямое действие (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ). Но прямое действие могут иметь только правовые нормы, а в ч. 1 ст. 8 и ч. 2 ст. 35 Конституции РФ предусмотрены принципы, которые состоят не только из правовых норм, но и из деклараций, то есть из наиболее значимых направлений развития общественных отношений, установленных на конституционном уровне. В данном случае мы сталкиваемся с первым сбоем в логическом дискурсе, начатым от приведенных положений Конституции РФ, – сбоем, имеющим далеко идущие последствия для правового регулирования отношений, составляющих предмет гражданского права. Поэтому прежде, чем учитывать при применении ч. 1 ст. 8 и ч. 2 ст. 35 Конституции РФ положения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, необходимо в их содержании применительно к конкретному случаю и с учетом социального контекста выделить декларацию и правовую норму, а затем применять ч. 3 ст. 55 Конституции РФ только к правовым нормам, установленным ч. 1 ст. 8 и ч. 2 ст. 35 Конституции РФ (но не к декларациям). Однако такое понимание принципов, закрепленных в Конституции РФ, да и принципов (основных начал) гражданского законодательства, не воспринимается ни судебной практикой, ни наукой.

Один из авторов настоящей статьи пытался довести свои соображения относительно этого и в статье[1], и в монографии (совместно с соавторами)[2]. Но ученых, которые ознакомились бы с этими произведениями, очевидно, можно сосчитать на пальцах одной руки. Автор указанных научных работ вполне сознает свое место провинциального профессора и не имеет к коллегам по науке каких-либо претензий, поскольку за многие годы к этому привык. Но это решает лишь личные проблемы автора. Научная проблема, имеющая существенное практическое значение, остается. И она не будет решена путем повторения в форме заклинаний таких фраз, как «принципы – душа (фундамент, ядро) права». Отказ от выделения в содержании конституционных принципов декларации и правовой нормы исключает возможность

[1] *Ротань В. Г.* Регулятивное значение принципов гражданского права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. № 1. С. 221.

[2] Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография / рук. авт. колл., отв. ред. В. Г. Ротань. Симферополь, 2019. С. 647–665.

достижения соответствия логике при толковании конституционных принципов. Изложенное относится и к принципам (основным началам) гражданского законодательства.

Ссылка на социальный контекст при толковании конституционных принципов и основных начал гражданского законодательства с целью выделения в их содержании деклараций и норм может быть основанием для критики авторов, поскольку они доказывают необходимость последовательной логики правотворчества и правоприменения. В свое оправдание авторы ищут опору в рассуждениях Юстиниана, который полагал, что в его сборнике права нет расхождений, а если кому-то покажется, что они есть, то ему следует присмотреться внимательнее для того, чтобы убедиться, что расхождений все же нет[1]. Так и в рассматриваемом нами случае. На первый взгляд, создается впечатление, что обращение к социальному контексту с целью разграничения деклараций и норм в содержании конституционных принципов и основных начал гражданского законодательства нарушает логику законодательства, поскольку выводит правотолковательный дискурс за пределы права. В действительности это не так, поскольку право – регулятор общественных отношений. И его понимание невозможно без обращения к таким отношениям, то есть к социальному контексту. В данном случае нельзя конституционные принципы, как и основные начала гражданского законодательства, понимать лишь как правовые нормы, поскольку это будет разрушать логику Конституции РФ, ГК РФ и гражданского законодательства в целом. Необходимо обратиться к социальному контексту. Мы увидим и необходимость разграничения декларации и нормы в содержании правовых принципов, и критерии такого разграничения.

Последствия игнорирования неоднородности юридического содержания конституционных принципов Конституционным Судом РФ в действительности не заставили себя долго ждать. Поскольку принцип экономической свободы (ч. 1 ст. 8 Конституции РФ), безусловно, включающий в себя принцип свободы договора, по мнению Конституционного Суда РФ, является исключительно нормой прямого действия, то свобода договора может быть ограничена только ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Поэтому общее правило об императивности норм

[1] *Савиньи Ф. К. фон.* Система современного римского права: в 8 т. Т. 1. М.: Статут, 2011. С. 424.

обязательственного права (п. 4 ст. 421 ГК РФ) подлежит замене общим правилом о диспозитивности этих норм. Такую замену и совершил Пленум Высшего Арбитражного Суда (п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах»[1]), что вызвало восторг отдельных ученых-цивилистов[2] и воспринято Коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ. Но правовых оснований не было ни для указанной замены, ни для упомянутого восторга, ни для восприятия незаконного разъяснения Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ как выработанной судебной практикой правовой позиции, обязательной для судов. Только Конституционный Суд РФ мог признать фактически неконституционными положения п. 4 ст. 421 ГК РФ. Но он же этого не делал, хотя и подготовил почву своей интерпретацией ч. 1 ст. 8 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Казалось бы, понятно, что нужно искать пути возврата к логике, но политико-правовые резоны увлекают, вызывают головокружение уже близкой перспективой достижения абсолютной справедливости и затмевают разум. Да и понимание приходит: «Мне теперь не уйти назад».

Конституционный Суд РФ указал, что ГК РФ закрепил в ст. 1 основные начала гражданского законодательства «в развитие» положений ч. 1 ст. 8, ч. 2 ст. 34, ч. 2 ст. 35 Конституции РФ (абзац 2 п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 14-П[3]). Это указание не исключало отдельного анализа конституционных положений и их «развития» в основных началах гражданского законодательства. Но данное указание в науке не заметили. Тем более не возникла ни у кого мысль о том, чтобы сопоставить основные начала гражданского законодательства с положениями Конституции РФ, в развитие которых эти начала закреплены в ГК РФ. Между тем указание

[1] О свободе договора и ее пределах: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 5. С. 85–91.

[2] Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. С. 827–834; Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С. 125.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 14-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 30. Ст. 3102.

Конституционного Суда РФ на основные начала гражданского законодательства как «имеющие конституционное значение» (абзац 2 п. 3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 30 января 2009 г. № 1-П[1]) пришлось по душе сторонникам интуитивного поиска юридического содержания конституционных и законодательных положений. Как же иначе, кроме как интуитивно, можно постигнуть «конституционные начала основных начал гражданского законодательства»? Авторы настоящей статьи были уничтожены осознанием своей беспомощности перед задачей понять конституционное значение основных начал гражданского законодательства, а их зависть относительно того, как эту задачу легко и просто решил С. В. Сарбаш, была безграничной. Имеется ввиду его мысль о «конституциализации принципов гражданского права», что «создает определенные основания поставить отраженные в них идеи выше ординарных норм законодательства, которые могут быть признаны неконституционными в связи с нарушением конституционных установок, в принципах гражданского права кристаллизованных»[2]. Да здравствует интуитивная юриспруденция! Это же надо уметь – при помощи интуиции обработать понятную мысль о конституционном значении основных начал гражданского законодательства до такой степени, что стало возможным на ее основе разрешить сложнейшую проблему соотношения указанных основных начал и ординарных норм, установленных актами гражданского законодательства. Попутно введена в научный оборот ранее неведомая науке гражданского права категория «конституциализация принципов гражданского права». Этот сарказм – «наш ответ Чемберлену». Ну, а если всерьез, то наука гражданского права, в том числе и столичная, должна была бы в большей мере полагаться на логику, чем на интуицию, использовать более осязаемую терминологию и формулировать мысли способом, более приемлемым для восприятия.

Если мы говорим о необходимости поставить гражданское законодательство, гражданское законотворчество, а также

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 30 января 2009 г. № 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 7. Ст. 889.

[2] Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2020. С. 49.

толкование и применение норм гражданского права на надежную логическую почву, то должны решить и проблему принципов, которые в конкретных конституционных или законодательных положениях не закреплены, а индуктивно выводятся из многих конституционных и/или законодательных положений. Исключать такое выведение нельзя, поскольку это будет означать игнорирование духа Конституции РФ и законов. Но логические основы гражданского законодательства разрушаются так называемыми принципами или идеями, которые привносятся в законодательство извне. Оспаривая конституционность п. 2 ст. 1070 ГК РФ, граждане сослались на то, что статьи 52 и 53 Конституции РФ не предусматривают такого условия ответственности государства за вред, причиненный государственными органами и их должностными лицами, как вина. Полагая, что п. 2 ст. 1070 ГК РФ не противоречит Конституции РФ, Конституционный Суд РФ указал следующее: «Наличие вины – общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно. Исходя из этого в гражданском законодательстве предусмотрены субъективные основания ответственности за причиненный вред, а для случаев, когда таким основанием является вина, решен вопрос о бремени ее доказывания» (постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П[1]).

Круг полномочий Конституционного Суда РФ широк. Но в этот круг не входит признание источниками права таких источников, которые не признаны таковыми Конституцией РФ или законами. Часть 4 ст. 15 Конституции РФ составной частью правовой системы РФ признает общепризнанные принципы и нормы международного права. Общие и общепризнанные принципы юридической ответственности не признаны в России источниками права ни Конституцией РФ, ни каким-либо федеральным законом. Но Конституционный Суд РФ не только признал принцип вины общим и общепризнанным принципом юридической ответственности, но и поставил его выше Конституции РФ. При разрешении коллизии между положениями ст. 53 Конституции и п. 2 ст. 1070 ГК РФ предпочтение следовало

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 7. Ст. 700.

бы отдать ст. 53 Конституции РФ, то есть прийти к выводу о том, что ответственность за вред в рассматриваемом случае наступает независимо от вины. Если сомнения возникли в связи с тем, что в ст. 53 Конституции РФ вопрос о вине не затрагивается, то следовало бы учесть, что, поскольку дело рассмотрено по заявлениям граждан, применению подлежала и ст. 2 Конституции РФ, которая высшей ценностью признает не государство, а человека, его права и свободы. Иные положения Конституции РФ не могут противоречить основам конституционного строя РФ, к которым относятся и положения ст. 2 Конституции РФ. Вместо этого Конституционный Суд РФ принцип вины как общий и общепризнанный принцип юридической ответственности без правового основания включил в право России, поставив его выше ст. 2 Конституции РФ, которой не могут противоречить даже другие не включенные в главу 1 положения Конституции РФ, и разрешил коллизию между п. 2 ст. 1070 ГК РФ и ст. 53 Конституции РФ в пользу п. 2 ст. 1070 ГК РФ.

В научно-практической литературе также иногда предпринимают попытки опереться при толковании закона на идеи, которые, как кажется, могут быть поставлены выше закона. Так, А. Г. Карапетов пишет: «…опровержимая презумпция диспозитивности норм обязательственного и договорного права, не выраженных как прямой законодательный запрет, вполне естественно вытекает из конституционного статуса принципа свободы договора и фундаментальной идеи договорного права в условиях рыночной экономики, согласно которой разрешено все то, что прямо не запрещено и не заслуживает запрещения в силу убедительных политико-правовых резонов»[1]. О принципе свободы договора речь шла выше: напрямую этот принцип не может опровергнуть общее правило об императивности норм обязательственного права. Поэтому и понадобилась упоминаемая в приведенной цитате «фундаментальная идея», по мысли автора, обладающая высшей юридической силой, в частности, по сравнению с положением п. 4 ст. 421 ГК РФ («условия договоров определяются по усмотрению сторон…»). Взятое в кавычки законодательное положение не подходило автору, поскольку оно содержит оговорку: «кроме случаев, когда содержание

[1] Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. С. 828.

соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами». Оговорка как раз и закрепляет общее правило об императивности норм обязательственного права, поскольку любое урегулирование отношений законом или иными правовыми актами исключало в этой части их урегулирование договором (если только соответствующая норма, установленная законом или иным правовым актом, не содержала специального указания на возможность установления иного договором).

Изложенное дает основание утверждать, что отсутствует возможность логически обосновать диспозитивность, как правило, установленную нормами обязательственного права. Только выйдя из-под контроля логики, на просторах свободного интуитивного поиска права можно говорить о такой диспозитивности.

Не можем не упрекнуть А. Г. Карапетова, сторонника идеи «все разрешено…», в конъюнктурном отступлении от логики при проведении этой идеи применительно к конкретным правоотношениям. В связи с дополнением ГК РФ статьей 406.1 о возмещении потерь он писал, что законность условий договоров о возмещении потерь имела своим основанием ст. 421 ГК РФ и «не требовала бы подтверждения на уровне поправок в Кодекс, если бы в России в полной мере действовал принцип свободы договора и суды бережно относились к различным нестандартным проявлениям договорной свободы и сложным договорным конструкциям, не прописанным в ГК РФ и учебниках гражданского права»[1]. Но при этом нужно было бы объяснить, как специальным подтверждением права стороны договора, заключаемого при осуществлении предпринимательской деятельности (ст. 406.1 ГК РФ), было бы предусмотрено, что «условие о возмещении потерь не может быть согласовано, если хотя бы одной из сторон договора является гражданин, не выступающий в качестве индивидуального предпринимателя»[2]. Существует общее разрешение п. 4 ст. 421 ГК РФ на определение сторонами условий договоров по усмотрению его сторон и нет урегулирования соответствующего вопроса законом или иными правовыми актами применительно к случаям, если сторонами договора выступают граждане, действующие не при

[1] Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. С. 741.

[2] Там же. С. 744.

осуществлении предпринимательской деятельности. Указанный вопрос поставлен не с целью получения ответа, а для того, чтобы сторонники интуитивной, иррациональной, органолептической, ассоциативной юриспруденции, юриспруденции как искусства лишний раз задумались над тем, стоит ли отступать от закона и логики в угоду интуитивным ощущениям. И, может быть, пора остановиться на пути к тому, где уже и студентов собираются не учить рациональной (логической) обработке законодательных текстов, а прививать умение «интуитивного обнаружения незримой границы между вполне схожими общей и специальной нормами»[1]. На все это обращено внимание в связи с тем, что отступления от логики в науке гражданского права стали привычными. Еще в XIX в. призыву немецкого ученого-цивилиста Йозефа Колера строго следовать логике стал возражать российский цивилист Д. Д. Гримм. Й. Колер полагал, что противоположение между вещными и обязательственными правами носит логически необходимый характер[2]. Напротив, Д. Д. Гримм не считал это противоположение имеющим необходимый характер и утверждал, что оно может быть объяснено лишь исторически[3]. В современной литературе последнюю позицию, вероятно, поддерживает Е. А. Суханов[4], что, очевидно, и обусловило включение в известный законопроект, не ставший законом, идеи “numerus clausus” вещных прав с одновременным включением в законопроект определения вещных прав. При этом определение вещного права оказалось шире упомянутого исчерпывающего перечня (“numerus clausus”). Как рационально разрешать такого рода коллизии? Этого не знает никто. Но это же не беда, поскольку в руках ученых такой мощный инструмент, как интуиция. Она подскажет, что *numerus clausus – это lex specialis*, который исключает применение *lex generali* (определения вещных прав). И это будет неверным, так как рассматриваемые два положения из законопроекта, одобренного Государственной Думой 27 апреля 2012 г.,

[1] Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С. 90.

[2] *Васев И. Н.* Коллизионное правовое регулирование в России: вопросы теории и практики: учеб. пособие. М.: Проспект, 2021. С. 11.

[3] *Гримм Д.* Проблема вещных и личных прав в древнеримском праве // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7. № 3. С. 144.

[4] *Суханов Е. А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С.102.

устанавливали общую (содержащуюся в определении вещных прав) и специальную (содержащуюся в *numerus clausus* вещных прав) правовые нормы. Эти правовые нормы совместимы, а значит, предпочтение при разрешении коллизии между ними следует отдать общей норме. Последнее утверждение обосновано ссылками на многочисленные коллизии подобного рода в одном из изданий[1].

Таким образом, по нашему мнению, в настоящее время назрела необходимость осуществления перехода к рациональной юриспруденции, строго подчиненной логике человеческого мышления, и соответствующего отказа от применения интуитивного подхода при толковании и применении гражданского законодательства. И науке гражданского права, и законодателю, и судам нужно начать возвращаться к логике. Чем быстрее будет осознана необходимость такого возвращения, тем легче его будет осуществить. Чем дольше будет происходить такое осознание, тем труднее, тем болезненнее будет такое возвращение.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Общая теория права: курс в 2 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1981. 360 с.

2. *Алексеев С. С.* Общие теоретические проблемы системы советского права. М.: Госюриздат, 1961. 187 с.

3. *Васев И. Н.* Коллизионное правовое регулирование в России: вопросы теории и практики: учеб. пособие. М.: Проспект, 2021. 192 с.

4. *Гримм Д.* Проблема вещных и личных прав в древнеримском праве // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7. № 3. С. 144–216.

5. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. 1120 с.

6. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса

[1] Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография / рук. авт. колл., отв. ред. В. Г. Ротань. Симферополь, 2019. С. 440–464.

Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1425 с.

7. *Карапетов А. Г.* Борьба за признание правотворчества европейского и американского права. М.: Статут, 2011. 308 с.

8. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лёзова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.

9. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография / рук. авт. колл., отв. ред. В. Г. Ротань. Симферополь, 2019. 792 с.

10. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2020. 1104 с.

11. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2016. 351 с.

12. *Ротань В. Г.* Регулятивное значение принципов гражданского права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. № 1. С. 221–228.

13. *Савиньи Ф. К. фон.* Система современного римского права: в 8 т. Т. 1. М.: Статут, 2011. 510 с.

14. *Суханов Е. А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.

УДК 342.843
ББК 67.400

М. С. Савченко
заведующий кафедрой
государственного и
международного права
Кубанского государственного
аграрного университета имени
И. Т. Трубилина,
доктор юридических наук,
профессор
savchenkoa@bk.ru

В. Н. Опарин
доцент кафедры
государственного и
международного права
Кубанского государственного
аграрного университета имени
И. Т. Трубилина,
кандидат юридических наук,
доцент
oparin_05@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

THE PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ELECTION CAMPAIGNING USING THE INTERNET

В статье рассмотрены особенности электронной предвыборной агитации. Проведен анализ законодательства, регулирующего порядок проведения интернет-агитации, изучена правоприменительная практика предвыборных кампаний. Изложены теоретические подходы различных авторов к понятийному аппарату. Сделан вывод о необходимости законодательного закрепления статуса различных интернет-ресурсов, которые могут быть использованы для проведения предвыборной

агитации, и установления для них таких же правил, ограничений и запретов, которые действуют в отношении сетевых изданий. Обоснована целесообразность разработки норм, регулирующих условия проведения различных способов электронной предвыборной агитации и устанавливающих ответственность за их нарушение. С учетом выявленных пробелов авторами представлены предложения по внесению изменений в отдельные статьи избирательного законодательства, устанавливающие правовой режим для предвыборной агитации с использованием сети Интернет

Ключевые слова: предвыборная агитация, сетевые издания, социальные сети, кандидат, избирательное объединение, избиратель, сеть Интернет, избирательное законодательство.

The article considers the peculiarities of electronic election campaigning. The legislation regulating the procedure of Internet campaigning is analysed, the law enforcement practice of election campaigns is studied. The theoretical approaches of various authors to the conceptual apparatus are outlined. It is concluded that it is necessary to legislate the status of various Internet resources that can be used for election campaigning and to establish for them the same rules, restrictions and prohibitions that apply to online publications. The expediency of developing norms regulating the conditions for conducting various methods of electronic election campaigning and establishing responsibility for their violation has been substantiated. Taking into account the identified gaps, the authors present proposals to amend certain articles of electoral legislation that establish the legal regime for election campaigning using the Internet.

Keywords: pre-election campaigning, online publications, social networks, candidate, electoral association, voter, Internet, electoral legislation.

Предвыборная агитация служит важным инструментом политической борьбы в период выборов, позволяющим кандидатам и партиям продвигать свои политические идеи, формировать общественное мнение и влиять на решения избирателей. Благодаря предвыборной агитации граждане имеют возможность сделать осознанный выбор в пользу того или иного кандидата (списка кандидатов), что свидетельствует о развитии гражданского общества[1].

В условиях стремительной информатизации и активного развития сети Интернет появилось огромное количество информационных потоков, которые оказывают воздействие на

[1] *Савченко М. С.* Правовые основы и особенности реализации населением муниципальных образований форм непосредственной демократии // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 4 (34). С. 196.

осуществление процесса выборов в нашей стране. Кандидаты и избирательные объединения, поставившие перед собой цель по привлечению наибольшего круга сторонников, активно используют сеть Интернет для проведения предвыборной агитации. Использование такого инструмента обусловлено высокой скоростью распространения информации и возможностью охвата большой аудитории. Количество пользователей российского интернет-пространства с каждым годом растет и насчитывает около 90 % от общей численности населения. Агитация посредством сети Интернет более дешева и оперативна, чем традиционные формы агитации, так как не требует больших затрат на изготовление и распространение агитационных материалов, а обновление информации может осуществляться в режиме онлайн. Эти преимущества обусловливают рост популярности данной формы агитации. Учитывая масштабы внедрения информационных технологий в процесс осуществления предвыборной агитации, следует обратить внимание на выделение ее разновидности – электронной предвыборной агитации, требующей создания единой терминологической базы и системы правового регулирования.

С. В. Трушкин определяет предвыборную агитацию в сети Интернет как «деятельность, проводимую во время избирательной кампании с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, с целью побудить или побуждающую избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них)»[1]. Как справедливо указывают М. В. Мархгейм и Л. И. Никонова, для устранения неточности расширительного указания на период проведения предвыборной агитации данное определение следует дополнить: интернет-агитация на выборах представляет собой «основанную на действующем законодательстве деятельность, осуществляемую в период избирательной кампании…», поскольку она прекращается за сутки до дня голосования, а избирательная кампания при этом продолжается до официального подведения итогов выборов[2].

[1] *Трушкин С. В.* Предвыборная агитация. Избегаем нарушений на практических примерах // Выборы: теория и практика. 2020. № 1 (53). С. 56.

[2] *Мархгейм М. В., Никонова Л. И.* Предвыборная агитация в сети Интернет: версии доктрины и динамизм практики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2018. Т. 43. № 3. С. 533.

Предвыборная агитация посредством сети Интернет в целом регламентирована Федеральным законом от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[1] (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ). Ряд аспектов регулируются положениями Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2]. Так, избирательные комиссии теперь наделены правом обращаться в Роскомнадзор для пресечения распространения агитационных материалов, противоречащих законодательству о выборах.

Приведенные законы не создают отдельного правового режима для интернет-агитации, а частично ограничивают и подчиняют ее общим требованиям ведения предвыборной агитации. Внесенные изменения учитывают технологическое развитие средств и методов агитации, однако остается целый ряд неурегулированных вопросов. Как утверждают исследователи, отсутствие единой правовой базы регулирования интернета повышает угрозу применения противоправных технологий в ходе агитации в глобальной сети[3].

В соответствии с п. 3 ст. 48 Федерального закона № 67-ФЗ предвыборная агитация посредством сети Интернет выступает одной из ее форм, наряду с проведением публичных мероприятий агитационного характера и агитацией, проводимой на каналах организаций телерадиовещания, в периодических печатных изданиях и сетевых изданиях. Перечень методов проведения предвыборной агитации, установленный законом, не является закрытым[4]. Анализ действующего избирательного законодательства и правоприменительной практики позволяет выстроить градацию интернет-ресурсов применительно к их

[1] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. от 10.07.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

[2] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

[3] *Первушова А. С.* Использование новых технологий как платформа современного информационного обеспечения выборов: российский и зарубежный опыт // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 211.

[4] Конституционное право: учебник / под общ. ред. М. С. Савченко. Краснодар: КубГАУ, 2021. С. 185.

участию в агитационной деятельности: распространение агитации в сетевых изданиях; проведение агитации на сайтах, не зарегистрированных в качестве сетевых изданий; агитация в социальных сетях, блогах, мессенджерах, которая может иметь аналогию с проведением виртуальных собраний избирателей, используя при этом видеоконференции[1].

Среди указанных интернет-ресурсов собственный правовой режим имеют только сетевые издания. В определении, сформулированном законодателем в ст. 2 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», под сетевым изданием понимают сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, зарегистрированный в качестве средства массовой информации (СМИ). Порядок агитации с использованием сетевых изданий регулируется по аналогии с порядком распространения агитационных материалов в традиционных СМИ, который закреплен в Федеральном законе № 67-ФЗ. На сетевые издания распространяются такие же ограничения, что и в отношении традиционных СМИ. Так, в соответствии со ст. 13.37 Кодекса РФ об административных правонарушениях запрещено проводить агитацию, призывающую к осуществлению деятельности экстремистской или террористической направленности. Для лиц, имеющих специальный статус, установлен запрет на проведение предвыборной агитации. В данную группу включены лица, замещающие государственные и муниципальные должности, журналисты, редакторы сетевых изданий, иностранные граждане, а также религиозные, благотворительные, международные организации и др.

Федеральным законом № 67-ФЗ регулируется предвыборная агитация только в официальных сетевых изданиях, их ответственность в случае распространения материалов с нарушением требований законодательства. Данным законом не охвачены сайты, не попадающие под понятие «сетевое издание», к которым отнесены «новостные агрегаторы» и «аудиовизуальные сервисы». В период предвыборной кампании их деятельность имеет высокое значение, поскольку связана с обширным охватом избирателей и способна оказывать большое влияние на формирование общественного мнения. В связи с этим необходимо

[1] *Турищева Н. Ю.* Агитация в сети Интернет: в поисках характеристик новой среды // Государство и право. 2020. № 9. С. 52.

закрепить в ст. 48 Федерального закона № 67-ФЗ статус приведенных интернет-ресурсов с указанием на то, что они могут быть использованы для проведения предвыборной агитации.

Помимо предвыборной агитации в сетевых изданиях, новостных агрегаторах и аудиовизуальных сервисах существует возможность размещения агитационных материалов на корпоративных сайтах (в том числе сайтах политических партий), в социальных сетях, мессенджерах, блогах и т. п. Именно социальные сети, мессенджеры и блоги являются самой проблемной частью для регулирования электоральных процессов в электронной плоскости[1]. Социальные сети пользуются высокой популярностью, имеют более мобильный и массовый характер, в отличие от иных интернет-ресурсов (в частности, у молодежи, которая сильнее попадает под их влияние в политических вопросах). Среди популярных социальных платформ в России большую популярность имеет социальная сеть «ВКонтакте» (76,4 %). Количество пользователей мессенджера *Telegram* составляет 50,8 %, а социальной сети «Одноклассники» – 45,1 %[2]. Актуальность агитации в социальных сетях постоянно возрастает.

Под социальными сетями, как правило, понимают интерактивные веб-сайты, контент для которых создают пользователи определенной сети. Контент отдельной социальной сети генерируется в основном ее пользователями. Следовательно, предвыборная агитация посредством социальных сетей не может регулироваться требованиями, предъявляемыми к аудиовизуальным агитационным материалам. Кроме того, необходимость предварительного предоставления агитационных материалов в соответствующую избирательную комиссию лишает кандидатов возможности свободно и оперативно выкладывать в своих социальных сетях и мессенджерах агитационную информацию, что связано с обширным перечнем действий, которые могут попадать под понятие «агитация» на основании ч. 2 ст. 48 Федерального закона № 67-ФЗ.

Трудности возникают и относительно соблюдения ч. 6 ст. 48 Федерального закона № 67-ФЗ, которая запрещает привлечение к

[1] *Zhuravskaya E., Petrova M., Enikolopov R.* Political Effects of the Internet and Social Media // Annual Review of Economics. 2020. Vol. 12. No. 1. P. 414.

[2] *Чуранов Е.* Интернет в России в 2022 году: самые важные цифры и статистика // WebCanape. 2022. 22 февраля. URL: https://www.web-canape.ru/business/internet-v-rossii-v-2022-godu-samye-vazhnye-cifry-i-statistika/ (дата обращения: 07.07.2023).

агитационной деятельности лиц, не достигших возраста 18 лет на день голосования. Несовершеннолетние граждане России обладают возможностью делать репосты в социальных сетях агитационных материалов с аккаунтов кандидатов на личные страницы и в группы по собственному желанию. При этом возникают ситуации, в которых распространение данной информации происходит под воздействием третьих лиц. В этих случаях сложно выявить и определить инициатора распространения агитационных материалов. Таким образом, установить факт привлечения несовершеннолетних лиц к агитационным мероприятиям будет трудно[1].

Не все положения законодательства в настоящее время отвечают действующим реалиям. Например, требования указывать тираж в соответствии со ст. 54 Федерального закона № 67 в отношении постов в социальных сетях практически неприменимы, так как кандидаты не могут предугадать популярность своих материалов и контролировать их дальнейшее распространение. Таким образом, требования, установленные законом, оказываются неисполнимыми для постов, содержащих признаки агитации. Аналогично невыполнимы требования к видеотрансляциям и временным публикациям кандидата. Если уведомлять избирательные комиссии о таких материалах, необходимо представлять текст, который будет опубликован, что не является полной характеристикой агитационного материала, исходя из требований закона. Аналогичная ситуация возникает и при использовании видеотрансляций, материалов и публикаций кандидата в социальных сетях, которые носят временный характер (например, *stories* в социальной сети «ВКонтакте», исчезающие по истечении 24 часов).

В правоприменительной практике важно разграничивать выражение предпочтений, мнений от предвыборной агитации. Выражение мнений о кандидатах и политических партиях не считают агитацией и, соответственно, основанием для привлечения к административной ответственности за противоправное осуществление агитационной деятельности. Для привлечения к административной ответственности в подобной

[1] *Туманян Г. В.* Агитация в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. О регулировании некоторых «сложных» вопросов электронной агитации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 305.

ситуации необходимо доказывать целенаправленное влияние на выбор избирателей или противодействие ему. Подобная позиция отражена в постановлении Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П, в котором установлена необходимость отходить от сугубо формалистского подхода к определению предвыборной агитации: это позволяет уважать право на свободу слова и информации и поможет избежать неправомерных действий со стороны государственных органов власти.

Проблемой служит установление авторов размещенной в сети Интернет агитационной информации. К сожалению, законодательство РФ о выборах не знает института доказывания и доказательств в рамках административной процедуры рассмотрения избирательных споров[1]. Существует возможность использования поддельных аккаунтов в социальных сетях для размещения противозаконных агитационных материалов, и в случае их блокировки не исключено создание новых страниц. Необходимо закрепить обязанность кандидатов, избирательных объединений передавать в соответствующую избирательную комиссию данные (электронные адреса) своих страниц в социальных сетях.

Остаются законодательно нерегламентированными финансирование агитации посредством сети Интернет; состав правонарушений и порядок привлечения к ответственности участников интернет-агитации. При предвыборной агитации в сети Интернет нет четкого понимания того, как именно должны быть реализованы принципы агитации: обязательность оплаты за счет средств соответствующего избирательного фонда, соблюдение равенства кандидатов и партий, др. Судебная практика придерживается подхода, в соответствии с которым предусмотрено, если агитационные материалы созданы, распространены кандидатом самостоятельно и без финансовых затрат, то привлекать к ответственности за нарушение данного обязательства нельзя.

Следующая проблема при агитации посредством сети Интернет заключается в том, что представляется с трудом осуществляемым исполнение требования Федерального закона №

[1]*Митин Г. Н.* Особенности доказывания отдельных фактов при рассмотрении избирательными комиссиями жалоб на нарушение порядка ведения предвыборной агитации // Избирательное законодательство и практика. 2021. № 2. С. 22.

67-ФЗ о соблюдении так называемого дня тишины. При однодневных выборах агитация запрещена с 00:00 за сутки до дня голосования, при многодневном голосовании агитацию обязаны завершить в 00:00 первого дня голосования. Отследить выполнение данного положения в сети Интернет фактически невозможно, а попытка мониторинга создает колоссальную нагрузку на избирательные комиссии и Роскомнадзор. Следует дополнить ст. 49 Федерального закона № 67-ФЗ п. 2.1, который бы устанавливал агитационный период для проведения агитации в социальных сетях.

Таким образом, избирательное законодательство не создает отдельного правового режима для предвыборной агитации с использованием сети Интернет, а частично ограничивает и подчиняет ее общим требованиям ведения предвыборной агитации, которые, в свою очередь, не учитывают специфических особенностей различных видов интернет-агитации. Требования, установленные законом, оказываются неисполнимыми в отношении постов, видеотрансляций и временных публикаций кандидата в социальных сетях, поскольку создатель материала не имеет полного контроля над его последующим распространением. В связи с этим необходимо закрепить в ст. 48 Федерального закона № 67-ФЗ статус новостных агрегаторов, аудиовизуальных сервисов, социальных сетей, персональных, корпоративных сайтов, блогов и мессенджеров с указанием на то, что данные интернет-ресурсы могут быть использованы для проведения предвыборной агитации. Необходимо установить для них такие же правила, ограничения и запреты, которые действуют в отношении сетевых изданий. Целесообразно разработать нормы, регулирующие условия проведения предвыборной агитации в интернете и устанавливающие ответственность за их нарушение. Требуется также создание специальных органов, которые бы на основании мониторинга интернет-ресурсов выявляли и устраняли нарушения в проведении предвыборной кампании в интернете. Такие дополнения послужат основой для эффективного регулирования электронной предвыборной агитации и развития отечественной избирательной системы

Библиографический список

1. Конституционное право: учебник / под общ. ред. М. С. Савченко. Краснодар: КубГАУ, 2021. 355 с.

2. *Мархгейм М. В., Никонова Л. И.* Предвыборная агитация в сети Интернет: версии доктрины и динамизм практики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2018. Т. 43. № 3. С. 532–538.

3. *Митин Г. Н.* Особенности доказывания отдельных фактов при рассмотрении избирательными комиссиями жалоб на нарушение порядка ведения предвыборной агитации // Избирательное законодательство и практика. 2021. № 2. С. 22–25.

4. *Первушова А. С.* Использование новых технологий как платформа современного информационного обеспечения выборов: российский и зарубежный опыт // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 204–214.

5. *Савченко М. С.* Правовые основы и особенности реализации населением муниципальных образований форм непосредственной демократии // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 4 (34). С. 196–202.

6. *Трушкин С. В.* Предвыборная агитация. Избегаем нарушений на практических примерах // Выборы: теория и практика. 2020. № 1 (53). С. 56–62.

7. *Туманян Г. В.* Агитация в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. О регулировании некоторых «сложных» вопросов электронной агитации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 300–309.

8. *Турищева Н. Ю.* Агитация в сети Интернет: в поисках характеристик новой среды // Государство и право. 2020. № 9. С. 50–62.

9. *Чуранов Е.* Интернет в России в 2022 году: самые важные цифры и статистика // WebCanape. 2022. 22 февраля. URL: https://www.web-canape.ru/business/internet-v-rossii-v-2022-godu-samye-vazhnye-cifry-i-statistika/ (дата обращения: 07.07.2023).

10. *Zhuravskaya E., Petrova M., Enikolopov R.* Political Effects of the Internet and Social Media // Annual Review of Economics. 2020. Vol. 12. No. 1. P. 414–438.

УДК 340.154
ББК 67.3(2)535

В. К. Цечоев
профессор кафедры теории и истории права
и государства Ростовского филиала
Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, профессор
Россия, г. Ростов-на-Дону
cechvk53@mail.ru

СОВЕТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРБИТРАЖ В 1950–1960-Х ГГ.

SOVIET STATE ARBITRATION IN THE 1950S-1960S

В статье проанализирована история развития государственного арбитража в СССР периода 1950–1960-х гг. Автором рассмотрены нормативные правовые акты Советского государства, исследованы основные направления развития государственного арбитража. Согласно авторской позиции, важнейшей причиной совершенствования органов государственного арбитража в этот период становится низкое качество их работы. Обоснован вывод о квазисудебном характере деятельности государственного арбитража и его подчиненном по отношению к органам исполнительной власти положении. Государственные арбитражи выполняли не только судебные, но и административные функции, напрямую воздействуя на хозяйственную деятельность государственных предприятий. Прослеживаются позитивные тенденции реформирования государственных арбитражей в начале 1960-х гг. Повышено качество

выносимых государственными арбитражами решений. Начался процесс постепенного обособления арбитражей в качестве судебных органов, а не судебно-административных.

Ключевые слова: арбитражные комиссии, государственный арбитраж, арбитражные суды, специализированные суды, история суда, правосудие, третейский суд, подсудность.

The article analyses the history of development of state arbitration in the USSR in the period of 1950-1960s. The author considers normative legal acts of the Soviet state, researches the main directions of development of state arbitration. According to the author's position, the most important reason for the improvement of state arbitration bodies in this period is the low quality of their work. The conclusion about the quasi-judicial nature of the state arbitration activity and its subordinate position in relation to the executive authorities is substantiated. State arbitrations fulfilled not only judicial, but also administrative functions, directly influencing the economic activities of state enterprises. Positive tendencies of reforming state arbitrations in the early 1960s can be traced. The quality of decisions rendered by state arbitrations was improved. The process of gradual separation of arbitrations as judicial bodies rather than judicial-administrative bodies began.

Keywords: arbitration commissions, state arbitration, arbitration courts, specialised courts, court history, justice, arbitral tribunal, jurisdiction.

В 20–30-е гг. XX века в Советском государстве созданы и развиваются новые органы судебной власти. В сфере хозяйственной деятельности споры сначала рассматривают арбитражные комиссии, а затем – государственные арбитражи. Последние стали судебно-административными органами, деятельность которых сложно назвать судебной, хотя они сохранили отдельные элементы состязательности в процессе и выносили решения, обязательные для всех субъектов. Эти квазисудебные органы начинают интенсивно модернизироваться в послевоенный период, что можно связать с развитием хозяйственных отношений в Советском государстве и процесса восстановления народного хозяйства в послевоенный период.

В начале 50-х гг. XX в. государственный арбитраж передавался «из рук в руки». Прежде всего в 1953 г. он передан в состав Министерства юстиции СССР. Затем, спустя немногим более года, в 1954 г., его подчинили Совету министров СССР. Причиной переподчинения арбитража стало низкое качество

выносимых им правоприменительных актов[1]. Так, А. Н. Гурьева пишет, что «…руководством Госарбитража при Совете Министров СССР в 1951 г. отменено и изменено в порядке надзора 709 решений, что свидетельствует о неудовлетворительном изучении государственными арбитрами материалов дел»[2]. Вероятно, низкое качество выносимых решений было связано с попытками делегирования арбитражам административных полномочий, что не позволяло сосредоточиться только на рассмотрении и разрешении хозяйственных споров, отвлекая арбитров от этой деятельности[3].

Еще одной причиной стало начало масштабных преобразований органов государственного управления. Процесс изменения органов власти ускорился со смертью Сталина, а «…основная задача преобразования управленческой системы, начатого с середины 1950-х гг., заключалась в уменьшении влияния министерств»[4].

В 1959 г. принято постановление Совета министров СССР «Об улучшении работы государственного арбитража». Причиной его принятия, согласно тексту постановления, послужило то, что органы государственного арбитража не справляются с возложенными на них задачами и «…не оказывают должного воздействия на укрепление плановой и договорной дисциплины»[5]. Второй причиной издания этого документа названо устаревание существовавшей с 1930-х гг. системы нормативных правовых актов, регламентировавших процессуальный порядок рассмотрения хозяйственных споров. Государственному арбитражу ввиду положений указанного нормативного акта

[1] См., напр.: *Воронин Д. В.* Развитие органов государственного арбитража Кемеровской области в 1950-х – начале 1960-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 2. № 2 (58). С. 41.

[2] *Гурьева А. Н.* К вопросу о совершенствовании организационно-правовой формы и качества работы органов государственного арбитража в 1950–1955 гг. // Общество и право. 2010. № 2 (29). С. 34.

[3] См., напр.: *Даценко Н. С., Рассказов В. Л.* Государственный арбитраж в контексте судебной системы СССР 1930-х гг. // Epomen Global. 2023. № 33. С. 257.

[4] *Коваленко С. Г.* Реформы управления народным хозяйством СССР середины 1950-х – 1970-х годов // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 37.

[5] Об улучшении работы государственного арбитража: постановление Совмина СССР от 23 июля 1959 г. № 824 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=37606&ysclid=llid2rifpx558657790#92cEPnTNO7iuKCS6 (дата обращения: 27.05.2023).

вменяли «…активное воздействие на предприятия, организации и учреждения в деле улучшения их работы, выполнения “хозяйственных планов и укрепления хозяйственного расчета”»[1].

Разумеется, об ослаблении административной составляющей деятельности государственного арбитража не было и речи. Новую задачу он должен был реализовывать с помощью имущественных санкций, а также при внесении предложения об устранении недостатков в деятельности государственных предприятий и учреждений. Иными словами, он сочетал судебно-административные и надзорные функции. Сохранилось подчинение государственного арбитража Совету министров СССР, что позволяло считать его продолжением органов исполнительной власти. Об административном характере его деятельности свидетельствует и руководящее значение его решений для хозяйственных органов. Как пишет И. В. Королева, государственный арбитраж в 1959 г. «…превращается в орган, активно воздействующий на улучшение работы хозорганов, на выполнение плановых заданий, на укрепление хозрасчета и предотвращающий, таким образом, возникновение необоснованных арбитражных споров в дальнейшем»[2].

Вместе с тем возникли и новые принципы организации его деятельности. Так, в п. 4 указанного постановления была провозглашена возможность рассмотрения хозяйственных споров с участием третейского суда, который должен был быть избран сторонами. На практике, однако, третейские суды не существовали, поскольку, как отмечает Д. В. Воронин, «…закон прямо запрещал арбитрам получать гонорары, а желающих работать на общественных началах не было»[3].

Вводился обязательный досудебный (претензионный) порядок разрешения споров. Государственный арбитраж при Совете министров СССР был наделен правом официального толкования норм права, связанных с договорами поставки отдельных видов продукции. Такое толкование-разъяснение

[1] Там же.

[2] *Королева И. В.* Формирование и деятельности арбитражных органов в России: историко-правовой аспект // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 1. С. 135.

[3] *Воронин Д. В.* Органы государственного арбитража в период экономических реформ и контрреформ 1960-х гг. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. Т. 7. № 4 (46). С. 123.

осуществлялось по запросу соответствующих предприятий и организаций.

В 1960 г. в связи с тем, что «…на рубеже 1960 г., когда в СССР началась активная фаза известного периода хрущевской “оттепели”, советское право в целом переживало свою модернизацию»[1], принято Положение о государственном арбитраже при Совете министров СССР. Этот документ более детально регламентировал деятельность государственного арбитража, нежели предшествующие документы. Данный акт стал нормативной основой для аналогичных положений, принятых во всех союзных республиках СССР.

Появляется легальная дефиниция государственного арбитража. Согласно Положению «Государственный арбитраж при Совете Министров СССР является органом по разрешению крупных и важных хозяйственных споров между государственными, кооперативными и иными общественными предприятиями, организациями и учреждениями»[2]. Пункт 3 Положения раскрывает понятие крупных и важных споров. К ним относились споры между предприятиями, организациями и учреждениями различных союзных республик ценой более 10 млн рублей при заключении договоров; споры ценой более 100 тысяч рублей при исполнении договоров и другие категории споров. Совет министров СССР был уполномочен самостоятельно передавать отдельные споры на рассмотрение в государственный арбитраж, что свидетельствует о сохранении административных функций арбитражей и их подчинении органам исполнительной власти как минимум по некоторым направлениям деятельности.

Полномочия государственного арбитража СССР, не связанные с рассмотрением и разрешением хозяйственных споров, перечислены в п. 5 Положения. В сравнении с документами предшествующего периода его полномочия также расширены. Он, помимо ранее осуществляемых полномочий в отношении утверждения Особых условий поставки, разъяснения

[1] *Упоров И. В.* Правовое регулирование рассмотрения хозяйственных споров в советском государстве в 1960–1970-е годы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4-4 (55). С. 160.

[2] Об утверждении Положения о Государственном арбитраже при Совете Министров СССР: постановление Совмина СССР от 17 августа 1960 г. № 892 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=20034&ysclid=lldew5stw107973103#L3zGPnTemA6ix1Lm (дата обращения: 27.05.2023).

норм права и т. п., приобрел право докладывать Совету министров СССР о «…наиболее серьезных нарушениях государственной дисциплины, законодательства о качестве и комплектности выпускаемой продукции, а также о фактах проявления местничества и о других нарушениях социалистической законности в хозяйственной деятельности»[1]. Иными словами, его надзорные полномочия несколько расширены. Кроме того, государственный арбитраж СССР издавал правила рассмотрения споров государственными арбитражами союзных республик.

В РСФСР в этом же году принято постановление Совмина РСФСР, которым утверждено положение о Государственном арбитраже РСФСР. Документ копировал некоторые нормы Положения для СССР, а также определял задачи государственного арбитража РСФСР. К ним относилось рассмотрение и разрешение хозяйственных споров, содействие выполнению экономических планов, воздействие на учреждения и организации с помощью финансовых санкций с целью побуждения их к исполнению законов. Определялась подсудность споров: государственный арбитраж РСФСР рассматривал споры при заключении договоров ценой более пяти миллионов рублей (но не более десяти, поскольку такие споры подсудны государственному арбитражу СССР); споры между предприятиями, организациями и учреждениями, если один из субъектов спора подчинялся РСФСР, а второй – органам власти субъектов РСФСР; споры при исполнении договоров ценой от 50 тысяч рублей (но не более 100 тысяч) и т. д. Совет министров РСФСР, как и Совет министров СССР, мог поручать государственному арбитражу РСФСР рассмотрение споров по своему усмотрению. По поручению государственного арбитража СССР некоторые категории споров, подсудные ему, могли рассматривать государственные арбитражи соответствующих союзных республик.

Несмотря на то, что полномочия государственных арбитражей разного уровня были во многом схожи, системы подчинения нижестоящего арбитража вышестоящему не существовало. Вероятно, это связано с тем, что арбитражи подчинялись органам исполнительной власти соответствующего уровня, которые, в свою очередь, состояли в отношениях соподчиненности. Поэтому споры относительно подсудности дел могли быть разрешены органами исполнительной власти, а не

[1] Там же.

арбитражами, в административном порядке. Об этом свидетельствует и норма о праве Совета министров соответствующего уровня передавать арбитражу на рассмотрение хозяйственный спор. Следовательно, нельзя утверждать, что концептуально изменилось положение государственного арбитража в системе органов власти. Он остался судебно-административным органом, подчиненным органам исполнительной власти.

Порядок рассмотрения споров в государственных арбитражах также был регламентирован нормами положений. Так, согласно Положению о государственном арбитраже СССР, споры рассматривались государственным арбитром и представителями сторон (руководителями соответствующих организаций). При этом, если стороны приходили к соглашению, то оно приобретало силу решения, и только в случае недостижения соглашения решение выносил арбитр. Аналогичные правила действовали и в государственном арбитраже РСФСР и иных союзных республик.

Решения государственного арбитража не подлежали обжалованию. Это также свидетельствует о том, что единая централизованная система государственных арбитражей не сложилась. Причиной тому, по-видимому, является тот факт, что арбитражи подчинялись органам исполнительной власти. Решения надлежало исполнять сторонам. В случае неисполнения государственные арбитражи могли выносить приказы, приобретавшие силу исполнительных документов. Вместе с тем, согласно п. 18 Положения о государственном арбитраже СССР, главный арбитр осуществлял руководство государственными арбитражами союзных республик, но лишь при рассмотрении ими споров, переданных им государственным арбитражем СССР. Наконец, государственный арбитраж СССР мог приостанавливать исполнение актов государственных арбитражей союзных республик по своему усмотрению, но по заявлению органов власти и в случае, если исполнение правоприменительного акта противоречило интересам государства. Поэтому нельзя утверждать, что государственные арбитражи разных уровней не связаны между собой. Однако эта связь существовала только в рамках надзорных функций государственного арбитража СССР, а не с учетом существования нескольких судебных инстанций. О широких надзорных полномочиях государственных арбитражей, кроме того, свидетельствует и тот факт, что, согласно нормам

Положений соответствующего уровня, организации и предприятия, в деятельности которых государственный арбитраж выявил нарушения, обязаны отчитываться перед арбитражем о мерах по исправлению нарушений.

Несмотря на то, что арбитражи не образовывали единой системы, можно отметить ряд позитивных изменений, которые произошли в 1960 г. в связи с принятием Положения о государственном арбитраже СССР и соответствующих положений союзных республик. Во-первых, более четко определена подсудность споров (по цене иска или, как в случае с транспортными спорами, по грузообороту в количестве вагонов). Количественный критерий позволил разграничить деятельность государственных арбитражей различных уровней. Во-вторых, сохранялась потенциальная возможность рассмотрения споров третейским судом, что свидетельствует о существовании идеи о необходимости примирения сторон, а не принудительного понуждения к исполнению властных решений. «Миротворческая» функция арбитражей дополнительно подтверждается указанным выше фактом, тем, что соглашение сторон, достигнутое при рассмотрении спора, приобретало силу решения. Вместе с тем административная составляющая их деятельности сохранилась. В частности, «…на госарбитраж были возложены обязанности по утверждению условий поставки отдельных видов продукции (товаров народного потребления, продукции производственно-технического назначения) и инструкций о порядке приемки товаров по количеству и качеству; по предоставлению разъяснений предприятиям, организациям и учреждениям относительно применения законодательства о поставках товаров»[1].

В результате проведенных преобразований государственный арбитраж изменяется, но преобразования можно назвать лишь осторожной реформой, которая, в сущности, не изменила квазисудебного характера деятельности арбитражей. Вероятно, в этой связи в юридической науке того времени «… на первый план вышла проблема сущности государственного арбитража»[2]. Эти исследователи «…Государственный арбитраж относили к

[1] *Машкова А. С.* Правовая природа государственного арбитража в СССР // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 3. С. 90.

[2] *Токарева С. Н., Машкова А. С.* Государственный арбитраж в СССР: историографический аспект // Filo Ariadne. 2017. № 1 (5). С. 41.

специализированным судебным органам или к органам государственного управления, либо представили его как особый институт, выполнявший судебные и административные функции»[1]. Данный вывод подтверждает приведенную нами выше характеристику государственного арбитража 1960-х гг. как квазисудебного органа.

В числе позитивных изменений можно указать и наделение арбитражей полномочиями в сфере правового просвещения. Эти полномочия следовали как из содержания Положения 1959 г., так и из содержания Положения 1960 г. Причиной наделения государственного арбитража консультативными функциями стала как недостаточность квалифицированных юридических кадров в учреждениях и организациях, так и низкое качество работы юристов. С этой целью создавали Общественные юридические советы. Приведенные полномочия вполне укладывались в концепцию деятельности арбитражей: «Создание Совета свидетельствовало о том, что госарбитраж по своему статусу был органом хозяйственного управления, так как при судах никакие общественные советы никогда не создавались и не могли создаваться в силу особого статуса суда»[2].

В целом система государственных арбитражей в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. продолжала развиваться. Нормативно закреплялся статус государственных арбитражей, их полномочия, задачи их деятельности. Развитие норм права происходило из представлений о государственном арбитраже как о судебно-административном органе, но имело и положительные результаты, связанные с повышением качества деятельности арбитражей и их постепенным (хотя и очень осторожным) обособлением. Об обособлении свидетельствует приведенный К. В. Рыбкиной факт внедрения (пусть и только нормативного) института третейских судов. Наделение арбитражей просветительскими функциями говорит о понимании советским руководством необходимости правовой регламентации хозяйственной деятельности даже в условиях плановой экономики. Дальнейшее развитие

[1] Там же.

[2] *Воронин Д. В.* Роль общественных юридических советов в системе государственного арбитража Западной Сибири в 1960-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-1 (43). С. 73.

государственных арбитражей может стать предметом отдельного научного исследования.

Библиографический список

1. *Воронин Д. В.* Органы государственного арбитража в период экономических реформ и контрреформ 1960-х гг. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. Т. 7. № 4 (46). С. 122–127.

2. *Воронин Д. В.* Развитие органов государственного арбитража Кемеровской области в 1950-х – начале 1960-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 2. № 2 (58). С. 40–43.

3. *Воронин Д. В.* Роль общественных юридических советов в системе государственного арбитража Западной Сибири в 1960-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-1 (43). С. 72–75.

4. *Гурьева А. Н.* К вопросу о совершенствовании организационно-правовой формы и качества работы органов государственного арбитража в 1950–1955 гг. // Общество и право. 2010. № 2 (29). С. 32–35.

5. *Даценко Н. С., Рассказов В. Л.* Государственный арбитраж в контексте судебной системы СССР 1930-х гг. // Epomen Global. 2023. № 33. С. 254–258.

6. *Коваленко С. Г.* Реформы управления народным хозяйством СССР середины 1950-х – 1970-х годов // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 37–47.

7. *Королева И. В.* Формирование и деятельности арбитражных органов в России: историко-правовой аспект // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 1. С. 131–136.

8. *Машкова А. С.* Правовая природа государственного арбитража в СССР // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 3. С. 86–97.

9. *Токарева С. Н., Машкова А. С.* Государственный арбитраж в СССР: историографический аспект // Filo Ariadne. 2017. № 1 (5). С. 36–48.

10. *Упоров И. В.* Правовое регулирование рассмотрения хозяйственных споров в советском государстве в 1960–1970-е

годы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4-4 (55). С. 160–163.

УДК 347.1
ББК 67.410.2

П. Х. Алиева
доцент кафедры
административного и финансового права
Оренбургского государственного университета,
кандидат юридических наук
Россия, г. Оренбург
Pari_2.01.86@mail.ru

ЗАПРЕТ НА ПРИБЛИЖЕНИЕ С ПОЗИЦИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО

THE PROHIBITION ON APPROACHING FROM THE POINT OF VIEW OF THE SAFETY OF THE VICTIM

Статья посвящена одному из основных прав потерпевшего – праву на обеспечение его безопасности. Проведен сравнительно-правовой анализ норм уголовно-процессуального законодательства стран постсоветского пространства, регламентирующих обеспечение безопасности потерпевшего. С позиций права потерпевшего на обеспечение его безопасности рассмотрены актуальные вопросы, связанные с применением мер процессуального принуждения. По результатам проведенного анализа сделан вывод о целесообразности включения в перечень иных мер процессуального принуждения также запрета на приближение по аналогии с кыргызским уголовно-процессуальным законодательством.

Ключевые слова: потерпевший, безопасность, меры процессуального принуждения, меры пресечения, запрет на приближение, запрет определенных действий, безопасность потерпевшего.

The article is devoted to one of the basic rights of the victim - the right to ensure his safety. The comparative legal analysis of the norms of criminal procedural legislation of the post-Soviet countries regulating the security of the victim is carried out. From the position of the victim's right to ensure his safety the actual issues related to the application of measures of procedural coercion are considered. According to the results of the analysis, it is concluded that it is advisable to include in the list of other measures of procedural coercion also the prohibition of proximity by analogy with the Kyrgyz criminal procedural legislation.

Keywords: victim, safety, procedural coercive measures, restraint measures, prohibition of approach, prohibition of certain actions, safety of the victim.

Потерпевшим в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Таджикистан (РТ) признают лицо, независимо от его возраста, психического и физического состояния, которому преступлением причинен физический, материальный, моральный вред, а также лицо, права и интересы которого поставлены под непосредственную угрозу покушением на преступление. Кроме того, потерпевшим может быть признано юридическое лицо, которому преступлением причинен моральный и материальный вред (ч. 1 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РТ).

Относительно его процессуального положения можно указать, что в целом комплекс прав потерпевшего профессор В. Н. Махов справедливо классифицирует на три основные группы: 1) право на информацию и доступ к правосудию; 2) право на возмещение вреда, причиненного ему преступлением; 3) право на обеспечение его безопасности[1]. Из этого следует, что одним из главных прав потерпевшего является право на обеспечение его безопасности, интерес к которому не ослабевает на протяжении многих лет в правовой теории и правоприменительной практике.

С позиций права потерпевшего на обеспечение его безопасности полагаем целесообразным рассмотреть актуальные вопросы, связанные с применением мер процессуального принуждения. Предметом обсуждения служит и место потерпевшего в случае принятия решения о применении меры пресечения в отношении обвиняемого или подозреваемого. УПК РТ не наделяет потерпевшего правом выразить свою точку зрения относительно применения той или иной меры пресечения либо ее отмены в отношении подозреваемого, обвиняемого. Другими словами, дознаватель, следователь и суд решает вопрос о применении меры пресечения или ее отмене без учета мнения потерпевшего. В этом вопросе мы солидарны с суждением Е. Ю. Замуруевой о том, что все без исключения решения правоприменителя в случае применения меры пресечения должны быть этическими, базированными на стремлении восстановления сбалансированности интересов обвиняемого и потерпевшего. Только при надлежащей соразмерности интересов участников уголовно-процессуальных отношений будет достигнут такой

[1] *Махов В. Н.* Обеспечение безопасности потерпевшего // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11. С. 157.

результат[1]. С учетом гарантии права потерпевшего на обеспечение его безопасности С. А. Янина считает крайне важным учитывать позицию потерпевшего в случае избрания или изменения меры пресечения[2]. Кроме того, это окажет содействие надлежащей охране прав потерпевших при урегулировании вопроса об избрании в отношении подозреваемых или обвиняемых меры пресечения в виде заключения под стражу[3].

Вызывает любопытство и такая новелла казахского уголовно-процессуального законодательства, как запрет на приближение, что закреплено наряду с иными мерами процессуального принуждения, не известными таджикскому уголовному процессу. В частности, должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование, а также суд вправе применить в отношении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого вместо установленных мер пресечения или наряду с ними запрет на приближение. Суть последнего состоит в ограничении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого разыскивать, преследовать, посещать, вести телефонные переговоры и общаться другими способами с потерпевшим и иными лицами, участвующими в деле, в целях их защиты.

Запрет на приближение санкционируется следственным судьей либо применяется судом. В случае нарушения запрета на приближение будет возможным наложение денежного взыскания или применение меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого.

Кыргызская Республика с принятием УПК от 2 февраля 2017 г. № 220, вступившего в силу с 1 января 2019 г.[4], также причислила к иным мерам процессуального принуждения запрет

[1] *Замруева Е. Ю.* Справедливость как требование к решению о применении мер пресечения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 152.

[2] *Янин С. А.* Правовые и организационно-тактические проблемы государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, на стадии предварительного расследования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 23.

[3] *Долбня В. В.* Реализация прав потерпевших при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 29. С. 167.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики: закон Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 20 // Министерство юстиции Кыргызской Республики. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530/50?cl=ru-ru&ysclid=ln4elihlcy487943487 (дата обращения: 20.05.2023).

на приближение. Суть данного запрета заключается в ограничении обвиняемого в разыскивании, преследовании, посещении, ведении телефонных переговоров и общении другими способами с потерпевшими и иными участниками уголовного процесса в интересах их защиты. Данная мера процессуального принуждения применяется следственным судьей или судом. Основанием ее применения служит постановление лица, ведущего уголовный процесс, о возбуждении ходатайства перед следственным судьей о применении такого запрета, принимаемого в результате рассмотрения письменного заявления потерпевшего либо других лиц, подлежащих защите, по указанию прокурора либо по собственной инициативе. При нарушении обвиняемым данного запрета в отношении него может быть применена одна из мер пресечения.

Похожее положение присуще и российскому уголовно-процессуальному законодательству. Так, Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. УПК РФ дополнен статьей 105.1. о запрете определенных действий в качестве меры пресечения. Данное нововведение заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на него запретов.

Принятая российским законодателем новелла в целом заслуживает положительной оценки. Вместе с тем, соглашаясь с учеными-процессуалистами, не видим необходимости ее включения в качестве самостоятельной меры пресечения, полагая, что существуют отдельные положения, которые применимы и для домашнего ареста, и для залога[1].

Как справедливо утверждает А. Р. Белкин, избрание одновременно двух мер пресечения не согласовывается с принципом альтернативности, поскольку каждая из них назначается при наличии конкретных обстоятельств для ее применения. В контексте запрета определенных действий считаем, что данную меру разумнее причислить к иным мерам процессуального принуждения, которые вполне могут быть применены в совокупности как с мерами пресечения, так и друг с

[1] *Загвоздкин Н. Н., Кузора С. А.* Запрет определенных действий. Анализ правоприменительной практики // Закон и право. 2018. № 12. С. 84.

другом[1]. Подобный подход вводит неточность в действовавшую на протяжении многих лет иерархию мер пресечения, размывая установленный порядок их расположения в зависимости от строгости применяемых правоограничений[2].

Таким образом, в результате проведенного сравнительно-правового анализа формируется вывод о том, что уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан нуждается в дополнении. Так, в целях обеспечения безопасности потерпевшего считаем уместным в случаях применения меры пресечения или ее отмены учитывать мнение потерпевшего. С позиций обеспечения права на безопасность потерпевшего представляется целесообразным также включить в перечень иных мер процессуального принуждения запрет на приближение по аналогии с казахским уголовно-процессуальным законодательством.

Библиографический список

1. *Белкин А. Р.* Запрет определенных действий – хорошо ли он определен? // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2. С. 43–50.

2. *Долбня В. В.* Реализация прав потерпевших при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 29. С. 167–171.

3. *Загвоздкин Н. Н., Кузора С. А.* Запрет определенных действий. Анализ правоприменительной практики // Закон и право. 2018. № 12. С. 84–86.

4. *Замуруева Е. Ю.* Справедливость как требование к решению о применении мер пресечения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 152–162.

5. *Махов В. Н.* Обеспечение безопасности потерпевшего // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11. С. 157–159.

[1] *Белкин А. Р.* Запрет определенных действий – хорошо ли он определен? // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2. С. 43.

[2] *Орлов А. В.* Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 5 (31). С. 53.

6. *Орлов А. В.* Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 5 (31). С. 53–57.

7. *Янин С. А.* Правовые и организационно-тактические проблемы государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, на стадии предварительного расследования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 28 с.

УДК 349.414
ББК 67.407

А. А. Кравченко
кандидат юридических наук,
доцент кафедры правового
обеспечения рыночной
экономики Высшей школы
правоведения
Института государственной
службы и управления
(ИГСУ) РАНХиГС
при Президенте Российской
Федерации
Россия, г. Москва
aa.kravchenko@igsu.ru
(разделы 1, 2)

К. Х. Мендохов
студент второго курса
магистратуры по направлению
«гражданское право, семейное
право и международное
частное право»
Высшей школы правоведения
Института государственной
службы и управления
(ИГСУ) РАНХиГС
при Президенте Российской
Федерации
Россия, г. Москва
kmendokhov@gmail.com
(разделы 3, 4)

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА ВЗАМЕН РАНЕЕ АРЕНДОВАННОГО И ИЗЫМАЕМОГО ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

PROBLEMS OF GRANTING A LAND PLOT TO REPLACE A PREVIOUSLY LEASED AND WITHDRAWN LAND PLOT FOR STATE OR MUNICIPAL NEEDS

В статье авторами выявлены концептуальные недостатки правового регулирования защиты прав арендаторов государственных и муниципальных земельных участков, находящихся в зонах с особыми условиями использования территорий, которые препятствуют изъятию таких участков для государственных и муниципальных нужд и предоставлению нового земельного участка взамен изымаемого в соответствии с подп. 16 п. 2 ст. 39.6 Земельного кодекса Российской Федерации. Сформулированы законодательные предложения, направленные на устранение указанных недостатков. В частности, авторы предлагают дать легальное определение понятия «государственные и муниципальные нужды», что позволит исключить произвольное его толкование в правоприменительной практике, а также рассматривать в качестве дополнительного основания изъятия земельного участка расположение объектов государственного и муниципального значения,

функционирование которых предполагает установление охранных зон, влекущих невозможность использования земельного участка по целевому назначению. Кроме того, в статье предложено предоставить арендаторам государственных и муниципальных земельных участков право ходатайствовать об изъятии земельного участка для государственных и муниципальных нужд.

Ключевые слова: изъятие земельного участка для государственных и муниципальных нужд, защита прав арендаторов земельных участков, предоставление земельного участка взамен ранее арендованного и изымаемого для государственных или муниципальных нужд, разумность в праве, справедливость правового регулирования, судебная практика, государственные и муниципальные нужды, аренда земельных участков.

In the article the authors identified conceptual shortcomings of legal regulation of the protection of the rights of tenants of state and municipal land plots located in zones with special conditions of use of territories, which prevent the withdrawal of such plots for state and municipal needs and the provision of a new land plot to replace the withdrawn in accordance with subpar. 16 par. 2 of Art. 39.6 of the Land Code of the Russian Federation. 16 p. 2 of article 39.6 of the Land Code of the Russian Federation. Legislative proposals aimed at eliminating these shortcomings are formulated. In particular, the authors propose to provide a legal definition of the concept of "state and municipal needs", which will eliminate its arbitrary interpretation in law enforcement practice, as well as to consider as an additional ground for the withdrawal of a land plot the location of objects of state and municipal importance, the functioning of which involves the establishment of protection zones, resulting in the impossibility of using the land plot for its intended purpose. In addition, the article proposes to give lessees of state and municipal land plots the right to apply for the withdrawal of a land plot for state and municipal needs.

Keywords: withdrawal of a land plot for state and municipal needs, protection of the rights of tenants of land plots, provision of a land plot to replace a previously leased and withdrawn for state or municipal needs, reasonableness in law, fairness of legal regulation, judicial practice, state and municipal needs, lease of land plots.

1. Общие положения об аренде земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности

Земельные участки традиционно относятся к объектам гражданских правоотношений, а именно к объектам недвижимого имущества[1]. Тем не менее земля имеет особый публичный статус,

[1] *Анисина К. Т.* Правовое регулирование земельного налога: вопросы теории и практики // Финансовое право. 2019. № 9. С. 13–14.

поэтому договорные правоотношения, связанные с земельными участками, регулируются не только нормами гражданского права, но и специальными нормами земельного права[1].

В соответствии со ст. 5 Земельного кодекса Российской Федерации (ЗК РФ) участниками земельных правоотношений являются в том числе публично-правовые образования в лице РФ, субъектов РФ и муниципальных образований[2]. ЗК РФ собственность публично-правовых образований на землю подразделяет на два вида: государственную (собственность РФ и субъектов РФ) и муниципальную. Как и частные лица, публично-правовые образования вправе распоряжаться своим имуществом, отчуждать его, передавать в пользование и (или) владение, в том числе сдавать в аренду.

Основанием для передачи в аренду земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, служит договор аренды, к существенным условиям которого по общему правилу отнесены предмет и размер арендной платы[3]. Ввиду п. 1 ст. 432 Гражданского кодекса (ГК) РФ для согласования предмета в договоре должны быть указаны сведения, позволяющие идентифицировать конкретный земельный участок, передаваемый в пользование и (или) владение арендатору[4]. Если такие сведения в договоре отсутствуют, то условие о предмете будет считаться несогласованным, а договор – незаключенным (п. 3 ст. 607 ГК РФ).

Порядок определения размера арендной платы установлен ЗК РФ и зависит от способа заключения договора аренды, который может быть заключен по результатам проведения торгов или без их проведения. В последнем случае с учетом п. 1 ст. 39.7 ЗК РФ размер арендной платы устанавливает публично-правовое

[1] *Аливердиева М. А.* Проблемы правового регулирования аренды государственных и муниципальных земель // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2016. Т. 20. № 4. С. 98–99.

[2] Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.

[3] *Данилов И. Б.* Земельное право: курс лекций. Новосибирск: СибАГС, 2016. С. 55–56.

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

образование в соответствии с основными принципами ее определения, предусмотренными Правительством РФ[1].

Предоставление земельного участка взамен ранее арендованного и изымаемого для государственных или муниципальных нужд осуществляется путем заключения договора аренды государственного или муниципального земельного участка без проведения торгов ввиду подп. 16 п. 2 ст. 39.6 ЗК РФ. Данный случай на практике вызывает наибольшее количество вопросов.

2. Определение правового режима земель

Вопрос об определении правового режима земель имеет ключевое значение для предоставления земельного участка взамен ранее арендованного и изымаемого для государственных или муниципальных нужд, поскольку при предоставлении земельного участка арендатору должен быть предоставлен равноценный земельный участок с аналогичным правовым режимом его использования.

В соответствии с п. 2 ст. 7 ЗК РФ правовой режим земель определяется с учетом федерального законодательства, исходя из их принадлежности к той или иной категории земель и соответствующим им видам разрешенного использования. Земли в России дифференцируют по целевому назначению на семь категорий[2]: земли сельскохозяйственного назначения; земли населенных пунктов; земли промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения; земли особо охраняемых территорий и объектов; земли лесного фонда; земли водного фонда; земли запаса. В зависимости от категории земли и вида разрешенного использования в отношении земельного участка устанавливают особенности приобретения и прекращения прав на него, права и обязанности его владельца, ограничения в использовании и т. д.

[1] Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и о Правилах определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 582 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 30. Ст. 3821.

[2] *Харьков В. Н.* Проблемы применения судами принципов законодательства об охране окружающей среды и природопользовании // Российская юстиция. 2020. № 6. С. 12.

Стоит учитывать, что для некоторых категорий земель виды разрешенного использования установлены специальными федеральными законами (например, для земель лесного фонда – лесным законодательством)[1], для других категорий – в соответствии с нормами градостроительного законодательства на основании территориального зонирования (например, земли населенных пунктов). Ключевым документом при осуществлении территориального зонирования служит градостроительный регламент, под которым, согласно ст. 36 Градостроительного кодекса РФ, понимают устанавливаемые в пределах границ соответствующей территориальной зоны (на которые делится территория муниципального образования в целом) виды разрешенного использования земельных участков, равно как всего, что находится над и под их поверхностью и используется в процессе их застройки и последующей эксплуатации объектов капитального строительства, предельные (минимальные и (или) максимальные) размеры земельных участков и предельные параметры разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства, а также ограничения использования земельных участков и объектов капитального строительства[2].

Градостроительным законодательством установлены следующие виды разрешенного использования земельных участков:

1) основные виды разрешенного использования;

2) условно разрешенные виды использования;

3) вспомогательные виды разрешенного использования, допустимые только в качестве дополнительных по отношению к перечисленным двум.

Основные виды использования устанавливают обязательно для каждой территориальной зоны. При этом собственник, если он не является публично-правовым образованием, вправе самостоятельно выбирать основные и вспомогательные виды использования. Разрешение на условно разрешенные виды использования может быть получено только на основании

[1] *Анохин С. А.* Механизм правового режима земель лесного фонда и деятельность ОВД в его обеспечении // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 47–48.

[2] Актуальные проблемы теории земельного права России: монография / под ред. А. П. Анисимова. М.: Юстицинформ, 2020. С. 490.

соответствующего решения земельной комиссии, которое может быть оспорено в судебном порядке.

Действующий перечень видов разрешенного использования закреплен Классификатором видов разрешенного использования земельных участков, утвержденным приказом Росреестра от 10 ноября 2020 г. № П/0412[1]. Указанный Классификатор содержит в себе наименования и сущностные описания видов разрешенного использования земельных участков. Например, вид разрешенного использования «Овощеводство» в своей описательной части уточняется тем, что при таком виде разрешено «осуществление хозяйственной деятельности на сельскохозяйственных угодьях, связанной с производством зерновых, бобовых, кормовых, технических, масличных, эфиромасличных и иных сельскохозяйственных культур».

Таким образом, из вышеизложенного можно заключить, что важными элементами для определения правового режима земель являются его целевое назначение, определяющее категорию земли, а также виды разрешенного использования, устанавливаемые для соответствующей категории земель.

3. Проблемы правоприменительной практики при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд

Как указано ранее, земельный участок может быть предоставлен лицу взамен ранее арендованного и изымаемого для государственных или муниципальных нужд. При этом само по себе понятие «государственные и муниципальные нужды» имеет очень широкое содержание. Во избежание необоснованных изъятий земельных участков у арендодателей необходимы четкие закрепленные в законодательстве критерии определения государственных и муниципальных нужд.

К сожалению, в настоящее время земельным законодательством не дано определение понятия «государственные и муниципальные нужды»[2]. В ст. 49 ЗК РФ лишь приведены основания, согласно которым земельный участок

[1] Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков: приказ Росреестра от 10 ноября 2020 г. № П/0412 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 07.02.2023).

[2] *Трубкин Н. В.* Изъятие земель для государственных и муниципальных нужд (основания, процедура) // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 8. С. 74.

может быть изъят у правообладателя для нужд публично-правовых образований: выполнение международных договоров РФ, строительство или реконструкция определенных указанной статьей объектов государственного и муниципального значения, в том числе объектов систем электро-, газоснабжения, а также иные основания, предусмотренные федеральными законами.

Однако наличие перечня оснований изъятия земельного участка для государственных и муниципальных нужд на практике не решает проблему расширительного толкования понятия «государственные и муниципальные нужды», что, в частности, подтверждается работами российских ученых[1] и судебной практикой Верховного Суда РФ[2]. Решение об изъятии земельного участка принимают уполномоченные органы исполнительной власти или местного самоуправления. Процесс принятия такого решения может быть инициирован государственным или муниципальным органом либо организацией из закрытого перечня организаций, установленных ст. 56.4 ЗК РФ (например, субъектами естественных монополий).

Как справедливо утверждают И. Н. Харинов и Ю. Э. Киль, решение об изъятии земельного участка в публичных интересах непосредственно затрагивает имущественную сферу частного лица, а следовательно, такая предусмотренная законом экстраординарная процедура должна иметь предсказуемые и разумные основания[3]. Однако сложившаяся в последние годы судебная практика по спорам, связанным с изъятием земельных участков для публичных нужд, не позволяет сделать вывод о предсказуемости проводимых изъятий.

Так, п. 2 ст. 49 ЗК РФ установлен закрытый перечень объектов государственного и местного значения, в связи со строительством, реконструкцией которых земельные участки изымают для государственных и муниципальных нужд. Логично

[1] *Воронин Б. А., Чупина И. П., Симачкова Н. Н., Зарубина Е. В., Фатеева Н. Б.* Критерии определения оснований изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Московский экономический журнал. 2020. № 5. С. 109–111.

[2] Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 7 августа 2019 г. № 18-КА19-21 // Верховный Суд РФ: офиц. сайт. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1798024 (дата обращения: 09.02.2023).

[3] *Харинов И. Н., Киль Ю. Э.* Изъятие земельных участков в целях комплексного развития территории: проблема идентификации публичных нужд // Закон. 2022. № 12. С. 70.

предположить, что случаи, не вошедшие в указанный перечень, не являются основаниями для изъятий. Аналогичная позиция выражена Правительством РФ[1], поддерживают ее в судебной практике[2]. Вместе с тем, как показывает практика, суды не всегда придерживаются этой позиции. Так, на рассмотрении Сосновского районного суда Челябинской области находилось дело об оспаривании постановления местной администрации в аспекте изъятия земельных участков истца в связи со строительством «объекта местного значения» в виде здания администрации.

Несмотря на то, что строительство административных зданий не входит в перечень объектов, упомянутых в п. 2 ст. 49 ЗК РФ, суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о законности постановления. Судами отвергнут также довод истца о наличии в населенном пункте альтернативных участков, свободных от застройки, которые могли быть использованы для строительства административных зданий.

Суд кассационной инстанции отменил акты нижестоящих судов, обосновав это тем, что административное здание не указано в п. 2 ст. 49 ЗК РФ в числе объектов местного значения, для строительства которых разрешено изымать у гражданина земельный участок. Однако Верховный Суд РФ отменил судебный акт кассации, указав на то, что вывод суда кассационной инстанции о том, что если в п. 2 ст. 49 ЗК РФ административное здание не включено в качестве объекта местного значения, для строительства которого возможно изъятие земельных участков, и отсутствует иной специальный закон, то здание администрации

[1] Законопроектом предлагается внести в ЗК РФ изменения, предусматривающие расширение перечня исключительных случаев изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд. См.: Официальный отзыв Правительства РФ от 1 ноября 2022 г. на проект Федерального закона № 142548-8 «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации» // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=227478&ysclid=lmxxmhvgs2108867511#VxcGoqTWGCd1yQdM1 (дата обращения: 02.08.2023).

[2] Поскольку предусмотренных законом оснований для резервирования и изъятия земельных участков заявителя для муниципальных нужд (под размещение детского сада-яслей) не имеется, то ввиду ч. 12.6 ст. 45 Градостроительного кодекса РФ у ответчика не было оснований для размещения этого объекта в проекте планировки территории на земельных участках заявителя. См.: Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 июня 2017 г. по делу № А65-24395/2016 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS011&n=122021#fv4wAmTjtcQq7jZ6 (дата обращения: 01.08.2023).

нельзя отнести к объектам местного значения, основан на неверном толковании норм приведенного законодательства в их совокупности и взаимной связи[1].

Позиция Верховного Суда РФ по меньшей мере представляется странной, учитывая закрытый характер перечня объектов государственного и местного значения, установленного п. 2 ст. 49 ЗК РФ, а также наличие свободных альтернативных земельных участков. Допуская произвольное расширительное толкование закрытого перечня, мы рискуем столкнуться с ситуацией, при которой любое изъятие будет признано необходимым для «нужд публичного характера».

Помимо этого, законодательство РФ не учитывает два важных аспекта:

отсутствие в законе такого основания изъятия земельного участка для государственных и муниципальных нужд, как нахождение арендуемого государственного и муниципального земельного участка в зоне с особыми условиями использования территорий (ЗОУИТ), охранная зона которого не позволяет его использовать в соответствии с целевым назначением и видом разрешенного использования;

отсутствие возможности обращаться с ходатайством об изъятии земельного участка для государственных и муниципальных нужд в уполномоченные государственные и муниципальные органы.

В соответствии со ст. 105 ЗК РФ к ЗОУИТ, в частности, относятся охранная зона объектов электроэнергетики, охранная зона трубопроводов и т. д. При этом для каждой из таких зон в целях обеспечения безопасного функционирования расположенных на них объектов законодательством установлены ограничения в их использовании, в том числе запреты на строительство определенных объектов[2].

Ранее действовавшее законодательство не обеспечивало общедоступный характер сведений о местонахождении ЗОУИТ, что установил Конституционный Суд РФ в постановлении от 3

[1] Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 1 июня 2022 г. № 48-КАД22-11-К7 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=718936#6A4XAmTqWuHwhZv31 (дата обращения: 03.08.2023).

[2] *Бородина О. Б.* Цели установления зон с особыми условиями использования территорий // Аграрное и земельное право. 2019. № 11 (179). С. 116.

июля 2019 г. № 26-П[1]. В связи с этим на практике часто возникают случаи, в которых арендатор сталкивается с тем, что земельный участок, находящийся у него во владении и пользовании, оказывается, к примеру, в охранной зоне объектов электросетевого хозяйства, хотя ранее сведений ни в ЕГРН, ни в градостроительных документах об этом не было.

Таким образом, при внесении регистрирующим органом сведений о ЗОУИТ в ЕГРН добросовестный арендатор сталкивается с установленными для такой ЗОУИТ ограничениями в использовании земельного участка. При возникновении ситуации установления на земельном участке ЗОУИТ уже после получения его во владение и пользование арендатор сталкивается с двумя проблемами. С одной стороны, ввиду положений ЗК РФ не является основанием изъятия земельного участка для государственных нужд его расположение в охранной зоне. С другой стороны, согласно ст. 56.4 ЗК РФ, у арендатора нет права ходатайствовать об изъятии участка перед государственным или муниципальным органом в связи со всплывшими «недостатками».

Единственное, на что арендатор может претендовать в соответствии с действующим законодательством, – возмещение суммы, уплаченной по договору аренды. Вместе с тем, на наш взгляд, в подобных ситуациях арендатору должен быть предоставлен альтернативный способ защиты права в виде замены ненадлежащего земельного участка на новый надлежащий земельный участок. Это обусловлено как публичными, так и частными интересами.

С точки зрения защиты публичных интересов важно учитывать, что в соответствии со ст. 16 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» муниципальные органы должны обеспечивать население в границах муниципального, городского округа

[1]Лишь с принятием Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 342-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» можно связать начало комплексной регламентации ЗОУИТ, включая обеспечение публичности сведений о таких зонах. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 3 июля 2019 г. № 26-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 27. Ст. 3655.

электроснабжением[1]. Верховный Суд РФ, комментируя ст. 49 ЗК РФ, указал, что «под государственными или муниципальными нуждами понимаются потребности публично-правового образования, удовлетворение которых направлено на достижение интересов общества (общественно полезных целей), осуществить которые невозможно без изъятия имущества, находящегося в частной собственности»[2].

Таким образом, земельный участок, расположенный в охранной зоне объектов электросетевого хозяйства, должен находиться в постоянном пользовании муниципалитета для удовлетворения интересов населения (общества), то есть для обеспечения муниципальных нужд. Обусловлено это и тем, что объекты электросетевого хозяйства нуждаются в регулярном техническом обслуживании[3]. Так, согласно Правилам организации технического обслуживания и ремонта объектов электроэнергетики, утвержденных приказом Минэнерго России от 25 октября 2017 г. № 1013, осмотр линий электропередачи должен быть проведен не реже одного раза в год, капитальный ремонт синхронного компенсатора – не реже одного раза в пять лет, внеочередной осмотр – сразу после нарушений работы линии электропередачи и т. д.[4]

Таким образом, действующая редакция ст. 49 ЗК РФ об изъятии земельного участка только на период строительства и реконструкции объектов электросетевого хозяйства не учитывает всех потребностей надлежащего обеспечения функционирования таких объектов. Это ставит под угрозу удовлетворение

[1] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

[2] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2016): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13 апреля 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 12.

[3] *Петропавловская Ю. С.* Особенности правовой охраны земель от негативного воздействия промышленной деятельности // Экологическое право. 2017. № 1. С. 16.

[4] Об утверждении требований к обеспечению надежности электроэнергетических систем, надежности и безопасности объектов электроэнергетики и энергопринимающих установок «Правила организации технического обслуживания и ремонта объектов электроэнергетики»: приказ Минэнерго России от 25 октября 2017 г. № 1013 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 14.02.2023).

потребностей населения в качественном и бесперебойном обеспечении электроэнергией.

Поскольку муниципалитет выступает особым субъектом гражданских отношений и имеет в собственности большое количество имущества, то при возникновении схожих ситуаций частное лицо должно также иметь право на замену земельного участка по основанию, предусмотренному подп. 16 п. 2 ст. 39.6 ЗК РФ. С точки зрения защиты частных интересов важно учитывать, что возмещение арендаторам только суммы уплаченной арендной платы порождает на практике ряд негативных последствий:

для получения нового земельного участка лицо вновь должно участвовать на торгах;

арендатор теряет упущенную выгоду, которую мог бы получить в процессе использования земельного участка в предпринимательских целях.

Как указал Конституционный Суд РФ в постановлении от 21 мая 2021 г. № 20-П, федеральный законодатель, действуя в рамках предоставленных ему статьями 71 (пункт «о») и 76 (часть 1) Конституции РФ полномочий, при регулировании гражданско-правовых отношений призван обеспечивать их участникам справедливое, соответствующее разумным ожиданиям граждан, потребностям рынка, социально-экономической ситуации в стране, не ущемляющее свободу экономической деятельности и не подавляющее предпринимательскую инициативу соотношение прав и обязанностей[1].

С учетом проведенного нами анализа правоприменительной практики полагаем, что действующее законодательство, связанное с изъятием земельного участка для государственных и муниципальных нужд, не способно в полной мере обеспечить участникам гражданско-правовых отношений правовое регулирование, соответствующее принципам справедливости и разумности. В связи с этим становится очевидным, что оно нуждается в существенной доработке.

4. Предложения о совершенствовании правового регулирования предоставления земельного участка взамен ранее арендованного и изымаемого для государственных и муниципальных нужд

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 21 мая 2021 г. № 20-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 22. Ст. 3913.

Во-первых, необходимо на уровне федерального законодательства закрепить определение понятия «государственные и муниципальные нужды», что позволит исключить произвольное толкование в правоприменительной практике.

Учитывая выявленные недостатки действующего правового регулирования при предоставлении земельного участка взамен ранее арендованного и изымаемого для государственных и муниципальных нужд, считаем целесообразным закрепить в ст. 279 ГК РФ следующее определение понятия «государственных и муниципальных нужд»: «Под государственными и муниципальными нуждами понимаются потребности Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования в земельных участках, принадлежащих на праве собственности или на ином праве гражданам или юридическим лицам, для выполнения международных обязательств Российской Федерации, обеспечения безопасного строительства, реконструкции и функционирования объектов государственного и местного значения, если для таких объектов законодательством Российской Федерации устанавливаются охранные зоны, которые исключают возможность использования земельного участка по его целевому назначению и в соответствии с видами разрешенного использования».

Полагаем, что предложенное определение всесторонне и наиболее полно отражает сущность государственных или муниципальных нужд при изъятии земельных участков, в целях единообразного применения норм права может быть закреплено в ст. 279 ГК РФ. В указанной формулировке сделан акцент на том, что изъятие земельного участка может происходить не только в период строительства и реконструкции объектов государственного и местного значения, но и в период их функционирования, при условии, что охранная зона таких объектов ввиду закона не позволяет использовать земельный участок по целевому назначению и в соответствии с видами разрешенного использования.

Законодательное закрепление указанного определения позволит сформировать надежную основу для преодоления существующего правового барьера, препятствующего арендаторам государственных и муниципальных земельных участков, расположенных в охранных зонах объектов государственного и местного значения, обращаться в

государственные и муниципальные органы в целях изъятия таких участков.

Во-вторых, необходимо внести изменения в ст. 49 ЗК РФ, в соответствии с которыми основанием для изъятия земельного участка будет считаться не только строительство или реконструкция объектов систем электро-, газоснабжения, а расположение таких объектов на соответствующем земельном участке. Как указано ранее в отношении земельных участков, на которых расположены объекты систем электро-, газоснабжения, устанавливают охранные зоны. Зачастую установление охранной зоны означает невозможность использования земельного участка по его целевому назначению и видам разрешенного использования. К тому же объекты систем электро-, газоснабжения нуждаются в регулярном техническом обслуживании для обеспечения потребностей и интересов населения. Перечисленные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что сдавать земельный участок, расположенный в ЗОУИТ, правовой режим которой не допускает его использование по целевому назначению, бессмысленно и нецелесообразно.

В-третьих, проанализированные в настоящей статье нормы законодательства нуждаются также в доработке относительно усиления защиты прав добросовестного арендатора государственного или муниципального земельного участка путем расширения субъектного состава лиц, имеющих право ходатайствовать об изъятии земельного участка для государственных и муниципальных нужд. Необходимо предоставить такое право не только субъектам естественных монополий, недропользователям и другим лицам, определенным в ст. 56.4 ЗК РФ и обладающим специальным правовым статусом, но и арендаторам (физическим и юридическим лицам), если после заключения договора аренды земельного участка, находящегося в государственной и муниципальной собственности, оказалось, что земельный участок находится в ЗОУИТ, правовой режим которой не допускает его использование по целевому назначению.

Такое нововведение при реализации второго предложения по внесению изменения в ст. 49 ЗК РФ позволило бы ввести внесудебный порядок рассмотрения вопроса об изъятии земельного участка и тем самым снизить нагрузку судебной системы

Библиографический список

1. Актуальные проблемы теории земельного права России: монография / под ред. А. П. Анисимова. М.: Юстицинформ, 2020. 800 с.

2. *Аливердиева М. А.* Проблемы правового регулирования аренды государственных и муниципальных земель // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2016. Т. 20. № 4. С. 98–100.

3. *Анисина К. Т.* Правовое регулирование земельного налога: вопросы теории и практики // Финансовое право. 2019. № 9. С. 12–17.

4. *Анохин С. А.* Механизм правового режима земель лесного фонда и деятельность ОВД в его обеспечении // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 47–49.

5. *Бородина О. Б.* Цели установления зон с особыми условиями использования территорий // Аграрное и земельное право. 2019. № 11. С. 116–117.

6. *Воронин Б. А., Чупина И. П., Симачкова Н. Н., Зарубина Е. В., Фатеева Н. Б.* Критерии определения оснований изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Московский экономический журнал. 2020. № 5. С. 108–114.

7. Д*анилов И. Б.* Земельное право: курс лекций. Новосибирск: СибАГС, 2016. 199 с.

8. *Петропавловская Ю. С.* Особенности правовой охраны земель от негативного воздействия промышленной деятельности // Экологическое право. 2017. № 1. С. 12–19.

9. *Трубкин Н. В.* Изъятие земель для государственных и муниципальных нужд (основания, процедура) // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 8. С. 74–79.

10. *Харинов И. Н., Киль Ю. Э.* Изъятие земельных участков в целях комплексного развития территории: проблема идентификации публичных нужд // Закон. 2022. № 12. С. 66–83.

11. *Харьков В. Н.* Проблемы применения судами принципов законодательства об охране окружающей среды и природопользовании // Российская юстиция. 2020. № 6. С. 10–13.

УДК 347.2/3.
ББК 67.4

Г. А. Мантул
профессор кафедры
гражданского права
Кубанского государственного
аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
кандидат юридических наук
Россия, г. Краснодар
grazhd-prav@kubsau.ru

ПРАВО ЗАСТРОЙКИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

DEVELOPMENT RIGHTS IN CIVIL LAW

В статье раскрыта правовая природа права застройки как одного из ограниченных вещных прав. Исследованы основания возникновения и прекращения права застройки. Обоснован вывод о необходимости закрепления в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) права застройки в процессе осуществления модернизации ГК РФ. Выделены преимущества права застройки по сравнению с правом аренды земельного участка при осуществлении градостроительной деятельности. Рассмотрены возможные основания ограничения права застройки с целью обеспечения интересов участников гражданского оборота. Предлагается на законодательном уровне закрепить возможность

отчуждения права застройки как ограниченного вещного права до завершения строительства объекта недвижимости на чужом земельном участке.

Ключевые слова: право застройки, вещные права, право собственности, ограничения права застройки, правоотношение застройки, субъекты права застройки, объекты права застройки, аренда, суперфиций.

The article reveals the legal nature of the right of building as one of the limited proprietary rights. The grounds for the emergence and termination of the right of development are investigated. The conclusion about the necessity of fixing in the Civil Code of the Russian Federation (CC RF) of the right of development in the process of implementation of modernisation of the Civil Code of the Russian Federation is substantiated. The advantages of the right of development in comparison with the right to lease a land plot in the implementation of urban planning activities are highlighted. Possible grounds for restricting the right of development in order to ensure the interests of participants of civil turnover are considered. It is proposed to fix at the legislative level the possibility of alienation of the right of development as a limited proprietary right until the completion of construction of a real estate object on someone else's land plot.

Keywords: development right, rights in rem, property rights, ownership right, restrictions of development right, legal relationship of development, subjects of development right, objects of development right, lease, superficies.

Возникновение права застройки имеет глубокие исторические корни[1]. Оно возникло из римского права суперфиция, который представлял собой вещное право владения и пользования зданием, расположенным на чужом земельном участке. В настоящее время отечественные законодатели предусматривают возможность закрепления в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) права застройки как права на строительство здания на чужом земельном участке, предусматривающем впоследствии владение, пользование и распоряжение этим зданием. Данное право предусмотрено не для того, чтобы владеть и пользоваться имеющимся введенным в эксплуатацию и поставленным на кадастровый учет объектом недвижимого имущества по примеру долгосрочной аренды.

[1] *Митилино М. И.* Право застройки: опыт цивилистического исследования института. Киев: тип. насл. Т. Г. Мейнандера, 1914. С. 14.

Проблемы права застройки выступают предметом особого внимания в науке гражданского права[1]. Научный интерес к этой правовой категории существенно возрос после закрепления права застройки в проекте Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2] (далее – Законопроект № 47538-6). Указанный Законопроект принят на основе ранее разработанной Концепции развития гражданского законодательства РФ, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.[3]

Введение в ГК РФ права застройки, по мнению ряда авторов[4], является одним из наиболее спорных новелл

[1] См., напр.: *Ельникова Е. В.* О правах застройщика на чужой земельный участок в современном российском законодательстве // Цивилист. 2007. № 2. С. 43; *Емелькина И. А.* Природа права на строение, возведенное на чужом земельном участке, в свете изменения гражданского законодательства о вещном праве // Вестник гражданского права. 2012. № 6. С. 124; *Камышанский В. П., Зелюка П. А., Иванов С. А.* Суперфиций и эмфитевзис в гражданском праве: история и современность // Общество и право. 2011. № 3. С. 105; *Попова Е. И.* Право застройки в российском гражданском праве: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 25; *Камышанский В. П.* Право застройки: история и современность // Современные проблемы и перспективы развития частноправового и публично-правового регулирования: материалы Национальной науч.-практ. конф., посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и 90-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора, академика Академии социальных наук РФ, заслуженного юриста Республики Башкортостан Марка Семеновича Орданского (Уфа, 10–11 апреля 2020 г.): в 2 ч. Ч. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 143; *Камышанский В. П.* Новое продолжение модернизации ГК РФ: положения о недвижимых вещах // Власть Закона. 2022. № 1. С. 12.

[2] О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект Федерального закона № 47538-6 (ред., принятая Государственной Думой Федерального Собрания РФ в первом чтении 27 апреля 2012 г.) // Государственная Дума Федерального Собрания РФ: офиц. сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6?ysclid=lmlo20fggb965159303 (дата обращения: 16.09.2023).

[3] Концепция развития гражданского законодательства РФ: одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г. // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/12176781/ (дата обращения: 16.09.2023).

[4] *Леонтьева Е.* Зачем российским застройщикам право застройки? SWOT-анализ правового института // Zakon.ru. 2020. 3 июля. URL: https://zakon.ru/blog/2020/07/03/zachem_rossijskim_zastrojschikam_pravo_zastroj

Законопроекта № 47538-6. Это обусловлено тем, что при осуществлении градостроительной деятельности институт аренды земельных участков не в полной мере обеспечивает насущные потребности застройщика (необходимость повышения залоговой привлекательности объекта, уменьшения диспозитивности регулирования, обеспечение устойчивости и стабильности гражданского оборота, др.). В отличие от вещного права на земельный участок, арендные отношения, как правило, предполагают срочный характер, и они могут быть расторгнуты по инициативе не только собственника в лице арендодателя, но и прокуратуры по иску в интересах неопределенного круга лиц и РФ[1].

В соответствии со ст. 263 «Застройка земельного участка» ГК РФ собственнику земельного участка предоставлено право возводить на нем здания и сооружения, осуществлять их перестройку или снос, а также разрешать строительство на своем участке другим лицам. Данные права осуществляются при обязательном соблюдении градостроительных, строительных норм и правил. Очень важно при этом соблюдать требования целевого назначения земельного участка. Следует иметь в виду, что постройка будет считаться созданной на земельном участке, не отведенном для этих целей, если она возведена с нарушением правил целевого использования земли (ст. 7, 85 Земельного кодекса РФ) либо вопреки правилам градостроительного зонирования (ст. 35–40 Градостроительного кодекса РФ), правилам землепользования и застройки конкретного населенного пункта, определяющим вид разрешенного использования земельного

ki_swot-_analiz_pravovogo_instituta?ysclid=lkrwojfi2p6123556 (дата обращения: 16.09.2023).

[1]Например, по иску заместителя прокурора РФ в соответствии с решением Лазаревского районного суда г. Сочи признан недействительным (ничтожным) договор аренды земельного участка земель сельскохозяйственного назначения площадью 970 га, который практически десять лет назад, 25 октября 2012 г., администрацией г. Сочи сначала распоряжением № 3381-р внесен в реестр объектов муниципальной собственности, затем 31 октября 2012 г. по договору аренды передан во владение и пользование ОАО «Солохаульский чай». Ранее, до проведения объявленной государством приватизации государственных и муниципальных предприятий, это был Солохаульский чайный совхоз. В результате сельхозпроизводитель в лице ОАО «Солохаульский чай» остался без главного средства производства – земли, которая находилась в его владении и пользовании не один десяток лет.

участка в пределах границ территориальной зоны, в которой находится самовольная постройка[1].

В данном случае речь идет не об ограниченном праве собственности, а о праве собственника возводить объекты недвижимого имущества на принадлежащем ему на праве собственности земельном участке своими силами либо за свой счет, с привлечением застройщика. По общему правилу, закрепленному в п. 2 ст. 263 ГК РФ, собственник земельного участка приобретает право собственности на здание, сооружение и иное недвижимое имущество, возведенное или созданное им для себя на принадлежащем ему участке.

В европейских правопорядках право застройки предназначено для решения жилищной проблемы. В Обосновании к проекту Положения о наследственном праве застройки Германии от 15 января 1919 г.[2] цель института сформулирована следующим образом: «Дать возможность постройки собственного дома также малоимущим гражданам, ведь в данном случае нет необходимости в дорогостоящем приобретении подходящего земельного участка»[3]. Обращение к германскому опыту более чем столетнего эффективного применения института права застройки дает основание полагать о целесообразности его закрепления в ГК РФ в процессе предстоящей модернизации раздела 2 ГК РФ «Право собственности и другие вещные права».

Интерес представляют сформированные Е. И. Поповой новые доктринальные подходы к установлению юридической сущности права застройки. Исследователь предлагает рассматривать право застройки как право срочное, возмездное, основанное на договоре. Действия по возведению зданий или сооружений и их последующей эксплуатации представляют собой основные обязанности застройщика перед собственником земельного участка в содержании правоотношения застройки[4]. В

[1] Вопросы применения материального права // Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19 марта 2014 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160427/2ae4ef25e01ea470ca3a48a8b5b875fc64894208/#dst100156 (дата обращения: 16.09.2023).

[2] Begrundung zur Verordnung uber das Erbbaurecht vom 15 Januar 1919 // Erste Beilage zum Deutschen Reichanzeiger und Preussischen Staatsanzeiger. 1919. Nr. 26.

[3] Цит. по: *Леонтьева Е. А., Маркус Э.* Наследственное право застройки: опыт Германии // Вестник гражданского права. 2011. Т. 11. № 6. С. 30.

[4] См.: *Попова Е. И.* Указ. соч. С. 12.

отличие от права на самовольную постройку, право застройки, согласно договору, служит основанием возникновения права собственности на объект застройки.

Предоставление земельных участков под объекты застройки на праве аренды не отвечает интересам и потребностям арендаторов, существенно снижает инвестиционную привлекательность таких проектов. Назрела необходимость закрепить в ГК РФ право застройки как ограниченное вещное право. С этой целью будет полезным не только зарубежный опыт, но и опыт дореволюционной России (23 июня 1912 г. принят специальный Закон о праве застройки)[1]. Возникновение вещного права на объект недвижимости, возведенный на чужом земельном участке, существенно ослабит возможность административного вмешательства в частные дела застройщика, в том числе в интересах так называемого неопределенного круга лиц. Государство, субъект РФ, муниципальное образование уже не смогут как арендаторы в одностороннем порядке изменять условия владения и пользования застройщиком земельным участком, в том числе изменять цену за пользование, сроки владения и пользования, а также признавать ничтожным основание предоставления права застройки, в том числе за пределами срока исковой давности в интересах неопределенного круга лиц. Это создаст дополнительные импульсы для инвестиционной привлекательности строительной деятельности.

По мнению К. Е. Путря, «лицо, имеющее право застройки, вправе свободно отчуждать это право, передавать его в залог или распоряжаться им иным образом до возведения недвижимого имущества, если иное не установлено законом»[2]. Как нам представляется, вовлечение в гражданский оборот права застройки как ограниченного вещного права будет способствовать инвестиционной привлекательности строительной деятельности.

Такой позиции придерживается и В. П. Камышанский, который считает целесообразным предоставить право застройщику на отчуждение права застройки до истечения его срока, если у него возникли объективные обстоятельства, препятствующие завершению строительства объекта застройки.

[1] Закон о праве застройки: Выс. утв. 23 июня 1912 г. // Собрание узаконений. № 130. Ст. 1147.

[2] *Путря К. Е.* Право застройки в гражданском праве России и Франции: дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2018. С. 12.

Свою позицию он обосновывает тем, что получение многочисленных технических условий, согласований, разработка и утверждение проекта строительства здания или сооружения, получение разрешения на строительство предполагают существенные финансовые затраты. Предоставляя право застройщику на отчуждение права застройки как ограниченного вещного права другому лицу, он получает возможность вернуть потраченные средства на любом этапе подготовки и осуществления строительства объекта застройки до его государственной регистрации[1].

В связи с этим нуждается в уточнении редакция ч. 2 п. 1 ст. 300.6 Проекта, ввиду которой право застройки земельного участка может быть отчуждено только одновременно с отчуждением возведенного на нем на основании права застройки здания или сооружения, право собственности на которое зарегистрировано в Едином государственном реестре недвижимости. Сделка, совершенная с нарушением этого требования, является недействительной. На наш взгляд, данной норме следует придать диспозитивный характер, допускающий возможность отчуждения права застройки до завершения строительства объекта недвижимости на чужом земельном участке.

Библиографический список

1. *Ельникова Е. В.* О правах застройщика на чужой земельный участок в современном российском законодательстве // Цивилист. 2007. № 2. С. 43–49.

2. *Емелькина И. А.* Природа права на строение, возведенное на чужом земельном участке, в свете изменения гражданского законодательства о вещном праве // Вестник гражданского права. 2012. Т. 12. № 6. С. 124–144.

[1]*Камышанский В. П.* Право застройки: история и современность // Современные проблемы и перспективы развития частноправового и публично-правового регулирования: материалы Национальной науч.-практ. конф., посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и 90-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора, академика Академии социальных наук РФ, заслуженного юриста Республики Башкортостан Марка Семеновича Орданского (Уфа, 10–11 апреля 2020 г.): в 2 ч. Ч. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 147.

3. *Камышанский В. П.* Новое продолжение модернизации ГК РФ: положения о недвижимых вещах // Власть Закона. 2022. № 1. С. 12–17.

4. *Камышанский В. П., Зелюка П. А., Иванов С. А.* Суперфиций и эмфитевзис в гражданском праве: история и современность // Общество и право. 2011. № 3. С. 105–109.

5. *Камышанский В. П.* Право застройки: история и современность // Современные проблемы и перспективы развития частноправового и публично-правового регулирования: материалы Национальной науч.-практ. конф., посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и 90-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора, академика Академии социальных наук РФ, заслуженного юриста Республики Башкортостан Марка Семеновича Орданского (Уфа, 10–11 апреля 2020 г.): в 2 ч. Ч. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 143–148.

6. *Леонтьева Е.* Зачем российским застройщикам право застройки? SWOT-анализ правового института // Zakon.ru. 2020. 3 июля. URL: https://zakon.ru/blog/2020/07/03/zachem_rossijskim_zastrojschikam_pravo_zastrojki_swot-_analiz_pravovogo_instituta?ysclid=lkrwojfi2p6123556 (дата обращения: 16.09.2023).

7. *Леонтьева Е. А., Маркус Э.* Наследственное право застройки: опыт Германии // Вестник гражданского права. 2011. Т. 11. № 6. С. 30–61.

8. *Митилино М. И.* Право застройки: опыт цивилистического исследования института. Киев: тип. насл. Т. Г. Мейнандера, 1914. 323 с.

9. *Попова Е. И.* Право застройки в российском гражданском праве: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 194 с.

10. *Путря К. Е.* Право застройки в гражданском праве России и Франции: дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2018. 202 с..

УДК 347.45/.47
ББК 67.404.213

Н. А. Назарова
доцент кафедры гражданского права
и процесса Юридического факультета
Нижегородского государственного
университета (ННГУ)
имени Н. И. Лобачевского,
кандидат юридических наук, доцент
Россия, г. Нижний Новгород
naznadya_52@mail.ru

Е. А. Калюжный
доцент кафедры нормальной физиологии
имени Н. Ю. Беленкова
Приволжского исследовательского
медицинского университета (ПИМУ)
Минздрава России,
кандидат биологических наук, доцент
Россия, г. Нижний Новгород
eakmail@mail.ru

Е. В. Шабурова
студент Юридического факультета
Нижегородского государственного
университета (ННГУ)
имени Н. И. Лобачевского
Россия, г. Нижний Новгород
elizavetashaburova@icloud.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ ПО ИНФОРМИРОВАННОМУ ДОБРОВОЛЬНОМУ СОГЛАСИЮ ПАЦИЕНТА НА МЕДИЦИНСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

LEGAL REGULATION OF RELATIONS INFORMED VOLUNTARY CONSENT OF THE PATIENT FOR MEDICAL INTERVENTION

В статье рассмотрена проблема реализации права пациента на информированное добровольное согласие (ИДС) на медицинское вмешательство. Авторы в статье прибегают к исторической справке и рассматривают динамику развития указанного ранее права. Речь идет о

проблеме отсутствия единого понятия ИДС как в научной литературе, так и в законодательстве. По результатам анализа понятия, исследуемого учеными, сделан вывод о том, что ИДС может представлять собой как отдельный пункт в договоре об оказании медицинских услуг, так и отдельный документ, но это противоречит законодательству, поскольку ИДС оформляется только в виде отдельного документа. В обзоре детально изучено понятие «информированное добровольное согласие», представлены «разнополярные» мнения ученых относительно данного понятия. С одной стороны, утверждается абстрактная форма согласия как односторонней сделки, при которой благом, приобретаемым пациентом, является его «жизнь и здоровье». Но, с другой стороны, ИДС также близко по своему смыслу и к юридическим поступкам, которые всегда несут определенные последствия (например, заключение договора на проведение операционного вмешательства). Акцентировано внимание на правовом регулировании этой проблемы. Особое место анализ добровольного согласия занимает в соответствии с возрастными особенностями и в зависимости от дееспособности. В заключительной части статьи авторы предлагают собственные пути решения исследуемой проблемы.

Ключевые слова: информированное добровольное согласие (ИДС), медицинское вмешательство, право пациента, дееспособность, правовая природа ИДС, правовое регулирование ИДС, врачебная тайна, медицинская услуга.

The article considers the problem of realisation of the patient's right to informed voluntary consent (IVC) to medical intervention. The authors in the article resort to historical reference and consider the dynamics of development of the previously mentioned right. It is about the problem of the lack of a single concept of IVC both in scientific literature and in legislation. According to the results of the analysis of the concept studied by scientists, the conclusion is made that the IDS can represent both a separate clause in the contract on rendering medical services and a separate document, but this contradicts the legislation, since the IDS is executed only in the form of a separate document. In the review, the concept of "informed voluntary consent" is studied in detail, and "different polar" opinions of scientists regarding this concept are presented. On the one hand, the abstract form of consent as a unilateral transaction, in which the good acquired by the patient is his "life and health", is asserted. But, on the other hand, IVM is also close in its meaning to legal actions, which always carry certain consequences (for example, the conclusion of a contract for surgical intervention). Attention is emphasised on the legal regulation of this problem. A special place is given to the analysis of voluntary consent in accordance with the age peculiarities and depending on the legal capacity. In the final part of the article the authors propose their own ways of solving the problem under study.

Keywords: informed voluntary consent (IVC), medical intervention, patient's right, legal capacity, legal nature of IVC, legal regulation of IVC, medical confidentiality, medical service.

Мудрое латинское изречение гласит: «Кто пишет, тот дважды читает» (*Qui scribit, bis legis*). Любая медицинская услуга представляет собой медицинское вмешательство либо комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение болезней, медицинскую реабилитацию и имеющих независимое законченное значение. В настоящее время действующие нормы обязывают медицинские организации (в лице медицинских работников) получать от пациентов перед оказанием медицинской помощи согласие на медицинское вмешательство (ИДС)[1].

Актуальность темы заключается в том, что право пациента на информированное добровольное согласие (ИДС) на медицинское вмешательство можно считать одним из главных прав пациентов. Оно удостоено особого внимания со стороны международных организаций относительно вопроса привлечения пациента к осознанному участию в лечебном процессе, понимания сути методов и манипуляций в интересах его благополучия.

Для более детального и глубокого рассмотрения вопроса следует прибегнуть к историческим фактам, согласно которым проблемой согласия на медицинское вмешательство занимались более двух тысяч лет назад. Так, Гиппократ писал, что с пациентом стоит установить дружеское и участливое общение, относиться к нему очень участливо и с сочувствием, что необходимо крайне осторожно подбирать слова, так как в критическом состоянии многие люди готовы на крайние поступки, которые могут принести негативные плоды[2].

Несмотря на наличие термина ИДС в российском законодательстве, отсутствует законодательное закрепление этого понятия. Единого подхода к понятию ИДС нет ни в научной, ни в юридической литературе. Ю. Д. Сергеев под ним понимает

[1] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2022 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/?ysclid=lla03xyugn60569088 (дата обращения: 20.03.2023).

[2] Гиппократ. Избранные книги / пер. с греч. В. И. Руднева; ред., вступ. статьи и прим. В. П. Карпова. М.: Гос. изд. биол. и мед. лит-ры, 1936. С. 93.

добровольное согласие пациента на медицинское вмешательство, основанное на полученной от медицинского работника в доступной для понимания форме достаточной информации о возможных вариантах медицинского вмешательства, предполагаемых методах диагностики и лечения и их последствиях для здоровья[1]. С. Г. Стеценко определяет его как «добровольное, компетентное и осознанное принятие пациентом предложенного лечения или выбор из нескольких вариантов лечения, основанный на получении полной, объективной и всесторонней информации по поводу предстоящего лечения, возможных осложнений и болевых ощущений, альтернативных методов лечения и возможных побочных эффектов»[2]. А. Н. Пищита трактует ИДС как гражданско-правовой акт, поскольку две стороны подписывают соглашение о том, что одна сторона выполняет требуемую услугу, а другая – предоставляет согласие на ее использование[3]. Исходя из определения А. Н. Пищиты, целесообразно сделать вывод о том, что ИДС может представлять собой как отдельный пункт в договоре об оказании медицинских услуг, так и отдельный документ, а это противоречит законодательству, поскольку ИДС оформляется только в виде отдельного документа.

На основе анализа вышеизложенных определений можем констатировать наличие таких признаков ИДС, как предварительность, добровольность, информированность (полнота информации о планируемом медицинском вмешательстве, пределы согласия). Полнота информации выражена не только в использовании специальной медицинской терминологии медицинскими работниками в процессе разъяснений пациенту при даче ИДС, но в большей степени именно в том, чтобы пациент понимал то, на что он дает согласие.

Для более полного понимания проблемы следует раскрыть содержание термина «информированное добровольное согласие». Понятия «добровольное согласие» и «информированное согласие» значительно различаются в том, что имеют разную смысловую

[1] Сергеев Ю. Д. Медицинское право: учебный комплекс для вузов: в 3 т. Т. 1. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. С. 367.

[2] Стеценко С. Г. Защита прав пациента и информированное согласие // Здравоохранение. 2001. № 12. С. 132.

[3] Пищита А. Н. Согласие на медицинское вмешательство. Медико-правовой анализ. Юридические стандарты. Практика реализации. М.: Центральная клиническая больница РАН, 2006. С. 12.

нагрузку, и их появление ознаменовано разными событиями в различные промежутки времени. Понятие «добровольное согласие» возникло после 1940-х гг. как результат Нюрнбергского процесса, и оно решало проблему добровольного участия граждан в проведении медицинских опытов и экспериментов. Появление термина «информированное согласие» следует отнести к 1950-м гг., когда в процессе судебного разбирательства, в споре между пациентом и медицинской организацией, выявлено, что пациент не был уведомлен о таких осложнениях, с которыми он столкнулся. В результате проведенной операции гражданин США был обездвижен. Он утверждал, что если бы он был в курсе такого исхода, то не дал бы согласие на проведение медицинского вмешательства[1]. Из этого можно сделать вывод о том, что его согласие не было информированным.

Закон не дает критериев полноты информации, поэтому при предоставлении ее пациенту следует исходить из принципа разумной достаточности или руководствоваться умозаключением А. Эйнштейна о том, что «все должно быть изложено так просто, как только возможно, но не проще»[2]. Только после ознакомления пациента с достаточной и доступной ему информацией, его решение можно охарактеризовать как добровольное и информированное. Кроме того, более полное предоставление пациентом информации о себе позволяет влиять на объективную оценку со стороны медицинского персонала и находит отражение в характере предоставляемой ему информации. Все это влияет на самостоятельное решение пациента относительно перспективы медицинского вмешательства и его прогнозов при подписании ИДС. В качестве примера приведем случай эндоскопического исследования в амбулаторных условиях, при проведении которого для оперативного лечения патологии пищеварительного тракта желательным видится предоставление пациентом выписки из стационара для прицельной диагностики оперированного участка.

[1]Погодина Т. Г. К вопросу о добровольном информированном согласии на медицинское вмешательство как неотъемлемом праве пациента // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 91.

[2]Афоризмы // Сидоров С. В. Сайт педагога-исследователя. URL: https://si-sv.com/board/ehjnshtejn/11-1-0-122 (дата обращения: 19.05.2023).

Хельсинская и Женевская декларации Всемирной медицинской ассоциации[1] формируют основные цели и принципы деятельности врача. Согласно Хельсинской декларации важнейшей целью врача является охрана здоровья пациентов, и в этом ему содействуют полученные знания и опыт, сформированный в ходе его деятельности. В соответствии с Женевской декларацией также речь идет о здоровье людей как о цели первостепенной важности, которая содержит предназначение врача.

Как и при любом изучении правовых институтов, в данном случае следует начать с правовой основы. Что служит правовой основой ИДС? Первый правовой источник – это, естественно, Конституция РФ[2]. В ч. 2 ст. 21 Основного Закона страны регламентировано, что медицинским опытам человек не может быть подвергнут без принуждения, то есть без добровольного согласия.

Следующий источник – Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (*ETS* № 164). Статья 5 Конвенции о правах человека и биомедицине гласит, что любое вмешательство медицины в отношении человека может быть допущено только в том случае, если он подпишет добровольное согласие на это вмешательство, а также в любой момент сможет отозвать свое согласие[3]. К тому же это лицо получает полную информацию о вмешательстве: методах, целях, последствиях, рисках. Нужно учитывать, что, согласно Федеральному закону от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О

[1] Всемирная медицинская ассоциация: офиц. веб-сайт. URL: https://www.wma.net/ (дата обращения: 19.05.2023).

[2] Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 1 июля 2020 г. № 11-ФКЗ, от 6 октября 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/?ysclid=lla17sznt9911447710 (дата обращения: 19.05.2023).

[3] Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164) от 4 апреля 1997 г. (с изм. от 27 ноября 2008 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16890&ysclid=lla1b3kw6i895670572#rWz9rmT2FF5GGtOk (дата обращения: 19.05.2023).

прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы»[1], данная Конвенция в России не действует.

Следующий источник, составляющий правовую основу вопроса о согласии на медицинское вмешательство – приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 23 апреля 2012 г. № 390 «Об утверждении Перечня определенных видов медицинских вмешательств, на которые граждане дают информированное добровольное согласие при выборе врача и медицинской организации для получения первичной медико-санитарной помощи». Данный перечень находится в приложении этого приказа. В перечне содержится список мер медицинской помощи, при которых врачам следует ознакомиться с согласием пациентов. Без этого согласия данные меры медицинского характера не могут быть оказаны врачами.

Приказ Минздрава России от 12 ноября 2021 г. № 1051н «Об утверждении Порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства, формы информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и формы отказа от медицинского вмешательства»[2] (вместе с Порядком дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства в отношении определенных видов медицинских вмешательств) дает три приложения, включая порядок дачи, форму согласия и отказа от медицинского вмешательства в случаях получения медицинских услуг, перечисленных указанным выше приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ. Использование форм для получения согласия или отказа от

[1] О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: федер. закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440539/?ysclid=lla1dmrruo849310273 (дата обращения: 19.05.2023).

[2] Об утверждении Порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства, формы информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и формы отказа от медицинского вмешательства: приказ Министерства здравоохранения РФ от 12 ноября 2021 г. № 1051н // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_401231/?ysclid=lla1l7ptt3888773625 (дата обращения: 19.05.2023).

медицинского вмешательства, утвержденных приказом № 1051н, помимо медицинских организаций, реализующих программы государственных гарантий, бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, можно рекомендовать остальным медицинским организациям, реализующим право пациентов на дачу согласия или отказа от медицинского вмешательства, как один из видов правовой обоснованности своей деятельности.

И самый главный, по нашему мнению, источник – Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в редакции от 22 декабря 2022 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[1]. Положения о согласии пациента подробно представлены в ст. 20 указанного Федерального закона.

Медицинский работник обязан в полной форме сообщить информацию об оказании медицинской помощи, а также о рисках, связанных с ней, предполагаемых последствиях и результатах, что и станет основанием для дачи информированного согласия. В этом заключается условие исчерпывающей информационности.

В статье указано еще одно условие: наличие ИДС пациента на медицинское вмешательство является необходимым предварительным условием последнего. Это означает, что вопрос о даче ИДС на медицинское вмешательство должен быть поставлен перед пациентом до начала осуществления в отношении него каких-либо медицинских манипуляций.

ИДС дает пациент либо его родитель или опекун (попечитель), если пациент является несовершеннолетним или с учетом закона не может дать данное согласие на медицинское вмешательство. Получение согласия пациента на медицинское вмешательство носит строго предварительный характер. Иными словами, оно должно предшествовать процессу оказания медицинской помощи. В основе ИДС находится признание государством ценности личной и физической неприкосновенности человека, автономии человеческой личности[2].

[1] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2022 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/?ysclid=lla03xyugn60569088 (дата обращения: 20.03.2023).

[2] Абдрахманова Е. С. Право на информированное добровольное согласие гражданина // Восток – Запад: сборник науч. трудов науч.-практ. конф. по офтальмохирургии с международным участием / под ред. М. М. Бикбова. Уфа: ДизайнПресс, 2013. С. 425.

Стоит рассмотреть особенности дачи ИДС пациента в зависимости от возраста и дееспособности. К полностью недееспособным относятся малолетние дети (в возрасте до шести лет) и совершеннолетние граждане, признанные недееспособными в законном порядке. Добровольное согласие на медицинское вмешательство от их имени дают законные представители и опекуны соответственно. В неполном объеме дееспособностью обладают несовершеннолетние от 6 до 15 лет (добровольное согласие дают законные представители) и несовершеннолетние от 15 до 18 лет, которые самостоятельны в даче согласия на медицинское вмешательство. Следовательно, совершеннолетние полностью дееспособные граждане, а также несовершеннолетние от 15 лет дают согласие на медицинское вмешательство самостоятельно.

Исходя из законодательного определения медицинского вмешательства, приведенного в ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ, можно сделать вывод о том, что даже обычный осмотр у врача считается медицинским вмешательством. При этом он может затрагивать как физическое, так и психическое состояние пациента.

Учитывая психологический фактор состояния пациента, невозможно обойти стороной искусственное прерывание беременности (иными словами, аборт) у пациенток в возрасте от 15 до 18 лет. Российское законодательство, согласно ст. 56 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[1], гласит, что каждая женщина решает вопрос о материнстве самостоятельно, а искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при наличии ИДС.

Конечно, бывают различные ситуации в жизни, но все ли пациентки в возрасте от 15 до 18 лет подписывают ИДС на искусственное прерывание беременности с «холодной» головой и в здравом разуме? Этот вопрос не оставил равнодушными и многих общественных деятелей после того, как на заседании Совета при правительстве по вопросам попечительства в социальной сфере Т.

[1] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2022 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/?ysclid=lla03xyugn60569088 (дата обращения: 20.03.2023).

Голикова заявила: «Проработать вопросы и представить предложения об утверждении единого порядка проведения доабортного психологического консультирования; о целесообразности введения запрета на выполнение аборта несовершеннолетним 15–18 лет без согласия родителей (законных представителей)». Аборты – это право на личную неприкосновенность и медицинскую помощь, которое сегодня возникает с 15 лет, по словам представителя Консорциума женских НПО С. Русовой. Председатель Российского общества акушеров-гинекологов В. Серов подошел к этому вопросу с другой стороны: «Для девушек в таком возрасте это – самая болезненная ситуация, потому что они, как правило, не понимают, как себя вести, и вынуждены обращаться за криминальным вмешательством. Такое решение приведет к повышению материнской смертности»[1]. По нашему мнению, целесообразнее было бы сделать дачу на ИДС относительно искусственного прерывания беременности по желанию женщины, начиная с 16 лет, а для пациенток в возрасте от 15 до 16 лет – с учетом ИДС родителя или законного представителя.

Стоит отметить, что зачастую врачи поступают некомпетентным образом, что находит отражение в судебной практике по вопросам дачи ИДС. Так, в 2012 г. в Калининграде пациенту без получения письменного согласия сделана операция, исключающая возможность надлежащего использования ранее установленного мостовидного протеза, после чего он стал расшатываться и периодически выпадать, что привело к разрушению второго опорного зуба. После этого врачи сообщили пациенту, что в связи с разрушением зуба ему необходимо изготавливать новый дорогостоящий протез. Мужчина обратился в качестве истца в суд и на основании решения суда удалось взыскать с поликлиники, в которой проводилась операция, в пользу пострадавшего компенсацию морального вреда в сумме 10 000 рублей и штраф в размере 5 000 рублей[2].

[1] Нараева А. Минздрав прорабатывает запрет на аборт для девушек до 18 лет без согласия родителей // Ведомости. 2022. 11 ноября. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/11/11/949989-zaprete-na-abort (дата обращения: 10.04.2023).

[2] Калининградцу в стоматологии провели операцию без его согласия // Русский Запад. 2015. 20 апреля. URL: https://ruwest.ru/news/37330/ (дата обращения: 10.04.2023).

Еще одним ярким примером того, насколько важным становится получение ИДС, является ситуация, в которой оказалась роженица Татьяна из Санкт-Петербурга. Женщине сделали эпизиотомию (хирургическое рассечение промежности для расширения родовых путей, чтобы ускорить родовой процесс), о чем она узнала только на следующий день — вместе с сообщением о том, что операция не принесла желаемого результата. После разреза роды длились еще два с половиной часа. А после рождения ребенка пациентка узнала, что ей диагностировали симфизит (воспаление в лобковом сочленении, которое может быть показанием к кесареву сечению)[1], о чем ее также не проинформировали врачи. Таким образом, здоровье Татьяны после родов ухудшилось. Вопрос о том, что было бы, если б пациентке дали подписать ИДС, остается открытым, но наверняка она бы не получила психологических и физических травм.

Спорным вопросом остается дача ИДС на медицинское вмешательство лицами, страдающими тяжелыми психическими расстройствами, поскольку эти заболевания влияют на мыслительную деятельность и ухудшают процессы восприятия. На практике доказано, что на принятие решения и усвоение предоставляемой информации влияют качество и способы ее подачи. К примеру, многократное повторение информации, ее расшифровка и разъяснение, предоставление большего времени на обдумывание позволяют усвоить эту информацию практически как здоровому человеку. Лишь в очень тяжелых случаях (в состояниях измененного сознания, при острых психозах и психотических переживаниях, в состояниях глубокого слабоумия) отношение больного к факту оказания психиатрической помощи установить практически невозможно, поэтому получение согласия в таких случаях следует считать неправомерным.

Споры вызывает и проблема, сложившаяся при даче ИДС на медицинское вмешательство пожилых людей. Эту процедуру затрудняет наличие у них различных заболеваний, которые могут ухудшать мыслительные процессы. Влияние могут оказывать различные вредные привычки человека, которыми он злоупотреблял в течение жизни, полученные травмы (например, сотрясение мозга), работа на опасных и вредных производствах.

[1] Туркина К. «Они меня изуродовали – и считают, что это нормально» // Такие дела. 2020. 16 марта. URL: https://takiedela.ru/2020/03/oni-menya-izurodovali/?ysclid=llaph1mnh0650922021 (дата обращения: 10.04.2023).

Обычно это все дает о себе знать именно с возрастом. При этом человек начинает пить все больше лекарственных препаратов, которые также оказывают влияние на его восприятие. Речь идет о наличии различных психотропных компонентов в снотворных и успокоительных средствах.

Исходя из этого, складывается двоякая ситуация: пожилые пациенты сохраняют право на самостоятельную дачу ИДС, будучи дееспособными гражданами, но не все могут грамотно, правильно и адекватно воспринимать информацию, которую предоставляет врач, даже в случаях надлежащего исполнения медицинским работником своих обязанностей. Мы не предлагаем лишить таких граждан самостоятельного права на дачу ИДС, а внести изменения в законодательство относительно того, что такое согласие может дать представитель гражданина (например, близкий родственник, супруг или супруга, родитель, опекун, помощник совершеннолетнего дееспособного гражданина, находящегося под патронажем), но лишь в случаях, если существуют основания полагать, что гражданин самостоятельно не может понять информацию, которую ему пытаются донести медицинские работники при даче ИДС на медицинское вмешательство, поскольку именно таким образом будет реализован и принцип приоритета интересов пациента, закрепленный в ст. 6 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ[1].

Однако не всегда требуется данное согласие на медицинское вмешательство. Так, п. 9 ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ содержит перечень случаев, в которых без ИДС допустимо предоставление медицинских услуг. Например, если лицо страдает опасными заболеваниями, которые могут заразить окружающих, либо если лицо совершило преступление, но при этом существует оговорка о том, что к данному лицу в качестве наказания могут быть применены принудительные меры медицинского характера.

Кроме того, приказом Федерального медико-биологического агентства (ФМБА) РФ от 30 марта 2007 г. № 88 «О добровольном информированном согласии на медицинское вмешательство»

[1] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2022 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/?ysclid=lla03xyugn60569088 (дата обращения: 20.03.2023).

(вместе с «Инструкцией по заполнению бланков добровольного информированного согласия»)[1] установлены формы ИДС. При проведении процедуры необходимым становится соблюдение законодательства, основных принципов деятельности медицинских работников и моральных норм. Пациент или его представитель имеют такую возможность, как отказаться подписывать ИДС. При этом медицинская помощь не будет оказана, и работники медицинского учреждения должны рассказать обо всех рисках в случае отказа. Если пациент, родитель или представитель пациента отказываются давать согласие на медицинское вмешательство, которое необходимо для спасения его жизни, медицинские учреждения могут обратиться в суд для защиты интересов пациента.

Относительно правовой природы ИДС на медицинское вмешательство обратим внимание на то, что единый подход к ее пониманию в научной литературе отсутствует. Одни авторы считают ИДС на медицинское вмешательство согласием на совершение сделки, другие – согласием на совершение иных действий[2]. Гражданский кодекс (ГК) РФ содержит только норму о согласии на совершение сделки, но иные согласия законодательно не закреплены. Так, Л. К. Брезгулевская делает вывод о том, что согласие является абстрактной односторонней сделкой, и указывает, что правовая природа информированного согласия, как согласия на совершение иных действий, отличается тем, что одобряющий дает согласие на воздействие, которое оказывает третье лицо (врач, медицинская организация) на нематериальные блага (здоровье пациента)[3]. Сделками признают действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение

[1] О добровольном информированном согласии на медицинское вмешательство: приказ Федерального медико-биологического агентства РФ от 30 марта 2007 г. № 88 (вместе с Инструкцией по заполнению бланков добровольного информированного согласия) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87721/c6f49940d5896b7fa4f1422282c902cff8c265d1/?ysclid=llapvyqtxl408560926 (дата обращения: 20.03.2023).

[2] Бояринова В. И. Правовая природа информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. Т. 16. № 4. С. 117.

[3] Брезгулевская Л. К. Проблема согласия на совершение сделок в свете реформы гражданского законодательства // Закон. 2014. № 9. С. 158.

или прекращение гражданских прав и обязанностей, в соответствии со ст. 153 ГК РФ[1].

По нашему мнению, нельзя рассматривать ИДС в качестве сделки, поскольку оно не влечет установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. При этом ИДС влияет на установление, изменение или возникновение правоотношений, оно является непременным условием этого. Некоторые авторы называют согласие сделкоподобным действием[2].

Существует иной подход к правовой природе ИДС, как признание его юридическим поступком. Так, О. А. Красавчиков рассматривает юридические поступки в качестве правомерных действий, с которыми нормы права связывают возникновение юридических последствий независимо от направленности данных действий на указанные последствия[3]. Исходя из определения юридического поступка, можно заключить, что правомернее признавать ИДС таковым, нежели чем сделкой, поскольку дача ИДС – правомерное действие гражданина, при котором могут возникать юридические последствия (например, в виде договора об оказании медицинских услуг на проведение операции), а могут и не возникать (например, если гражданин подписал ИДС на отказ от медицинского вмешательства и с ним в таком случае не может быть совершено проведение медицинских манипуляций, соответственно, заключение договора об оказании медицинских услуг). Гражданин при подписании ИДС не обязан осознавать, что его согласие или несогласие приведет к возникновению юридических последствий, а при совершении сделки, наоборот, обязательно его собственное волеизъявление.

Таким образом, эта тема крайне важна и актуальна в постоянно изменяющемся социуме. Затрагивая все ее аспекты, понимаешь трудности, причины возникновения споров и

[1]Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 14 апреля 2023 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=llaq4bnauu197380760 (дата обращения: 20.03.2023).

[2]Воробьева Е. А. Правовая природа согласия антимонопольного органа на совершение сделки юридическим лицом // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 132.

[3]Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. С. 103.

необходимость работы над решением этой проблемы. Для качественного проведения данной процедуры необходимо объединять важнейшие принципы в одно целое, а также учитывать личностные и психологические факторы каждого пациента: его возраст, дееспособность, такие особенности, как мнительность, повышенная внушаемость и др. Влияние на процедуру оказывают и психиатрические заболевания пациента, его образ жизни.

Библиографический список

1. *Абдрахманова Е. С.* Право на информированное добровольное согласие гражданина // Восток – Запад: сборник науч. трудов науч.-практ. конф. по офтальмохирургии с международным участием / под ред. М. М. Бикбова. Уфа: ДизайнПресс, 2013. С. 424–426.

2. *Бояринова В. И.* Правовая природа информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. Т. 16. № 4. С. 115–124.

3. *Брезгулевская Л. К.* Проблема согласия на совершение сделок в свете реформы гражданского законодательства // Закон. 2014. № 9. С. 156–165.

4. *Воробьева Е. А.* Правовая природа согласия антимонопольного органа на совершение сделки юридическим лицом // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 131–136.

5. *Гиппократ.* Избранные книги / пер. с греч. В. И. Руднева; ред., вступ. статьи и прим. В. П. Карпова. М.: Гос. изд. биол. и мед. лит-ры, 1936. 736 с.

6. Калининградцу в стоматологии провели операцию без его согласия // Русский Запад. 2015. 20 апреля. URL: https://ruwest.ru/news/37330/ (дата обращения: 10.04.2023).

7. *Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 181 с.

8. *Нараева А.* Минздрав прорабатывает запрет на аборт для девушек до 18 лет без согласия родителей // Ведомости. 2022. 11 ноября. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/11/11/949989-zaprete-na-abort (дата обращения: 10.04.2023).

9. *Пищита А. Н.* Согласие на медицинское вмешательство. Медико-правовой анализ. Юридические стандарты. Практика реализации. М.: Центральная клиническая больница РАН, 2006. 210 с.

10. *Погодина Т. Г.* К вопросу о добровольном информированном согласии на медицинское вмешательство как неотъемлемом праве пациента // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 90–92.

11. *Сергеев Ю. Д.* Медицинское право: учебный комплекс для вузов: в 3 т. Т. 1. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. 784 с.

12. *Стеценко С. Г.* Защита прав пациента и информированное согласие // Здравоохранение. 2001. № 12. С. 129–135.

13. *Туркина К.* «Они меня изуродовали – и считают, что это нормально» // Такие дела. 2020. 16 марта. URL: https://takiedela.ru/2020/03/oni-menya-izurodovali/?ysclid=llaph1mnh0650922021 (дата обращения: 10.04.2023).

УДК 347.45/.47
ББК 67.404.2

Е. Ю. Руденко
доцент кафедры
гражданского права
Кубанского государственного
аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
кандидат юридических наук,
доцент
Россия, г. Краснодар
eva-ka1@mail.ru

Л. И. Попова
доцент кафедры
гражданского права
Кубанского государственного
аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
кандидат юридических наук,
доцент
Россия, г. Краснодар
larisa_popova67@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВКЛЮЧЕНИИ В КРЕДИТНЫЙ ДОГОВОР УСЛОВИЙ, УЩЕМЛЯЮЩИХ ПРАВА ЗАЕМЩИКА

TO THE QUESTION OF INCLUSION IN A LOAN AGREEMENT THE TERMS THAT INFRINGE THE RIGHTS OF THE BORROWER

В статье рассмотрен вопрос о гражданско-правовой ответственности кредитора в случае включения в кредитный договор условий, ущемляющих права заемщика. Учитывая, что данный вопрос имеет сугубо практическое значение, авторы сосредоточили внимание на правоприменительной практике. Установлено, что действия кредитных организаций по включению в кредитный договор условий, ущемляющих права заемщика, безусловно, незаконны. Это подтверждается многочисленными примерами из судебной практики, которая из года в год дает квалификацию таким действиям кредитных организаций.

Кредиторов не пугает даже риск привлечения их к гражданско-правовой и административной ответственности. Во многом это связно с тем, что заемщики не обращаются в суд, предпочитая исполнять условия, ущемляющие их права.

Ключевые слова: кредит, кредитный договор, условия договора, кредитор, заемщик, денежные средства, ущемление прав, гражданско-правовая ответственность, неосновательное обогащение.

The article considers the issue of civil liability of the creditor in case of inclusion in the loan agreement of conditions infringing the rights of the borrower. Taking into account that this issue is of purely practical importance, the authors focused on law enforcement practice. It has been established that the actions of credit organisations to include in a loan agreement term infringing the rights of the borrower are certainly illegal. This is confirmed by numerous examples from court practice, which year after year qualifies such actions of credit organisations. Lenders are not even afraid of the risk of bringing them to civil and administrative liability. This is largely due to the fact that borrowers do not go to court, preferring to fulfil the conditions that infringe their rights.

Keywords: loan, loan agreement, terms of agreement, creditor, borrower, funds, infringement of rights, civil liability, unjust enrichment.

В современном мире кредитные договоры широко распространены. Несмотря на то, что правовое регулирование договора осуществляется уже не один десяток лет, накоплено немало материалов в контексте судебной и правоприменительной практики, многие вопросы остаются открытыми либо до конца не исследованными.

Один из таких вопросов – ответственность кредитной организации за включение в кредитный договор условий, ущемляющих права заемщика. Традиционно к ним относят взыскание комиссии за обслуживание или выдачу кредита, за рассмотрение заявки на выдачу кредита; о дополнительном взыскании денежных средств (неустойка, комиссия) за досрочное погашение кредита; о запрете на досрочный возврат суммы займа заемщиком или об ограничении такого права; взимание штрафа за нарушение срока возврата очередной части кредита; о праве кредитной организации на односторонний отказ от его исполнения; о праве кредитной организации взимать штраф в случае отказа заемщика от получения кредита; взыскание комиссии за снятие наличных денежных средств в банкоматах и кассах банка и за безналичное перечисление денежных средств при получении и возврате кредита; о праве кредитной организации на бесспорное распоряжение денежными средствами

клиента на любых его счетах в банке при досрочном истребовании возврата кредита и уплаты процентов по нему; о безакцептном списании денежных средств с любого из счетов заемщика в случае неуплаты кредита и (или) процентов; о вправе кредитной организации списывать средства со счетов заемщика, открытых в других кредитных организациях; о праве кредитной организации на распространение информации о заемщике и факте ненадлежащего исполнения им кредитного договора; о взимании кредитной организацией платы за выдачу справок о состоянии задолженности заемщика-гражданина по кредиту[1].

Стоит отметить, что в кредитном договоре часто предусмотрено применение различных мер ответственности при нарушении сторонами договора обязательств, что породило проблему их соотношения[2]. Например, распространена практика, при которой за невозвращение заемщиком суммы кредита предусмотрено взыскание неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами. Очевиден тот факт, что недопустимо применение одновременно двух мер ответственности за одно и то же нарушение. Кроме того, это может привести к взысканию в пользу кредитора суммы, превышающей размер его убытков, и, как следствие, на стороне кредитора возникнет неосновательное обогащение.

Для исключения таких ситуаций законодатель не только закрепил принцип полного возмещения убытков в ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), но и предусмотрел объективные пределы ответственности, которые предопределены ее компенсационным характером. Так, уплата неустойки и взимание процентов за пользование чужими денежными средствами должны носить по отношению к убыткам зачетный характер (п. 1 ст. 394, п. 2 ст. 395 ГК РФ). Однако в договоре стороны могут предусмотреть иное и установить, например, штрафной характер неустойки. В этом случае убытки

[1] *Молчанов А. А.* Лекция 30. Расчетные и кредитные обязательства // Гражданское право (общая и особенная части): курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. С. 292.

[2] *Цыбуленко З. И.* Новое в Гражданском кодексе Российской Федерации об исполнении обязательств // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5 (112). С. 57; *Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чаркин С. А.* Гражданское право России. Общая часть: учебник. М.: Юрайт, 2020. С. 114; *Молчанов А. А.* Гражданское право (особенная часть): учебник. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Р-КОПИ, 2021. С. 189.

будут взысканы сверх неустойки. При наличии в договоре двух мер ответственности за одно и то же нарушение (за исключением штрафной) лицо, права которого нарушены неисполнением обязательства, вправе предъявить требование о применении одной из этих мер, не доказывая факта и размера убытков, понесенных им при неисполнении денежного обязательства.

Заемщики часто оспаривают указанные выше условия договора. На стадии заключения договора попытки заемщиков исключить данные условия или изменить их, как правило, безуспешны. Кредитные организации мотивируют отказ удовлетворить требования заемщика объявлением кредитного договора и его условий стандартными, не изменяемыми по инициативе заемщиков. Так, по одному из дел заемщику отказано во внесении изменений в кредитный договор со ссылкой на внутренние правила, утвержденные председателем правления банка. Согласно данным правилам, если предметом договора является типовой кредитный продукт, внесение изменений в проект кредитного договора, по сравнению с разработанной и утвержденной формой договора, не допускается[1].

Вместе с тем очевидным становится то обстоятельство, что «применяя стандартные условия, более сильная сторона стремится переложить свои собственные риски на контрагента, определяя в формулярах условия, по которым контрагент лишается многих обычных прав, а также условия, ограничивающие собственную ответственность доминирующей стороны на случаи нарушения договора и пр.»[2]. Отказы кредитных организаций в изменении условий кредитного договора стали предметом рассмотрения Президиума Высшего Арбитражного Суда (ВАС) РФ. Суд указал, что если заемщик фактически не имел возможности влиять на содержание договора, то данный договор следует квалифицировать как договор присоединения (даже если в договоре стороны указали, что договор не рассматривается ими в качестве договора присоединения)[3].

---

[1] *Михеева И. Е.* Проценты и иные платежи по кредитному договору: монография. М.: Юстицинформ, 2019. С. 102.

[2] *Дыпленкова А. В.* Некоторые особенности договоров присоединения // Юридический мир. 2001. № 3. С. 28.

[3] Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного суда РФ

Для квалификации кредитного договора в качестве договора присоединения заемщик должен доказать, что у него не было фактической возможности влиять на содержание кредитного договора (например, заемщик предлагал внести изменения в кредитный договор, но кредитная организация отказала ему во внесении этих изменений). Заемщик должен доказать, что положения кредитного договора, об изменении или исключении которых он просит, являются явно обременительными для заемщика, которые он, исходя из своих разумно понимаемых интересов, не принял бы при наличии у него возможности участвовать в определении условий договора. В целом это разъяснение суда основано на принципе свободы договора, если определено фактическое соотношение переговорных возможностей сторон, выясняется, было ли присоединение к предложенным условиям вынужденным, а также учитывается уровень профессионализма сторон в соответствующей сфере, конкуренция на соответствующем рынке, наличие у присоединившейся стороны реальной возможности вести переговоры или заключить аналогичный договор с третьими лицами на иных условиях и т. д.[1]

Согласно п. 2 ст. 428 ГК РФ правовым последствием квалификации кредитного договора как договора присоединения становится либо изменение кредитного договора, либо его расторжение в судебном порядке. Изменение или расторжение кредитного договора является не мерой ответственности кредитной организации, а мерой защиты заемщика перед кредитором. Как указывает В. С. Белых, «основной критерий для разграничения меры защиты и меры ответственности – наличие внеэквивалентных имущественных лишений, характерных для гражданско-правовой ответственности. Нарушитель (причинитель вреда) лишается собственного имущества, денежных средств без какой-либо компенсации. Напротив, эквивалентное лишение имущества есть мера защиты субъективных прав потерпевшего

от 13 сентября 2011 г. № 146 // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2011. № 11. С. 111–130.

[1] *Новикова С. В., Шеховцова А. С.* Некоторые вопросы ограничения свободы договора // Научно-технологическое обеспечение агропромышленного комплекса России: проблемы и решения: сб. тезисов по материалам III Национальной конф. / отв. за вып. А. Г. Кощаев. Краснодар: КубГАУ, 2019. С. 189.

лица»[1]. Очевидно, что в случае изменения или расторжения кредитного договора кредитная организация не несет имущественных потерь. Однако, наряду с мерами защиты в рассматриваемом случае можно применять меры ответственности, такие как взыскание убытков, а в некоторых случаях, если спорное условие обязывает заемщика вносить дополнительные денежные средства, – взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами.

Рассмотрим пример из судебной практики. Стороны заключили кредитный договор, одним из условий которого было взимание банком комиссии за резервирование денежных средств. Заемщик обратился в суд с иском о признании недействительным условия договора потребительского кредита о взимании комиссии за резервирование денежных средств, применении последствий недействительности условия сделки, взыскании с ответчика уплаченной суммы комиссии, процентов за пользование чужими денежными средствами и компенсации морального вреда, а также возмещении расходов по оплате услуг представителя, расходов по удостоверению полномочий представителя.

В обоснование требований заемщик указал, что спорное условие противоречит законодательству, которое не предусматривает обязанности заемщика по внесению дополнительных платежей за выдачу кредита. Размещение банком денежных средств осуществляется банковскими организациями всегда от своего имени и за свой счет. Условия предоставления и погашения кредита должен создать банк, а потому действия банка по открытию и ведению ссудного счета не являются самостоятельной услугой.

Суд удовлетворил требования заемщика и указал, что резервирование денежных средств выступает в качестве одной из стадий процесса предоставления кредита и обусловлено заключением кредитного договора. Фактически спорное условие представляет собой не самостоятельную платную банковскую услугу (на этой квалификации условия настаивал банк), а определенную комиссию за выдачу кредита, которую банк взимает с заемщика в обязательном порядке. Включение спорного условия в кредитный договор фактически свидетельствует о том, что предоставление кредита заемщику (то есть исполнение своей

[1] *Белых В. С.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М.: Проспект, 2009. С. 112.

обязанности по выдаче кредитных денежных средств) банк обусловил обязательным получением от заемщика дополнительной платы[1].

В другом аналогичном деле суд признал неправомерным взимание банком комиссионного вознаграждения за резервирование кредитных средств в течение периода доступности кредитных средств, поскольку денежные средства были предоставлены банком единовременно, а не отдельными траншами[2]. Еще по одному делу суд пояснил, что, поскольку выдача кредита производилась одним траншем, ответчик не представил доказательства затрат на резервирование денежных средств по кредиту, взимание банком комиссии за выдачу кредита является необоснованным. Для заемщика не создавалось экономическое благо, а цель комиссии, взимаемой банком, определить невозможно[3].

Распространено включение в договоры потребительского кредита условий, устанавливающих основания для досрочного возврата заемщиком суммы потребительского кредита, не предусмотренные законодательством. Судебная практика говорит о том, что такие условия являются ущемляющими права заемщика, они недействительны на основании п. 1 ст. 16 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». По мнению Верховного Суда РФ, требование кредитора о досрочном возврате заемных средств по договору потребительского кредита (займа) в случаях, не предусмотренных законодательством, не влечет юридических последствий, на которые оно направлено[4].

---

[1]Кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Ярославского областного суда от 8 февраля 2012 г. // Архив Ярославского областного суда. 2012 г. Гражданское дело № 33-381.

[2] Постановление ФАС Московского округа от 7 мая 2014 г. № Ф05-3812/14 по делу № А40-167811/2012 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/search (дата обращения: 05.06.2023).

[3] Определение Верховного Суда РФ от 14 мая 2015 г. по делу № 305-ЭС15-65, А40-168763/2013 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=426180&ysclid=llbdl5a4ld180214377#tnEewmT80ddi8rtU (дата обращения: 05.06.2023).

[4] О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

Интересна современная позиция суда по многолетней практике кредитных организаций, включающих в кредитный договор о выдаче кредита на приобретение автомобиля условия, обязывающего заемщика передать в банк на временное хранение оригинал паспорта транспортного средства. По мнению суда, который руководствовался системным толкованием норм п. 3 ст. 15 Закона п. 3 ст. 15 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»[1] и п. 2 ч. 2 ст. 17 Федерального закона от 1 июля 2011 г. № 170-ФЗ «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2], кредитная организация не вправе включать в указанный кредитный договор условия об обязанности заемщика после выдачи кредита представить оригинал паспорта транспортного средства с записью о праве собственности на автомобиль на хранение в банк до даты исполнения обязательств по кредиту[3].

Следует отметить, что условия кредитных договоров часто становятся предметом интереса со стороны правоохранительных органов и органов государственной власти. Например, условия типового кредитного договора, который утвержден кредитной организацией и предлагается к заключению, часто становятся объектом внимания прокуратуры. Так, в рамках прокурорской проверки установлено, что банком осуществляется заключение кредитных договоров в соответствии с типовым кредитным договором, являющимся приложением к Положению о

[1]Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: федер. закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 18. Ст. 1720.

[2]О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 1 июля 2011 г. № 170-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 27. Ст. 3881.

[3]Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 сентября 2022 г. № 15АП-13166/2022 по делу № А53-11649/2022 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS015&n=238913&ysclid=llbdtgo7k382271781#LlrfwmTGAtnATR55 (дата обращения: 05.06.2023); постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 12 октября 2020 г. по делу № А33-473/2020 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS003&n=72045&ysclid=llbdwzj6u2966802760#SYYgwmTEf3tdS7Kw (дата обращения: 05.06.2023).

кредитовании физических лиц, условия которого противоречат законодательству. В договоре предусмотрено, что заемщик оплачивает услуги банка, связанные с выдачей кредита, установленную сумму в срок не позднее дня его предоставления; в случае неисполнения заемщиком обязательств последний предоставляет банку право на безакцептное списание денежных средств со счета, открытого заемщиком в банке, для погашения задолженности по кредитному договору; банк вправе досрочно взыскать сумму кредита в связи с существенным ухудшением платежеспособности заемщика, а также вправе удерживать пени и неустойку ранее погашения процентов и основной суммы долга. В связи с выявленными нарушениями прокуратура обратилась в суд с требованием о признании условий типового кредитного договора нарушающими права неопределенного круга лиц и возложении обязанности на банк по исключению из типового кредитного договора противоречащих закону пунктов. Требования прокурора удовлетворены в полном объеме[1].

В другом случае условие договора потребительского кредитования, устанавливающее штраф за отказ заемщика от получения кредита, стало объектом внимания Роспотребнадзора, который посчитал такое условие незаконным и привлек банк к административной ответственности за включение в договор условия, ущемляющего права потребителей (ч. 2 ст. 14.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях). Банк оспорил постановление Роспотребнадзора в судебном порядке, указав, что спорное условие не нарушает прав потребителей, так как оно устанавливает ответственность заемщика за уклонение от принятия им надлежащего исполнения обязательства по выдаче кредита. В судебном заседании Роспотребнадзор пояснил, что указанный штраф не предусмотрен законодательством о защите прав потребителей и что включение такого условия в договор с потребителем ухудшает его положение. Суд отказал в удовлетворении заявления банка, разъяснив, что, согласно ст. 25 и 32 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», потребитель вправе в течение некоторого непродолжительного периода времени с момента заключения договора отказаться от исполнения договора без негативных для себя последствий. Применительно к банковскому кредитованию

[1]Прокуратура Свердловской области: офиц. сайт. URL: http://www.prokuratura.ur.ru/main.php?id=264 (дата обращения: 05.06.2023).

граждан специальное регулирование последствий отказа потребителя от получения кредита отсутствует, следовательно, потребитель не может быть понужден ни к принятию суммы кредита, ни к уплате штрафа за отказ от его получения. Кроме того, в п. 2 ст. 821 ГК РФ предусмотрено общее правило, согласно которому заемщик вправе отказаться от получения кредита полностью или частично, уведомив об этом кредитора до определенного договором срока его предоставления. Установление иных последствий отказа от получения кредита в договоре с заемщиком-гражданином существенно нарушает его права как потребителя[1].

Таким образом, несмотря на огромное количество судебных разбирательств относительно вопроса о включении в кредитный договор условий, ущемляющих права заемщика, их противоречие действующему законодательству, кредитные организации часто игнорируют выводы судов. Следствием этого, очевидно, является ущемление прав заемщиков, особенно заемщиков-потребителей, а также угроза нормальному функционированию рынка и его устойчивому развитию[2]. Не можем не согласиться с мнением профессора В. П. Камышанского о том, что «интересам отдельного человека, предпринимателя и России в целом в большей мере отвечает … социально ориентированный рынок»[3].

Библиографический список

1. *Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чаркин С. А.* Гражданское право России. Общая часть: учебник. М.: Юрайт, 2020. 394 с.

2. *Белых В. С.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М.: Проспект, 2009. 236 с.

[1] Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 13 сентября 2011 г. № 146 // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2011. № 11. С. 111–130.

[2] *Губин Е. П.* Устойчивое развитие рыночной экономики и предпринимательства: вопросы права // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 1. С. 38.

[3] *Камышанский В. П.* Институционализация правового обеспечения гражданского оборота в условиях незаконных международных санкций // Власть Закона. 2022. № 4 (52). С. 21.

3. *Губин Е. П.* Устойчивое развитие рыночной экономики и предпринимательства: вопросы права // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 1. С. 36–46.

4. *Камышанский В. П.* Институционализация правового обеспечения гражданского оборота в условиях незаконных международных санкций // Власть Закона. 2022. № 4 (52). С. 15–21.

5. *Михеева И. Е.* Проценты и иные платежи по кредитному договору: монография. М.: Юстицинформ, 2019. 250 с.

6. *Молчанов А. А.* Гражданское право (особенная часть): учебник. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Р-КОПИ, 2021. 496 с.

7. *Молчанов А. А.* Лекция 30. Расчетные и кредитные обязательства // Гражданское право (общая и особенная части): курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. С. 291–307.

8. *Новикова С. В., Шеховцова А. С.* Некоторые вопросы ограничения свободы договора // Научно-технологическое обеспечение агропромышленного комплекса России: проблемы и решения: сб. тезисов по материалам III Национальной конф. / отв. за вып. А. Г. Кощаев. Краснодар: КубГАУ, 2019. С. 188–189.

9. *Цыбуленко З. И.* Новое в Гражданском кодексе Российской Федерации об исполнении обязательств // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5 (112). С. 54–60.

10. *Цыпленкова А. В.* Некоторые особенности договоров присоединения // Юридический мир. 2001. № 3. С. 28–38.

УДК 349.3
ББК 67.405.2

Н. И. Сапожникова
доцент кафедры
земельного, трудового
и экологического права
Кубанского государственного
аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
кандидат юридических наук,
доцент
Россия, г. Краснодар
sapozhnikova61@mail.ru

А. А. Мурзаков
магистрант
Кубанского государственного
аграрного университета
имени И. Т. Трубилина
Россия, г. Краснодар
murzakov.1999@mail.ru

ПЕНСИИ ЗА ВЫСЛУГУ ЛЕТ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

SUPERANNUATION PENSIONS IN THE SOCIAL PROTECTION SYSTEM OF STATE CIVIL SERVANTS

В статье рассмотрены понятие государственной гражданской службы, принципы ее правового регулирования, определяемые в качестве основы для осуществления социальной защиты. Показана необходимость введения принципа социальной защиты в законодательство, регулирующее прохождение государственной гражданской службы. Обсуждение вопросов, возникающих в связи с предоставлением пенсионного обеспечения, находит отклик не только в органах власти и средствах массовой информации. Условия, определяющие право на пенсию, ее размер сегодня должны интересовать не только тех, кому предстоит ее оформление, но и тех, кто только начинает трудовую деятельность. В неменьшей степени это распространяется и на работников, которые приняли решение посвятить свою деятельность служению народу и государству. Поэтому в статье уделено внимание законодательству, определяющему условия и порядок установления пенсии за выслугу лет для федеральных государственных гражданских служащих. Авторы анализируют некоторые проблемы, возникающие в связи с установлением пенсии за выслугу лет федеральным государственным гражданским служащим, относительно возраста выхода их на пенсию за выслугу лет и определения размера пенсии за выслугу.

Ключевые слова: гражданская служба, государственный гражданский служащий, государственные гарантии, социальная защита,

пенсия за выслугу лет, пенсионный возраст, борьба с коррупцией, принцип социальной справедливости.

The article considers the concept of state civil service, principles of its legal regulation, defined as the basis for the implementation of social protection. The necessity of introducing the principle of social protection into the legislation regulating the state civil service is shown. The discussion of issues arising in connection with the provision of pension provision resonates not only in the authorities and the media. The conditions determining the right to a pension and its amount today should be of interest not only to those who are to receive it, but also to those who are just beginning their labour activity. To the same extent, this applies to workers who have decided to devote their activities to serving the people and the state. Therefore, the article pays attention to the legislation determining the conditions and procedure for establishing a long-service pension for federal state civil servants. The authors analyse some problems arising in connection with the establishment of long-service pensions for federal state civil servants, regarding the age of their retirement for long-service pension and the determination of the amount of long-service pension.

Keywords: *civil service, state civil servant, state guarantees, social protection, seniority pension, retirement age, fight against corruption, principle of social justice*.

Прохождение государственной гражданской службы регламентировано значительным числом нормативных правовых актов, ведущее место среди которых занимает Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»[1]. Правовой анализ ст. 3 этого закона показывает, что его положения четко закрепляют формулировку понятия государственной гражданской службы, обозначая ее как один из видов государственной службы, включающий в себя профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации (РФ), занимающих должности государственной гражданской службы РФ по обеспечению исполнения определенных полномочий. В связи с этим нельзя не учитывать важность и значимость выполняемых указанными категориями работников функций, что, в свою очередь, определяет необходимость осуществления со стороны государства по отношению к ним проявления особой социальной

[1] О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 7 октября 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.

защиты[1]. Социальная защита государственных гражданских служащих – это комплекс мероприятий, проводимых соответствующими организациями и направленных на предоставление социальной поддержки в рамках закрепленных в нормативных актах социальных гарантий.

Продолжая анализировать положения Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», следует сделать акцент на ст. 4, которая закрепляет принципы как основу осуществления гражданской службы. Фиксируя в указанной норме восемь принципов гражданской службы, законодатель не выделяет в их числе такой значимый принцип, как социальная защита государственных гражданских служащих. Вероятно, отдельные принципы, нашедшие законодательное закрепление в ст. 4 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», подразумевают в своих формулировках наличие социальной защиты. Например, принцип стабильности, может содержать одну из своих задач в плане социальной защиты[2]. Однако, по нашему мнению, принцип социальной защиты должен быть введен в качестве самостоятельного принципа в ст. 4 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Наличие социальных гарантий, безусловно, способствует повышенной заинтересованности в исполнении различных служебных обязанностей, и впоследствии качество труда государственного гражданского служащего сказывается на плодотворной работе государственного аппарата в целом. Законодатель, в свою очередь, предусматривает самые разные меры, направленные на социальную защиту государственных гражданских служащих. Перечень социальных гарантий характерен для каждого вида гражданской службы и имеет нюансы для людей, проходящих такую службу. Данная тематика в научной теории редко становится предметом дискуссионных обсуждений.

[1] *Лукьяненко Д. В.* Социальная защита государственных служащих // Word science: problems and innovation: сборник ст. XXX Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 30 марта 2019 г.). Пенза: Наука и Просвещение, 2019. С. 240.

[2] *Матвеев С. П.* Государственная гражданская служба: проблемы социальной защиты государственных гражданских служащих // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 1. С. 25.

Социальная защита государственных гражданских служащих регламентирована ст. 52 рассматриваемого Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ. Указанная правовая норма фиксирует в отношении государственных гражданских служащих основные гарантии, определяемые на государственном уровне. Государство при этом преследует цель обеспечить не только защищенность государственных гражданских служащих в правовом аспекте, но и предоставить им защиту в социальной сфере. Таким образом, государство вводит стимулы для качественного исполнения государственными гражданскими служащими порученных им к выполнению определенных должностных обязанностей, тем самым консолидируя и укрепляя профессиональный кадровый состав гражданской службы. Среди таких стимулов – равные условия в оплате труда, обеспечение полноценного, определенного законом отдыха, обеспечение медицинского страхования не только гражданского служащего, но и членов его семьи, и т. д.

Выполнение вмененных работнику, занятому на государственной службе функциональных обязанностей сопровождается введением государством в отношении его целого ряда ограничений. Среди них – ограничение по выполнению другой работы, кроме той, на которую он принят по трудовому договору. В таком случае законодатель определяет возможность осуществления ограниченного числа видов деятельности. К таким видам деятельности относятся педагогическая, творческая и другая, которая не вызывает конфликта интересов в связи с занимаемой должностью на государственной службе. Введение определенных гарантий для занятых на государственной службе в таком случае расценивается как своего рода компенсация за лишение возможности иметь дополнительный доход, например от предпринимательской или коммерческой деятельности[1]. Специфичность выполняемой работы государственными служащими, определяющей введение при ее исполнении ряда запретов и ограничений вызывает необходимость установления в связи с этим некоторых гарантий, как пишут многие исследователи, в том числе и Е. Ю. Романов и Ю. Г. Шпаковский[2].

[1] *Казакова Н., Рунов А., Новиков А.* Социальная защита государственных служащих // Власть. 2012. № 11. С. 138.

[2] *Романов Е. Ю., Шпаковский Ю. Г.* Социальная защита государственных служащих в современной России // Право и безопасность. 2005. № 3. С. 27.

Установление для государственных гражданских служащих достойного уровня оплаты труда могло бы максимально снизить уровень их нуждаемости и тем самым улучшить уровень их благосостояния, во многом решить проблему социальной защиты данной категории работников, на которых государством возложена обязанность по выполнению значимых для него задач. Вероятно, решение этой задачи способствовало бы и улучшению ситуации в таком направлении деятельности государства, как борьба с коррупцией в органах государственной власти и местного самоуправления. Безусловно, при этом нельзя не учитывать тот факт, что оплата труда в системе государственной службы существенно отстает от ее средней величины в промышленности[1].

Механизмы социальной защиты гражданских служащих, хотя и отражены в приемлемом количестве правовых актов, все-таки нуждаются в дальнейшем совершенствовании, как нередко показывает практика. По нашему мнению, имеющиеся в федеральных законах нормы социальной защиты государственных служащих необходимо дополнить определенными механизмами реализации. Это необходимо для того, чтобы прямо и четко регулировать правовые, экономические и организационные аспекты мер реализации социальной защиты государственных гражданских служащих.

Среди наиболее значимых мер социальной защиты государственных гражданских служащих следует выделить предоставление права на получение пенсии за выслугу лет. Указанную меру социальной защиты государственных гражданских служащих следует рассматривать как отложенную, поскольку ее предоставление осуществляется по завершению государственной гражданской службы. Пенсии за выслугу лет федеральным государственным гражданским служащим назначаются в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»[2]. Увеличение пенсионного возраста для реализации права на получение пенсии по старости непосредственно относится и к государственным гражданским

[1] *Гусев А. В.* Российская государственная гражданская служба: проблемы правового регулирования: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 10.

[2] О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации: федер. закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ (в ред. от 28 апреля 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 51. Ст. 4831.

служащим. Более того, первыми, кого не обошло стороной увеличение пенсионного возраста, стали именно государственные гражданские служащие. Изменения, внесенные в законодательство, регулирующее пенсионное обеспечение в аспекте увеличения пенсионного возраста и продолжительности выслуги лет, определены Федеральным законом от 23 мая 2016 г. № 143-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части увеличения пенсионного возраста отдельным категориям граждан»[1]. Таким образом, с 1 января 2017 г. в качестве условий установления пенсии за выслугу лет рассматриваются следующие: длительность выслуги лет должна составлять не менее 20 лет, возраст выхода на пенсию за выслугу лет для мужчин – 65 лет, для женщин – 63 года. Вместе с тем в ст. 7 указанного Федерального закона речь идет о поэтапном увеличении продолжительности выслуги лет, определяемой на момент реализации права на пенсию, но ничего не говорится о возрасте, с которого реализуется право на пенсию. В связи с этим считаем необходимым внести в указанную статью соответствующие изменения в отношении возраста выхода на пенсию за выслугу лет. Более того, считаем не соответствующим принципу социальной справедливости установление для женщин возраста выхода на пенсию за выслугу лет 63 года, в то время как для назначения страховой пенсии по старости возраст для женщин определен 60 лет[2]. При этом ст. 7 определяет, что пенсия за выслугу лет назначается вместе со страховой пенсией по старости.

Относительно определения размеров пенсий за выслугу лет укажем, что пенсия за выслугу лет устанавливается в размере 45 % при наличии минимальной установленной законом продолжительности для назначения пенсии за выслугу лет, определяемой на момент реализации права на пенсию. В случае, если продолжительность выслуги превышает требуемую законом продолжительность, размер пенсии подлежит увеличению за каждый переработанный год сверх установленной законом продолжительности на 3 %. При этом законодатель определил, что

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части увеличения пенсионного возраста отдельным категориям граждан: федер. закон от 23 мая 2016 г. № 143-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 22. Ст. 3091.

[2] О страховых пенсиях: федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (в ред. от 18 марта 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6965.

максимально она не может превышать 75 % заработка федерального государственного гражданского служащего, учтенного за последние 12 месяцев перед обращением за реализацией права на пенсию за выслугу лет. Таким образом, элементами, влияющими на размер пенсии за выслугу лет являются величина выслуги лет и заработка[1]. Размер пенсии определяется за минусом назначенной страховой пенсии. В нашем понимании это и определяет неравенство в вопросах пенсионного обеспечения за выслугу лет федеральных государственных гражданских служащих по отношению к государственным служащим субъектов РФ и муниципальных служащих. Безусловно, следует учитывать, что эти категории работников приравниваются в аспекте пенсионного обеспечения за выслугу лет к федеральным государственным гражданским служащим, однако пенсии им устанавливают в соответствии с законодательством субъектов РФ либо нормативными актами, издаваемыми муниципальными органами. В соответствии с указанными нормативными актами пенсию за выслугу лет (ее размер) в большинстве субъектов РФ устанавливают дополнительно к страховой пенсии, а не за ее минусом.

Решением исследуемой проблемы может стать, например, установление пенсии за выслугу лет федеральным государственным служащим в твердой норме, в зависимости от имеющейся продолжительности выслуги лет к моменту обращения за такой пенсией. В частности, при наличии выслуги лет продолжительностью 20 лет – 5 тыс. руб. Далее, за каждый переработанный год выслуги сверх установленной законом продолжительности, производить увеличение пенсии на 3 % от установленного размера пенсии за выслугу лет. Учитывая изложенное, очевиден тот факт, что к числу дискуссионных следует отнести утверждение И. Н. Маслак о том, что продолжительный стаж и достойная заработная плата позволят государственному служащему получать достойную пенсию[2]. По нашему мнению, стаж как таковой на размере пенсии не отразится. По большей части его продолжительность отражается только на праве на пенсионное обеспечение. Фактически на

[1] *Адриановская Т. Л., Баева С. С.* Трудовое право. Общая часть: учеб. пособие. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009. С. 40.

[2] *Маслак И. Н.* Пенсионное обеспечение государственных гражданских служащих // Эпомен. 2020. № 39. С. 155.

размер пенсии может оказать влияние только заработная плата: чем она выше, тем выше размер пенсии.

Следует согласиться с позицией Т. К. Мироновой, определяющей, что с учетом ограничений, введенных законодателем при определении размера пенсии за выслугу лет, многие федеральные государственные служащие фактически такую пенсию не получают[1]. Проводимая реформа пенсионной системы стремится к учету в положениях законодательства, определяющего условия предоставления пенсионного обеспечения, принципа социальной справедливости[2].

Таким образом, система социального обеспечения гражданских служащих находится в целом на удовлетворительном уровне. Более того, в контексте вопроса о пенсионном обеспечении следует указать, что в этом аспекте государственные гражданские служащие находятся в более выгодном по отношению к получателям пенсии по старости на общих основаниях, поскольку государство предоставляет им возможность получения дополнительной пенсионной выплаты в виде пенсии за выслугу лет. Вместе с тем для наиболее эффективного обеспечения социальной защищенности государственных гражданских служащих в России считаем необходимым проведение корректировки механизмов, осуществляющих реализацию такой защиты. Корректировку следует провести в положениях законодательства, регулирующих соответствующие условия труда в органах государственной власти любого уровня.

Библиографический список

1. *Адриановская Т. Л., Баева С. С.* Трудовое право. Общая часть: учеб. пособие. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009. 256 с.

[1] *Миронова Т. К.* Пенсии за выслугу лет и их социально-правовая оценка с позиций отраслевой науки и конституционного правосудия // Вопросы российского международного права. 2018. Т. 8. № 8А. С. 113.

[2] *Сапожникова Н. И.* Реализация принципа социальной справедливости при назначении пенсии по старости // Итоги научно-исследовательской работы за 2021 год: материалы Юбилейной науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Кубанского ГАУ (Краснодар, 6 апреля 2022 г.) / отв. за выпуск А. Г. Кощаев. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2022. С. 764.

2. *Гусев А. В.* Российская государственная гражданская служба: проблемы правового регулирования: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 47 с.

3. *Казакова Н., Рунов А., Новиков А.* Социальная защита государственных служащих // Власть. 2012. № 11. С. 135–138.

4. *Лукьяненко Д. В.* Социальная защита государственных служащих // Word science: problems and innovation: сборник ст. XXX Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 30 марта 2019 г.). Пенза: Наука и Просвещение, 2019. С. 240–242.

5. *Маслак И. Н.* Пенсионное обеспечение государственных гражданских служащих // Эпомен. 2020. № 39. С. 150–155.

6. *Матвеев С. П.* Государственная гражданская служба: проблемы социальной защиты государственных гражданских служащих // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 1. С. 25–33.

7. *Миронова Т. К.* Пенсии за выслугу лет и их социально-правовая оценка с позиций отраслевой науки и конституционного правосудия // Вопросы российского международного права. 2018. Т. 8. № 8А. С. 103–113.

8. *Романов Е. Ю., Шпаковский Ю. Г.* Социальная защита государственных служащих в современной России // Право и безопасность. 2005. № 3. С. 23–30.

9. *Сапожникова Н. И.* Реализация принципа социальной справедливости при назначении пенсии по старости // Итоги научно-исследовательской работы за 2021 год: материалы Юбилейной науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Кубанского ГАУ (Краснодар, 6 апреля 2022 г.) / отв. за выпуск А. Г. Кощаев. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2022. С. 763–766с.

УДК 341.645.5
ББК 67.91

Ю. В. Таранюк
доцент кафедры
теории и истории государства и права
Кубанского государственного
аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
кандидат юридических наук, доцент
Россия, г. Краснодар
FiorOrienta@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ПРАВА СУДОМ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

FEATURES AND SIGNIFICANCE OF INTERPRETATION REGULATION OF THE LAW COURT OF THE EUROPEAN UNION

В статье рассмотрена деятельность Суда Европейского союза (ЕС) как субъекта применения и толкования права. Указано, что данный судебный орган формирует основные европейские правовые принципы. Некоторые положения, сформированные в результате деятельности Суда ЕС, стали нормами учредительных договоров ЕС. Сделан вывод о том, что толкование правовых норм, представленное Судом ЕС, не только имеет обязательный характер для сторон юридического спора, но и является обязательным для применения в иных аналогичных случаях. Решения Суда ЕС обеспечивают единообразное понимание и применение общеевропейского права, что особенно актуально в связи с тем, что

договоры ЕС, существующие на различных языках государств, являющихся его членами, идентичны и должны быть поняты всеми субъектами одинаково. К тому же толкования Суда ЕС часто носят прецедентный характер, поскольку фактически формируют новые принципы и нормы общеевропейского права.

Ключевые слова: Европейский союз (ЕС), Суд ЕС, толкование права, реализация права, заполнение правовых пробелов, решения Суда ЕС, принципы европейского права, расширительное толкование права, прецедентный характер.

The article considers the activity of the Court of Justice of the European Union (EU) as a subject of application and interpretation of law. It is pointed out that this judicial body forms the basic European legal principles. Some provisions, formed as a result of the activity of the Court of Justice of the EU, became the norms of the constituent treaties of the EU. It is concluded that the interpretation of legal norms provided by the Court of Justice of the EU is not only binding for the parties to a legal dispute, but is also mandatory for application in other similar cases. The judgements of the Court of Justice of the EU ensure uniform understanding and application of the common European law, which is especially relevant due to the fact that the EU treaties existing in different languages of its member states are identical and must be understood by all subjects in the same way. In addition, the interpretations of the Court of Justice of the EU are often of a precedent-setting nature, as they actually form new principles and norms of common European law.

Keywords: European Union (EU), Court of Justice of the EU, interpretation of law, implementation of law, filling legal gaps, judgments of the Court of Justice of the EU, principles of European law, expansive interpretation of law, case law.

Европейский союз (ЕС) является одним из крупнейших международных «игроков», который имеет собственную систему права. Данная система состоит из так называемых первичных и вторичных источников, а также из правовых принципов, которые не имеют нормативного закрепления и в большинстве случаев служат результатом правореализационной и правоинтерпретационной деятельности Суда ЕС. Следовательно, толкование норм европейского права Судом ЕС выступает одной из важнейших движущих сил развития европейского права[1].

Суд ЕС – один из значимых его институтов. Его статус и структура определены Ниццким договором 26 февраля 2001 г. Структурно Суд ЕС состоит из Европейского суда, общего суда

[1] *Цвигун Л. А.* Значение толкования норм права Судом Европейского Союза // Вестник Волгоградского университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2013. № 2. С. 193.

(трибунала, Суда общей компетенции) и специализированных трибуналов, которые утверждаются согласно регламенту Европейского парламента и Совета. В настоящее время состав суда включает в себя 27 судей и проводит заседания в Люксембурге.

Договор о функционировании ЕС в ст. 253, 254, 257 возложил на Суд Евросоюза обязанности обеспечивать соблюдение договоров ЕС в процессе их толкования и применения. Он вправе и выносить решения по искам стран – участниц ЕС, рассматривать споры относительно исполнения их обязательств, установленных Уставом Европейского инвестиционного банка (ЕИБ), актами Совета управляющих ЕИБ, актами Административного совета ЕИБ, а также исполнения национальными центробанками обязанностей, закрепленных в договорах и уставах Европейской системы центральных банков (ЕСЦБ) и Европейского центрального банка (ЕЦБ).

В ст. 271, 280 Договора о функционировании ЕС решения Суда ЕС наделены исполнительной силой. В случае, если Суд ЕС признает, что какое-либо государство – член ЕС не исполняет договорные обязательства, на виновную страну возлагают обязанность по принятию надлежащих мер по исполнению решения суда под угрозой штрафных выплат или пеней, что установлено ст. 260 Договора о функционировании ЕС.

В контексте настоящего исследования нас интересуют интерпретационные полномочия Суда ЕС и влияние результатов его толкования на развитие права ЕС. Суд ЕС, согласно ст. 267 Договора о функционировании ЕС, наделен полномочиями выносить решения в преюдициальном порядке о толковании договоров, действительности и толковании актов институтов, органов или учреждений Союза. При этом под действительностью понимают правомерность акта, отсутствие в нем недостатков в отношении содержания, формы, порядка принятия и т. д., которые могут служить основанием для признания акта недействительным со стороны Суда ЕС.

Запросить толкование договоров, определение действительности и толкование актов институтов, органов или учреждений ЕС вправе юрисдикционный орган государства – участника ЕС, для которого решение по указанному вопросу является важным при разрешении дела по существу. Если дело находится на рассмотрении в юрисдикционном органе страны – участницы ЕС, решения которого не подлежат обжалованию, то

обращение за толкованием или определением действительности акта является не правом, а обязанностью данного юрисдикционного органа. Право Суда ЕС по толкованию реализуется и посредством ст. 269 Договора о функционировании ЕС, на основании которой Суд ЕС может выносить решение о правомерности актов, принятых Европейским советом или Советом.

Таким образом, Суд ЕС выполняет задачу по толкованию правовых норм Евросоюза, а принципы и правила толкования, вырабатываемые им в процессе реализации функций по рассмотрению споров, имеют обязательную силу. Это является результатом определенной пассивности европейского законодателя[1], что вынуждает Суд ЕС брать на себя не только правореализационные полномочия, но и функции по развитию и наполнению европейского права посредством его расширительной интерпретации.

В настоящее время западные исследователи называют интерпретацию своеобразным «центром», через который проходит юридический диалог между Судом ЕС и Верховным Судом США. Речь идет о том, что посредством толкования договоров ЕС поддерживается принцип верховенства права ЕС[2] и обеспечиваются цели правопорядка[3]. Суд ЕС, как и суды нижестоящих инстанций, должны действовать целенаправленно для обеспечения правильного и точного понимания и применения законов.

Принцип верховенства права ЕС утвержден в ходе судебной деятельности, в результате принятия решения по делу *Flaminio Costa v. ENEL* (*Ente Nazionale Energia Elettrica*) от 15 июля 1964 г.[4] В его мотивировочной части Суд указал, что отказ государств-членов в исследуемый период еще Европейского сообщества от части своих полномочий в пользу Сообщества (в настоящее время

[1] *Голуб К. Ю.* Решение суда европейских сообществ как источник права ЕС: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 5–6.

[2] *Чайка К. Л.* Суд интеграционного объединения как международный судебный орган // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 3. С. 159.

[3] *Breyer S.* Our Democratic Constitution // New York University Law Review. 2002. Vol. 77. No. 2. P. 245–247.

[4] Judgment of the Court of 15 July 1964. Flaminio Costa v E.N.E.L. // European Union: official website of the. URL: http://eur-lex.europa.eu/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi! celexplus! prod! CELEXnum doc&numdoc=61964J0006&lg=en (дата обращения: 01.07.2023).

– Евросоюза) налагает на них запрет на изменение норм права ЕС при их имплементации и обязанность издавать собственные нормативные акты в соответствии с законодательством ЕС. Это, в свою очередь, свидетельствует о верховенстве европейского права над внутригосударственным, о запрете его оспаривания национальным законодательством.

Функционирование права ЕС также основано на принципе прямого действия, который, как и предыдущий, сформулирован благодаря правоинтерпретационной деятельности Суда ЕС и впервые озвучен в решении Суда по делу *Van Gend en Loos v. Netherlands Inland Revenue Administration* от 5 февраля 1963 г.[1]

Данное дело интересно тем, что оно иллюстрирует первую попытку применения европейского права по отношению к частному лицу. В результате рассмотрения дела *Van Gend en Loos v. Netherlands Inland Revenue Administration* Суд в указанный период еще Европейского сообщества пришел к выводу о том, что нормы Европейского экономического сообщества (ЕЭС) распространяют прямое действие и на частных лиц, наделяют их правами, обязанностями и обеспечивают их судебную защиту, что соответствует целям и задачам функционирования европейских объединений. Формирование ЕС породило новый международный правопорядок, функционирование которого видится возможным только в условиях ограничения государствами-членами своих суверенных прав. Кроме того, Суд обратил внимание на то, что в условиях нового европейского порядка субъектами европейского объединения становятся не только страны, но и их граждане, что обременяет их новыми обязанностями, а также предоставляет им определенные права, то есть позволяет сформировать новое правовое состояние граждан, населяющих европейское пространство.

Специфика толкования Судом ЕС правовых предписаний имеет свои особенности. Прежде всего стоит указать, что отсутствуют четкие подходы к толкованию основного законодательства ЕС, то есть его договоров (в отличие от директив, постановлений и других нормативных актов, принятых

[1]Judgment of the Court of 5 February 1963. NV Algemene Transport-en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration // European Union: official website of the. URL: http://eur-lex.europa.eu/Result.do?T1=V6 &T2=1962&T3=26&RechType=RECH_ naturel& Submit=Search (дата обращения: 01.07.2023).

европейскими институтами). Функционирование Суда ЕС в аспекте реализации им интерпретационных полномочий осложняется тем, что ему необходимо обеспечить единообразное понимание и применение правовых норм в условиях многоязычности Евросоюза, в существовании особой терминологии ЕС, которая не всегда совпадает с аналогичными терминами в законодательстве его участников, а также в условиях различной оценки законодательства и определения целей права в отдельных государствах-участниках и различного уровня развития в них законодательства.

Очень часто причиной для обращения в Суд ЕС в целях толкования служит спор, возникший в национальном суде государства-участника, в процессе которого выявляют различное понимание норм законодательства национальным судебным органом и участником процесса. Примером может послужить дело 283/81[1], в результате рассмотрения которого Суд ЕС сформировал одну из основных позиций относительно толкования ст. 177 Маастрихтского договора, которая затем зафиксирована, в частности, в Договоре о функционировании ЕС. Данная позиция заполнила пробел, существовавший в европейском законодательстве.

Первоначально возник спор между итальянскими импортерами шерсти и Министерством здравоохранения Италии об уплате фиксируемого сбора за проверку импортируемой шерсти. Согласно европейскому законодательству, государствам – членам ЕС запрещено вводить любые сборы на продукты животноводства, эквивалентные таможенным пошлинам, кроме оговоренных специально.

Согласно ст. 177 Маастрихтского договора Суд ЕС обладает юрисдикцией выносить предварительные решения относительно толкования данного Договора, действительности и толкования актов института Сообщества и ЕЦБ, осуществлять толкование статутов органов, учрежденных актом Совета, если это предусмотрено данными статутами. Если вопрос поднимается судебным органом государства – члена ЕС, то он может обратиться

[1] Judgment of the Court of 6 October 1982. Srl CILFIT and Lanificio di Gavardo SpA v Ministry of Health. Reference for a preliminary ruling: Corte suprema di Cassazione – Italy. Obligation to request a preliminary ruling. Case 283/81 // European Union: official website of the. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61981CJ0283 (дата обращения: 03.07.2023).

в Суд ЕС с просьбой вынести решение по нему. Это право обращается в обязанность, если по указанному делу инстанция выносит окончательное решение, акты которой не подлежат обжалованию.

Министерство здравоохранения Италии считало, что относительно содержания данной нормы отсутствуют сомнения и нет необходимости обращаться в Суд ЕС за предварительным решением. Компания-импортер шерсти была не согласна с такой позицией и утверждала, что, поскольку вопрос о толковании поднят Верховным кассационным Судом Италии, решения которого являются окончательными и не подлежат обжалованию, обращение в Суд ЕС становится необходимым.

Верховный кассационный Суд, столкнувшись с этими противоречиями, принял решение обратиться в Суд ЕС с вопросом о том, соответствуют ли п. 3 ст. 177 Маастрихтского договора полномочия национальных судов определять обоснованность поданного вопроса в отношении интерпретации. Если соответствуют, то какие существуют ограничения для предварительного выявления интерпретационных сомнений?

Суд ЕС подтвердил эту обязанность у верховных национальных судебных инстанций, подчеркнув, что она основана на межгосударственном сотрудничестве в целях обеспечения единообразного применения и толкования законодательства ЕЭС во всех государствах-членах. Поскольку предотвращение возникновения разногласий между национальными судами различных государств Сообщества является важным, объем обязанностей судов оценивается в соответствии с этими целями со ссылкой на полномочия национальных судов и Суда ЕС. Необходимо учитывать и обстоятельства, при которых верховные судебные инстанции государств-членов обращаются в Суд ЕС с просьбой о толковании. Если против этих судебных инстанций нет вышестоящих средств защиты, то такая подача является их обязанностью, поскольку ч. 3 ст. 177 Маастрихтского договора не предоставляет таких полномочий сторонам, участвующим в деле. Поэтому высшие судебные инстанции могут запрашивать толкование норм Судом ЕС как по ходатайству сторон, так и по собственной инициативе.

Вместе с тем, если спор о толковании соответствующей нормы законодательства ЕС не может повлиять на исход дела, национальные верховные суды не обязаны обращаться в Суд ЕС. Если же интерпретация имеет важное значение, то можно

говорить о наличии такой обязанности. В случаях, если поднятый вопрос был уже предметом разбирательства по аналогичному делу, обращение в Суд ЕС не будет обязательным, однако результат толкования по предыдущему делу не должен влиять на цели и сущность рассматриваемого в реальном времени обязательства.

Если правильное толкование общеевропейского законодательства является настолько очевидным, что не оставляет места для разумных сомнений относительно способа решения поставленного вопроса, то перед принятием решения по конкретному делу судебный орган должен быть убежден, что способ решения такого вопроса настолько же очевиден и для судов других государств-членов. В этом случае национальные судебные инстанции могут воздержаться от обращения в Суд ЕС и принять полностью на себя ответственность за разрешение спора. Однако наличие такой возможности должно оцениваться с учетом характерных особенностей общеевропейского права и возможных проблем его толкования. Одна из таких особенностей – это существование европейских договоров на разных языках государств – членов ЕС. При этом необходимо помнить о том, что разноязычные экземпляры идентичны. Таким образом, толкование договоров ЕС включает в себя и процедуру сравнения их текстов на разных языках.

Следует учитывать, что в договорах ЕЭС и ЕС используется специальная терминология, а правовые понятия не всегда имеют одинаковое значение в общеевропейском и национальном законодательстве государств – членов ЕС. Каждое положение законодательства ЕС должно рассматриваться в определенном контексте и интерпретироваться в аспекте положений законодательства ЕС в целом, с учетом его задач и состояния развития на дату принятия толкуемой нормы.

С учетом изложенного Суд ЕС пришел к выводам о том, что п. 3 ст. 177 Маастрихтского договора должен толковаться так, что национальный суд, против решения которого нет права обжалования на основании национального законодательства, обязан с целью правильного применения нормы права обращаться за ее интерпретацией в Суд ЕС, если не установит, что поднятый вопрос не имеет существенного значения для результатов дела либо уже был предметом рассмотрения Суда ЕС ранее или что правильное применение законодательства ЕС настолько очевидно, что не оставляет возможности для любых обоснованных сомнений.

Обязанность по запросу толкования Судом ЕС должна быть оценена с учетом особенностей права ЕС, конкретных сложностей, связанных с его интерпретацией и риском разногласий в судебных решениях внутри ЕС. Для толкования норм права Суд ЕС использует три основных способа: буквальный, систематический и телеологический. В отношении буквального все понятно, данный способ применим только к тексту и формулировкам толкуемого акта. Телеологический способ толкования права Судом ЕС предполагает избрание такого понимания нормы, которое лучше всего служит цели, для достижения которой она принята. Использование систематического способа толкования Судом ЕС отличается от понимания, принятого в России. Если в нашей стране систематический способ толкования предполагает интерпретацию правовых норм, основанную на анализе их действия и положения в нормативном акте, институте, отрасли и системе права в целом[1], то Суд ЕС, применяя систематический способ, предполагает такую ссылку на контекст закона, которая учитывает не только место нормы права в элементах правовой системы, но и исторические особенности принятия интерпретируемого акта. В систематическом толковании договоров Судом ЕС активно используется законодательство государств – участников ЕС[2].

При этом интересен тот факт, что подготовительные работы в отношении проекта договора ЕС и связанные с ней документы не учитываются Судом ЕС для установления действительного смысла того или иного нормативного положения договора. Суд ЕС пытался обращать внимание на подготовительные материалы, но такие попытки оказались безуспешны (яркий пример – Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза от 20 мая 1997 г. № 97/7/ЕС о защите потребителей по договорам, заключаемым дистанционным способом[3]).

Ряд положений договоров ЕС фактически прямо указывают на необходимость обращения в процессе толкования к принципам, правилам и законам, общим для всех членов Евросоюза. Так, ст. 6

[1] *Рассказов Л. П.* Теория государства и права: учебник для вузов. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2008. С. 361.

[2] *Lenaerts K.* Interlocking Legal Orders in the European Union and Comparative Law // International & Comparative Law Quarterly. 2003. Vol. 52. No. 4. P. 873.

[3] *Lenaerts K.* Interpretation and the Court of Justice: A Basis for Comparative Reflection // CORE. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/216908204.pdf (дата обращения: 04.07.2023).

Договора о Европейском союзе от 7 февраля 1992 г. говорит о признании ЕС прав, свобод и принципов, изложенных в Хартии ЕС об основных правах от 7 декабря 2000 г. (адапт. 12 декабря 2007 г.). Толкование этих прав, свобод и принципов должно осуществляться в соответствии с общими положениями раздела 7 Хартии и с учетом предусмотренных в ней разъяснений. В содержание права ЕС в качестве общих принципов входят и основные права, гарантированные Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод. Уважение основных прав базируется на их происхождении из конституционных традиций, общих для государств – членов ЕС. Это правило служит результатом прецедентного характера решений Суда ЕС, обращавшегося к общим конституционным традициям государств-членов, а также к Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ), другим европейским и международным конвенциям.

Деятельность Суда ЕС по толкованию норм европейского права часто выходит за рамки простого заполнения пробелов, вызванных отсутствием в европейском законодательстве необходимых терминов, понятий и положений. Одна их значимых его функций – восполнение пробелов, которые могут служить препятствием к достижению целей правопорядка в ЕС. В этой деятельности Суд ЕС настолько преуспел, что различия между судебным толкованием и судебным правотворчеством в его исполнении очень трудно различимы, что связано с двумя причинами.

Во-первых, до настоящего времени обычная деятельность Суда ЕС велась с упором преимущественно на телеологическое толкование. Во-вторых, правотворческая деятельность Суда ЕС происходит в контексте осуществления им функций по толкованию при вынесении решений. Итак, судебное толкование и судебное правотворчество тесно взаимосвязаны в ЕС, поскольку часто именно через необходимость толкования судом положений права ЕС фактически рождаются правовые предписания. В-третьих, европейское право включает в себя правила поведения, созданные в процессе деятельности Суда ЕС, которые еще не получили юридической силы в качестве норм законодательства в соответствии с принципом наделения компетенции, закрепленным ст. 5 Договора о создании ЕС.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что интерпретационная деятельность Суда ЕС никогда не

ограничивалась рамками буквального толкования учредительных договоров. Напротив, Суд максимально учитывал цели создания изначально ЕЭС, а затем – и Евросоюза, что привело его к активному использованию расширительного способа толкования. Именно оно способствовало закреплению многих правовых принципов на европейском пространстве, прежде всего принципов верховенства и прямого действия права ЕС. В настоящее время эти принципы являются неотъемлемой частью права ЕС.

Анализ законодательства ЕС и практики Суда ЕС позволяет заключить, что данный судебный орган не ограничивается в деятельности полномочиями по реализации права, его интерпретационная деятельность оказывает существенное влияние на формирование единой европейской правовой системы. Развитие основных принципов права ЕС со стороны Суда ЕС осуществляется с целями заполнения правовых пробелов, которые так или иначе свойственны учредительным договорам ЕС, и сближения европейского и национального законодательства государств – членов ЕС. Реализация последней цели осложнена различием государственных языков стран ЕС, что может повлечь за собой различное понимание и интерпретацию норм европейского права, которые для формирования единого европейского правового пространства должны уясняться всеми его участниками одинаково.

Именно решения Суда ЕС должны обеспечивать единообразное толкование и применение норм европейского права, их точное соблюдение в государствах – членах ЕС.

Библиографический список

1. *Голуб К. Ю.* Решение суда европейских сообществ как источник права ЕС: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 24 с.

2. *Рассказов Л. П.* Теория государства и права: учебник для вузов. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2008. 463 с.

3. *Цвигун Л. А.* Значение толкования норм права Судом Европейского Союза // Вестник Волгоградского университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2013. № 2. С. 193–195.

4. *Чайка К. Л.* Суд интеграционного объединения как международный судебный орган // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 3. С. 147–166.

5. *Breyer S.* Our Democratic Constitution // New York University Law Review. 2002. Vol. 77. No. 2. P. 245–272.

6. Judgment of the Court of 15 July 1964. Flaminio Costa v E.N.E.L // European Union: official website of the. URL: http://eur-lex.europa.eu/smartapi/cgi/ sga_doc?smartapi! celexplus! prod! CELEXnum doc&numdoc=61964J0006&lg=en (дата обращения: 01.07.2023).

7. Judgment of the Court of 5 February 1963. NV Algemene Transport-en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration // European Union: official website of the. URL: http://eur-lex.europa.eu/Result.do?T1=V6 &T2=1962&T3=26&RechType=RECH_naturel& Submit=Search (дата обращения: 01.07.2023).

8. Judgment of the Court of 6 October 1982. Srl CILFIT and Lanificio di Gavardo SpA v Ministry of Health. Reference for a preliminary ruling: Corte suprema di Cassazione – Italy. Obligation to request a preliminary ruling. Case 283/81 // European Union: official website of the. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61981CJ0283 (дата обращения: 03.07.2023).

9. *Lenaerts K.* Interlocking Legal Orders in the European Union and Comparative Law // International & Comparative Law Quarterly. 2003. Vol. 52. No. 4. P. 873–906.

10. *Lenaerts K.* Interpretation and the Court of Justice: A Basis for Comparative Reflection // CORE. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/216908204.pdf (дата обращения: 04.07.2023)..

УДК 343.01
ББК 67.408

Б. Н. Хачак
доцент
кафедры уголовного права
и уголовного процесса
Адыгейского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
Россия, г. Майкоп
beldyk1965@ mail.ru

П. С. Самыгин
профессор
кафедры теории и
истории государства и права
Ростовского государственного
экономического университета (РИНХ),
доктор социологических наук, доцент
Россия, г. Ростов-на-Дону
samygin78@yandex.ru

М. И. Катбамбетов
доцент
кафедры уголовного права
и уголовного процесса
Адыгейского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
Россия, г. Майкоп
murik-001@mail.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

CRIMINAL LIABILITY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: CURRENT PROBLEMS AND PERSPECTIVES

К основным результатам проведенного исследования можно отнести положения, в соответствии с которыми увеличение интенсивности в рамках практического применения искусственного интеллекта будет иметь неизбежным следствием рост масштабов

деятельности противоправного характера. Необходимость изменений в уголовном законодательстве, предусматривающих возможность привлечения роботов и других систем искусственного интеллекта к уголовной ответственности, будет зависеть от дальнейшего развития таких систем. На данном этапе ставить вопрос о привлечении этих систем к уголовной ответственности преждевременно, поскольку они не характеризуются существенными отличиями от других подобных программ и не отличаются высоким уровнем самосознания. Развитие систем искусственного интеллекта может дойти до такой стадии, что искусственный интеллект начнет воспринимать себя в качестве самостоятельной личности. В этом случае законодательство будет необходимо адаптировать под новую реальность, предполагающую наделение искусственного разума статусом отдельного специфического субъекта права, который может быть приравнен по своему положению к физическому лицу. Целесообразным станет и применение мер уголовно-правового воздействия на системы искусственного интеллекта с учетом признания за последними качеств самостоятельной личности, способной принимать самостоятельные решения, понимать значение своих действий и предвидеть общественно вредные результаты своего поведения.

Ключевые слова: уголовное право, юридическая ответственность, уголовная ответственность, уголовное законодательство, правонарушение, преступление, правосубъектность, субъект преступления, робот, искусственный интеллект, искусственный разум.

The main results of the conducted research include the provisions according to which the increase in intensity within the practical application of artificial intelligence will have an inevitable consequence of the growth of the scale of activities of an unlawful nature. The need for changes in the criminal legislation providing for the possibility of bringing robots and other artificial intelligence systems to criminal liability will depend on the further development of such systems. At this stage, it is premature to raise the question of bringing these systems to criminal responsibility, as they are not characterised by significant differences from other similar programmes and do not have a high level of self-awareness. The development of artificial intelligence systems may reach such a stage that artificial intelligence begins to perceive itself as an independent person. In this case it will be necessary to adapt the legislation to the new reality, which implies granting artificial intelligence the status of a separate specific subject of law, which can be equated in its position to a physical person. It will also be expedient to apply measures of criminal-legal impact on artificial intelligence systems, taking into account the recognition of the latter as an independent person capable of making independent decisions, understanding the meaning of their actions and foreseeing socially harmful results of their behaviour.

Keywords: criminal law, legal responsibility, criminal liability, criminal law, offence, crime, legal personality, subject of crime, robot, artificial intelligence, artificial mind.

Одной из характерных тенденций развития современного общества является бурное развитие технологий искусственного интеллекта. Указанные технологии, наряду с очевидными позитивными эффектами, приносят человечеству ряд новых опасностей и угроз. Как справедливо пишет Г. Г. Камалова, прогресс в области робототехники, искусственного интеллекта в целом в настоящее время имеет закономерным следствием рост преступности высокотехнологичного характера, включающей в себя различные виды мошеннических деяний, преступления террористической направленности, а также деяния, связанные с нарушениями в сфере безопасности дорожного движения, посягательствами на частную жизнь и т. д[1].

В специальных исследованиях речь идет и о том, что в настоящее время преступные деяния, которые совершают с применением различных систем искусственного интеллекта, фактически становятся новой разновидностью преступности организованного характера. Так, М. А. Иващенко в своей кандидатской диссертации, посвященной новым формам организованной преступности, делает вывод об отсутствии в отечественном уголовном законодательстве норм, предусматривающих правовую защиту от противоправных деяний, совершенных с применением различных технологий искусственного интеллекта либо этими системами. С точки зрения М. А. Иващенко, теоретически любая система искусственного интеллекта может совершить то или иное общественно опасное деяние в конкретной сфере, в рамках которой она действует. Особо высокую степень общественной опасности представляют системы искусственного интеллекта, которые изначально создают с целью осуществления противоправной деятельности. Сегодня необходима эффективная система противодействия преступным деяниям, совершаемым с применением систем искусственного интеллекта: действующее в нашей стране уголовное законодательство включает в себя вопросы разработки и использования данных вредоносных систем частично. М. А. Иващенко, в частности, предлагает ввести в Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) ст. 273[1] «Создание,

[1] *Камалова Г. Г.* Некоторые вопросы уголовно-правовой ответственности в сфере применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Вестник Удмуртского университета. 2020. Т. 30. Вып. 3. Экономика и право. С. 384.

распространение и использование искусственного интеллекта в целях совершения преступлений»[1].

Закономерно возникает вопрос, связанный с тем, кто должен нести ответственность за преступные деяния, совершенные так называемыми роботами или иными системами искусственного интеллекта. По мнению И. Н. Мосечкина, определение возможности привлечения искусственного интеллекта к ответственности уголовно-правового характера предусматривает выяснение того, способны ли рассматриваемые системы совершать те или иные преступные действия или бездействие, объективно представляющие угрозу для общества, а уже затем рассматривать вопрос, связанный с перспективой признания искусственного интеллекта в качестве субъекта преступления. С точки зрения указанного автора, деятельность, реализуемая искусственным интеллектом полностью или частично, объективно может представлять ту или иную угрозу для общества, причинять определенный вред общественным отношениям, охраняемым нормами уголовного законодательства[2]. Например, беспилотный автомобиль или другое транспортное средство, управляемое искусственным интеллектом, теоретически может посягать на безопасность дорожного движения, если соответствующие правила будут нарушены. Подобные случаи в мировой практике были. Так, в 2018 г. произошло дорожно-транспортное происшествие с беспилотным автомобилем компании *Uber*, который сбил пешехода и причинил ему смертельное ранение при использовании соответствующего автономного режима (в качестве причин трагедии были указаны несовершенный характер программного обеспечения транспортного средства и ошибка оператора).

К сожалению, функционирование различных систем искусственного интеллекта не застраховано от ошибок, которые могут иметь существенные негативные последствия. В работах зарубежных авторов приведен пример такой ошибки, допущенной медицинской системой искусственного интеллекта при постановке диагноза: в одну из американских клиник поступил ребенок с

[1] *Иващенко М. А.* Новые формы организованной преступности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. С. 25–26.

[2] *Мосечкин И. Н.* Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право. 2019. Т. 10. Вып. 3. С. 462.

высокой температурой, у которого рассматриваемая система обнаружила грипп и назначила соответствующее лечение. Несмотря на то, что медицинский персонал действовал строго в соответствии с назначенным системой лечением, ребенок скончался: проведенная после его смерти экспертиза выявила ошибку в постановке диагноза, что обусловило и некорректное лечение, поскольку в реальности у ребенка была тяжелая бактериальная инфекция, послужившая причиной его смерти. Можно предположить, что расширение практики использования систем искусственного интеллекта в различных сферах общественной жизни может иметь следствием рост подобных ошибок, сопровождающийся причинением вреда обществу и его членам в разных формах. В ряде исследований, проведенных на современном этапе, сделан вывод, в соответствии с которым увеличение интенсивности в рамках практического применения искусственного интеллекта неизбежно приведет к увеличению масштабов деятельности противоправного характера, что обусловливает необходимость коренных изменений как в уголовном законодательстве, так и правовой системе в целом.

И в отечественной, и в зарубежной юридической науке в течение последних лет можно обнаружить предложения о наделении роботов или иных систем искусственного интеллекта статусом субъекта права. Исследователи, которые придерживаются данной точки зрения, исходят из того, что роботы имеют определенное самосознание, обладают способностью к обучению, могут испытывать тревогу, даже чувство вины и т. д[1]. В специальных исследованиях говорится о том, что роботы, которые оснащены искусственным интеллектом, могут определенным образом корректировать свое поведение, что может оказывать воздействие на принимаемые ими решения; такие решения на практике могут обернуться причинением вреда, который не связан с присущими этой системе дефектами, возникшими в процессе ее разработки, или иным человеческим влиянием. Один из вариантов определения правового статуса роботов предполагает придание последним статуса юридических лиц, что предусматривает возможность выступать в судебном

[1] *Юренко Н. И.* Роботы – потенциальные субъекты права: миф или реальность? // Инновации в науке и практике: сб. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф.: в 4 ч. Ч. 3 / отв. ред. А. Р. Халиков. Барнаул: Дендра, 2017. С. 45.

процессе в качестве истцов и ответчиков. С такой идеей выступали депутаты Европейского парламента, предлагавшие, в частности, создать в рамках Европейского союза (ЕС) специальное агентство, занимающееся вопросами робототехники и искусственного интеллекта[1].

Интересные идеи относительно определения правового статуса роботов и других систем искусственного интеллекта предложены и в нашей стране. Так, несколько лет назад разработан законопроект, предусматривающий уравнение роботов с точки зрения их правового положения с животными и юридическими лицами, что предполагало разработку для данных систем специального реестра по аналогии с тем, который существует в России для юридических лиц. Кроме того, предложено несколько сценариев, в рамках которых действия роботов могли бы быть квалифицированы как преступные деяния. Речь идет о случаях, в которых робот изначально создан для того, чтобы совершать те или иные противоправные деяния, или происходит отключение функций, которые блокируют возможность причинения искусственным интеллектом вреда людям, либо такие функции изначально не предусмотрены при конструировании робота.

Роботов с системами искусственного интеллекта предлагают рассматривать и как «электронных лиц»: предусмотрено их наделение набором прав и обязанностей, включая и возможность самостоятельно отвечать за ущерб, причиненный в результате их противоправных действий (статус «электронного лица» ставит робота в некое срединное положение между вещью и человеком). Одна из наиболее экзотических идей связана с идеей рассматривать роботов по аналогии с рабами (за рабами, как известно, не признавали прав и обязанностей, однако они были способны к принятию решений с теми или иными юридическими последствиями)[2].

С одной стороны, функционирование роботов и других систем искусственного интеллекта в настоящее время осуществляется преимущественно на основе целей, заложенных в

[1] *Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И.* Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в Европейском союзе // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 1. С. 51.

[2] *Некрасов В. Н.* Уголовная ответственность роботов: актуальные проблемы и направления дальнейшего развития // Государство и право. 2019. № 5. С. 136.

них при их разработке специалистами. Технологии искусственного интеллекта, как правило, не ориентированы их создателями на причинение того или иного вреда общественно значимым интересам, а в случае, если ущерб по какой-то причине нанесен, скорее, можно говорить о некоем аналоге «преступной небрежности». С другой стороны, современный уровень развития технологий искусственного интеллекта не всегда позволяет дать точный прогноз относительно всех возможных последствий, происходящих в рамках функционирования рассматриваемых систем, конкретного содержания причиненного ими вреда и т. д. Однако в случае, если за роботами будет признан статус субъектов права с вытекающей из него возможностью привлечения их к уголовной ответственности, неизбежно возникнет вопрос о субъективной стороне противоправного деяния как неотъемлемой составляющей состава преступления.

В зарубежных исследованиях неоднократно речь шла о том, что, в отличие от объективных признаков составов преступных деяний, которые могут быть легко определены применительно к системам искусственного интеллекта, установление признаков так называемой субъективной стороны состава преступления представляет собой более сложную задачу[1]. Несмотря на небольшое число противоправных деяний с участием систем искусственного интеллекта, представляется возможным провести их анализ, который указывает на то обстоятельство, что в большинстве случаев находит отражение так называемая неосторожность (небрежность) данных систем. При этом в качестве причин допущенных системами искусственного интеллекта ошибок, повлекших за собой причинение того или иного вреда, чаще всего выделяют несовершенный характер алгоритмов функционирования указанных систем. В данном аспекте мы солидарны с точкой зрения И. Н. Мосечкина, в соответствии с которой при совершении таких преступлений вина все-таки должна быть возложена на разработчиков рассматриваемых систем искусственного интеллекта, особенно, если у последних была объективная возможность предусмотреть вероятность того, что искусственный интеллект может допустить

[1] *Kingston John K. C.* Artificial Intelligence and Legal Liability, Research and Development in Intelligent Systems XXXIII: Incorporating Applications and Innovations in Intelligent Systems XXIV / ed. by M. Bramer, P. Miltiadis. Cambridge: Springer Verlag, 2016. P. 270.

ошибку с непредсказуемыми последствиями и заблаговременно сделать все необходимое для того, чтобы свести вероятность такой ошибки к минимуму. В соответствии с выводом И. Н. Мосечкина, в настоящее время идея, предусматривающая возможность привлечения системы искусственного интеллекта к уголовной ответственности, выглядит по меньшей мере абсурдной[1].

На практике возможны различные ситуации, в рамках которых может быть поставлен вопрос об уголовной ответственности применительно к системам искусственного интеллекта или роботам, оснащенным данными системами высокого уровня. Так, рассматриваемые роботы могут быть использованы в качестве орудий или средств совершения преступных деяний. В таком случае робот не будет чем-то принципиально отличаться от иных средств (например, оружия, которое также может применяться с данной целью). В этом случае очевидным становится, что к уголовной ответственности должен привлекаться тот, кто создал этого робота либо использовал его для совершения преступного деяния.

В действительности возможна и такая ситуация, при которой то или иное преступление робот совершает по причине допущенных нарушений либо несоблюдения установленных правил техники безопасности. Примером может служить наезд, совершенный автомобилем под управлением автопилота, на пешехода, что приводит к смерти последнего. К ответственности может быть привлечено либо то лицо, которое использует данный автомобиль, либо то, которое осуществляло его разработку, допустив нарушение технологий производства, либо то, которое занималось программированием данного устройства. И, наконец, самая сложная ситуация предполагает совершение высокотехнологичной системой искусственного интеллекта преступления. При этом противоправное деяние либо совершает вышедший из-под контроля робот, либо это происходит независимо от человеческих действий. Итак, речь идет о полностью автономном роботе, имеющем способность к самообучению, который совершает преступное деяние. Однако и применительно к описываемой ситуации необходимо, как справедливо полагает В. Н. Некрасов, исходить из

[1] *Мосечкин И. Н.* Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования. Киров: Вятский государственный университет, 2020. С. 34.

фундаментальных положений и принципов национального и международного права. С точки зрения указанного исследователя, при решении вопроса об уголовной ответственности за преступления, совершенные с участием систем искусственного интеллекта, законодателю необходимо исходить из презумпции: любая разработка инновационного характера выступает в качестве результата деятельности человека или группы лиц[1]. Соответственно, и в преступлениях, совершаемых с участием роботов, должна быть установлена вина лица, ответственного за нарушения в разработке, программировании данного устройства и т. д.

Мы солидарны с точкой зрения исследователей, которые считают, что необходимость изменений в уголовном законодательстве, предусматривающих возможность привлечения роботов и других систем искусственного интеллекта к уголовной ответственности, будет зависеть от дальнейшего развития этих систем[2]. Если учитывать современный уровень развития систем искусственного интеллекта, то на данном этапе ставить вопрос о привлечении такого рода систем к уголовной ответственности преждевременно, поскольку они не характеризуются существенными отличиями от других подобных программ и не отличаются высоким уровнем самосознания. Так, домашние животные не рассмотрены в законодательстве в качестве субъектов преступления, хотя такие животные тоже могут быть обучены совершать те или иные противоправные деяния (если, к примеру, шимпанзе или другая маленькая обезьяна обучена проникать в чужие квартиры через форточки и забирать ценные вещи, то она в данном случае выступает в качестве инструмента, который использует владелец, а последний, в свою очередь, и является преступником). Аналогично следует считать инструментом и робота, несмотря на степень управляемости последнего: субъектом уголовного преступления способно выступать физическое лицо, которое может быть привлечено к ответственности в случае, если действие робота имело характер преступного деяния.

[1] *Некрасов В. Н.* Указ. соч. С. 138.

[2] *Каражеляскоов Б. А., Юнусов М. Ф.* Проблемы уголовной ответственности искусственного интеллекта // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 9А. С. 263.

Привлечение искусственного интеллекта к уголовной ответственности невозможно, пока последний характеризуется тесной взаимосвязью с человеком, либо он непосредственно подчинен ему. Если исходить из позиции, преобладающей в современной отечественном уголовном праве, согласно которой технический объект любой степени сложности, являющийся связанным с человеческим поведением и находящийся под контролем конкретного лица, должен быть рассмотрен в качестве орудия причинения вреда, таким же орудием следует считать и любую систему искусственного интеллекта[1]. В этой ситуации, как пишут А. Г. Кибальник и П. В. Волосюк, нет принципиальной юридической разницы, наступил ли тот или иной уголовно значимый вред в результате воздействия обычного бытового предмета (например, утюга) или сложного технического механизма, робота или иной системы искусственного интеллекта. Данная ситуация, с точки зрения указанных исследователей, может измениться лишь в случае, если носитель искусственного интеллекта приобретет полную автономию от человека и станет действовать полностью самостоятельно: речь идет о том, что рассматриваемая система сможет осмысливать собственное поведение, предвидеть его возможные результаты и руководить своей активностью[2].

В юридической науке существует точка зрения, в соответствии с которой искусственный интеллект никогда и ни при каких обстоятельствах не может даже гипотетически рассматриваться в качестве субъекта преступления[3]. Обычно приводят следующий аргумент: даже в случае, если робот запрограммирован на выбор различных вариантов действий из имеющихся альтернатив, тем не менее решение принимает программа, разрабатываемая конкретными людьми, которые и должны отвечать за совершенные противоправные деяния.

Вместе с тем ряд современных исследователей делают прогнозы, в соответствии с которыми в ближайшем будущем

[1] *Хисамова З. И., Бегишев И. Р.* Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 565.

[2] *Кибальник А. Г., Волосюк П. В.* Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4. С. 174.

[3] *Сокова А. А.* Искусственный интеллект: возможности и необходимость его уголовно-правовой охраны // Молодой ученый. 2019. № 16 (254). С. 123.

технологии искусственного интеллекта получат такое развитие, что соответствующие мыслительные процессы искусственного характера в них превзойдут аналогичные человеческие. Развитие этих систем может дойти до такой стадии, что искусственный интеллект может начать воспринимать себя в качестве самостоятельной личности, имеющей определенные установки и убеждения, осмысливающей и интерпретирующей правовые, этические и другие нормы. В этом случае, если подобное станет возможным, законодательство будет необходимо адаптировать под новую реальность, что может предусматривать и наделение искусственного разума статусом отдельного специфического субъекта права, который может быть приравнен по своему положению к физическому лицу (предлагается, в частности, ввести новую категорию «искусственного лица»). Целесообразным станет и применение мер уголовно-правового воздействия на системы искусственного интеллекта с учетом признания за последними качеств самостоятельной личности, способной принимать самостоятельные решения, понимать значение своих действий и предвидеть общественно вредные результаты своего поведения. Исследуемые новации в законодательстве станут актуальными, если система искусственного интеллекта достигнет высокого уровня самосознания. Об этом в настоящее время говорить преждевременно, а значит, и наделять искусственный интеллект правосубъектностью сегодня нецелесообразно.

Библиографический список

1. *Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И.* Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в Европейском союзе // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 1. С. 50–54.

2. *Иващенко М. А.* Новые формы организованной преступности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. 35 с.

3. *Камалова Г. Г.* Некоторые вопросы уголовно-правовой ответственности в сфере применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Вестник Удмуртского университета. 2020. Т. 30. Вып. 3. Экономика и право. С. 382–388.

4. *Каражеляскоv Б. А., Юнусов М. Ф.* Проблемы уголовной ответственности искусственного интеллекта // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 9А. С. 261–267.

5. *Карташов И. И.* Искусственный интеллект как субъект уголовной ответственности: настоящее и перспективы // Право: история и современность. 2021. № 2 (15). С. 68–78.

6. *Кибальник А. Г., Волосюк П. В.* Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4. С. 173–178.

7. *Мосечкин И. Н.* Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования. Киров: Вятский государственный университет, 2020. 111 с.

8. *Мосечкин И. Н.* Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право. 2019. Т. 10. Вып. 3. С. 461–476.

9. *Некрасов В. Н.* Уголовная ответственность роботов: актуальные проблемы и направления дальнейшего развития // Государство и право. 2019. № 5. С. 134–140.

10. *Сокова А. А.* Искусственный интеллект: возможности и необходимость его уголовно-правовой охраны // Молодой ученый. 2019. № 16 (254). С. 122–125.

11. *Хисамова З. И., Бегишев И. Р.* Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 564–574.

12. *Юренко Н. И.* Роботы – потенциальные субъекты права: миф или реальность // Инновации в науке и практике: сб. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф.: в 4 ч. Ч. 3 / отв. ред. А. Р. Халиков. Барнаул: Дендра, 2017. С. 45–51.

13. *Kingston John K. C.* Artificial Intelligence and Legal Liability // Research and Development in Intelligent Systems XXXIII: Incorporating Applications and Innovations in Intelligent Systems XXIV / ed. by M. Bramer, P. Miltiadis P. Cambridge: Springer Verlag, 2016. P. 269–279.

УДК 340.111.57
ББК 67.01 Т18

А. В. Чешин
доцент кафедры
экономики и управления
Орского гуманитарно-технологического
института (филиала) Оренбургского
государственного университета,
кандидат экономических наук
Россия, г. Оренбург
cheshin@sirius56.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФИКЦИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

THE USE OF FICTIONS IN CIVIL LAW: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

В статье рассмотрены проблемы существования и применения правовых фикций в гражданском праве. Автором проанализированы основные аспекты использования фикций в правовой практике, а также приведены примеры их применения. Особое внимание уделено преимуществам и недостаткам использования фикций в гражданском праве. Сделан вывод о том, что правовые фикции – это необходимый инструмент в правовой практике, но их применение должно быть обоснованным, соответствовать целям и принципам гражданского права. В статье исследуются роль и место юридических фикций в контексте гражданского права, а также процесс внедрения фикций и их применения в сфере гражданского права. Дана аргументированная оценка достоинств и потенциальных недостатков, связанных с использованием юридических фикций в гражданском праве. Автор заключает, что хотя юридические фикции являются неотъемлемым инструментарием в сфере гражданского права, их применение должно быть разумным и согласованным с основными задачами и принципами гражданского права.

Ключевые слова: правовые фикции, гражданское право, преимущества, недостатки, правовая практика, искусственное юридическое положение, правовая неопределенность, договорные отношения.

The article considers the problems of existence and application of legal fictions in civil law. The author analyses the main aspects of the use of fictions in legal practice, and also gives examples of their application. Special attention is paid to the advantages and disadvantages of the use of fictions in civil law.

It is concluded that legal fictions are a necessary tool in legal practice, but their use must be justified, consistent with the objectives and principles of civil law. The article explores the role and place of legal fictions in the context of civil law, as well as the process of implementation of fictions and their application in the field of civil law. A reasoned assessment of the merits and potential drawbacks associated with the use of legal fictions in civil law is given. The author concludes that although legal fictions are an indispensable toolkit in civil law, their use must be reasonable and consistent with the basic objectives and principles of civil law.

Keywords: legal fictions, civil law, advantages, disadvantages, jurisprudence, artificial legal position, legal uncertainty, contractual relations.

Правовые фикции – это способ создания искусственного юридического положения, которое фактически не соответствует реальности, но применяется для достижения определенных целей в правовой практике[1]. При использовании правовых фикций суды и другие правоприменяющие органы вводят в обращение юридические конструкции, которые на первый взгляд кажутся нереалистичными или противоречивыми, но вместе с тем необходимы для решения определенных юридических вопросов.

Неоспорим тот факт, что применение юридических вымыслов в области гражданского права стало предметом пристального внимания научного сообщества. Все грани, последствия и детали использования таких фикций становятся центром дебатов между учеными и исследователями.

Произведение И. Л. Ишигилова под названием «Понятие юридических фикций» освещает суть и смысл юридических вымыслов, изучает их значимость в контексте правового регулирования. Автор обращает внимание на то, что фикции служат инструментом для устранения пробелов в законе и обеспечивают его применение к случаям, которые не были учтены изначально, тем самым обнаруживая гибкость и адаптивность правовой системы[2].

В научном труде «Юридические предположения в механизме правового регулирования: правовые презумпции и фикции» Н. А. Никиташина предлагает осмысленный диалог о юридических презумпциях и фикциях в рамках правового регулирования. В

[1] *Боннер А. Т.* Установление обстоятельств гражданских дел. М.: Городец, 2000. С. 27.

[2] *Ишигилов И. Л.* Понятие юридических фикций // Сибирский юридический вестник. 2007. № 1. С. 5.

процессе анализа она рассматривает их природу, роль в разрешении юридических споров и приходит к выводу о том, что применение фикций может оказаться мощным средством в правовой практике[1].

В работе Р. К. Лотфуллина под названием «Юридические фикции в гражданском праве» сделан акцент на разнообразии типов фикций в гражданском праве и исследован вопрос о том, как они применяются в различных областях. Исследователь пишет о важности фикций для обеспечения гибкости и эффективности гражданского права, но одновременно призывает к ответственному их использованию, учитывая возможные пагубные последствия[2].

И. Зайцев в исследовании «Правовые фикции в гражданском процессе» углубляется в изучение роли фикций в гражданском процессе и их влияния на правоприменительную практику. Он акцентирует внимание на том, насколько сложно применять фикции в гражданском процессе и на необходимости детального анализа их применимости[3].

Множество фикций обычно можно обнаружить в гражданском праве, в котором «юридическое лицо» является ярким примером. В соответствии со ст. 49 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) после государственной регистрации юридическое лицо приобретает правоспособность и имеет возможность осуществлять права, приобретать обязанности, нести ответственность, а также вступать в гражданско-правовые отношения с другими юридическими и физическими лицами[4].

Правовые фикции часто используются для урегулирования сложных юридических ситуаций, которые не могут быть решены путем строгого применения законодательства. Они могут быть созданы на основе цивилистической доктрины, юридической практики и опыта правоприменения.

---

[1] *Никиташина Н. А.* Юридические предположения в механизме правового регулирования: правовые презумпции и фикции: дис. … канд. юрид. наук. Абакан, 2004. С. 24.

[2] *Лотфуллин Р. К.* Юридические фикции в гражданском праве. М.: Юристъ, 2006. С. 17.

[3] *Зайцев И.* Правовые фикции в гражданском процессе // Российская юстиция. 1997. № 1. С. 35.

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 26.10.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32 (ч. I). Ст. 3301.

Одним из примеров правовой фикции может служить признание физического лица юридическим в гражданском праве. Несмотря на то, что, согласно законодательству, юридические лица могут быть созданы только на основе государственной регистрации, судебная практика признает физические лица юридическими лицами в определенных случаях (например, при наличии у них выделенного имущества)[1].

Следующим примером может послужить фикция якобы совершенного договора: суд может признать договор считающимся заключенным, если стороны проявили волю заключить сделку, но не смогли завершить процесс подписания договора вследствие тех или иных причин. Относительно фикции регистрации можно указать, что суд может признать сделку заключенной и считать ее действительной, несмотря на отсутствие государственной регистрации.

Сущность фикции дееспособности заключается в том, что суд может признать недееспособное лицо дееспособным в определенных случаях (например, если это необходимо для защиты интересов других лиц или реализации их прав). Фикция принятия наследства подразумевает признание в судебном порядке наследником лицо, которое фактически не приняло наследство, но считалось наследником по закону. Фикция фактического владения состоит в том, что суд может признать лицо собственником имущества, которое оно фактически использует и владеет, но которое официально не зарегистрировано на него.

Иными словами, каждая из этих правовых фикций используется для решения определенных юридических проблем в гражданском праве. Однако их применение должно быть обоснованным и соответствовать принципам гражданского права[2]. Одним из преимуществ правовых фикций является возможность урегулирования сложных и нестандартных юридических ситуаций, которые не могут быть решены путем применения строгого законодательства. Использование правовых фикций позволяет судам и юристам найти оптимальное решение

[1] *Бубон К. В.* К вопросу о правовой категории «истина» в гражданском и уголовном процессе и ее месте в ряду правовых ценностей // Адвокат. 2012. № 5. С. 5.

[2] *Жуйков В. М.* Проблемы гражданского процессуального права. М.: Городец, 2001. С. 33.

проблемы на основе цивилистической доктрины, юридической практики и опыта правоприменения.

Кроме того, правовые фикции позволяют снизить риск правовой неопределенности и сделать юридические решения более справедливыми и разумными. Они также способствуют более гибкому и адаптивному применению законодательства к различным ситуациям, что особенно важно в условиях быстро изменяющейся экономической и правовой среды.

Соответственно, правовые фикции могут приводить к повышению эффективности правосудия и ускорению процесса разрешения споров, поскольку они позволяют судам решать сложные юридические вопросы быстрее и эффективнее.

Таким образом, использование правовых фикций имеет множество преимуществ, которые делают их значимым инструментом в гражданском праве. Преимущества использования правовых фикций в гражданском праве можно проиллюстрировать на нескольких примерах:

1. Разрешение споров о правах собственности. Иногда возникают ситуации, в которых не вполне ясно, кому принадлежит имущество или какова его стоимость. В таких случаях правовые фикции могут быть использованы для разрешения споров. Например, суд может считать, что имущество принадлежит тому, кто пользовался им на протяжении определенного периода, даже если отсутствуют документы, подтверждающие его владение.

2. Разрешение споров о договорах. Использование правовых фикций может помочь разрешить споры, связанные с договорами, если условия договора неоднозначны или неопределенны. Например, если стороны договорились о продаже «количества», но не указали количество товара, суд может использовать фикцию и считать, что стороны договорились о среднем количестве, принятом на рынке в данном регионе.

3. Разрешение споров о наследстве. Правовые фикции могут использоваться для разрешения споров о наследстве, когда нет документов, подтверждающих принадлежность имущества умершему. Например, суд может использовать фикцию и считать, что определенное имущество принадлежит умершему, если оно находилось в его владении на момент смерти.

Таким образом, использование правовых фикций может помочь судам и юристам разрешать сложные ситуации в гражданском праве и сделать юридические решения более

справедливыми и разумными[1]. Вместе с тем следует отметить, что использование правовых фикций не лишено недостатков. В ряде случаев они могут создавать правовую неопределенность и противоречия, нарушать принципы гражданского права, такие как свобода договора и сделки.

Обращение к правовым вымыслам в сфере гражданского законодательства не обходится без проблем, подтвержденных учеными в этой области. Л. А. Морозова в учебном пособии «Теория государства и права» обращает внимание на нарушение принципов аутентичности, искренности и справедливости в правовых взаимодействиях, если в дело вступают фикции[2]. Это связано с риском относительно того, что судебное постановление может быть вынесено на основе концепции, не отражающей действительное положение вещей, что, в свою очередь, может привести к несправедливому исходу для одной или обеих вовлеченных сторон.

Д. И. Мейер в работе «О юридических вымыслах и предположениях, скрытых и притворных действиях» утверждает, что использование правовых вымыслов может повлечь за собой неопределенность и риски в юридических решениях[3]. Это может осложнить понимание и использование правовых концепций и терминологии, а также подорвать принцип свободы договора и защиту слабых сторон.

В исследовании «К вопросу о правовой категории “истина” в гражданском и уголовном процессе и ее месте в ряду правовых ценностей», К. В. Бубон указывает на проблемы, возникающие при определении истины и справедливости судебного решения при использовании фикций[4]. Это может привести к расхождению между справедливостью и обоснованностью решения, что может подорвать доверие к системе правосудия.

Т. М. Точилова в исследовании «Влияние фикций в гражданском процессе на законность и обоснованность судебного решения» пишет о том, что сложность и непредсказуемость использования фикций в конкретных обстоятельствах могут привести к незаконным или неподтвержденным юридическим

[1] *Лотфуллин Р. К.* Указ. соч. С. 13.

[2] *Морозова Л. А.* Теория государства и права»: учебник. М.: Юридическая норма; ИНФРА-М, 2017. С. 277.

[3] *Мейер Д. И.* О юридических вымыслах и предположениях, скрытых и притворных действиях. Казань, 1854. С. 10.

[4] *Бубон К. В.* Указ. соч. С. 10.

решениям[1]. Это создает риски для законности и обоснованности судебных решений.

А. Т. Боннер в исследовании «Установление обстоятельств гражданских дел» акцентирует внимание на воздействии фикций на этап выявления деталей и контекста ситуации[2]. Это влияет на процесс подтверждения правдивости истории и защиту прав участников судебного дела.

В. М. Жуйков в анализе, приведенном на страницах издания «Проблемы гражданского процессуального права», поднимает вопрос о проблематике, которую вносит применение фикций в гражданское судопроизводство[3]. Во избежание принятия ошибочных или непродуманных решений от судебных органов требуется более детальная работа по оценке обстоятельств.

Итак, ученые согласны с тем, что использование юридических вымыслов в гражданском праве сопровождается проблемами. Они могут нарушать принципы правдивости и честности, могут возникнуть противоречия с законом, затруднения в применении и интерпретации юридических терминов. Указано также, что применение фикций может влиять на законность и обоснованность судебных решений, а также затруднить процесс подтверждения деталей в судебном процессе.

Один из примеров недостатков применения фикций в гражданском праве связан с неопределенностью и рискованностью правовых решений. Речь идет о нарушении принципа достоверности и правдивости в правовых отношениях, принципа добросовестности и уважения к правам и интересам других сторон. Использование фикций может привести к тому, что решение суда будет основано не на реальных фактах и обстоятельствах, а на конструкции, которая не соответствует действительности. Это может повлечь то, что правовое решение будет несправедливым для одной или обеих сторон.

Другой пример недостатков применения фикций связан с их потенциальным влиянием на общественные интересы. Некоторые фикции могут противоречить законодательству и создавать дополнительные правовые сложности и неопределенности. Иными словами, использование правовых фикций может привести к

[1] *Точилова Т. М.* Влияние фикций в гражданском процессе на законность и обоснованность судебного решения // Мировой судья. 2011. № 3. С. 11.

[2] *Боннер А. Т.* Указ. соч.

[3] *Жуйков В. М.* Указ. соч.

неопределенности правовых понятий и терминов, что может усложнить их интерпретацию и применение в будущих судебных делах. Например, фикция, которая позволяет не учитывать сторону, не согласившуюся со сделкой, может нарушать принцип свободы договора и создавать проблемы для защиты прав и интересов слабых сторон.

Использование фикций может способствовать тому, что правовые решения будут основаны на предположениях, которые не соответствуют действительности. Следовательно, решение суда будет неадекватным и неэффективным для решения той или иной правовой проблемы[1].

Наконец, некоторые фикции могут быть сложными для применения в конкретных ситуациях. Например, фикция наличия согласия может быть применена только в случае, если суд может установить, что стороны действительно имели согласие на совершение сделки. Если же это не удается доказать, то фикция может стать причиной невыполнения или неприменения правовых решений.

Кроме перечисленных, к недостаткам применения правовых фикций в гражданском праве относят следующие. Ограничение свободы соглашений. Некоторые фикции могут ограничивать свободу сторон заключать соглашения и определять условия сделок. Например, фикция недействительности сделки, если она не соответствует требованиям закона, может ограничивать возможности сторон договариваться об условиях сделки.

Сложность применения в практике. Некоторые фикции могут быть сложными для применения в определенных ситуациях и могут требовать дополнительных доказательств и уточнений. Например, фикция недействительности сделки, заключенной в интересах третьих лиц, может требовать дополнительных доказательств о том, что сторона действительно действовала в интересах третьих лиц.

Несоответствие фикции действительности. Некоторые фикции могут противоречить действительности и создавать неоправданные правовые последствия. Например, фикция считать определенный объект недвижимости находящимся в собственности определенного лица может привести к несправедливому распределению прав на собственность.

[1] *Зайцев И.* Указ. соч. С. 36.

Отдельные правовые фикции в том числе могут оказывать негативное влияние на общественные интересы (например, на окружающую среду или здоровье граждан). Поэтому важно оценивать использование правовых фикций с точки зрения социальной ответственности и защиты интересов общества в целом[1].

Итаку, правовые фикции – важный инструмент гражданского права, который может быть использован для решения различных правовых проблем. Однако его использование должно быть обоснованным и предусматривать возможные негативные последствия, проблемы.

Кроме того, следует учитывать, что правовые фикции могут быть различной степени сложности и применяться в различных областях гражданского права. Например, фикция фиктивной сделки, если одно лицо фактически выдает деньги другому лицу, а затем получает их обратно в виде платежа по сделке, может быть простой и легко применимой. Вместе с тем более сложные фикции, такие как фикция доказательства или фикция наличия согласия, могут вызывать значительные правовые проблемы и требовать более тщательного анализа.

Наконец, правовые фикции не являются единственным и универсальным способом решения правовых проблем в гражданском праве. Их использование должно быть основано на балансировании интересов сторон, законных целях и соответствии с общественными нормами и ценностями. Только в таком случае можно говорить о целесообразности и эффективности применения правовых фикций в гражданском праве.

Библиографический список

1. *Боннер А. Т.* Установление обстоятельств гражданских дел. М.: Городец, 2000. 327 с.

2. *Бубон К. В.* К вопросу о правовой категории «истина» в гражданском и уголовном процессе и ее месте в ряду правовых ценностей // Адвокат. 2012. № 5. С. 5–12.

3. *Жуйков В. М.* Проблемы гражданского процессуального права. М.: Городец, 2001. 285 с.

4. *Зайцев И.* Правовые фикции в гражданском процессе // Российская юстиция. 1997. № 1. С. 35–36.

[1] *Ишигилов И. Л.* Указ. соч. С. 6.

5. *Ишигилов И. Л.* Понятие юридических фикций // Сибирский юридический вестник. 2007. № 1. С. 5–9.

6. *Лотфуллин Р. К.* Юридические фикции в гражданском праве. М.: Юристъ, 2006. 211 с.

7. *Мейер Д. И.* О юридических вымыслах и предположениях, скрытых и притворных действиях. Казань, 1854. 127 с.

8. *Морозова Л. А.* Теория государства и права: учебник. М.: Юридическая норма; ИНФРА-М, 2017. 286 с.

9. *Никиташина Н. А.* Юридические предположения в механизме правового регулирования: правовые презумпции и фикции: дис. … канд. юрид. наук. Абакан, 2004. 185 с.

10. *Точилова Т. М.* Влияние фикций в гражданском процессе на законность и обоснованность судебного решения // Мировой судья. 2011. № 3. С. 8–11.

УДК 343.4
ББК 67.408

В. А. Чукреев
заместитель прокурора
Свердловской области,
кандидат юридических наук,
доцент
Россия, г. Екатеринбург
chukreevva@mail.ru

Л. А. Букалерова
проректор
Российской академии
адвокатуры и нотариата,
профессор Государственного
университета управления,
доктор юридических наук,
профессор
Россия, г. Москва
l_a_buka@mail.ru

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕЗАКОННЫХ ДЕЯНИЙ В СФЕРЕ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ

TO THE QUESTION OF THE NEED TO CRIMINALISE UNLAWFUL ACTS IN THE FIELD OF TRANSPLANTOLOGY

Предметом исследования служат проблемные вопросы, связанные с обеспечением криминологической безопасности биосоциальной сущности человека в условиях современных социальных явлений и процессов, происходящих в жизни общества. Утверждается, что современные технологии в области трансплантологии увеличили риски воздействия на биосоциальную сущность человека, в том числе и в преступных целях. Целью исследования выступает правовая оценка деяний в отношении донорских органов. К его задачам отнесены анализ новых общественно опасных деяний в сфере трансплантации органов и разработка предложений по криминализации наиболее опасных из них. Методологическую базу составляют теоретический анализ отечественных и международных источников по проблемам трансплантологии, анализ нормативных документов и результатов статистических исследований, компаративный анализ законодательства. Научная новизна работы заключается в том, что в нашей стране назрела необходимость качественных изменений имеющихся законодательных подходов к защите личности от преступных посягательств, связанных с нарушениями в области трансплантологии, в целях защиты от незаконных деяний в сфере коммерциализации частей человеческого тела инструментами уголовного права. В связи с чем предлагается совершенствовать уголовный закон для приведения его в соответствие с международными стандартами, предусмотренными Конвенцией Совета Европы против торговли человеческими органами.

Ключевые слова: трансплантология, криминализация, торговля органами, уголовный закон, совершенствование, имплементация, международные стандарты, человеческие органы, защита прав личности.

The subject of the study are problematic issues related to ensuring criminological security of the biosocial essence of a person in the conditions of modern social phenomena and processes occurring in the life of society. It is argued that modern technologies in the field of transplantology have increased the risks of impact on the biosocial essence of a person, including for criminal purposes. The purpose of the study is the legal assessment of acts in relation to donor organs. Its tasks include the analysis of new socially dangerous acts in the field of organ transplantation and the development of proposals on criminalisation of the most dangerous of them. The theoretical analysis of domestic and international sources on the problems of transplantology, analysis of normative documents and results of statistical research, comparative analysis of legislation form the methodological basis. Scientific novelty of the work lies in the fact that in our country there is a need for qualitative changes in the existing legislative approaches to the protection of the individual from criminal offences related to violations in the field of transplantology, in order to protect against illegal acts in the field of commercialisation of human body parts by the tools of criminal law. It is therefore proposed to improve the criminal law to bring it in line with the international standards provided for by the Council of Europe Convention against Trafficking in Human Organs.

Keywords: transplantology, criminalisation, organ trafficking, criminal law, improvement, implementation, international standards, human organs, protection of individual rights.

Трансплантация является высокотехнологичной, зачастую единственной спасающей операцией для большого числа нуждающихся пациентов. Учитывая ее высокую стоимость, сложность, необходимость наличия органа от реципиента, многочисленные очереди нуждающихся, отдельные граждане превратили незаконную трансплантологию в доходный бизнес.

Первое упоминание о трансплантации органа связывают со святыми бессребрениками Космой и Дамианом, жившими в Асии предположительно во второй половине III – начале IV в. Они обладали даром исцеления и ничего не брали за свои труды, руководствуясь напутствием Господа: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте: даром получили, даром отдайте» (Мф. 10, 8). Именно Косма и Дамиан провели трансплантацию, которая описана следующим образом: «Один человек страдал заболеванием ноги. Лекарства не

помогали. Однажды во сне ему явились оба святых. С собой у них были хирургические инструменты и мазь. Один спросил другого: “Где нам взять ногу, чтобы заменить эту?” Тот отвечал: “Сегодня будут хоронить черного мавра со здоровой ногой”. Первый сказал: “Принеси ее”. Он отрезал ногу мавра, приставил ее к ноге больного и обильно наложил мазь. А больную ногу положили мавру в гроб. Когда пациент проснулся, боли как не бывало»[1].

Современная трансплантология эффективна, но, к сожалению, дорого стоит, поэтому у ряда граждан возникает желание нажиться на горе больных. Наше государство предпринимает ряд мер, направленных на упрощение, удешевление процесса трансплантации органов и тканей человека. Так, приказом Минздрава России от 4 июня 2019 г. № 365 утверждена ведомственная целевая программа «Донорство и трансплантация органов в Российской Федерации»[2], срок реализации которой рассчитан на 2019–2024 гг. Общий размер ее финансового обеспечения составляет 1 млрд 407 млн 706 тыс. руб., из них в период с 2022 по 2024 г. ежегодно будет выделено по 238 млн 719 тыс. руб.

По данным Российского трансплантологического общества[3], в настоящее время в России ожидают трансплантации почки 5 680 человек, печени – 1 554, сердца – 404, легких – 76. Реальные цифры нуждающихся в разы больше. Так, в 53 регионах Российской Федерации (РФ) только 60 тыс. пациентов с почечной недостаточностью получают заместительную почечную терапию диализом. По данным регистра Российского трансплантологического общества, в 2020 г. в России функционировали 44 программы трансплантации почки, 29 – печени и 16 – сердца. Лист ожидания трансплантации почки в 2020 г. включал в себя примерно 11,5 % от общего числа 60 000

[1]Святые Косма и Дамиан Азийские // Volgograd.ru. 2005. 12 ноября. URL: http://www.volgogradru.com/theme/medic/hirurgiya_v_izobrazit_isk/23644.pub (дата обращения: 21.05.2022).

[2] Об утверждении ведомственной целевой программы «Донорство и трансплантация органов в Российской Федерации»: приказ Минздрава России от 4 июня 2019 г. № 365 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356195/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddf518/?ysclid=lli6lx5mm3766532702 (дата обращения: 21.05.2022).

[3] Статистика по пересадке почки в России // Общество трансплантологов. URL: https://rustransplant.com/statistika-po-peresadke-pochki (дата обращения: 21.05.2022).

пациентов, получающих диализ. Уровень донорской активности в 2020 г. составил 3,9 на миллион жителей среди населения, при этом доля мультиорганных изъятий – 74,6 %, среднее число органов, полученных от одного эффективного донора – 2,9. В 2020 г. частота трансплантации почки равна 7,7 на миллион человек среди населения, показатель трансплантации печени – 3,8 на миллион среди населения; показатель трансплантации сердца – 1,7 на миллион среди населения. В 2020 г. количество трансплантаций в нашей стране на фоне эпидемии новой коронавирусной инфекции *COVID*-19 снизилось на 19,2 %, то есть до 13,4 на миллион жителей среди населения. На территории Москвы и Московской области в 2020 г. функционировали 13 из 14 центров трансплантации, которые выполнили 66,3 % от всех трансплантаций почки и 72,4 % от всех экстраренальных трансплантаций. Число пациентов с трансплантированными органами в России превышает 130 на миллион среди населения[1].

Несмотря на усилия государства, дефицит органов порождает наличие рынка преступных деяний, связанных с донорскими органами. Сегодня такие деяния не криминализированы, однако они нуждаются в правовой оценке, в том числе и со стороны уголовного права.

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[2] содержит ст. 47 «Донорство органов и тканей человека и их трансплантация (пересадка)», согласно которой трансплантация (пересадка) органов и тканей человека от живого донора или трупа может быть применена только в случае, если другие методы лечения не могут обеспечить сохранение жизни пациента (реципиента) либо восстановление его здоровья (ч. 1). Изъятие органов и тканей для трансплантации (пересадки) у живого донора допустимо лишь в случае, если, по заключению врачебной комиссии медицинской организации с привлечением соответствующих врачей-специалистов, оформленному в виде

[1] *Готье С. В., Хомяков С. М.* Донорство и трансплантация органов в Российской Федерации в 2020 году. XIII сообщение регистра Российского трансплантологического общества // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2021. № 23 (3). С. 10.

[2] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

протокола, его здоровью не будет причинен значительный вред (ч. 2).

Полагаем уместным не согласиться с мнением А. Г. Безверхова о том, что органы человека полностью исключены из гражданского оборота, поскольку ввиду специального указания Закона о трансплантации не могут быть предметом купли, продажи и коммерческих сделок[1]. Наше несогласие можно обосновать следующим образом. Донорские органы давно существуют на нелегальном рынке, имеют значительную стоимость и должны быть официально признаны «предметами, ограниченными в гражданском обороте». По некоторым данным, стоимость донорской почки на черном рынке в России составляет от 1,5 до 15 млн руб.[2]

В совместном приказе Минздрава России и Российской академии наук (РАН) от 4 июня 2015 г. № 306н/3 «Об утверждении перечня объектов трансплантации»[3] закреплен перечень объектов трансплантации: амниотическая оболочка, белочная оболочка яичка, васкуляризированный комплекс мягких тканей, включающий в себя дермальный слой кожи, подкожную жировую клетчатку и мышцы, верхняя конечность и ее фрагменты, височная фасция, глазное яблоко (роговица, склера, хрусталик, сетчатка, конъюнктива), кишечник и его фрагменты, комплекс «сердце – легкое», кости свода черепа, костный мозг и гемопоэтические стволовые клетки, легкое, нижняя конечность и ее фрагменты, нижняя челюсть, печень, поджелудочная железа с двенадцатиперстной кишкой, подкожно-жировая клетчатка подошвенной области стопы, почка, селезенка, сердце, серозная капсула печени, сосуды (участки сосудистого русла), трахея, фиброзная капсула почки, эндокринные железы (гипофиз, надпочечники, щитовидная железа, паращитовидная железа,

[1] *Безверхов А. Г.* Имущественные преступления. Самара: Изд-во Самарского университета, 2002. С. 202.

[2] *Уварова К.* Какова цена почки здорового человека в России и в других странах? // Money-Budget.ru. 2020. 27 сентября. URL: https://money-budget.ru/earn/other/tsena-pochki-zdorovogo-chealoveka-v-rossii.html (дата обращения: 21.05.2022).

[3] Об утверждении перечня объектов трансплантации: приказ Минздрава России № 306н, РАН № 3 от 4 июня 2015 г. (в ред. от 27.10.2020) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181448/2db977b788fafa44516ee74983ed18c0ec50f102/?ysclid=lli76zeuwe570752815 (дата обращения: 21.05.2022).

слюнная железа, яичко), клетки, предназначенные для замещения (выполнения) присущих им функций в организме, которые получены (заготовлены) из биологического материала в результате его измельчения, гомогенизации, энзиматической обработки, удаления нежелательных компонентов, селективного отбора клеток, и (или) их обработки с целью удаления консервирующих (пресервирующих) агентов в случае их хранения и которые не содержат иных субстанций (объектов), за исключением воды, кристаллоидов, стерилизующих, консервирующих и (или) пресервирующих агентов, а также биологический материал для их получения (заготовки).

Из приведенного выше следует, что достаточное количество органов человека при законных условиях должны быть признаны объектами гражданского оборота. В сети Интернет существуют различные предложения по пересадке почки. Например, в Москве стоимость аутотрансплантации почки составляет 1 841 000 руб., аллотрансплантации почки от живого донора – 2 810 000 руб., аллотрансплантации трупной почки – 933 333 руб.[1] Незаконный рынок имеет много предложений о купле-продаже органов. Считаем, что государство должно признать наличие такого объекта гражданского оборота и установить запрет на его нелегальное обращение.

Согласно приказу Минздравсоцразвития России от 25 мая 2007 г. № 358 «О медицинском заключении о необходимости трансплантации органов и (или) тканей человека»[2] медицинское заключение о необходимости трансплантации органов и (или) тканей человека выдано консилиумом врачей государственных и муниципальных учреждений здравоохранения, входящих в Перечень учреждений здравоохранения, осуществляющих трансплантацию органов и (или) тканей человека, утвержденный приказом Минздрава России № 515н, РАН № 1 от 25 мая 2021 г.

[1] Трансплантация почки – цены в Москве // URL: https://www.krasotaimedicina.ru/treatment/kidney-transplantation/ (дата обращения: 21.06.2022).

[2] О медицинском заключении о необходимости трансплантации органов и (или) тканей человека: приказ Минздравсоцразвития РФ от 25 мая 2007 г. № 358 (вместе с «Инструкцией о выдаче медицинского заключения о необходимости трансплантации органов и (или) тканей человека») // Справ.-правовая система «Гарант». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72043810/?ysclid=lli7ku0ens714527575 (дата обращения: 21.06.2022).

«Об утверждении перечня учреждений здравоохранения, осуществляющих забор, заготовку и трансплантацию органов и (или) тканей человека»[1].

Незаконная трансплантация носит высоколатентный характер. Среди причин разрастания рынка незаконного донорства следует назвать: дефицит органов и наличие большой очереди; отсутствие доступной, честной, открытой информации о вариантах трансплантации; недостаточность правовой, в том числе уголовно-правовой регламентации; экономическая нестабильность, вынуждающая граждан становиться реципиентами; высокая доходность незаконного бизнеса; значительная стоимость высокотехнологичных законных операций по пересадке органов; нехватка организаций и специалистов, способных проводить такие операции; недостаточность бюджетного финансирования.

Стоит поддержать Е. В. Тищенко, которая считает, что причина незаконной трансплантации объясняется пробелами законодательной базы в рассматриваемой сфере, и в первую очередь отсутствием уголовно-правовых норм, влекущих ответственность за любую незаконную деятельность, связанную с пересадкой органов и тканей человека, от их приобретения, хищения, хранения, перевозки, сбыта до похищения человека в целях осуществления в отношении него действий, связанных с незаконной трансплантацией[2]. Действительно, содержащихся в Уголовном кодексе (УК) РФ норм, запрещающих незаконную трансплантацию органов человека, недостаточно. Зарубежные страны имеют эффективное законодательство и значительный опыт противодействия указанному явлению.

П. Н. Кобец справедливо пишет о том, что неудовлетворительное состояние дел в сфере оказания услуг населению в области трансплантации обусловлено еще рядом причин. Так, большинство граждан РФ полагают, что трансплантация органов является бесперспективным

[1]Об утверждении перечня учреждений здравоохранения, осуществляющих забор, заготовку и трансплантацию органов и (или) тканей человека: приказ Министерства здравоохранения РФ и Российской академии наук от 25 мая 2021 г. № 515н/1 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400745606/?ysclid=lli8bpyjpj145409294 (дата обращения: 21.06.2022).

[2]*Тищенко Е. В.* Биотехнологии и криминологическая безопасность // Медицинское право. 2016. № 6. С. 30.

направлением, поскольку эти операции считают крайне дорогими, и вследствие этого они экономически нецелесообразны. Это – ошибочная точка зрения. Если бы это было так, то европейские и американские страховые компании не оплачивали бы счета на проведение операций по пересадке органов. Чтобы население страны изменило свое отношение с негативного к позитивному относительно проблематики трансплантации, необходимо выработать и сформировать целенаправленную государственную политику по проблеме совершенствования сверхпрестижной и стратегически важной для государства медицинской отрасли – трансплантологии[1].

Незаконная трансплантация криминализирована российским законодателем в трех статьях УК РФ: согласно ч. 1 ст. 120 преступлением признают принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения, а в соответствии с ч. 2 указанной статьи – это же деяние, совершенное в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного. Квалифицированный вид убийства в п. «м» ст. 105 УК РФ определен как убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего. Сходные последствия предусмотрены в п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в целях использования органов или тканей потерпевшего).

Учитывая масштабы незаконного оборота человеческих органов в действительности, считаем представленный перечень статей крайне незначительным. Существующих общественно опасных видов гораздо больше, о чем свидетельствуют международные и зарубежные нормы права.

Приведем в качестве примера определение Верховного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. по делу № 5-о06-179. Из материалов дела следует, что П. Е. Пятничук и Б. В. Шагдурова, хирурги <…>, обвинялись в том, что 11 апреля 2003 г. в городской клинической больнице в составе <…> группы лиц по предварительному сговору создали условия для причинения смерти другому человеку в целях использования органов потерпевшего: провели мероприятия по подготовке к операции по изъятию почек, которое влечет за собой

[1] *Кобец П. Н.* Об основных причинах и условиях, способствующих незаконной трансплантации органов и тканей человека // Медицинское право. 2021. № 3. С. 11.

смерть, у находящегося в состоянии комы в связи с черепно-мозговой травмой больного О. Но операция не началась по не зависящим от подсудимых обстоятельств, их действия в 16 часов 20 минут пресечены прибывшими работниками милиции и врачами госпиталя <…>. Указанным хирургам предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30 и п. «ж», «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Лечащего врача Л. Н. Правденко и заместителя главного врача указанной больницы И. В. Лирцман обвиняли в пособничестве в этом, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. «ж», «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ. При этом И. В. Лирцман также обвиняли в злоупотреблении должностными полномочиями, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ.

Суд пришел к выводу, согласно которому установленные судом обстоятельства свидетельствуют о том, что врачи ГКБ № <…> И. В. Лирцман и Л. Н. Правденко, хирурги <…> П. Е. Пятничук и Б. В. Шагдурова действовали в соответствии с возложенными на них обязанностями, в пределах своих полномочий, руководствовались действующим законодательством, ведомственными инструкциями, регламентирующими условия и порядок проведения реанимационных мероприятий, трансплантацию органов человека – Законом РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека», Временной инструкцией для определения биологической смерти и условий, допускающих изъятие почки для трансплантации, утвержденной приказом № 255 Министерства здравоохранения СССР от 23 марта 1977 г., приказом Министерства здравоохранения РФ от 4 марта 2003 г. № 73. Смерть О. наступила не в результате бездействия врачей и неоказания О. помощи, не в результате неправильного или недостаточного лечения с учетом противопоказаний, не в результате преступного сговора врачей на совершение противоправных действий, а в результате тупой открытой травмы головы с переломами костей свода и основания черепа и ушибами головного мозга[1]. Таким образом, в деянии врачей состава преступления не найдено, хотя факт приготовления к незаконной трансплантации не нашел отражения в приговоре.

Следует признать правовой лакуной непринятие в России до настоящего времени закона о донорстве органов, частей органов

[1] *Тищенко Е. В.* Указ. соч. С. 32.

человека и их трансплантации, проект которого под названием «О донорстве органов, частей органов человека и их трансплантации» подготовлен Минздравом России, но не внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ. В главе 7 «Ответственность при осуществлении донорства органов и их трансплантации» текста проекта по состоянию на 6 марта 2014 г. предусмотрено следующее регулирование: ст. 62 «Ответственность за принуждение гражданина к изъятию его органов в целях трансплантации» гласит о том, что принуждение любым лицом гражданина к изъятию его органов для трансплантации влечет уголовную ответственность в соответствии с законодательством РФ. Согласно ст. 63 купля-продажа органов человека влечет уголовную ответственность в соответствии с законодательством РФ. В ст. 64 говорилось о несообщении или сокрытии сведений, подлежащих передаче в Федеральный регистр; в ст. 65 речь идет об ответственности должностных лиц уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляющего ведение Федерального регистра, а в ст. 66 – об ответственности медицинской организации за причинение вреда, связанного с нарушением условий и порядка донорства и трансплантации органов человека.

Принятие такого закона способствовало бы внесению соответствующих изменений в УК РФ, в частности увеличению составов преступлений, охраняющих законный оборот человеческих органов.

В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 2004 г. № A/59/494[1] говорится о сожалении по поводу коммерциализации человеческого тела и о том, что Генеральная Ассамблея настоятельно призывает государства-члены при установлении ими факта существования в их стране такого явления принимать необходимые меры для предупреждения незаконного изъятия и оборота органов человека, борьбы с такой деятельностью и наказания за нее; призывает государства-члены обмениваться опытом и информацией о предупреждении незаконного изъятия и оборота органов человека, борьбе с такой

[1] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 2004 г. № A/59/494 (по докладу Третьего комитета 59/156 «Предупреждение незаконного оборота органов человека, борьба с ним и наказание за него»: принята 59-й сессией ООН // Генеральная Ассамблея ООН. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/485/64/PDF/N0448564.pdf?OpenElement (дата обращения: 10.06.2022).

деятельностью и наказании за нее; просит Генерального секретаря во взаимодействии с соответствующими государствами и организациями и при наличии внебюджетных средств подготовить исследование о масштабах явления незаконного оборота органов человека для представления его Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию на ее пятнадцатой сессии.

Ю. П. Попова права относительно того, что Минздраву России необходимо провести работу, чтобы дополнить УК РФ нормой, устанавливающей ответственность за незаконную трансплантацию[1]. С целью правильного, точного формулирования уголовно-правовых норм в российском законодательстве необходимо проанализировать положения Конвенции Совета Европы против торговли человеческими органами *ETS* № 216[2] (далее – Конвенция).

Статья 4 «Незаконный отбор человеческих органов» данной Конвенции устанавливает, что каждая сторона должна принять необходимые законодательные и иные меры, чтобы квалифицировать в качестве уголовного преступления, согласно своему внутреннему законодательству, совершенный умышленно отбор человеческих органов у живых или умерших доноров в трех случаях: если отбор осуществляется без свободного, информированного и прямо выраженного согласия живого или умершего донора либо, если донор мертв, без разрешения отбора в соответствии с внутренним законодательством его государства; если в возмещение отобранного органа живому донору или третьему лицу предложена или им получена финансовая выгода либо сравнимые преимущества; если в возмещение отобранного органа у мертвого донора третьему лицу предложена или им получена финансовая выгода либо сравнимые преимущества (ч. 1).

Часть 2 указанной статьи гласит: «Любое государство или Европейский Союз во время подписания или при сдаче на хранение своей ратификационной грамоты, документа о принятии или одобрении Конвенции посредством заявления,

[1] *Попова Ю. П.* Уголовная ответственность за незаконную трансплантацию // Судья. 2020. № 2. С. 40.

[2] Конвенция Совета Европы против торговли человеческими органами ETS № 216 (Сантьяго-де-Компостела, 25 марта 2015 г. // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/71221344/?ysclid=lli9yqldy7190460631 (дата обращения: 10.06.2022).

адресованного Генеральному секретарю Совета Европы, могут заявить, что они оставляют за собой право не применять параграф 1.а настоящей статьи к отбору человеческих органов у живых доноров в исключительных случаях и в соответствии с релевантными мерами по обеспечению безопасности или положениями об условиях разрешения такого отбора в соответствии со своим внутренним законодательством. Любая оговорка, сделанная в соответствии с настоящим параграфом, должна содержать краткое изложение соответствующего положения внутреннего законодательства».

В соответствии с ч. 4 «каждая Сторона должна рассмотреть вопрос о принятии необходимых законодательных или иных мер, чтобы квалифицировать в качестве уголовного преступления согласно своему внутреннему законодательству отбор человеческих органов у живых или умерших доноров в тех случаях, когда отбор производится вне рамок внутренней трансплантационной системы права Стороны или когда отбор производится в нарушение основополагающих принципов или правил национального трансплантационного законодательства. Если Сторона устанавливает составы уголовных преступлений в соответствии с данным положением, она также должна стремиться к применению статей 9–22 к таким преступлениям».

Статьей 5 «Использование незаконно отобранных органов в целях имплантации или в иных целях» Конвенции установлено, что каждая сторона должна принять необходимые законодательные и иные меры, чтобы квалифицировать в качестве уголовного преступления, согласно своему внутреннему законодательству, совершенное умышленно использование незаконно отобранных органов в случаях, установленных в параграфе 1 ст. 4, в целях имплантации или в иных целях. Статья 6 «Имплантация органов за пределами внутренней трансплантационной системы или совершенная в нарушение основных принципов национального трансплантационного права» предписывает каждой Стороне рассмотреть вопрос о принятии необходимых законодательных или иных мер, чтобы квалифицировать в качестве уголовного преступления согласно своему внутреннему законодательству совершенную умышленно имплантацию человеческих органов от живых или умерших доноров в тех случаях, когда имплантация производится вне рамок внутренней трансплантационной системы права Стороны или когда имплантация производится в нарушение основополагающих принципов или правил

национального законодательства о трансплантации. Если Сторона устанавливает составы уголовных преступлений в соответствии с данным положением, она также должна стремиться к применению ст. 9–22 к таким преступлениям.

Важной, на наш взгляд, представляется ст. 7 «Незаконное навязывание услуг, вербовка, предложение или требование неправомерных преимуществ» Конвенции. В ч. 1 этой статьи закреплено следующее: «Каждая Сторона должна принять необходимые законодательные и иные меры, чтобы квалифицировать в качестве уголовного преступления согласно своему внутреннему законодательству совершенное умышленно навязывание услуг и вербовку донора или реципиента в тех случаях, когда указанные действия осуществляются ради финансовой выгоды или сравнимых преимуществ для лица, навязывающего услуги или осуществляющего наем, или для третьей стороны». В ч. 2 ст. 7 предусмотрено: «Каждая Сторона должна принять необходимые законодательные и иные меры, чтобы квалифицировать в качестве уголовного преступления совершенные умышленно обещание, предложение или предоставление любым лицом прямо или косвенно любого неправомерного преимущества для работников здравоохранения, его должностных лиц или лиц, руководящих частными организациями или работающих в них, независимо от их должности, данное с целью выполнения или содействия в выполнении отбора или имплантации человеческого органа в тех случаях, когда такой отбор или имплантация происходят при обстоятельствах, приведенных в параграфе 1 статьи 4 или статье 5 и, в соответствующих случаях, предусмотренных параграфом 4 статьи 4 или статьей 6». В ч. 3 ст. 7 указано: «Каждая сторона должна принять необходимые законодательные и иные меры, чтобы квалифицировать в качестве уголовного преступления совершенные умышленно запрос или получение работниками здравоохранения, его должностными лицами или лицами, руководящими частными организациями или работающими в них, независимо от их должности, любого неправомерного преимущества с целью выполнения или содействия в выполнении отбора или имплантации человеческого органа в тех случаях, когда такой отбор или имплантация происходят при обстоятельствах, приведенных в параграфе 1 статьи 4 или статье 5 и, в соответствующих случаях, предусмотренных параграфом 4 статьи 4 или статьей 6».

Статьей 8 «Препарирование, консервация, хранение, транспортировка, передача, получение, импорт и вывоз незаконно отобранных человеческих органов» установлено, что каждая сторона должна принять необходимые законодательные и иные меры, чтобы квалифицировать в качестве уголовного преступления, согласно своему внутреннему законодательству, совершенные умышленно не только препарирование, консервацию, а также хранение незаконно отобранных человеческих органов в случаях, установленных в параграфе 1 ст. 4, и при необходимости в случаях, предусмотренных параграфом 4 ст. 4, но и транспортировку, передачу, получение, ввоз и вывоз незаконно отобранных человеческих органов в случаях, установленных в параграфе 1 ст. 4, и при необходимости в случаях, предусмотренных параграфом 4 ст. 4.

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что до настоящего времени в России не криминализированы следующие указанные в Конвенции умышленные деяния: отбор человеческих органов у умерших доноров; использование незаконно отобранных от живых или умерших доноров; имплантация человеческих органов от живых или умерших доноров в случаях, если имплантация производится вне рамок внутренней трансплантационной системы права; навязывание услуг и вербовка донора или реципиента в случаях, если указанные действия осуществляются ради финансовой выгоды или сравнимых преимуществ для лица, навязывающего услуги или осуществляющего наем, или для третьей стороны; обещание, предложение или предоставление любым лицом прямо или косвенно любого неправомерного преимущества для работников здравоохранения, его должностных лиц или лиц, руководящих частными организациями или работающих в них, независимо от их должности, данное с целью выполнения или содействия в выполнении отбора или имплантации человеческого органа; запрос или получение работниками здравоохранения, его должностными лицами или лицами, руководящими частными организациями или работающими в них, независимо от их должности, любого неправомерного преимущества с целью выполнения или содействия в выполнении отбора или имплантации человеческого органа; препарирование, консервация, а также хранение незаконно отобранных человеческих органов; транспортировка, передача, получение,

ввоз и вывоз незаконно отобранных человеческих органов незаконно добытых органов.

Учитывая высочайшую латентность общественно опасных деяний в сфере трансплантологии, наличие среди исполнителей медицинских работников, в том числе врачей, сращивание такой деятельности с чиновниками, требуется срочная реакция законодателя. Потерпевшими оказываются порой безнадежно больные люди и их родственники. Указанные нормы международного права давно и успешно имплементированы и применяются в зарубежном законодательстве. В этой связи считаем целесообразным внести соответствующие изменения в уголовный закон с целью введения ответственности за предусмотренные Конвенцией Совета Европы против торговли человеческими органами *ETS* № 216 деяния.

Библиографический список

1. *Безверхов А. Г.* Имущественные преступления. Самара: Изд-во Самарского университета, 2002. 359 с.

2. *Готье С. В., Хомяков С. М.* Донорство и трансплантация органов в Российской Федерации в 2020 году. XIII сообщение регистра Российского трансплантологического общества // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2021. № 23 (3). С. 8–34.

3. *Кобец П. Н.* Об основных причинах и условиях, способствующих незаконной трансплантации органов и тканей человека // Медицинское право. 2021. № 3. С. 9–14.

4. *Попова Ю. П.* Уголовная ответственность за незаконную трансплантацию // Судья. 2020. № 2. С. 38–41.

5. Святые Косма и Дамиан Азийские // Volgograd.ru. 2005. 12 ноября. URL: http://www.volgogradru.com/theme/medic/hirurgiya_v_izobrazit_isk/23644.pub (дата обращения: 21.05.2022).

6. Статистика по пересадке почки в России // Общество трансплантологов. URL: https://rustransplant.com/statistika-po-peresadke-pochki (дата обращения: 21.05.2022).

7. *Тищенко Е. В.* Биотехнологии и криминологическая безопасность // Медицинское право. 2016. № 6. С. 29–33.

8. Трансплантация почки – цены в Москве // Красота и медицина. URL:

https://www.krasotaimedicina.ru/treatment/kidney-transplantation/ (дата обращения: 21.06.2022).

9. *Уварова К.* Какова цена почки здорового человека в России и в других странах? // Money-Budget.ru. 2020. 27 сентября. URL: https://money-budget.ru/earn/other/tsena-pochki-zdorovogo-chealoveka-v-rossii.html (дата обращения: 21.05.2022).

Раздел

Наука и практика стран СНГ

УДК 347.5
ББК 67.404.219

Д. К. Бобоев
заведующий кафедрой
экономического, финансового
и антикоррупционного права
Таджикского государственного
финансово-экономического университета,
кандидат юридических наук, доцент
Таджикистан, г. Душанбе
jamrod@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ВСЛЕДСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА

FUNCTIONAL PECULIARITY OF THE OBLIGATION DUE TO INFLICTION OF HARM

В статье проанализирована функциональная особенность обязательства вследствие причинения вреда в соответствии с законодательством Республики Таджикистан. Указано, что при рассмотрении функций обязательства в научных работах ему приписывают функцию ответственности, а это не совсем верно. Подвергается сомнению и существующее в литературе представление о воспитательной функции в обязательстве из причинения вреда. Аргументирован вывод о том, что при правомерном причинении вреда воспитательная функция не является основной, поскольку в возникшем правоотношении первоочередной задачей служит удовлетворение требования потерпевшего, которое достигается путем восстановления или

компенсации. Автор придерживается мнения относительно восстановительно-компенсационной функции в обязательстве. Данный подход обоснован тем, что и компенсация, и восстановление применимы в отдельных случаях, и не стоит воспринимать их как идентичные категории. Практически в любом обязательстве, в том числе в обязательстве вследствие причинения вреда, воспитательное значение не является главной функцией. Суть обязательства заключается в надлежащем исполнении, а это может быть достигнуто путем восстановительно-компенсационной функции.

Ключевые слова: функции деликтного обязательства, обязательство, причинение вреда, деликт, юридическая ответственность, компенсация, восстановление, правовая охрана, возмещение вреда, правонарушение, правоотношение, воспитательная функция, институт причинения вреда.

The article analyses the functional feature of the obligation due to infliction of harm in accordance with the legislation of the Republic of Tajikistan. It is indicated that when considering the functions of the obligation in scientific works it is attributed to it the function of responsibility, and this is not quite true. It is also questioned the idea existing in the literature about the educational function in the obligation from the infliction of harm. The conclusion is argued that in the case of lawful infliction of harm the educational function is not the main one, because in the arisen legal relationship the primary task is the satisfaction of the victim's claim, which is achieved by means of restoration or compensation. The author adheres to the opinion regarding the restorative and compensatory function in the obligation. This approach is justified by the fact that both compensation and restoration are applicable in individual cases and should not be perceived as identical categories. In virtually any obligation, including the obligation due to harm, the educational value is not the main function. The essence of the obligation is proper fulfilment, and this can be achieved through a restorative and compensatory function.

Keywords: functions of tort obligation, obligation, infliction of harm, delict, legal liability, compensation, restoration, legal protection, compensation for harm, offence, legal relation, educational function, institution of infliction of harm.

При изучении практически любой отрасли права представление о ее функциональной особенности, наряду с предметом, методом и принципами, является главной задачей. Если предмет, метод и принципы служат для определения границы отрасли права, то функция указывает на направления правового воздействия на общественные отношения[1]. Как

[1]*Алексеев С. С.* Общая теория права: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2008. С. 31.

справедливо пишет профессор Ш. М. Менглиев, «социальная ценность и эффективность права определяется, прежде всего, его функциональным воздействием на общественные отношения»[1].

В гражданском праве от правильного понимания функции каждого института зависит его конечная цель и эффективность. Она определяется задачами, стоящими перед государством, для регулирования и охраны имущественных и личных неимущественных отношений. Ввиду того, что круг общественных отношений, регулируемых гражданским правом обширен и разнообразен, можно утверждать, что каждому институту присущи свои функции. Если относительно функции гражданского права практически достигнуто единство, то в отношении его отдельных институтов этого единства не наблюдается.

В гражданском праве функция обязательства вследствие причинения вреда занимает особое место, поэтому практически все исследователи при изучении обязательства вследствие причинения вреда освещали функциональную сторону обязательства. В результате сформулировано несколько позиций о функциях данного института.

Рассматривая деликтную ответственность в рамках охранительной функции права, в юридической литературе выделяют восстановительную[2], компенсационную[3], компенсационно-восстановительную[4], предупредительно-воспитательную функции. В ряде последних исследований, проведенных по материалам европейского права, отражены и другие функции ответственности. В частности, указаны восстановительная (корректирующая), распределительная

[1] *Менглиев Ш. М.* Восстановительные правоотношения в советском гражданском праве: учеб. пособие. Душанбе: Изд-во Тадж. ун-та, 1986. С. 6.

[2] *Тагайназаров Ш. Т., Бабаджанов И. Х., Бадалов Ш. К., Бабаджанов Дж. Б.* Жизнь и здоровье человека: современные проблемы правовой ответственности. Душанбе: ЭР-граф, 2010. С. 72.

[3] *Рыженков А. Я.* Компенсационная функция советского гражданского права. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. С. 6.

[4] Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2. Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереот. М.: Статут, 2011. С. 1077.

(дистрибутивная), воздающая (ретрибутивная)[1] функции и функция удовлетворения[2].

В главе 66 Гражданского кодекса Республики Таджикистан (далее – ГК РТ), которая посвящена обязательству вследствие причинения вреда, содержатся нормы о предупреждении вреда, о возмещении причиненного вреда и о восстановлении имущественного положения потерпевшего. Ввиду того, что охранительные функции в праве направлены на охрану общественных отношений, обеспечение их неприкосновенности, а также на вытеснение явлений, тормозящих социальный прогресс, можно утверждать, что в соответствии с ГК РТ обязательству вследствие причинения вреда свойственна охранительная функция.

Потребность в охране общественных отношений всегда была одной из ключевых задач государства, поскольку без должной охраны не может быть достигнута задача государства в сфере экономики, политики и воспитания граждан в духе соблюдения законности и правопорядка. Право с момента появления становится одним из важнейших средств охраны общественных отношений. Справедливым видится рассуждение Т. В. Кашаниной о том, что первоначально в истории правового развития именно охранительная функция была главной и именно она обеспечивала безопасность людей – основу основ их жизни[3]. Существует мнение о том, что обязательство вследствие причинения вреда выполняет компенсационную, восстановительную, компенсационно-восстановительную, предупредительно-воспитательную (превентивную) функции и др.

Каждая из приведенных позиций заслуживает внимания. Однако возникает необходимость определить, какая именно из них в большей степени подходит обязательству, возникающему вследствие причинения вреда.

Точку зрения о компенсационной природе функции обязательства вследствие причинения вреда поддерживает А. Я. Рыженков. Он утверждает, что «во недоговорных обязательствах компенсационная функция получила, если так можно выразиться

[1] *Богданов Д. Е.* Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости: сравнительно-правовой аспект: монография. М.: Проспект, 2016. С. 99.

[2] Там же.

[3] *Кашанина Т. В.* Структура права: монография. М.: Проспект, 2015. С. 81.

"классическое" воплощение, проявляется в "чистом", без осложнений виде»[1]. Автор аргументирует свою позицию тем, что восстановить имущественное положение в некоторых случаях объективно невозможно, то есть в случае уничтожения вещи. В связи с этим он отдает предпочтение компенсационной функции[2].

В пользу компенсационной функции высказывают мнения и другие исследователи. Они полагают, что при осуществлении этой функции речь идет не столько о восстановлении нарушенного правопорядка, правоотношений, отмене незаконно принятых решений, сколько о социально-правовой защите, «вознаграждении» за потерянное или уступленное[3]. О компенсационной функции ответственности пишет и Н. С. Малеин. По его мнению, «взыскание с правонарушителя причиненного вреда компенсирует потери потерпевшей стороны, восстанавливая ее имущественную сферу»[4].

Оставаясь по характеру гражданско-правовой ответственностью, деликтные обязательства выполняют в целом компенсационную функцию, по словам С. Е. Донцова и В. В. Глянцева[5]. В. Варкалло, наряду с карательной и превентивно-воспитательной функциями, выделяет и компенсационную. По его мнению, «говоря о компенсационной функции, следует подчеркнуть, что она выполняет наряду с задачей заглаживания вреда (денежной компенсацией или в натуре) также задачу своеобразной реституции – состоит в восстановлении планового распределения финансовых средств организации, потерпевшей вред»[6].

Учитывая тот факт, что при компенсации все сводится к восстановлению нарушенных прав, ряд авторов считают восстановительную функцию основной в обязательстве из причинения вреда. К числу тех, кто в разные годы придерживался точки зрения о восстановительной функции обязательств из

---

[1] *Рыженков А. Я.* Указ. соч. С. 67.

[2] Там же. С. 42.

[3] *Власенко И. А.* Компенсационная функция права (вопросы теории и практики): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1995. С. 10.

[4] *Малеин Н. С.* Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М.: Юрид. лит., 1985. С. 146.

[5] *Донцов С. Е., Глянцев В. В.* Возмещение вреда по советскому законодательству. М.: Юрид. лит., 1990. С. 28.

[6] *Варкалло В.* Ответственность по гражданскому праву (возмещение вреда – функции, виды, границы) / пер. с польск. В. В. Залесского. М.: Прогресс, 1978. С. 54.

причинения вреда, можно отнести О. А. Красавчикова, В. Т. Смирнова, А. А. Собчака, других известных цивилистов.

Например, В. Т. Смирнов и А. А. Собчак указывают: «Обеспечивая устранение имущественных последствий правонарушения на стороне потерпевшего, деликтные обязательства тем самым выполняют восстановительную функцию»[1]. О. А. Красавчиков один из специфических признаков обязательства из причинения вреда видит в его функциях. По его мнению, сущность обязательств из причинения вреда заключается в том, что они направлены на восстановление имущественного положения потерпевшего, которое было до причинения вреда. Далее он дополняет, что восстановительная функция является основной и соединена с воспитательной[2].

Некоторые представители таджикской правовой науки утверждают, что указанные способы возмещения вреда упомянуты в главе 66 ГК РТ: возмещение в натуре, а возмещение причиненных убытков охвачено общим понятием «восстановление». Поэтому обязательство вследствие причинения вреда выполняет восстановительную функцию[3].

Изложенные мнения о том, что нормы главы 66 ГК РТ, в общем, направлены на «восстановление» находят поддержку, если придерживаться широкого понимания восстановления. В узком понимании такая поддержка не обнаружена, так как не всегда удается восстановить нарушенное право. Восстановить невосстановимое нельзя. Авторы этой позиции, видимо, исходили из широкого понимания восстановления. Из этого следует, что главное назначение обязательства из факта причинения вреда – восстановление прав потерпевшего.

Данное положение не принято нами за основу, поскольку, как указано ранее в статье, ответственность должна привести к неблагоприятным имущественным последствиям для причинителя вреда. Восстанавливать нарушенное право и при этом не претерпевать имущественные последствия – это вряд ли можно считать ответственностью. Восстановление прав – меры защиты, а

[1] *Смирнов В. Т., Собчак А. А.* Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве: учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. С. 13.

[2] *Красавчиков О. А.* Советское гражданское право: в 2 т. Т. 2. М.: Высшая школа,1968. С. 365.

[3] *Тагайназаров Ш. Т., Бабаджанов И. Х., Бадалов Ш. К., Бабаджанов Дж. Б.* Указ. соч. С. 71.

деликтные обязательства требуют применения меры ответственности к правонарушителю. Такой мерой может служить компенсация. Компенсационную функцию права обычно связывают с реализацией юридической ответственности[1].

Незначительное количество нарушенных гражданских прав может быть восстановлено в буквальном смысле, и не все нарушенные гражданские права подлежат обязательному восстановлению. Например, при уничтожении многолетних деревьев невозможно их практическое восстановление. Такой вред компенсируется.

Если рассматривать восстановительную функцию как основную, то следует обратить внимание еще на один значимый аспект. В предыдущей редакции ГК РТ для восстановления нарушенных прав ч. 3 ст. 1137[1] ГК РТ предусматривала такой способ защиты гражданских прав, как «опубликование постановления суда о совершенном нарушении». Приведенный вариант, хотя и может устраивать потерпевшего, но имущественных последствий для причинителя может и не нести. Вряд ли следует считать это мерой ответственности, особенно в случае причинения имущественного вреда. Последующее опубликование постановления суда о совершенном нарушении не приведет к восстановлению имущественных прав потерпевшего.

Вопрос о соотношении восстановительной и компенсационной функций в гражданском праве вызывает сложности, однако в других отраслях права существуют четкие грани их разграничения. Например, в трудовом праве, в случаях незаконного увольнения (причина), применяют одновременно обе функции: восстановление на прежнем рабочем месте и компенсация за вынужденное отсутствие на рабочем месте. В гражданском праве могут быть применены одновременно обе функции. Например, при ДТП водитель такси вправе от нарушителя требовать восстановления причиненного вреда (ремонт машины) и компенсацию за упущенную выгоду. Из приведенного утверждения следует, что восстановление не может быть рассмотрено в качестве основной функции в обязательстве вследствие причинения вреда.

Следующей функцией, факт наличия которой обоснован большинством ученых, выступает компенсаторно-

[1]*Радько Т. Н.* Теория функций права: монография. М.: Проспект, 2014. С. 228.

восстановительная функция[1] (или, наоборот, восстановительно-компенсаторная). При этом сразу дополним, что авторы научных работ в содержание компенсационной функции включают восстановительную функцию или, наоборот, в содержание восстановительной функции включают компенсационную. Существование восстановительной функции параллельно, наряду с компенсационной, не рассматривается или не приветствуется.

Однако попытаемся аргументировать существование компенсаторно-восстановительной функции в обязательстве. Не будем ставить вопрос о приоритете той или иной функции в отношении друг друга, что порой прослеживается в юридической литературе. Каждая функция в отдельности выполняет свое предназначение и тем самым обеспечивает интересы потерпевшего от вредоносных действий (бездействий) причинителя вреда.

Но ряд авторов, говоря о функциях ответственности, все-таки в скобках используют «компенсационную» или «восстановительную» функцию[2]. Такая трактовка означает знак равенства между двумя разными категориями, которые имеют разные правовые значения.

В частности, Д. Н. Кархалев указывает, что компенсационная функция гражданско-правовой ответственности выражена в восстановлении имущественных потерь, которые лицо понесло в результате совершения правонарушения. Цель компенсационной функции – восстановление положения, существовавшего до совершения правонарушения[3]. Подобное мнение высказывает и С. А. Хохлов: «Компенсация является конкретным выражением такого способа защиты, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права»[4].

---

[1] *Шевченко А. С., Шевченко Г. Н.* Деликтные обязательства в российском гражданском праве: учеб. пособие. М.: Статут, 2013. С. 8; Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 4. Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 616; Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Е. Е. Богдановой. М.: Проспект, 2020. С. 304.

[2] *Рыбаков В. А.* Теория функций гражданского права (методологические и воспитательные аспекты): монография. М.: Статут, 2015. С. 15.

[3] *Кархалев Д. Н.* Гражданско-правовые меры защиты и меры ответственности: учеб. пособие. Уфа: РИО БашГУ, 2004. С. 20.

[4] *Хохлов С. А.* Избранное / сост. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2017. С. 253.

С данной позицией можно поспорить, поскольку не всегда компенсация приводит к ожидаемому результату для восстановления прав. Компенсация имеет двоякую цель: во-первых, она должен повлечь для правонарушителя имущественные последствия; во-вторых, под страхом наступления имущественных последствий должна побудить его в дальнейшем воздержаться от неправомерных и вредоносных действий. Для потерпевшего компенсация служит способом защиты гражданских прав и способом загладить свои имущественные и неимущественные права от компенсационных выплат.

О том, что компенсация и восстановление прав имеют свои функции, можно судить, исходя из ст. 11 ГК РТ, в которой они упоминаются отдельно друг от друга, как самостоятельные способы защиты гражданских прав. Если бы при компенсации наблюдалось восстановление прав или восстановление имело целью компенсацию, то не было бы необходимости в выделении их в самостоятельные способы защиты прав. Видимо, стоит говорить о восстановительно-компенсационной функции или, наоборот, о компенсационно-восстановительной.

Порой в праве приоритет при определении значимости функции отдан восстановительной функции, а не компенсационной. Например, А. П. Тараканов считает, что «в определенной степени компенсационная функция права является вторичной по отношению к восстановительной»[1]. Автор аргументирует свое мнение тем, что прежде всего нужно постараться восстановить нарушенное право, привести в его первоначальное положение, которое существовало до нарушения. Если все это безрезультатно, то затем можно говорить о компенсации.

С изложенной позицией можно не согласиться, поскольку при определенных обстоятельствах приоритет может быть отдан компенсационной функции. Поэтому ни о какой первичной или вторичной функции говорить не стоит. Это две разнородные по природе и по виду охранительные функции права.

А. В. Белов делает акцент на том, что наиболее распространенным способом восстановления положения, существовавшего до правонарушения, является возмещение или

[1] *Тараканов А. П.* Понятие и основные особенности компенсационной функции права // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. № 1. С. 34.

компенсация причиненного вреда, то есть в данном случае компенсация включена в состав восстановления[1]. А. Я. Рыженков под восстановлением понимает привидение имущественного или неимущественного положения субъектов в положение, которое существовало до правонарушения. Однако личное неимущественное право не поддается восстановлению, это неприемлемо. Тем самым становится понятным, что автор поддерживает компенсационную функцию, которая, по его мнению, шире, чем восстановление[2].

Не поддерживает приведенную позицию и Ш. М. Менглиев. Автор в данном случае исходит из широкого содержания компенсации. Свое мнение Ш. М. Менглиев аргументирует тем, что нельзя признать существование компенсационно-восстановительной функции, поскольку компенсация применима к имущественным отношениям, и то не всегда, а к неимущественным отношениям она неприменима[3]. Утверждение о том, что неимущественный вред не компенсируется, нам представляется противоречивым. Наоборот, именно к неимущественным отношениям тяготеет компенсация.

И. А. Власенко, также разграничивая восстановительную функцию от компенсационной, полагает, что при восстановлении правопорядка не всегда предусмотрена компенсация причиненного вреда. Например, вред, который носит моральный характер (физические и нравственные страдания), не подлежит восстановлению[4].

Авторы многих работ исходят из того, что имущественный вред может носить восстановительный характер, а неимущественный – компенсационный характер. О том, что существует восстановительная и компенсационная функции в праве и что не стоит их отождествлять, можно заключить на основании работы профессора Т. Н. Радько. В своем последнем монографическом исследовании он разделяет их, выделяя их в содержании работы в отдельные параграфы[5].

В контексте вопроса о компенсационной функции обязательства вследствие причинения вреда целесообразно

[1] *Белов В. А.* Гражданское право. Особенная часть: учебник. М.: Центр ЮрИнфоР, 2004. С. 17.

[2] *Рыженков А. Я.* Указ. соч. С. 13–14.

[3] *Менглиев Ш. М.* Указ. соч. С. 14.

[4] *Власенко И. А.* Указ. соч. С. 10.

[5] *Радько Т. Н.* Указ. соч. С. 269.

указать, что ГК РТ в основном использует категорию «возмещение»: например, возмещение убытков (ст. 14); возмещение убытков, причиненных органами государственной власти органами местного самоуправления (ст. 15). Исходя из этого, резонно возникает вопрос о том, можно ли рассматривать понятие компенсации в качестве синонима слова «возмещение». Хотя ГК РТ иногда и использует их синонимично, но такая позиция видится спорной, поскольку у каждого из этих понятий существует определенное содержание. В зависимости от предмета их разграничивал А. В. Белов. По его мнению, предметом возмещения являются убытки, то есть вред (ущерб), который может быть выражен в деньгах, а предметом компенсации – вред[1].

Исходя из логического толкования и положений ГК РТ, можно сделать вывод о том, что, в отличие от «возмещения», при «компенсации» речь идет о таком вреде, который невозможно точно определить, поскольку размер компенсации носит приблизительный характер. Но следует иметь в виду, что возмещение – это, скорее, процесс, в ходе которого убытки и вред должны быть взысканы с правонарушителя.

В переводе с латинского понятие «компенсация» означает «возмещение, уплата, уравновешивание». Однако в праве оно имеет другое назначение. Это один из немногих случаев, в котором понятие толкуется иначе. Суть такого явления заключается в том, что в праве должна быть определенность. Последняя достигается путем единообразного использования имеющихся понятий. В отличие от остальных отраслей наук, в праве синонимы не всегда приемлемы. Это обусловлено потребностью в более точном и ясном изложении нормативного материала. За каждым словом должно быть закреплено четкое и определенное значение.

По мнению О. А. Кузнецовой, в юриспруденции слово «возмещение» традиционно связано именно с материальными, поддающимися математическому подсчету убытками за утраченные или поврежденные объекты, имеющие стоимостные признаки. В случаях, если такой подсчет невозможен, используют категорию «компенсация»[2].

[1] *Белов В. А.* Гражданское право: в 4 т. Т. 4. В 2 кн. Кн. 2. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. Иные (не являющиеся обязательствами) гражданско-правовые формы. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. С. 13.

[2] Принципы гражданского права и их реализация: монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Г. С. Демидовой. М.: Проспект, 2019. С. 56.

Обобщая, можно утверждать, что в обязательствах вследствие причинения вреда прослеживается восстановительно-компенсационная функция. В случаях причинения имущественного вреда (повреждения вещи) используют восстановительную функцию. Если вред носит неимущественный характер, или он не подлежит восстановлению, то применяют компенсационную. Главная задача компенсационной функции в обязательствах вследствие причинения вреда заключается в удовлетворении имущественных или личных неимущественных прав потерпевшего.

Компенсация по своей юридической сущности более тяготеет к мерам гражданско-правовой ответственности. Поскольку в обязательстве вследствие причинения вреда факт правонарушения является ключевым, наряду с восстановлением используется и компенсация. Любые действия первоначально направлены на восстановление. Если вред не поддается восстановлению, то он должен быть компенсирован. Восстановление выступает одним из основных принципов гражданского права и ввиду социального назначения выражает отраслевые особенности правового регулирования.

Восстановительная и компенсационная функции являются подвидами охранительной функции. Они направлены прежде всего на удовлетворение имущественных и личных неимущественных прав потерпевшего. При восстановлении прав возможны замена утраченного имущества или предоставление такого же рода качества и стоимости имущества, что не свойственно компенсационной функции. При компенсации выплачивают ориентировочную стоимость имущества, трудно поддающегося оценке, или возможна уплата денег в случае личного неимущественного вреда.

Называя функцию восстановительно-компенсационной или, наоборот, мы не изменяем ее суть. Главное, чтобы в ходе ее реализации были удовлетворены имущественные и личные неимущественные права потерпевшего.

Иногда на практике при причинении морального вреда потерпевший обращается в суд о компенсации и указывает символическую сумму, порой незначительную. Главная цель потерпевшего в этом случае не компенсация. Он преследует иную цель: доказать виновность причинителя. И он достигает своей цели, если его иск будет удовлетворен. Поэтому нужно говорить о восстановительно-компенсационной функции.

Так как функция права – это направление правового воздействия на общественные отношения, обусловленные задачами государства, то можно утверждать, что главная ее задача состоит в удовлетворении требований потерпевшего, которая обеспечивается посредством восстановительно-компенсационной функции. В. В. Витрянский, рассматривая категорию «ответственность», пишет, что имущественная санкция, применяемая за допущенное нарушение, всегда имеет своей целью восстановление или компенсацию нарушенного права потерпевшего[1]. Суть данного утверждения сводится к одному – восстановить или компенсировать. Именно этого и желает потерпевший в обязательстве вследствие причинения вреда. На основании изложенного можно констатировать тот факт, что восстановительно-компенсационная функция охватывает предмет гражданского права в целом.

Наряду с восстановительно-компенсационной функцией в теориии права выделяют еще и стимулирующую, предупредительную (превентивную), наказательную и сигнализационную функции. В. А. Рыбаков объединяет их в единую воспитательную функцию[2]. По его мнению, природа функции наказания и поощрения взаимосвязана со стимулирующей, выражает воспитательную направленность правового воздействия[3].

Такое объединение функций представляется спорным, поскольку воспитание и наказание находятся в разных сферах общественного бытия. На наш взгляд, автор исходит из того, что наказание, которое применяется в связи с правонарушением, проявляется в результате плохого воспитания. Если воспитание и наказание взаимосвязаны между собой, то в отношении предупредительной функции нет ничего общего, что могло их связывать. Предупредительная функция в основном свойственна уголовному праву. Одна из главных задач уголовного права – предупреждение преступлений. Для достижения нормального и стабильного существования гражданского оборота она воспринята и гражданским правом.

---

[1] *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право: в 5 кн. Кн. 1. Общие положения. 3-е изд., стереот. М.: Статут, 2011. С. 615.

[2] *Рыбаков В. А.* Указ. соч. С. 88.

[3] Там же.

Предупредительная функция – это направление правового воздействия на поведение участников общественных отношений, заключающееся в предотвращении и устранении аномальных явлений, которые могут стать основанием причинения вреда в будущем. Появление нормы о предупреждении причинения вреда в ГК РТ обусловлено необходимостью обеспечения стабильного развития гражданских отношений. Такая норма предназначена для предупреждения о возможном правонарушении в перспектике.

Авторы первых работ о деликтах указывали, что нормы, регулирующие деликт, выполняют задачу общей и специальной превенции (предупреждения), что составляет содержание другой, превентивно-воспитательной функции деликтных обязательств»[1]. Е. А. Флейщиц пишет, что, обязывая правонарушителя возместить причиненный вред, тем самым мы осуществляем и воспитательную функцию обязательств из причинения вреда[2].

Если охарактеризовать функцию права как правовое воздействие на общественные отношения, то необходимо учитывать, на какой стадии она воздействует на общественные отношения, до или после совершения факта правонарушения. На первой стадии круг лиц, на которых воспитательная функция может воздействовать, открыт, то есть речь идет о неопределенных лицах. На второй стадии или уже в границах возникшего правоотношения известны круг участников (причинитель вреда и потерпевший), объект, подверженный вреду (жизнь, здоровье, испорченное или уничтоженное имущество), права и обязанности субъектов.

Если говорить об обязательстве вследствие причинения вреда, то речь идет уже о возникшем правоотношении. Для обязательства вследствие причинения вреда воспитательная функция не является основной, так как в возникшем правоотношении первоочередной задачей служит удовлетворение требования потерпевшего, которое достигается путем восстановления или компенсации. Для подобных правоотношений воспитательная функция становится как бы вторичной целью.

Мнение о наличии воспитательной функции не поддерживают ряд авторитетных ученных. Например, Ш. М.

[1] *Смирнов В. Т., Собчак А. А.* Указ. соч. С. 10.

[2] *Флейшиц Е. А.* Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Госюриздат, 1951. С. 25.

Менглиев указывает, что «если в отношении регулятивных и охранительных функций обычно утверждают, что они связаны соответственно с применением регулятивных и охранительных норм, то в отношении воспитательной функции права в целом, а гражданского права в особенности, подобное утверждение не соответствует действительности. Любая норма права несет в себе элементы воспитательного воздействия, вследствие чего нельзя обособлять какую-то группу норм, которая оказывала бы соответствующее воздействие только в воспитательном направлении»[1].

Такое утверждение в определенной части имеет под собой существенную основу. Гражданскому праву, в особенности обязательству вследствие причинения вреда, известны случаи, в которых обязательство возникает при отсутствии вины причинителя. В случае отсутствия вины причинителя о каком предупреждении и воспитании может идти речь? Как быть в случае причинения вреда со стороны недееспособных лиц? Причинителем вреда могут быть любые, даже добропорядочные люди. Воспитывать в духе соблюдения и уважения закона лиц, не нуждающихся в этом, бессмысленно. Упрекать их относительно случившегося, считать, что якобы воспитательная функция воздействует на третьих лиц, то есть предупреждает или воспитывает, тоже не имеет смысла. Вред может возникнуть не по их вине.

Б. С. Антимонов обращает внимание на то, что «вопрос о воспитательном и предупредительном значении гражданско-правовой нормы ясно решается в положительном смысле, когда гражданская ответственность возлагается по началу вины»[2]. Но как быть в случае безвиновной ответственности? Да и другие исследователи сторонятся этой проблемы. Поэтому можно утверждать, что предупредительно-воспитательная функция не в полном объеме проявляется в обязательстве вследствие причинения вреда.

Из содержания ч. 6. ст. 1189 ГК РТ становится понятным, что вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом. Случаи правомерного причинения вреда не преследуют цель превентивно-

[1] *Менглиев Ш. М.* Указ. соч. С. 10.

[2] *Антимонов Б. С.* Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. М.: Госюриздат, 1952. С. 19.

воспитательного характера. Правомерное причинение вреда разрешено законом, то есть лицо, причиняющее вред, управомочено на совершение таких действий, и, нарушая чужие субъективные права, оно не нарушает норм объективного права[1]. Поэтому можно предположить, что воспитательная функция в данных обязательствах неприемлема.

Если говорить о том, что функция права как направление правового воздействия определена в соответствии задачами государства, то сегодня функция предупреждения и воспитания в гражданском праве не может претендовать на статус одной из основных. В известной мере, в отличие от остальных отраслей права, участники гражданских правоотношений более цивилизованно и добросовестно ведут себя в отношении друг друга. Они как бы на основе своей автономии воли, имущественной самостоятельности, свободы договора вступают в те или иные правоотношения. В большинстве случаев вред умышленно не причиняют. В этой связи говорить о воспитательной функции неуместно.

Наличие нормы объективного права оказывает воспитательное воздействие. Если, по сути, норма права не в состоянии оказывать воспитательное воздействие, то о каком воспитании может идти речь в случае ее нарушения? Первоначально она имеет воспитательный характер, но при нарушении субъективных прав она уже выполняет другую функцию. Поэтому можно констатировать тот факт, что норма права содержит в себе воспитательный элемент, а в случае ее нарушения уже выполняет восстановительно-компенсационную функцию.

Можем допустить, что в межотраслевом институте юридической ответственности воспитательное назначение нормы (правила поведения) проявляется в большей степени, чем у других функций. Например, в уголовном и административном праве ответственность строится по принципу вины. Главное назначение этих отраслей права – предупреждение и пресечение правонарушений, которые могут быть достигнуты путем воспитания.

[1] *Гинц Е. М.* Деликтные обязательства и обязательства вследствие правомерного причинения вреда: общее и особенное // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 86.

Но практически в любом обязательстве, а в обязательстве вследствие причинения вреда в особенности, воспитательное значение не является главной функцией. Суть обязательства заключается в надлежащем исполнении, а оно может быть достигнуто путем восстановительно-компенсационной функции. Поэтому уместно обратить внимание на мнение Н. С. Малеина о том, что общественному осуждению подлежит лишь виновное поведение[1].

Поскольку обязательству известны случаи возложения обязанности при отсутствии вины, то и воспитательное назначение уходит на второй план. Авторы учебника по гражданскому праву считают, что «привлекать к ответственности без вины нецелесообразно, поскольку «человек был бы подавлен последствиями таких действий, за которые его нельзя упрекнуть даже в неосторожности»[2].

Выше указано, что цель определяется функцией, а последняя способствует достижению цели. Цель, ради которой функции выполняют свое предназначение, заключается в удовлетворении требований потерпевшего на основе принципа разумности и добросовестности.

Ряд авторов на основе изучения деликтного обязательства в английском, немецком и французском праве полагают, что деликтный иск фактически не может уничтожить правонарушение, вернуть мир в состояние равновесия, предшествовавшего деликту. Вместо этого он обеспечивает «удовлетворение» (*satisfaction*), имеющее скрытый подтекст, связанный с мщением[3].

В действительности при восстановлении и компенсации происходит удовлетворение требований должника (потерпевшего). Само по себе удовлетворение произойти не может. На базе других функций оно реализуется. Удовлетворение – эмоциональная реакция на счастье, душевный ответ на исполненное желание или цель.

---

[1] *Малеин Н. С.* Указ. соч. С. 135.

[2] Гражданское право / под ред. М. М. Агаркова, Д. М. Генкина. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. Т. 2. С. 324.

[3] Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учеб. пособие / отв. ред. М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. С. 81; *Goldberg John C. P.* Twentieth Century Tort Theory // Law and Economics. 2002. Working Paper Number 02-15. P. 80–81.

В заключение дополним, что на практике в случае причинения морального вреда потерпевший обращается в суд с требованием о компенсации и указывает символическую сумму, порой очень незначительную. Главная цель потерпевшего в этом случае не компенсация имущественных потерь, а стремление доказать виновность причинителя. Он достигнет цели, если его иск будет удовлетворен. Поэтому нужно говорить о восстановительно-компенсационной функции в обязательстве вследствие причинения вреда.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2008. 565 с.

2. *Антимонов Б. С.* Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. М.: Госюриздат, 1952. 293 с.

3. *Белов В. А.* Гражданское право: в 4 т. Т. 4. В 2 кн. Кн. 2. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. Иные (не являющиеся обязательствами) гражданско-правовые формы. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. 403 с.

4. *Белов В. А.* Гражданское право. Особенная часть: учебник. М.: Центр ЮрИнфоР, 2004. 767 с.

5. *Богданов Д. Е.* Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости: сравнительно-правовой аспект: монография. М.: Проспект, 2016. 304 с.

6. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право: в 5 кн. Кн. 1. Общие положения. 3-е изд., стереот. М.: Статут, 2011. 847 с.

7. *Варкалло В.* Ответственность по гражданскому праву (возмещение вреда – функции, виды, границы) / пер. с польск. В. В. Залесского. М.: Прогресс, 1978. 328 с.

8. *Власенко И. А.* Компенсационная функция права (вопросы теории и практики): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1995. 18 с.

9. *Гинц Е. М.* Деликтные обязательства и обязательства вследствие правомерного причинения вреда: общее и особенное // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 85–88.

10. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 4. Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. 816 с.

11. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / под ред. М. М. Агаркова, Д. М. Генкина. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. 419 с.

12. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Е. Е. Богдановой. М.: Проспект, 2020. 440 с.

13. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учеб. пособие / отв. ред. М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. 376 с.

14. *Донцов С. Е., Глянцев В. В.* Возмещение вреда по советскому законодательству. М.: Юрид. лит., 1990. 272 с.

15. *Кархалев Д. Н.* Гражданско-правовые меры защиты и меры ответственности: учеб. пособие. Уфа: РИО БашГУ, 2004. 148 с.

16. *Кашанина Т. В.* Структура права: монография. М.: Проспект, 2015. 580 с.

17. *Красавчиков О. А.* Советское гражданское право: в 2 т. Т. 2. М.: Высшая школа, 1968. 520 с.

18. *Малеин Н. С.* Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М.: Юрид. лит., 1985. 192 с.

19. *Менглиев Ш. М.* Восстановительные правоотношения в советском гражданском праве: учеб. пособие. Душанбе: Изд-во Тадж. ун-та, 1986. 117 с.

20. Принципы гражданского права и их реализация: монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Г. С. Демидовой. М.: Проспект, 2019. 416 с.

21. *Радько Т. Н.* Теория функций права: монография. М.: Проспект, 2014. 272 с.

22. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2. Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереот. М.: Статут, 2011. 1208 с.

23. *Рыженков А. Я.* Компенсационная функция советского гражданского права. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. 96 с.

24. *Рыбаков В. А.* Теория функций гражданского права (методологические и воспитательные аспекты): монография. М.: Статут, 2015. 136 с.

25. *Смирнов В. Т., Собчак А. А.* Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве: учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. 152 с.

26. *Тараканов А. П.* Понятие и основные особенности компенсационной функции права // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. № 1. С. 34–38.

27. *Тагайназаров Ш. Т., Бабаджанов И. Х., Бадалов Ш. К., Бабаджанов Дж. Б.* Жизнь и здоровье человека: современные проблемы правовой ответственности. Душанбе: ЭР-граф 2010. 452 с.

28. *Флейшиц Е. А.* Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Госюриздат, 1951. 239 с.

29. *Хохлов С. А.* Избранное / сост. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2017. 304 с.

30. *Шевченко А. С., Шевченко Г. Н.* Деликтные обязательства в российском гражданском праве: учеб. пособие. М.: Статут, 2013. 133 с.

31. *Goldberg John C. P.* Twentieth Century Tort Theory // Law and Economics. 2002. Working Paper Number 02-15. P. 1–92.

Раздел

Трибуна молодого ученого

ББК 67.404
УДК 347.113(470)

Л. Ш. Абдуллаев
аспирант
Севастопольского государственного
университета
Россия, г. Севастополь
Kapon29@mail.ru

АНАЛОГИЯ ЗАКОНА И ЛОГИЧЕСКИ ЗАКРЕПЛЕННЫЕ В АКТАХ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРАВОВЫЕ НОРМЫ

ANALOGY OF LAW AND LEGAL NORMS THAT ARE LOGICALLY ENSHRINED IN ACTS OF CIVIL LAW

Применение аналогии закона предполагает способность субъекта правоприменения обнаружить такую прямую неурегулированность общественных отношений, которая может и должна быть преодолена в данном случае правоприменения. Из п. 1 ст. 6 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) следует, что под прямой понимается неурегулированность отношений нормами гражданского права, которые закреплены в актах гражданского законодательства текстуально и логически. Но наука гражданского права в настоящее время старается не замечать логически закрепленные правовые нормы. Так, в начале создается препятствие профессионального решения вопроса о возможности применения аналогии закона. Цель исследования – обратить внимание на логически закрепленные в актах гражданского законодательства правовые нормы и доказать, что они в сфере своего действия исключают применение аналогии закона. Основным методом исследования послужил метод формально-логического анализа положений действующего гражданского законодательства. Использован также диалектический метод. Как на методологическую базу, автор опирался и на научные труды специалистов в области гражданского права и теории права, которые исследовали проблемы, связанные с пробелами в праве и аналогией закона. Автором сделаны выводы о том, что аналогия закона применяется к вспомогательным правоотношениям, если без применения аналогии закона не может быть реализовано основное правоотношение. Аналогия закона не может быть применена в случаях, если отношения урегулированы нормами, которые закреплены в актах гражданского законодательства логически и обнаружены при помощи a contrario, от предыдущего правового явления к последующему и наоборот, a fortiori. Юридическая наука и правоприменительная практика должны признать логически закрепленные правовые нормы и логические выводы, с

помощью которых такие нормы обнаружены, что позволит правильно решать вопрос о наличии оснований для применения аналогии закона.

Ключевые слова: аналогия закона, текстуально закрепленные правовые нормы, логически закрепленные правовые нормы, вывод степени, вывод от условий к следствию, вывод от противоположного, гражданское право, гражданское законодательство.

The application of analogy of law presupposes the ability of the subject of law enforcement to detect such direct unsettlement of public relations, which can and should be overcome in this case of law enforcement. It follows from p. 1 of article 6 of the Civil Code of the Russian Federation (Civil Code of the Russian Federation) that direct means the failure to regulate relations by the norms of civil law, which are enshrined in acts of civil legislation textually and logically. But the science of civil law at present tries to ignore logically fixed legal norms. So, at the beginning it creates an obstacle to professional solution of the question of the possibility of applying the analogy of law. The purpose of the research is to pay attention to the legal norms logically fixed in the acts of civil legislation and prove that they exclude the application of analogy of law in their sphere of action. The main method of the research was the method of formal-logical analysis of the provisions of the current civil legislation. The dialectical method was also used. As a methodological basis, the author also relied on the scientific works of specialists in the field of civil law and legal theory, who investigated the problems associated with gaps in the law and analogy of law. The author made conclusions that analogy of law is applied to auxiliary legal relations, if without the application of analogy of law the main legal relation cannot be realised. Analogy of law cannot be applied in cases where relations are regulated by norms that are enshrined in acts of civil legislation logically and discovered by means of a contrario, from the previous legal phenomenon to the subsequent one and vice versa, a fortiori. Legal science and law enforcement practice should recognise logically fixed legal norms and logical conclusions by means of which such norms are discovered, which will allow to correctly resolve the issue of the existence of grounds for the application of analogy of law.

Keywords: analogy of law, textually fixed legal rules, logically fixed legal rules, inference of degree, inference from conditions to consequence, inference from contrary, civil law, civil legislation.

Ситуация в науке гражданского права относительно оснований применения аналогии закона и аналогии права должна быть оценена как парадоксальная. С одной стороны, все авторы учебников гражданского права, начиная с Д. И. Мейера[1], писали и пишут о применении аналогии закона и аналогии права. С другой стороны, в науке гражданского

[1] *Мейер Д. И.* Русское гражданское право. М.: Статут, 2000. С. 74–75.

права не замечают усилий к тому, чтобы разработать методологию обнаружения юридического содержания в целом положений актов гражданского законодательства, без которой невозможна рациональная разработка проблем аналогии закона и права. С учетом этого обращение в настоящей статье к проблеме аналогии закона в связи с проблемой логически закрепленных правовых норм должно быть признано актуальным.

Исследование двух указанных проблем в их взаимосвязи до сих пор не осуществлялось. То, что сделано в юридической науке до настоящего времени – это попытки подойти к такому исследованию, осуществленные в теории права В. В. Лазаревым[1], в науке гражданского процессуального права – А. В. Германовым[2].

Вместе с тем следует признать, что настоящее исследование не могло бы появиться без изучения трудов ученых-юристов о проблемах аналогии закона и аналогии права, в частности П. Е. Недбайло, С. С. Алексеева, Л. С. Явича, В. И. Акимова, В. А. Белова, А. Г. Карапетова. Сохраняет методологическое значение фундаментальный труд Ф. К. ф. Савиньи[3]. Логически закрепленные правовые нормы исследованы Е. В. Васьковским, И. С. Перетерским, А. Ф. Черданцевым, а также группой крымских авторов. Целью настоящей статьи является разработка научных положений как методологической основы для вывода об отсутствии урегулированности отношений, составляющих предмет гражданского права, которое (отсутствие) диктует необходимость применения аналогии закона.

Согласно общепринятому положению, аналогия закона применяется при пробелах в праве, хотя более осмотрительные в своих высказываниях авторы предпочитают говорить о пробелах не в праве, а в актах законодательства и даже в отдельных положениях таких актов. Нам ближе второй подход, хотя в целях настоящего исследования это имеет второстепенное значение. Задача толкования права заключается в достижении единства всех источников права и исчерпывающей их целостности. Достижение единства позволяет устранить все противоречия между источниками и их отдельными положениями, а достижение

[1] *Лазарев В. В.* Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юридическая литература, 1974. С. 58–95.

[2] *Германов А. В.* Аналогия закона в гражданском процессуальном праве: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2019. С. 123–140.

[3] *Савиньи Ф. К. ф.* Книга первая. Источники современного римского права // Система современного римского права. Т. I. М.: Статут, 2011. С. 274.

целостности – «заполнить все пробелы»[1]. Таким образом, и противоречия, и пробелы устраняются за счет внутренних ресурсов права (нами не исследована в статье проблема выхода за пределы позитивного права и поиска права за пределами позитивного права; такие случаи полностью исключить нельзя). Но, даже если ученый или практикующий юрист поддался идее поиска права за пределами закона (позитивного права), то почему в этом случае он, будучи профессионалом, не стремится выявить юридическое содержание положений актов законодательства, регулирующих отношения, к которым он предполагает применить аналогию закона или аналогию права? Даже если он приходит к выводу о том, что какая-то часть юридического содержания определенного положения акта гражданского законодательства, пусть и преобладающая, не подлежит применению к данным отношениям, то разумно было бы овладеть методологией выявления этого юридического содержания. Юрист же должен всесторонне знать предмет своей профессиональной деятельности. Научные труды Е. В. Васьковского[2] получили высшую оценку в 1948 г. со стороны профессора С. И. Вильнянского[3] и со стороны профессора В. А. Белова в 2002 г.[4] Другие ученые также воздержались от критической оценки. В частности, обратим внимание на положения работы Е. В. Васьковского о том, «что из нормы, предусматривающей какой-либо случай или ряд случаев, выводится противоположная по содержанию норма для других случаев»[5], «и что в результате заключения *a contrario* получается новое суждение (новая норма) противоположного содержания»[6]. Уточним, что Е. В. Васьковский писал о «нормах», которые «выводятся» или «получаются».

Профессор И. С. Перетерский писал о том, что «существующая норма дает основания отыскания противоположной нормы, относящейся к случаям, не

[1] Там же. С. 330.

[2] *Васьковский Е. В.* Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 14.

[3] *Вильнянский С. И.* Толкование и применение гражданско-правовых норм // Методические материалы Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ). М., 1948. Вып. 2. С. 45–46.

[4] *Белов В. А.* «... Выдающийся русский ученый – юрист...» // *Васьковский Е. В.* Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 12.

[5] *Васьковский Е. В.* Указ. соч. С. 306.

[6] Там же. С. 314–315.

предусмотренным первой нормой»[1], то есть и в этом случае речь идет об отыскании «нормы». А. Ф. Черданцев исследовал проблемы правотолкования более 40 лет. Он приводит целый ряд примеров, в том числе и из судебной практики, когда вопрос о правах и обязанностях был (или должен быть) решен в соответствии с правовой нормой, обнаруженной при помощи вывода *a contrario* (если установлен исчерпывающий перечень требований, на которые исковая давность не распространяется, то на все другие требования исковая давность распространяется[2]; лотерея не является государственной ценной бумагой, поэтому сбыт лотерей не попадает под действие статьи, устанавливающей ответственность за сбыт государственных ценных бумаг[3]; перепланирование жилого помещения закон допускает с согласия нанимателя, следовательно, без согласия нанимателя перепланирование не допускается[4]). Подробные исследования правовых норм, которые логически закреплены в актах законодательства и которые можно обнаружить при толковании с помощью вывода *a contrario*, осуществили крымские ученые[5]. Они приводят примеры использования вывода *a contrario* в целях обнаружения логически закрепленных правовых норм Конституционным Судом РФ, Верховным Судом РФ, Высшим Арбитражным Судом РФ[5], хотя судьи слова *a contrario* считают употреблять недопустимым. Наконец, сошлемся на авторитет Ф. К. ф. Савиньи: если закон лишал уголовно осужденных женщин способности давать свидетельские показания в суде, то из этого следовало само собой, что другие женщины обладали такой способностью[6]. Возражения против использования вывода *a contrario* решительно, но без какой-либо аргументации выдвигал Г. Кельзен[7]. Но, когда ему понадобилось, Г. Кельзен вывод *a contrario*

[1] *Перетерский И. С.* Толкование международных договоров. М.: Госюриздат, 1959. С. 128.

[2] *Черданцев А. Ф.* Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. С. 112.

[3] *Черданцев А. Ф.* Толкование советского права. М.: Юридическая литература, 1979. С. 57–58.

[4] Там же.

[5] Новейшее учение о толковании права / под ред. В. Г. Ротаня. Симферополь, 2019. С. 212–362.

[5] Там же. С. 307–312.

[6] *Савиньи Ф. К. ф.* Указ. соч. С. 404.

[7] *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. М.: Алеф-Пресс, 2015. С. 426.

использовал[1]. В новейшей литературе против использования вывода *a contrario* возражает Ю. Э. Монастырский[2]. Он также не аргументирует свою позицию. И нам не удалось найти его научные труды, в которых он исследовал бы вывод *a contrario* и обнаруживаемые с его помощью правовые нормы. Таковы мнения за и против использования вывода *a contrario* с целью обнаружения логически закрепленных в актах законодательства правовых норм. Следует учитывать и общий подход к проблеме логической обработки законодательных текстов, доставшийся современной науке права в наследство от советской науки[3].

Критикуя буржуазную юридическую науку, П. Е. Недбайло писал, что на определенном этапе ее развития появилась теория, сторонники которой утверждали, что, помимо норм закона, существуют еще и логически выводимые из закона нормы. С этой точки зрения, право представляет собой логически замкнутую систему, в которой содержится все для решения жизненного случая, в том числе прямо не предусмотренного, путем логического развития норм[4]. Поэтому юристам сегодня вывод *a contrario* малознаком. Незнакомы им, видимо, и правила применения правовых норм, которые закреплены в актах законодательства логически, и их можно обнаружить в актах законодательства при толковании с помощью вывода *a contrario*. Похвально, что В. В. Лазарев еще в середине 70-х гг. прошлого века при исследовании проблем, связанных с пробелами в праве, обратился к выводу *a contrario*[5]. Но он не сумел осознать, что с помощью такого вывода можно обнаружить правовые нормы, закрепленные в актах законодательства логически. Тем более он не смог осознать значение слова «лишь», содержавшегося в законодательном положении, из которого он сделал вывод *a contrario* (ст. 47 КЗОТ 1922 г.). Между тем это слово придает рассматриваемому законодательному положению категоричность, а правовой норме,

[1] Там же. С. 256.

[2] *Монастырский Ю. Э.* Институт убытков в гражданском праве России. Профессиональные факторы эффективного применения. М.: Прометей, 2018. С. 22.

[3] *Камышанский В. П., Руденко Е. Ю.* Рецензия на монографию Ротаня В. Г., Сонина О. Е., Чертковой Ю. В. «Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права)». - Симферополь, 2019. - 792 с. // Власть Закона. 2020. № 3(43). С. 159.

[4] *Недбайло П. Е.* Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. С. 448.

[5] *Лазарев В. В.* Указ. соч. С. 93–95.

которая обнаруживается при его толковании с помощью вывода *a contrario*, – способность к конкуренции с другими правовыми нормами при правоприменении. Так что оснований для отрицания значения правовой нормы за суждением, получаемым при помощи вывода *a contrario*, будто бы и нет. Но В. В. Лазарев смотрит глубже и отрицает то обстоятельство, что указанный вывод основан на логике. Он пишет, что «всегда в положительном суждении момент отрицания только подразумевается и логически не оформляется»[1]. Это неправильно, так как оформляется, а не оформляется отрицательное суждение только текстуально. В. В. Лазарев полагает, что вывод *a contrario*, как и аналогия, основан не на формально- логическом заключении из буквально выраженного требования закона, а обращен к смыслу анализируемой нормы[2].

В книге Е. В. Васьковского[3] говорится о том, что «под логическими выводами не следует понимать одни только силлогистические фигуры формальной логики. В настоящее время уже признано, что традиционная теория силлогизма… не исчерпывает основных форм умозаключений»[4]. При этом Е. В. Васьковский дает ссылки на труды специалистов в сфере науки логики. Он также приводит высказывание профессора логики Минто: «Ни одно логическое учение не осуждает подобных выводов (a contrario. – *Л. А.*); логика просто игнорирует их. Такие умозаключения выходят из пределов логики только потому, что они не основаны на законах тождества, противоречия и исключенного третьего, логика же ограничивает свою область этими законами, потому что для теории силлогизма и вспомогательных силлогизму процессов ничего больше не требуется»[5]. При этом Е. В. Васьковский называет четырех специалистов в сфере науки, которые, хотя и вскользь, но все-таки вывод *a contrario* упоминают, то есть признают.

Таким образом, вывод *a contrario* следует восстановить в правах среди формально-логических заключений, а правовые нормы, получаемые с помощью такого вывода, – среди норм гражданского права, попутно признав при этом, что правовые нормы делятся на текстуально закрепленные и логически

[1] *Лазарев В. В.* Указ. соч. С. 93.
[2] Там же. С. 94.
[3] *Васьковский Е. В.* Указ. соч. С. 282.
[4] Там же. С. 282.
[5] Там же. С. 307.

закрепленные в актах гражданского законодательства. Правовые нормы, которые логически закреплены в актах законодательства и обнаруживаются при помощи вывода *a contrario*, – это полноценные правовые нормы. Говорить о них, что они восполняют неполноту правового регулирования, ликвидируют пробелы в положениях актов законодательства или в праве, так же неуместно, как и о текстуально закрепленных правовых нормах. В этой связи отметим неприемлемость утверждения А. В. Германова о том, что молчание законодателя относительно того, что находится за пределами императивного предписания, означает запрет на непредусмотренное[1]. Но, если предписание одновременно обязывает, дозволяет и запрещает[2], то и обязывание, и дозволение, и запрет следует признать способами регулирования общественных отношений, которые (способы) должны быть признаны равноценными.

Однако из этого следует, что обязывание и дозволение закреплены текстуально, в тексте соответствующего предписания выражены непосредственно, то есть очевидными становятся правовые нормы, которые обязывают или дозволяют, а правовых норм, которые запрещают, в тексте предписания нет. Существует лишь молчание, пусть для убедительности и названное квалифицированным молчанием законодателя. А. В. Германов пишет, что из квалифицированного молчания законодателя аконтрарный вывод «вытекает с необходимостью»[3]. Он также считает, что в соответствии с положениями науки логики «всякое утвердительное суждение относительно чего бы то ни было есть скрытое отрицание относительно другого, поэтому всякое утверждение есть в то же время и отрицание»[4]. С этим следует согласиться. Но не лучше ли было бы обратиться к опыту более близкой к юриспруденции философии права, в которой признано, что для интерпретируемых текстов характерна содержательная двойственность, одна система значений является очевидной, а за нею скрывается вторичная система значений[5]. В зарубежной литературе также речь идет о том, что символы (очевидно, в первую очередь тексты. – *Л. А.*) имеют не только прямой,

[1] *Германов А. В.* Указ соч. С. 113.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 125.
[4] *Германов А. В.* Указ. соч. С.116.
[5] *Недбайло П. Е.* Указ. соч. С. 8.

первичный, буквальный смысл, но и косвенный смысл, который может быть понят только через первый[1].

Это понимает В. А. Белов, который пишет, что правовая норма распространяется на определенный круг общественных отношений, а за пределами этого круга «применяется противоположное правило»[2]. Какая прекрасная мысль: существует норма (очевидно, закрепленная текстуально), которая действует в определенной сфере, а за пределами этой сферы действует иная, противоположная правовая норма (правило). Но это добытое автором знание (понимание) вдруг принимает непостижимое содержание в виде «применения нормы по противоположности»[3]. Ученый четко фиксирует наличие правовой нормы и «противоположного правила», то есть правовой нормы, которая действует за пределами действия текстуально закрепленной правовой нормы и которая противоположна по содержанию диспозиции. И вдруг эта правовая норма таинственно исчезает, а на ее месте появляется «применение нормы по противоположности».

Если «применение нормы по противоположности» изложить в интерпретации, пригодной для восприятия, то мы получим формулировку «применение и способность конкурировать при правоприменении правовых норм, которые логически закреплены в положениях актов законодательства и обнаруживаются при помощи вывода *a contrario*», то есть возвращаемся к признанию таких, по выражению В. А. Белова, «правил» правовыми нормами и отвергаем выходящее за пределы логики «применение норм по противоположности». Такие правовые нормы (обнаруживаемые при помощи вывода *a contrario*), возможно, составляют около двух третей юридического содержания, выраженного в текстах актов законодательств, поскольку Е. В. Васьковский указывал, что «одна и та же норма (очевидно правовая норма, закрепленная в акте законодательства текстуально) может нередко служить основанием не для одного, а для двух и даже трех выводов *a contrario*»[4]. Эти правовые нормы надо признать. Условия их

[1] *Малинова И. П.* Философия права (от метафизики к герменевтике). Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1995. С. 44.

[2] *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Канон-Пресс-Ц, 2022. С. 215.

[3] Там же. С. 215.

[4] *Васьковский Е. В.* Указ. соч. С. 316.

способности к конкуренции при правоприменении в науке выработаны[1].

Возвращаясь к идее В. А. Белова о применении правовых норм «по противоположности», не вникая в содержание ст. 183 ГК РФ и воспринимая ее в интерпретации В. А. Белова, отметим следующее. Поскольку ст. 183 ГК РФ в интерпретации В. А. Белова не распространяется на случаи превышения полномочий органом юридического лица, последующее одобрение сделки, совершенное органом юридического лица с превышением полномочий, не допускается. Это – правовая норма, которая логически закреплена в положении абзаца первого п. 1 ст. 183 ГК РФ и которую можно обнаружить при помощи вывода *a contrario*. Она регулирует отношения, возникающие при совершении сделки органом юридического лица с превышением полномочий. Такое урегулирование соответствующих отношений, хотя и осуществлено правовой нормой, логически закрепленной в положении абзаца первого п. 1 ст. 183 ГК РФ, в соответствии с п. 1 ст. 6 ГК РФ должно быть признано прямым, поскольку из п. 1 ст. 6 ГК РФ вытекает, что существует два вида регулирования – прямое и в порядке аналогии закона. Но, если отношения урегулированы, то нет сомнений в том, что основания для применения аналогии закона отсутствуют. Таким образом, следует отказаться от оценки действующего гражданского законодательства как содержащего «колоссальное количество пробелов»[2], поскольку количество пробелов (в понимании автора, которому принадлежит идея колоссального количества пробелов) следует уменьшить за счет урегулирования общественных отношений правовыми нормами, логически закрепленными в положениях актов законодательства и обнаруживаемыми в процессе толкования при помощи вывода *a contrario* в несколько раз, а возможно, во много раз.

Вопрос о том, что применение вывода *a contrario* может исключить необходимость в применении аналогии закона, ставит и А. Г. Карапетов[3]. Но дальше постановки вопроса он по конструктивному пути не пошел. В. А. Белов попытался: «Рискнем

[1] Новейшее учение о толковании права / под ред. В. Г. Ротаня. Симферополь, 2019. С. 325–362.

[2] *Белов В. А.* Гражданское право. Общая часть. Т. 1. Введение в гражданское право. М.: Юрайт, 2011. С. 441.

[3] Там же. С. 447.

выдвинуть и более общее предположение, согласно которому диспозитивные гражданско-правовые нормы должны предполагаться применимыми по аналогии, а императивные по противоположности»[1]. Логика человеческого мышления одинакова и в случае, если человек исследует диспозитивные нормы, и если предметом его рассуждений становятся нормы императивные. Вопрос о применении или неприменении правовых норм, которые логически закреплены в положениях актов законодательства и обнаружены при толковании с помощью вывода *a contrario*, зависит не от диспозитивности или императивности нормы, текстуально закрепленной в соответствующем положении законодательства, из которого сделали вывод *a contrario*, а от других обстоятельств. Полагаем, что прямая (в контексте п. 1 ст. 6 ГК РФ) неурегулированность общественных отношений может быть двух видов: 1) неурегулированность, которая непременно должна быть восполнена в процессе правоприменения; 2) неурегулированность, которая подлежит восполнению правотворческим органом (таковым суд не может быть в соответствии со ст. 10 Конституции РФ). Правоприменитель, хотя бы таковым был суд, не должен заниматься проблемами второго вида неурегулированности. Возможно, А. Г. Карапетов прав, и качество законотворческой работы действительно является удручающим[2]. Но это не должно быть поводом для того, чтобы суды *ad hoc* проверяли каждое положение закона относительно его целесообразности, справедливости и разумности, как и законодатель не должен исправлять ненадлежащее качество правосудия. Проблема восполнения неурегулированности первого вида – это задача судов, которым должна помочь наука. В связи с этим полагаем, что к первому виду неурегулированности (восполняемой судами) относится отсутствие только таких норм (в контексте п. 1 ст. 6 ГК РФ), регулирующих общественные отношения, которые (нормы) предназначены создать условия для реализации норм, которые в отношении указанных вспомогательных норм могут быть названы основными.

Обратим внимание на пример А. Г. Карапетова о применении аналогии закона к отношениям по поводу уступки права акцепта на заключение договора. Пункт 7 ст. 429.2 ГК РФ

[1] *Рикер П.* Указ. соч. С. 217.

[2] *Белов В. А.* Гражданское право. Общая часть. Т. 1. Введение в гражданское право. М.: Юрайт, 2011. С. 450.

допускает такую уступку. Это – основная правовая норма[1]. Но в связи с такой уступкой возникает целый комплекс отношений, которые прямо законами не регулируются и к которым с соблюдением предписаний п. 1 ст. 6 ГК РФ становится возможным применение нескольких норм о цессии.

Приведем другой пример. В соответствии со ст. 606 ГК РФ арендатор получает право (хотя и не во всех случаях) владеть арендованным имуществом. Однако момент возникновения такого права на основании ст. 655 ГК РФ можно определить только применительно к недвижимости. В остальных случаях момент возникновения права владения у арендатора определяют по аналогии в соответствии с нормами, которые установлены ст. 223, 224 ГК РФ. В этом случае основным является отношение, в котором арендатор получает право владеть арендованным имуществом. Это основное отношение предполагает существование вспомогательного правоотношения, в котором должен быть определен момент возникновения у арендатора права владения. Но правовая норма, на основании которой возникло бы такое правоотношение, отсутствует. Поэтому следует признать, что в порядке аналогии закона основание такого правоотношения определяют в соответствии со ст. 223, 224 ГК РФ.

Рассмотрим еще один пример. После перехода на страховой порядок возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья или смертью на производстве, отменены пространные правила возмещения вреда, причиненного в результате несчастных случаев на производстве, которые фактически применялись и к случаям повреждения здоровья или причинения смерти вне связи с несчастными случаями на производстве. Образовавшийся вакуум заполнен лишь частично лаконичными формулировками ч. 2 ГК РФ. В остальной части при наличии основной правовой нормы, признающей право на возмещение вреда, с учетом условий, установленных п. 1 ст. 6 ГК РФ, к обязательствам по возмещению вреда, причиненного повреждением здоровья или смертью кормильца, могут применяться в порядке аналогии закона правовые нормы о социальном страховании. Это признают практика Конституционного Суда РФ и разъяснительная практика Верховного Суда РФ.

[1] Там же. С. 442–443.

Советская система правотолкования не допускала применения по аналогии общих правовых норм о порядке возмещения вреда к отношениям относительно возмещения вреда, причиненного государственными учреждениями в результате действий их должностных лиц, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 446 ГК РСФСР 1964 г. должен быть установлен специальный порядок возмещения вреда. Между тем отсутствие специального порядка возмещения вреда в рассматриваемых случаях не препятствовало применению основной правовой нормы о возмещении вреда (ст. 446 ГК РСФСР 1964 г.), имея в виду, что порядок возмещения вреда мог бы регулироваться с применением аналогии закона. Исследования оснований применения аналогии закона предполагают, что будет учитываться урегулированность общественных отношений и другими правовыми нормами, логически закрепленными в положениях актов законодательства. Среди них – правовые нормы, которые обнаруживаются при толковании при помощи вывода от предыдущего правового явления к последующему и наоборот[1].

Е. В. Васьковский употреблял термин «вывод от условий к следствию и обратно»[2], что не позволяет охватить все соответствующие правовые явления. Становится понятным, что если это – правовые нормы, то они не могут не регулировать соответствующие общественные отношения. Поскольку это так, то они не могут не исключать применение аналогии закона. Практика применения таких выводов в Древнем Риме стала формироваться начиная с I в. н. э. Однако знанием и опытом, добытыми за последующие 2000 лет, юриспруденция похвастаться не может. Хотя Европейский Суд по правам человека вывод от предыдущего правового явления к последующему и наоборот использует активно, теоретическая интерпретация этого инструмента правотолкования не выходит за пределы концепции расширительного толкования[3].

Еще один вид логически закрепленных в положениях актов гражданского законодательства правовых норм обнаруживается

[1] Новейшее учение о толковании права / под ред. В. Г. Ротаня. Симферополь, 2019. С. 228–286.

[2] *Васьковский Е. В.* Указ. соч. С. 302.

[3] Общие положения гражданского права. Постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С. 89; *Туманов В. А.* Европейский Суд по правам человека: очерк организации и деятельности. М.: Норма, 2001. С. 54.

при толковании при помощи вывода степени (*a fortiori*). Этот вывод используют ученые. В судебной практике ссылок на этот вывод обнаружить не удалось. Но в судебной практике не принято ссылаться на использование с целью обнаружения логически закрепленных правовых норм и других выводов (*a contrario*, от предыдущего правового явления к последующему и наоборот). Судьи вместо ссылок на эти выводы ссылаются на «смысл» законодательных положений, в которых логически закреплены рассматриваемые правовые нормы.

А. Ф. Черданцев выразил мысль о том, что ценность вывода *a fortiori* относительна, поскольку зависит от оценок интерпретатора[1]. На наш взгляд, суть вопроса состоит не в сомнительности этого вывода, а в его очень слабой исследованности. А. Ф. Черданцев в каждой из своих научных работ посвятил выводу *a fortiori* не более двух страниц[2]. Даже и Е. В. Васьковский в своей книге выводу *a fortiori* посвятил менее трех страниц[3]. При таких условиях интерпретация положений законодательства с помощью вывода *a fortiori* часто выглядит сомнительной. Так, А. Г. Карапетов пишет, что если право на отказ от договора установлено диспозитивной нормой, что означает право сторон договора своим соглашением исключить такое право, то тем более они «могут ограничить это право или обставить его теми или иными условиями, включая установленные платы за его осуществление»[4].

В частности, А. Г. Карапетов указывает на возможность на основании ст. 717 ГК РФ согласовать в договоре условие о выплатах определенной суммы за односторонний отказ от договора, совершенный в том числе лицом, не осуществляющим предпринимательскую деятельность[5]. По нашему мнению, вывод *a fortiori* позволяет обнаружить явление, находящееся в том же ряду, что и то явление, которое закреплено текстуально, в частности условие возникновения (изменения прекращения) права, которое

[1] *Черданцев А. Ф.* Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. С. 51.

[2] Там же. С. 105–106; *Черданцев А. Ф.* Толкование советского права. М.: Юридическая литература, 1979. С. 50–51; *Черданцев А. Ф.* Толкование права и договора. М.: Юнити-Дана, 2003. С. 151–153.

[3] *Васьковский Е. В.* Указ. соч. С. 290–292.

[4] *Гом`єн Д.* Короткий путівник Європейською конвецією з справ людини. К.: Фенікс, 2006. С. 84.

[5] Там же. С. 84.

(условие) находится в том же ряду, что и текстуально выраженное условие. Так, в одном ряду находятся международные договоры РФ, законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и акты министерств и иных федеральных органов исполнительной власти. Следовательно, положение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ о преимущественном применении международных договоров перед законом содержит в себе не только текстуально закрепленную правовую норму, но и логически закрепленную правовую норму, в соответствии с которой международные договоры тем более должны преимущественно применяться перед указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ и нормативными правовыми актами министерств и других центральных органов исполнительной власти.

Такие факты, как начало работы с опозданием, медленное выполнение работ, делающее невозможным ее своевременное окончание и просрочка выполнения работ, безусловно, могут быть поставлены в один ряд. Поэтому, если начало работы с опозданием, медленное выполнение работ, делающее невозможным ее своевременное окончание (п. 2 ст. 715 ГК РФ), являются основанием и отказа заказчика от исполнения договора подряда, то тем более основанием для этого должно быть признано нарушение срока окончания работы. В соответствии с терминологией, используемой законодателем в п. 1 ст. 6 ГК РФ, урегулирование общественных отношений правовыми нормами, которые логически закреплены в положениях актов законодательства и обнаруживаются при помощи вывода *a fortiori*, является прямым. Оно препятствует регулированию таких отношений в порядке аналогии закона.

Библиографический список

1. *Белов В. А.* «… Выдающийся русский ученый – юрист…» // *Васьковский Е. В.* Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 508 с.

2. *Белов В. А.* Гражданское право. Общая часть. Т. 1. Введение в гражданское право. М.: Юрайт, 2011. 521 с.

3. *Васьковский Е. В.* Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 508 с.

4. *Вильнянский С. И.* Толкование и применение гражданско-правовых норм // Методические материалы Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ). М., 1948. Вып. 2. С. 42–61.

5. *Германов А. В.* Аналогия закона в гражданском процессуальном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2019. 206 с.

6. *Гом` єн Д.* Короткий путівник Європейською конвецією з справ людини. К.: Фенікс, 2006. 140 с.

7. *Камышанский В. П., Руденко Е. Ю.* Рецензия на монографию Ротаня В. Г., Сонина О. Е., Чертковой Ю. В. «Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права)». – Симферополь, 2019. – 792 с. // Власть Закона. 2020. № 3(43). С. 158– 168.

8. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. М.: Алеф-Пресс, 2015. 545 с.

9. *Лазарев В. В.* Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юридическая литература, 1974. 184 с.

10. *Малинова И. П.* Философия права (от метафизики к герменевтике). Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1995. 125 с.

11. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право. М.: Статут, 2000. 831 с.

12. *Монастырский Ю. Э.* Институт убытков в гражданском праве России. Профессиональные факторы эффективного применения. М.: Прометей, 2018. 182 с.

13. *Недбайло П. Е.* Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. 512 с.

14. Новейшее учение о толковании права / под ред. В. Г. Ротаня. Симферополь, 2019. 792 с.

15. Общие положения гражданского права. Постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1469 с.

16. *Перетерский И. С.* Толкование международных договоров. М.: Госюриздат, 1959. 172 с.

17. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Канон-Пресс-Ц, 2022. 372 с.

18. *Савиньи Ф. К. ф.* Книга первая. Источники современного римского права // Система современного римского права. Т. I. М.: Статут, 2011. С. 274–455.

19. *Туманов В. А.* Европейский Суд по правам человека: очерк организации и деятельности. М.: Норма, 2001. 295 с.

20. *Черданцев А. Ф.* Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. 200 с.

21. *Черданцев А. Ф.* Толкование права и договора. М.: Юнити-Дана, 2003. 381 с.

22. *Черданцев А. Ф.* Толкование советского права. М.: Юридическая литература, 1979. 168 с.

УДК 34.01
ББК 67.0

П. В. Дмитровский
аспирант кафедры
гражданского права и общеправовых дисциплин
Среднерусского института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Россия, г. Орел
dmitrovskiy@mail.ru

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: СООТНОШЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

THE APPROACHES TO DEFINING THE INFORMATION SOCIETY: RELATIONSHIPS OF CIVIL AND INFORMATION SOCIETY

Объектом исследования в настоящей статье выступает общество, предмет изучения – информационное общество. Цель – выявить ключевые признаки информационного общества, сформулировать пределы, направления исследования социальных информационных явлений. Автор использует эмпирический метод сравнения, методы генезиса, анализа. Кроме того, проанализированы популярные концепции зарубежных и отечественных ученых, выявлены общие и различные признаки постиндустриального и информационного общества, определены этапы развития общества. Раскрыты правовые признаки информационного общества, а также в соотношении показаны информационное и гражданское общество. Сделан вывод о том, что гражданское и информационное общество – это близкие по значению понятия, для которых общими являются следующие признаки: равенство прав, свобода слова, верховенство закона. Информационное общество представляет собой существующее состояние гражданского общества, активно использующего информацию и информационно-коммуникационные технологии. Сформулированы дефиниции и предложения относительно дальнейших направлений исследования правовых проблем информационного общества.

Ключевые слова: общество, постиндустриальное общество, информационное общество, информация, информационно-коммуникационные технологии, гражданское общество, социальная структура общества, технологическая революция.

The object of research in this article is society, the subject of study is information society. The aim is to identify the key features of the information

society, to formulate the limits and directions of the study of social information phenomena. The author uses the empirical method of comparison, methods of genesis, analysis. In addition, popular concepts of foreign and domestic scientists are analysed, common and different signs of post-industrial and information society are revealed, stages of society development are defined. The legal signs of the information society are revealed, and the information and civil society are shown in correlation. It is concluded that civil society and information society are concepts close in meaning, for which the following features are common: equality of rights, freedom of speech, rule of law. Information society is the existing state of civil society that actively uses information and information and communication technologies. The definitions and proposals for further directions of research of legal problems of the information society are formulated.

Keywords: society, post-industrial society, information society, information, information and communication technologies, civil society, social structure of society, technological revolution.

Информация для современного человека служит неотъемлемой составляющей жизни. Информация и информационные термины требуют углубленного исследования. Понимание информационного общества, его признаков является предпосылкой осмысления современной действительности.

Формированию концепции информационного общества предшествовало теоретическое осмысление постиндустриального. К зарубежным теоретикам постиндустриального общества можно отнести Д. Белла, Э. Тоффлера, З. Бжезинского и др. Информационному обществу посвящены исследования зарубежных и отечественных ученых, в частности Ф. Махлупа, И. Масуды, А. И. Ракитова, В. Л. Иноземцева, И. А. Негодаева, Ю. А. Несневича.

Д. Белл стал одним из первых теоретиков концепции постиндустриального общества. Впервые он упоминает о «постиндустриальном обществе» в 1959 г., впоследствии применяет термин «информационное общество». Д. Белл сформулировал основные признаки постиндустриального общества: услуги преобладают над производством, повышается квалификация работников, придают особую роль технологиям. Понятие «постиндустриальное общество», по словам Д. Белла, «указывает на центральную роль теоретического знания как некой оси, вокруг которой располагаются новые технологии,

экономический рост и социальная структура общества»[1]. Ведущая роль теоретического знания предполагает, что наука становится главной ценностью общества; собственник знания приобретает роль производственного класса; интеллектуальный труд служит залогом успеха и привилегированного положения в обществе; происходит переориентирование экономики, производство уступает место оказанию услуг.

Э. Тоффлер характеризует постиндустриальное общество совокупностью признаков: знания постепенно вытесняют производственные факторы (землю, труд, сырье и капитал); знания совместно с новыми информационными технологиями становятся предпосылками прогресса; сфера услуг преобладает над индустрией. Знание, согласно концепции Э. Тоффлера, приобретает значение главной производительной силы общества. Он пишет, что «знание также служит для преумножения богатства и силы. Оно может использоваться для роста имеющихся в распоряжении сил и богатства или, наоборот, снизить их, если это необходимо для достижения данной цели»[2]. Поскольку знанием могут обладать и непривилегированные слои общества, то оно приобретает значение демократического источника власти.

З. Бжезинский, американский политолог, продолжает развивать идеи Д. Белла. К 1970 гг. он сформулировал авторскую концепцию постиндустриального общества, которое названо им «технотронным», поскольку именно такое название отражает влияние техники и электроники на общество в различных аспектах[3]. Бжезинский выявляет главные признаки нового общества: техническое и научное знание предопределяет рост производства и влияет на социальное и культурное развитие; кибернетическая техника заменяет труд людей; ценностные ориентиры общества смещаются с материального благосостояния на духовное развитие; доступность большого объема информации и увеличение коммуникационных средств и возможностей предполагает повышение взаимодействия между субъектами общества и группами. Исследователь полагает, что новое общество будет глобальным и единым.

[1] *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 128.

[2] *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2003. С. 41.

[3] *Бжезинский З.* Между двумя веками: роль Америки в эру технотроники. М.: Прогресс, 1972. С. 20.

Технологический прогресс, влияние информационной деятельности на экономическую сферу, рост значения теоретических знаний, то есть основные признаки постиндустриального общества, стали рассматриваться как базовые признаки информационного общества. Информационное общество – новая стадия развития постиндустриального. Зарождение новой формы общества вызвано ростом объема информации и развитием информационно-коммуникационных технологий. В 60-х гг. в США и Японии сформулировано понятие «информационное общество», которое в дальнейшем вытеснило понятие «постиндустриальное общество».

Ф. Махлуп, известный австрийский и американский экономист, был первым, кто использовал термин «информационное общество» в своем научном труде «Производство и распространение знаний в США» (1962). По мнению Махлупа, информация и знания играют ведущую роль в ускоренном социально-экономическом развитии общества.

Японский ученый И. Масуда разработал концепцию информационного общества, которая представлена в работе «Информационное общество как постиндустриальное общество» (1983). И. Масуда считает, что именно развивающиеся компьютерные технологии предопределяют сущность информационного общества: с одной стороны, они заместят, с другой – будут способствовать развитию умственного труда человека. Ведущей отраслью экономики станет интеллектуальное производство, результат деятельности которого будет обрабатываться с помощью новых телекоммуникационных технологий. Ученый полагает, что в новом обществе не будет социального разделения. Он утверждает: «Это будет общество согласия, с небольшим правительством и государственным аппаратом»[1]. Равенство возможностей всех граждан предполагает «демократию участия» с использованием информационно-коммуникационных технологий, правление будут осуществлять граждане.

Отечественный крупный философ и исследователь А. И. Ракитов обращал внимание на «…особое значение знаний, прежде всего научных, как высшей и наиболее ценной формы всей гигантской массы информации, циркулирующей в современном

[1] *Масуда Е.* Компьютопия. М.: Идея-Пресс, 1998. С. 58.

обществе»[1]. Кроме знания, он выделяет информационную технологию как важнейший признак информационного общества.

И. А. Негодаев, оценивая информационное общество, утверждает, что «социально-экономическое развитие зависит от производства, переработки, хранения и распространения информации среди членов общества»[2]. Он акцентирует внимание на росте объема информации, увеличении ее значения, приобретении информацией свойства товара. Более половины населения занято в сфере информационных услуг. К признакам информационного общества ученый относит четко выраженную демократию, существенное значение частных интересов, интеллектуальное влияние, свободу слова, равный доступ к информации, глобализацию.

Ю. А. Нисневич считает, что «общество, в котором экономическое развитие, социальные изменения, качество и образ жизни зависят от научного знания и способа эксплуатации информации, является информационным»[3]. Критериями информационного общества служат развитие информационных технологий, свободный доступ к информации, растущее участие граждан в политических процессах, приобретение информацией статуса культурной ценности и экономического ресурса.

По мнению ученых, единой парадигмы информационного общества не выработано. Анализ теоретических подходов к определению информационного общества в отечественной и зарубежной доктрине позволяет выделить некоторые общие характерные признаки.

С позиции экономики главным товаром в информационном обществе выступает информация, сфера услуг доминирует над сферой производства, широко развиты информационно-коммуникационные технологии. С социальной точки зрения общество приобретает черты глобализма, расслоение общества уменьшается, занятость связана с получением, обработкой и распространением информации. С политической точки зрения такое общество служит примером чистой демократии, так как, благодаря высокому развитию информационно-

[1] *Ракитов А. И.* Философия компьютерной революции. М.: Политиздат, 1991. С. 29.

[2] *Негодаев И. А.* На путях к информационному обществу. Ростов н/Д.: ДГТУ, 1999. С. 51.

[3] *Нисневич Ю. А.* Информация и власть. М.: Мысль, 2000. С. 27.

коммуникационных технологий, мнение граждан может быть учтено при принятии решений руководством государственного аппарата мгновенно, исключая движение по иерархической лестнице. Государственный аппарат упрощен, поскольку для общества характерно согласие. Приобретает большое значение гражданское общество.

Вопрос о становлении информационного общества также становится предметом исследования многих ученых. Д. Белл выделяет три этапа развития общества: доиндустриальное, индустриальное, постиндустриальное. Э. Тоффлер использует терминологию «трех волн», считает, что информационная революция завершает цикл технологических революций, ей предшествует аграрная и индустриальная революции. А. И. Ракитов пишет, что информационные революции носят постоянный характер и предопределяют все последующие социальные и технологические революции. Всего, согласно его концепции, можно выделить пять информационных революций. Первая революция связана с навыками человеческого языкового общения, что подтолкнуло к объединению в племена и союзы. Вторая информационная революция характеризуется изобретением письменности, что позволило распространять знания и передавать их следующим поколениям. Третьей информационной революцией можно признать книгопечатание, позволившее сделать знания доступными. Четвертая революция характеризуется развитием таких информационных технологий, как телеграф, телефон, радио и телевидение. Пятая информационная революция связана с созданием компьютеров, которые способствовали развитию сферы телекоммуникации.

Н. А. Некрасова и С. И. Некрасов считают, что можно выделить основные этапы развития информационного общества в России. Первый этап – конец 50-х гг. XX в. – время, в которое в нашей стране происходит зарождение информационного общества. Данный этап характеризуется появлением спутника как нового средства распространения информации. На втором этапе, начавшемся с середины 80-х гг., происходит расширение информационно-коммуникативных средств связи, которые обеспечили возможность широкому кругу лиц создавать, хранить и распространять информацию. Третий этап – начало XXI в. – ознаменован качественным скачком в аспекте увеличения доступного объема, скорости обработки, количества источников

информации. Взаимодействие членов общества активно приобретает сетевой характер[1].

Информационное общество представляет собой последующую форму развития постиндустриального. Информационное общество отличается от постиндустриального тем, что к существенным признакам последнего дополнен фактор активного использования информации и высокого развития информационно-коммуникационных технологий, которые внедряются во все возможные сферы деятельности и в использование которых активно вовлечены члены общества.

Поскольку критерием перехода к информационному обществу служит уровень развития информационно-коммуникационных технологий, то именно этот показатель может быть рассмотрен как маркер определения момента начала формирования нового общества. Ряд исследователей считают, что эра информационного общества наступила с конца 50-х гг. XX в. и продолжает развитие. Другие исследователи привязывают датировку развития информационного общества к признаку постиндустриального общества, оценивая долю сферы услуг в экономике страны. В итоге мнения о том, что информационное общество на текущем этапе существует, совпадают. Данное обстоятельство подтверждается содержанием Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., в которой закреплены текущие признаки информационного общества в нашей стране.

Российский исследователь Б. А. Шагинов, обобщив концепции отечественных ученых, выявил признаки, раскрывающие правовую сущность информационного общества. К ним отнесены:

– обеспечение свободы информации;

– права на доступ и распространение информации;

– специальный объект отношений – информация, которая обладает признаками достоверности, доступности, легитимности;

– верховенство права, система гарантий реализации права на доступ и распространение информации;

– равенство прав;

– свобода слова;

[1] *Некрасова Н. А., Некрасов С. И.* Проблемы становления информационного общества в России // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 1 (33). С. 152.

– информационная безопасность[1].

Справедливо дополнить, что правовые признаки информационного общества, выделенные Б. А. Шагиновым, в большой степени характерны для гражданского общества.

Вопрос о соотношении гражданского и информационного общества рассмотрен в работах И. Л. Бачило. В статье «Развитие информационной среды гражданского общества» он акцентирует внимает на том, что в гуманитарных науках интерес к гражданскому обществу возникает в 1980–1990-е гг., период формирования информационного общества, когда проблемы свободы мнений и собраний, доступа к информации, информационного обмена становятся актуальными. Бачило указывает, что оценка информационного общества с позиции создания, обработки и распространения информации является недостаточной. Новые технологии влияют на информационную среду и коренным образом ее изменяют.

С точки зрения И. Л. Бачило, «информационное общество – это такое общество, в котором реализуются функции информирования – доступность необходимой информации для всех пользователей, хранения и распространения знаний, а также их использования в целях поступательного, прогрессивного развития общества. Информационное общество может стать таковым только при условии, если является гражданским, социальным, демократическим, правовым. Современное гражданское общество не может не быть информационным, социальным, демократическим и правовым»[2].

Ю. Г. Просвирнин пишет о том, что «информационное общество – это форма гражданского общества, признак его зрелости, инструмент для цивилизованного воздействия на власть путем прямой связи с государственными структурами, непосредственного ознакомления членов общества с разрабатываемыми законопроектами и внесения в них поправок, формирования общественного мнения и т. п.»[3]. Б. А. Шагинов считает, что «информационное общество – гражданское общество

[1] *Шагинов Б. А.* Подходы к определению информационного общества в отечественной доктрине, правовая сущность информационного общества // Право и государство: теория и практика. 2020. № 9 (189). С. 105.

[2] *Бачило И. Л.* Развитие информационной среды гражданского общества // Труды Института государства и права РАН. 2011. № 6. С. 11–12.

[3] *Просвирнин Ю. Г.* Теоретико-правовые аспекты информатизации в современном российском государстве: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 66.

в демократическом и правовом государстве, где законодательно регламентированы и реально обеспечены равные права на доступ и распространение достоверной и легитимной информации в условиях свободы слова»[1].

Таким образом, гражданское и информационное общество – это близкие по значению понятия, для которых общими являются следующие признаки: равенство прав, свобода слова, верховенство закона. Но, поскольку гражданское и информационное общество – это самостоятельные теоретические категории, было бы нецелесообразным отождествлять их полностью. В связи с этим более объективным представляется утверждение о том, что информационное общество характеризуется как одно из состояний гражданского общества на определенном этапе его развития.

В течение предшествующих 50–60 лет складывалась концепция информационного общества, происходило осмысление изменяющейся под влиянием информатизации реальности. Установлено, что информация, сфера услуг и информационные технологии доминируют над производством; информационная сфера способствует глобализации, снижению расслоения в обществе. Информационное общество проявляет правовую сущность, выступает в качестве наиболее развитого состояния гражданского общества, для которого характерны свобода информации, равенство прав на доступ и распространение информации, гарантии их реализации; свобода слова; информационная безопасность в виде оборота достоверной, доступной, легитимной информации.

С учетом изложенного информационное общество можно определить как существующее состояние гражданского общества, активно использующего информацию и информационно-коммуникационные технологии. Выявленные признаки и качества информационного общества позволяют не только сформировать представление о данном явлении, но и найти ему место в системе терминологии гуманитарных наук. Поскольку информация служит определяющим признаком информационного общества, свойства информации могут объяснять общественные явления. В связи с этим углубленное исследование информации предоставит возможность выявить новые закономерности и сформулировать перспективы развития информационного общества.

[1] *Шагинов Б. А.* Указ. соч. С. 107.

Библиографический список

1. *Бачило И. Л.* Развитие информационной среды гражданского общества // Труды Института государства и права РАН. 2011. № 6. С. 7–31.

2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 956 с.

3. *Бжезинский З.* Между двумя веками: роль Америки в эру технотроники. М.: Прогресс, 1972. 307 с.

4. *Масуда Е.* Компьютопия. М.: Идея-Пресс, 1998. 230 с.

5. *Негодаев И. А.* На путях к информационному обществу. Ростов н/Д.: ДГТУ, 1999. 247 с.

6. *Некрасова Н. А., Некрасов С. И.* Проблемы становления информационного общества в России // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 1 (33). С. 152–158.

7. *Нисневич Ю. А.* Информация и власть. М.: Мысль, 2000. 175 с.

8. *Просвирнин Ю. Г.* Теоретико-правовые аспекты информатизации в современном российском государстве: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2002. 357 с.

9. *Ракитов А. И.* Философия компьютерной революции. М.: Политиздат, 1991. 287 с.

10. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2003. 669 с.

11. *Шагинов Б. А.* Подходы к определению информационного общества в отечественной доктрине, правовая сущность информационного общества // Право и государство: теория и практика. 2020. № 9 (189). С. 105–107.

УДК 347
ББК 67.404

Е. Г. Кандрина
аспирант кафедры
гражданского права
Российского государственного
университета правосудия
Россия, г. Москва
keg1707@rambler.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ ПРИ ИСКЛЮЧЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ИЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЕСТРА

THE LEGAL NATURE OF SUBSIDIARY LIABILITY OF PERSONS CONTROLLING A DEBTOR IN CASE OF EXCLUSION OF A LEGAL ENTITY FROM THE STATE REGISTER

В статье рассмотрены актуальные аспекты привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при исключении юридического лица из государственного реестра. Утверждается, что субсидиарная ответственность представляет собой институт гражданского права, регулирующий вопросы ответственности субсидиарного должника за действия основного должника. Автор раскрывает проблему соотношения общей гражданско-правовой ответственности и субсидиарной ответственности. На основании анализа конститутивных признаков ответственности в гражданском праве сделан вывод о невозможности сведения правовой природы субсидиарной ответственности к разновидности общей гражданско-правовой ответственности. Указано, что субсидиарная ответственность направлена на защиту интересов кредиторов в рамках банкротного производства, однако установление (предвидение) вреда или его размера затруднительно при применении норм данного правового института. Правовые новеллы банкротного законодательства подчеркивают преимущественное положение заявителей по отношению к тем, кого привлекают к ответственности. Установленные презумпции практически не оставляют контролирующим должника лицам шансов доказать отсутствие вины ввиду того, что предпринимательская деятельность сама по себе зиждется на риске. Возможность безграничного расширительного толкования усугубляет положение дел, что является неприемлемым.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, должник, кредитор, ущерб, уставной капитал, юридическое лицо, банкротство, контролирующее лицо.

The article considers actual aspects of bringing to subsidiary liability of persons controlling a debtor in case of exclusion of a legal entity from the state register. It is argued that subsidiary liability is an institute of civil law regulating the issues of subsidiary debtor's liability for the actions of the main debtor. The author reveals the problem of correlation of general civil liability and subsidiary liability. On the basis of the analysis of the constitutional features of liability in civil law the conclusion is made that it is impossible to reduce the legal nature of subsidiary liability to a type of general civil liability. It is indicated that subsidiary liability is aimed at protecting the interests of creditors in bankruptcy proceedings, but it is difficult to establish (anticipate) the damage or its amount when applying the norms of this legal institute. The legal novelties of bankruptcy legislation emphasise the privileged position of claimants in relation to those who are held liable. The established presumptions practically leave no chance for the persons controlling the debtor to prove the absence of guilt due to the fact that entrepreneurial activity itself is based on risk. The possibility of limitless expansive interpretation exacerbates the situation, which is unacceptable.

Keywords: subsidiary liability, debtor, creditor, damages, authorised capital, legal entity, bankruptcy, controlling person.

Исключение из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) является удостоверением факта прекращения личности юридического лица. Проблема привлечения к ответственности контролирующих должника лиц при исключении юридического лица из ЕГРЮЛ порождает необходимость обращения к вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности. Субсидиарная ответственность – это вспомогательный инструмент защиты интересов кредиторов, предоставляющий сторонам дополнительные правовые гарантии[1]. Кредитор *a priori* нуждается в защите прав и интересов, установлении юридических отношений определенного рода. Понятие и общие положения субсидиарной ответственности определены в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ). Развитие общественных отношений в сфере банкротства существенно отразилось на преобразовании института субсидиарной ответственности, что в первую очередь свидетельствует о возрастающем внимании к обеспечению защиты прав всех участников гражданских отношений.

[1] Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. С. 315.

Субсидиарная ответственность наступает независимо от виновности лица, поскольку нет взаимосвязи между виновными действиями и наступлением ответственности. В литературе обращено внимание на то, что первые зачатки современного института субсидиарной ответственности появились в Древнем Риме, во время существования института римского поручения. В период римского поручения поручителем выступал не основной должник по обязательству, что позволяло экономически стабилизировать оборот и защитить кредитора. В римском праве норма о возможности дополнительной ответственности возникла не сразу. Институт субсидиарной ответственности прошел через право субсидиарного должника требовать от первоначального должника исполнения требования. В дальнейшем, если имущества первоначального должника недостаточно, субсидиарный должник привлекался к ответственности.

В литературе также предлагаются авторские позиции о правовой природе субсидиарной ответственности. Н. И. Матузов связывает возникновение субсидиарной ответственности с наделением субъекта правовым статусом[1]. Другие авторы обращают внимание на отличие субсидиарной ответственности в контексте законодательства о банкротстве[2], поскольку в данном случае должник несет ответственность перед должником, а полученное имущество и денежные средства поступают в общую конкурсную массу.

В ст. 61.20 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве) указано, что контролирующие должника лица могут быть привлечены как к субсидиарной, так и к деликтной ответственности в виде убытков. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 (далее – Постановление № 53) также говорится о том, что в основе выбора инструмента ответственности должна находиться оценка меры негативного воздействия, которое оказывают на должника со стороны контролирующего лица. В зависимости от субъектного состава субсидиарная ответственность подразделяется на

[1] *Матузов Н. И.* Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. С. 214.

[2] *Егоров А. В., Усачева К. А.* Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2013. № 12. С. 43.

ответственность, обусловленную виной должника, и ответственность, наступающую без вины.

Познание правовой природы определенного юридического феномена подразумевает необходимость уяснения его сущности, то есть основной идеи, определяющей положение данного феномена в ряду иных элементов правовой системы государства[1]. Функциональное предназначение данного института предполагает решение нескольких задач, в частности превенцию злоупотреблений в области коммерческой (предпринимательской) деятельности, а также минимизацию возможности использования банкротных процедур для уклонения от исполнения обязательств должника. Юридическая сущность субсидиарной ответственности предполагает формирование механизма, обеспечивающего надлежащий баланс интересов должника и кредитора, а также иных лиц, вовлеченных в банкротное производство. Посредством применения данного инструмента осуществляется соблюдение принципа справедливости при удовлетворении обоснованных требований кредиторов[2].

Вопрос о юридической сущности субсидиарной ответственности тесно связан с проблемой ее соотношения с общей гражданско-правовой ответственностью, которая не разрешена удовлетворительно в доктрине[3]. Правовая природа рассматриваемого института позволяет квалифицировать субсидиарную ответственность в качестве частного случая цивилистической (деликтной) ответственности[4]. Однако контраргументативная стратегия противников такого подхода построена на основании анализа признаков субсидиарной ответственности, которые отличают ее от общей цивилистической ответственности. Типичным примером в данном контексте служит указание на отсутствие конститутивных признаков противоправности в основаниях привлечения лица к субсидиарной ответственности. Прежде всего это относится к

[1] *Толстой Ю. К.* Принципы гражданского права // Правоведение. 1992. № 2. С. 51.

[2] *Коршунова Ю. Н., Андреева Н. Д., Эриашвили Н. Д.* Актуальные проблемы гражданского права. М.: Юнити-Дана, 2020. С. 414.

[3] *Рыков И. Ю.* Субсидиарная ответственность в Российской Федерации. М.: Статут, 2019. С. 78.

[4] *Лотфуллин Р. К.* Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве. М.: SB&P, 2021. С. 35.

наличию вреда как важнейшего элемента гражданско-правовой ответственности[1].

Направленность рассматриваемого института на обеспечение интересов кредиторов должна предполагать, что вредом в рассматриваемом контексте является сокращение возможности удовлетворения их имущественных притязаний ввиду неспособности должника в полной мере удовлетворить кредиторские требования[2]. Поскольку в доктрине презюмируется, что вред и его размер должны быть предвидимы, то применение данной категории к институту субсидиарной ответственности затруднительно. Поскольку до момента вступления кредиторов в банкротное производство невозможно определить размер вреда, то и квалификация данного признака оказывается невозможной. Видимо, подобная ситуация позволяет идентифицировать самостоятельную (обособленную) природу субсидиарной ответственности, отличающуюся от общей гражданско-правовой ответственности.

Субсидиарная ответственность представляет собой правовую связь между кредитором, основным должником и субсидиарным должником[3]. Однако субсидиарная ответственность не является подвидом юридической ответственности в традиционном понимании. Сторона, на которую возложена ответственность, вступает в данные правоотношения не по своей воле и не совершает фактических действий для ее наступления. Статус контролирующих должника лиц у члена совета директоров не презюмируется. К субсидиарной ответственности могут быть привлечены третьи лица, которые приобрели имущество, выбывшее по воле руководителя из владения должника в ущерб интересам последнего. К таким сделкам относятся сделки, заключенные на нерыночных условиях, сделки с компаниями-однодневками и т. д. Опровержение указанной презумпции становится возможным путем доказывания добросовестности поведения третьего лица.

---

[1] *Покровский С. С.* Субсидиарная ответственность: проблемы правового регулирования и правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 7. С. 113.

[2] *Беспалов Ю. Ф., Беспалов А. Ю., Касаткина А. Ю.* Субсидиарная ответственность по гражданскому и семейному законодательству РФ: монография. М.: Проспект, 2021. С. 74.

[3] Гражданское право. Часть первая: учебник / под ред. А. Г. Калпина, А. И. Масляева. М.: Юрист, 1997. С. 460–461.

Конститутивным признаком контролирующего лица служит возможность давать императивные указания должнику или иным образом контролировать его действия (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве). В свою очередь, номиналы не в состоянии ввиду своего положения вести фактический контроль за деятельностью должника, а следовательно, можно предположить, что и субсидиарная ответственность не должна на них распространяться. Однако в п. 6 Постановления № 53 Верховный Суд РФ указывает, что «номиналы» приравнены к контролирующим должника лицам, хотя они могут снизить размер ответственности либо в отдельных случаях избежать ее, заключив «сделку с судом». При таких обстоятельствах создается удивительный прецедент, который не соответствует основам гражданского оборота.

Вместе с тем отсутствие статуса контролирующих должника лиц не освобождает главного бухгалтера от ответственности. Даже при отсутствии соответствующего статуса он при определенных обстоятельствах будет нести уже солидарную ответственность. Зачастую непередача, потеря либо искажение бухгалтерской документации являются признаком непрофессионализма бухгалтера, а не злонамеренного умысла последнего. Поэтому привлечение бухгалтера к ответственности должно осуществляться в рамках трудового или административного законодательства, с применением института убытков. В процессе хозяйственной деятельности юридическое лицо совершает множество сделок (операций). В связи с этим по общему правилу единственной предпосылкой к банкротству не признают последнюю сделку (операцию) контролирующих должника лиц, в результате которой должник стал отвечать признакам объективного банкротства. Таким образом, суду необходимо провести анализ всех сделок (операций), которые могли повлиять на возникновение кризисной ситуации. Поскольку одним из важнейших начал судопроизводства является принцип состязательности, для возложения на контролирующих должника лиц ответственности заявителю следует доказать совокупность определенных обстоятельств, а контролирующим должника лицам – их опровергнуть.

Очевидно, что для начала необходимо установить лицо, являющееся контролирующим должника лицом. Для этого заявитель может представлять как прямые, так и косвенные доказательства. Например, в ситуации, если необходимо

установить статус контролирующего должника лица у лица, не являющегося формальным руководителем или владельцем долей и акций должника, заявитель может прибегнуть к свидетельским показаниям либо к сообщениям в СМИ. Затем следует доказать, что причиной банкротства стали неправомерные действия (бездействия) контролирующих должника лиц, без которых бы объективное банкротство не наступило. Устанавливая наличие причинно-следственной связи, суд оценивает фактическую возможность контролирующих должника лиц влиять на принятие таких действий (бездействия).

Неправомерные действия (бездействие) могут проявляться по-разному. По своей сути такие действия (бездействие) – деловые решения, принятые с нарушением принципов добросовестности и разумности. Например, к таким действиям (бездействию) будут отнесены сделки, заключенные на нерыночных условиях, а также согласование убыточных операций и т. п.

Недоказанность одного из элементов влечет отказ в удовлетворении заявления о привлечении к субсидиарной ответственности. С учетом данных обстоятельств задача контролирующих должника лиц заключается в предоставлении таких доказательств, которые бы свидетельствовали об отсутствии вины и подтверждали, что банкротство спровоцировано внешними факторами, а действия контролирующего должника лица не выходили за пределы обычного делового риска. Это нарушает сложившийся режим хозяйствования, вводит в заблуждение контрагентов относительно финансового положения должника. Тем самым на стороне новых кредиторов возникают убытки, которых они могли бы избежать, если бы данное лицо действовало добросовестно.

Сегодня институт субсидиарной ответственности по делам о несостоятельности (банкротстве) стал «спасательным кругом» для кредиторов. Вместе с тем новеллы, дополненные в Закон о банкротстве в 2017 г., имеют карательный оттенок, что подтверждается наличием большого количества презумпций, которые практически не оставляют контролирующим должника лиц шансов избежать ответственности. Таким образом, сегодня институт субсидиарной ответственности не лишен изъянов и проблем. Стоит отметить, что участие номинальных юридических лиц в экономических отношениях подрывает основы гражданского оборота, созданного в том числе на принципах добросовестности, автономии воли и имущественной

самостоятельности их участников. Такое участие способствует возникновению ситуаций, при которых нарушаются права и законные интересы кредиторов, поскольку затруднено взыскание задолженности в действительности. Следовательно, существующий механизм, позволяющий судам освобождать номинальных учредителей и руководителей от субсидиарной ответственности, должен быть упразднен.

Библиографический список

1. *Беспалов Ю. Ф., Беспалов А. Ю., Касаткина А. Ю.* Субсидиарная ответственность по гражданскому и семейному законодательству РФ: монография. М.: Проспект, 2021. 128 с.

2. Гражданское право. Часть первая: учебник / под ред. А. Г. Калпина, А. И. Масляева. М.: Юрист, 1997. 536 с.

3. *Егоров А. В., Усачева К. А.* Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2013. № 12. С. 6–61.

4. *Коршунова Ю. Н., Андреева Н. Д., Эриашвили Н. Д.* Актуальные проблемы гражданского права. М.: Юнити-Дана, 2020. 432 с.

5. *Лотфуллин Р. К.* Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве. М.: SB&P, 2021. 556 с.

6. *Матузов Н. И.* Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 293 с.

7. *Покровский С. С.* Субсидиарная ответственность: проблемы правового регулирования и правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 7. С. 98–129.

8. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. 958 с.

9. *Рыков И. Ю.* Субсидиарная ответственность в Российской Федерации. М.: Статут, 2019. 192 с.

10. *Толстой Ю. К.* Принципы гражданского права // Правоведение. 1992. № 2. С. 49–53.

УДК 93/94
ББК 67.3

С. С. Кондратьев
адъюнкт
Академии управления
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
Россия, г. Москва
Skvoskresensk@mail.ru

ОБЯЗАННОСТИ ГУБЕРНАТОРОВ ПО ОХРАНЕНИЮ НАРОДНОГО ЗДРАВИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ

THE DUTIES OF GOVERNORS FOR THE PROTECTION OF PUBLIC HEALTH IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XIX CENTURY

В статье исследованы нормативные акты, определяющие круг обязанностей губернаторов в сфере здравоохранения и обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности населения в Российской империи XIX в. Утверждается, что в исследуемый период роль губернаторов была значительна, их ведению подлежал чрезвычайно широкий круг вопросов, в том числе вопрос охранения народного здравия. Автором предпринята попытка обобщить и систематизировать круг обязанностей, которые в указанный период возлагали на губернаторов в данной сфере. Сделан вывод о том, что при существовавшем в указанный период распределении обязанностей ни губернатор, ни члены губернского правления фактически не могли выполнять возложенного на них. При этом губернаторы оставались важнейшим звеном в системе охраны народного здравия, от действий которых зависели жизнь и здоровье людей во вверенных им губерниях.

Ключевые слова: губернатор, обязанности, наказ, народное здравие, эпидемия, Российская империя, XIX век, губерния, комитеты, оспопрививание, отчет, Министерство внутренних дел.

The article examines the normative acts defining the range of duties of governors in the field of public health and sanitary and epidemiological safety of the population in the Russian Empire in the XIX century. It is argued that in the period under study the role of governors was significant, they were subject to an extremely wide range of issues, including the protection of public health. The author made an attempt to summarise and systematise the range of duties that were imposed on governors in this area during the period in question. It is concluded that under the distribution of duties that existed in

this period, neither the governor nor the members of the provincial board could actually fulfil the duties assigned to them. At the same time, governors remained the most important link in the system of public health protection, on whose actions depended the life and health of people in the provinces entrusted to them.

Keywords: governor, duties, decree, public health, epidemic, Russian Empire, 19th century, province, committees, smallpox vaccination, report, Ministry of Internal Affairs.

В любом развитом государстве вопрос эффективности управления в его субъектах неминуемо становится вопросом эффективности государственного управления в целом. От того, насколько правильные и компетентные меры принимают уполномоченные лица на местах, зависит качество в целом внутренней государственной политики в той или иной сфере регулирования. В полной мере это утверждение относится и к вопросу медицинского обеспечения населения. Актуальность этого утверждения для России стала очевидной в период пандемии коронавирусной инфекции *COVID*-19, когда с особой остротой возникали вопросы о роли властных структур всех уровней в сфере принятия административных мер, направленных на защиту здоровья граждан.

Вместе с тем указанная проблематика недостаточно разработана в отечественной историко-юридической науке, что обусловливает научно-теоретическую значимость исследований в данной области. Высшей административно-территориальной единицей в Российской империи XIX в. была губерния, во главе которой стоял губернатор. Губернаторам принадлежали большая власть и влияние. Они действовали как лично, так и с помощью различных органов. Обязанности их были крайне сложны и дробны[1].

Институт губернатора в Российской империи выступал важнейшим звеном в целом системы управления. Губернатор до революции 1917 г. оставался ключевой фигурой в системе местного административного аппарата в имперской России[2]. Организация эффективного управления губерниями – один из

[1] *Блинов И. А.* Губернаторы: историко-юридический очерк. СПб.: типо-лит. К. Л. Пентковского, 1905. С. 259.

[2] *Архипова А. И.* Губернатор в системе власти: на примере Якутской области второй половины XIX – начала XX в. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 282.

вопросов, который в том числе были призваны решить реформы 1802–1811 гг.

Одной из намеченных и подготовленных реформ стало учреждение министерств в 1802 г. Каждое министерство с 1811 г. получило обособленные, ему одному подчиненные местные органы. С созданием министерств губернаторы стали подчиняться Министерству внутренних дел. Включение губернаторств в систему Министерства внутренних дел заложило идею сохранения и укрепления феодального государственного устройства[1].

Александр I писал: «Учреждая министерство на таковых правилах, мы имеем лестную надежду, что оно споспешествовать нам будет к учреждению народного спокойствия, сего истинного и нерушимого оплота царей и царств… к приведению всех частей государственного управления в прочное к намерению нашему соответственное устройство»[2].

Для истории местной администрации дореформенной России характерны усиление власти губернаторов, рост их влияния на местные органы всех ведомств (осуществляемые иногда в форме так называемого надзора губернатора за учреждениями различных ведомств) и постепенное падение самостоятельности губернских правлений. Все эти процессы закреплены в Наказе губернаторам 3 июня 1837 г., провозгласившем губернатора «хозяином губернии». Фактически к середине XIX в. основная роль в управлении губернией принадлежала губернатору, а губернское правление превратилось в своеобразную исполнительную канцелярию при губернаторе[3].

Таким образом, в губернском управлении, как и в центральном, принцип коллегиальный окончательно вытеснялся принципом единоличным[4]. Наказ детально расписывал все права и обязанности начальников губерний. Они были внушительными и включали в себя также обязанности «по охранению народного

[1] *Алексеев С. А., Михеева Ц. Ц.* Управление губерниями по «Наказу губернаторам» 1837 г. // Вестник РУДН. 2008. № 22. С. 5.

[2] *Марней Л. П.* Формирование структуры министерства финансов в России в первой четверти XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1998. № 6. С. 43.

[3] *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. С. 122.

[4] Министерство внутренних дел. 1802–1902: исторический очерк: в 3 т. Т. 1 / сост. С. А. Адрианов. СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1901. С. 62.

здравия»[1]. В параграфе 1 Наказа губернаторам говорится о том, что им поручены принятие мер «для сохранения народнаго здравия, доставление страждущим и беспомощным надлежащего презрения»[2].

В особых случаях, не терпящих отлагательства, губернаторы могли исполнять обязанности путем вынесения предписаний и распоряжений, сделанных от своего лица, но в большинстве случаев действовали через особые учреждения, такие как Приказ общественного презрения, или различные комитеты, например Оспенные[3].

Правовой базой для деятельности Оспенных комитетов стало принятое 3 мая 1811 г. Положение «О распространении прививания коровьей оспы в Губерниях». Губернаторы занимали посты председателей в Губернских Оспенных комитетах. Они отвечали за комплектование Оспенных комитетов кадрами, а также за эффективность принимаемых мер. Дважды в год соответствующие ведомости информацию о количестве привитых подавали из Уездных Оспенных комитетов в Губернские Оспенные комитеты, а из последних через губернаторов сведения направляли в Министерство внутренних дел[4].

В целях распространения практики оспопрививания губернаторы, действуя через предводителей дворянства, городских голов и земскую полицию, привлекали в Оспенные комитеты представителей всех сословий для бесплатного обучения оспопрививанию[5]. О развитии этого полезного начинания свидетельствует количественный рост привитых: 227 634 в 1809 г. против 66 835 в 1804 г.[6] Число вакцинированных в течение 1861 г. составляло уже 1 073 000 человек[7].

Вместе с тем повсеместное распространение оспопрививания связано с преодолением ряда трудностей, о чем

---

[1] Свод законов Российской империи. Т. 13. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении, и врачебные. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1857. С. 399.

[2] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 12. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1838. С.28.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] *Яковлев К. Л.* Государственно-правовой статус Министерства внутренних дел Российской империи в дореформенный период (1802–1861 гг.): дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 209.

[7] Там же. С. 211.

указано, например, во Всеподданнейшем отчете Вятского губернатора за 1887 г.: «Развитию оспопрививания препятствует противодействие раскольников и части сельского населения, особенно инородческого, не вполне еще сознающаго пользы оспопрививания»[1].

В параграфе 159 Наказа прямо указано, что «в отношении к народному здравию попечения Начальников губерний должны иметь главнейшею целию предупреждение всего, что может быть причиной появления или распространения заразительных, эпидемических и других между людьми болезней»[2]. В случае, если в губернии появлялось несколько очагов заболеваемости, по инициативе губернатора учреждали специальные комитеты общественного здравия. В губернских городах подобные комитеты функционировали под председательством губернатора, а в уездных городах – под председательством предводителей дворянства либо городских голов. Губернатор следил за точным и неукоснительным исполнением решений комитетов, опираясь на городскую и земскую полицию[3].

Существовало два основных направления деятельности указанных комитетов. Во-первых, они способствовали распространению среди населения знаний об основных способах предохранения от болезней. Во-вторых, в случае получения сведений о появлении эпидемии или эпизоотии комитет должен был осуществить действия, направленные на установление свойств болезни, затем незамедлительно принять меры, направленные на недопущение ее распространения и способствовать скорейшему прекращению[4]. Вместе с тем ряд исследователей отмечают неоднозначный характер деятельности указанных комитетов, называя их типичными формально-бюрократическими организациями, пребывание в составе которых использовалось многими его членами для целей карьеры[5].

---

[1] Всеподданнейший отчет Вятского губернатора за 1887 год (рукописная копия). СПб., 1888. С. 73.

[2] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 12. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1838. С. 38..

[3] Там же.

[4] Свод законов Российской империи. Т. 13. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении, и врачебные. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1857. С. 613.

[5] *Пристанскова Н. И.* Правовое регулирование врачебно-санитарной деятельности в Российской империи: XIX – начало XX в.: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 164.

Наиболее важную роль в сфере охраны народного здравия губернаторы играли при возникновении угрозы эпидемической болезни. В этом случае в обязанности губернатора входила необходимость удостовериться в принятии со стороны полицейского управления и медицинских чиновников надлежащих мер предосторожности, способствующих прекращению болезни. Далее, после совещания с Врачебной управой в общем присутствии Губернского правления губернатор давал соответствующие распоряжения и направлял к месту, где свирепствовала эпидемия, «особых надежных медицинских чиновников и фармацевтов, посылая с ними, смотря по надобности … и чиновников гражданских»[1]. В особых случаях, если эпидемия приобретала значительный размах, гражданский губернатор лично выдвигался на место распространения заболевания для принятия «деятельнейших и удобнейших мер для прекращения болезни или учреждения временных карантинов на основании карантинного Устава»[2].

В обязанности губернаторов входила организация карантинов и оцеплений. Для этого допускали привлечение военных[3]. Так, в 1807 г. для борьбы с эпидемией чумы, которая пришла из Астрахани, учреждены карантины на границе Саратовской губернии[4].

В борьбе с «повальными болезнями» огромное значение уделяли раннему выявлению случаев массовых заболеваний. При поступлении донесений о подобных случаях губернаторы, согласно ст. 952 Устава медицинской полиции, должны были организовать работу по информированию населения населением, убеждать представителей простого народа не скрывать факты заболевания и оказывать всяческое содействие властям, соблюдая необходимые меры предосторожности[5].

К этой работе активно привлекали представителей церкви. Духовенство являлось одним из немногих образованных сословий в губернии, и, пользуясь полным доверием среди населения,

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 12. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1838. С. 14.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Яковлев К. Л.* Указ. соч. С. 233.

[5] Свод законов Российской империи. Т. 13. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении, и врачебные. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1857. С. 632.

священнослужители занимались разъяснением правильных взглядов на систему противоэпидемических заболеваний в целом и медицину в частности[1].

Однако выполнение предписанных мер сопровождалось определенными сложностями. Вятский губернатор в отчете за 1887 г. приводит следующие сведения: «Брюшной тиф много уже лет гнездиться среди вятского населения и существовал большею частью в виде домовых эпидемий зимою и осенью. Теснота и крайняя неопрятность жилых помещений, не осторожность в обращении с заболевшими, обычная беспечность сельскаго населения, уклонение от врачебной помощи и неудовлетворительность санитарных условий в селениях, служат причиною как появления, так и распространения тифозных болезней»[2].

О выявленных фактах эпидемии гражданские губернаторы через Министерство внутренних дел должны были докладывать Его Императорскому Величеству, затем еженедельно отчитываться о динамике заболеваемости и эффективности принимаемых мер[3]. В отчете Вятского губернатора за 1887 г., например, приведены такие данные: «В отчетном году в губернии были следующие заразные болезни: оспа, скарлатина, корь, дифтерит, тиф, дизентерия, сибирская язва, гнойное воспаление глаз, заушница и коклюш. Больных этими болезнями насчитывается 35 842, больше предыдущего года на 8 313, умерло от них 1397 или около 4 %»[4]. Губернаторы обязаны были постоянно следить за точным исполнением содержащихся в Своде уставов медицинской полиции предписаний, которые в основном заключались в охранении чистоты воздуха и безвредности жизненных припасов, ограничении употребления ядовитых веществ, обеспечении

[1] *Мифтеева Д. М.* Развитие системы здравоохранения в Оренбургском крае в дореформенный период (конец XVIII – середина XIX в.): дис. … канд. ист. наук. Оренбург, 2019. С. 162.

[2] Всеподданнейший отчет Вятского губернатора за 1887 год (рукописная копия). СПб., 1888. С. 78.

[3] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 12. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1838. С. 22.

[4] Всеподданнейший отчет Вятского губернатора за 1887 год (рукописная копия). СПб., 1888. С. 75.

врачебных пособий нуждающихся и погребении мертвых по установленным правилам[1].

Примеры практической реализации указанных мер приведены в многочисленных отчетах губернаторов о состоянии дел во вверенных им губерниях. Например, в отчете Вятского губернатора за 1887 г. речь идет о выполнении некоторых из указанных выше предписаний: «Губернская администрация, комитеты общественного здравия и полиция принимали указанныя в законе меры к устранению условий порчи воздуха и воды, служащих главными источниками распространения острозаразных болезней; при появлении же последних были командируемы в уезды губернским земством особые врачи и в помощь им сестры Российского общества Красного Креста, были открываемы земством временные приемные покои, опубликованы наставления о предупредительных мерах к развитию означенных болезней и в то же время, в местах появления эпидемии применялись эти меры на счет земских сумм. К сожалению, санитарные правила исполнялись на сколько возможно лишь в городах; в селениях же нечистота жилищ и дворов представляет обычное условие, устранить которое не представляется возможности, вследствие усвоеннаго способа ведения крестьянского домохозяйства»[2].

Губернаторы наблюдали также за исправным содержанием городских больниц, окружных лечебниц, тюремных лазаретов, иных подобных заведений. Ведению губернаторов подлежал в основном контроль хозяйственной составляющей деятельности медицинских учреждений. Осуществлять ревизию последних непосредственно по медицинской части губернаторы поручали инспекторам и другим членам Врачебных управ[3].

В отчете Вятского губернатора за 1887 г., например, приведены следующие данные: «В 65 лечебных заведениях, из которых 45 земские, на 1 679 кроватей, пользовались 1887 году 25 628 больных, из которых умерло 1 240. Заведения эти имели достаточный медицинский персонал и содержались в порядке;

[1] Свод законов Российской империи. Т. 13. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении, и врачебные, СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1857. С. 614.

[2] Всеподданнейший отчет Вятского губернатора за 1887 год (рукописная копия). СПб., 1888. С. 79.

[3] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 12. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1838. С. 28.

лечение производилось правильное, а продовольствие было удовлетворительное и разнообразное»[1].

В ходе общей централизации управления при Николае I в «Общем наказе Гражданским Губернаторам» (1837) разграничены предметы ведения губернаторов в сфере «охранения народного здравия») и Врачебной управы. Губернатор следил за санитарным состоянием губернии, противооспенной иммунизацией, работой медицинских учреждений. В то же время врачебные управы вносили предложения, рекомендации, проекты решений[2].

Губернаторы в целом отвечали за эффективность врачебной части вверенной им губернии перед высшим руководством государства. Особые обязанности на губернаторов возлагали и в области ветеринарии, поскольку борьба с массовыми падежами и болезнями скота была неотъемлемой частью мер по охране народного здравия. Это находит отражение в отчете Люблинского губернатора за 1897 г.: «Распространение эпизоотических болезней, ежегодно повторяющиеся в некоторых областях, удалось предотвратить своевременно принятыми мерами Ветеринарного Отделения, которое, получив в 1897 г. прочную организацию и увеличение персонала, ныне действует вполне самостоятельно с очевидной пользой для населения…»[3].

В случае поступления губернатору сведений о падеже скота в его обязанности входило получить подробный отчет от местной полиции об обстоятельствах падежа и принимаемых мерах. После совещания с членами Врачебной управы губернатор должен был сделать вывод о достаточности принимаемых мер в соответствии с требованиями, содержащимися в статьях 1012–1018 Устава Медицинской полиции, либо отдать соответствующие распоряжения о принятии дополнительных мер. Как и в случае с выявлением эпидемий, о выявленных фактах массового падежа скота и принимаемых мерах гражданские губернаторы должны были докладывать в Министерство внутренних дел[4].

---

[1] Всеподданнейший отчет Вятского губернатора за 1887 год (рукописная копия). СПб., 1888. С. 75.

[2] *Сергеев И. А.* Врачебные управы в системе разделения полномочий управления губернским здравоохранением XVIII–XIX вв. // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 12. С. 8.

[3] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 312. Д. 5. С. 58.

[4] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 12. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1838. С. 14.

Вместе с тем относительно данного направления деятельности губернаторы сталкивались с рядом трудностей, о чем свидетельствует, например, отчет Варшавского губернатора за 1898 г.: «Варшавская губерния находится в близком соседстве с пограничными иностранными государствами и через нее проходит главный путь по которому перевозится в громадном количестве скот для продажи за границей. В виду этого, казалось бы, следовало ожидать, что ветеринарная часть стоит здесь на надлежащей высоте, значительно выше даже, чем где либо, но на самом деле, значительным препятствием к этому является то обстоятельство, что основанием для всех действий ветеринарного надзора служит “Устав ветеринарной полиции”, изданный еще в 1844 году, устаревший, страдающий в следствии этого такими существенными недостатками, которые делают его очень мало пригодным для практики и не соответственным современному состоянию далеко ушедшей вперед ветеринарной науки. Пересмотреть законодательство в этом деле тем более необходимо, что со стороны иностранных государств постоянно слышатся упреки, что из пределов России выпускается нередко за границу больной скот»[1].

Таким образом, в исследуемый период на губернаторов возлагали широкий круг обязанностей, в том числе по охране народного здравия. По прошествии незначительного времени после принятия Наказа практика обнаружила, что при существующем распределении обязанностей ни губернатор, ни члены губернского правления фактически не могут выполнять возложенного на них. Он был обязан председательствовать в одно и то же время в разных местах. Вследствие этого он не успевал ни тут, ни там, допускал поневоле беспорядки и скрывал их, чтобы не подвергнуться ответственности[2]. Кроме того, зачастую им приходилось действовать в условиях противодействия со стороны населения. Однако при этом губернаторы оставались важнейшим звеном в системе охраны народного здравия, от умелых и решительных действий которых зависели тысячи жизней людей во вверенных им губерниях.

[1] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 312. Д. 2. С. 117.

[2] Министерство внутренних дел. 1802–1902: исторический очерк: в 3 т. Т. 1 / сост. С. А. Адрианов. СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1901. С. 63.

Библиографический список

1. *Алексеев С. А., Михеева Ц. Ц.* Управление губерниями по «Наказу губернаторам» 1837 г. // Вестник РУДН. 2008. № 22. С. 5–11.

2. *Архипова А. И.* Губернатор в системе власти: на примере Якутской области второй половины XIX – начала XX в. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 282–283.

3. *Блинов И. А.* Губернаторы: историко-юридический очерк. СПб.: типо-лит. К. Л. Пентковского, 1905. 366 с.

4. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.

5. *Марней Л. П.* Формирование структуры министерства финансов в России в первой четверти XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1998. № 6. С. 42–60.

6. Министерство внутренних дел. 1802–1902: исторический очерк: в 3 т. Т. 1 / сост. С. А. Адрианов. СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1901. 225 с.

7. *Мифтеева Д. М.* Развитие системы здравоохранения в Оренбургском крае в дореформенный период (конец XVIII – середина XIX в.): дис. … канд. ист. наук. Оренбург, 2019. 235 с.

8. *Пристанскова Н. И.* Правовое регулирование врачебно-санитарной деятельности в Российской империи: XIX – начало XX в.: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2007. 216 с.

9. *Сергеев И. А.* Врачебные управы в системе разделения полномочий управления губернским здравоохранением XVIII–XIX вв. // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 12. С. 5–8.

10. *Яковлев К. Л.* Государственно-правовой статус Министерства внутренних дел Российской империи в дореформенный период (1802–1861 гг.): дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016. 216 с.

УДК 343.2
ББК 67.7

Ю. А. Латынин
старший преподаватель
кафедры уголовного права
Крымского филиала Российского
государственного университета правосудия
homesweethome@mail.ru
Республика Крым, г. Симферополь

ОТСРОЧКА ПРИ ВЫПЛАТЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА

DELAY IN PAYMENT OF COURT FINE

Статья посвящена проблеме закрепления на законодательном уровне отсрочки уплаты судебного штрафа. Приведены аргументы в обоснование данного предложения, главными из которых являются уменьшение репрессивности судебного штрафа как меры уголовно-правового воздействия и реализации принципа гуманизма; устранение перекоса в репрессивности между штрафом как уголовным наказанием, для которого предусмотрена такая отсрочка, и судебным штрафом. В связи с этим автор предлагает условия, сроки предоставления отсрочки при выплате судебного штрафа. Сформулированы предложения о внесении изменений в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора». Обоснован вывод о том, что установление законодателем возможности применения судами отсрочки при выплате судебного штрафа на срок до пяти лет служит одной из форм реализации принципа гуманизма.

Ключевые слова: штраф, освобождение от уголовной ответственности, судебный штраф, отсрочка, срок отсрочки, уголовное наказание, исполнение приговора, срок давности.

The article is devoted to the problem of fixing at the legislative level the postponement of payment of a court fine. The arguments in support of this proposal are given, the main of which are the reduction of repressiveness of a court fine as a measure of criminal-legal influence and implementation of the principle of humanism; elimination of the distortion in repressiveness between a fine as a criminal punishment, for which such deferral is provided, and a court fine. In this regard, the author proposes the conditions, terms of granting deferment in payment of a court fine. Proposals to amend the current Criminal Code of the Russian Federation (CC RF) and the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 20 December 2011 No. 21 "On the practice of application by courts of legislation on the

enforcement of sentence" are formulated. The conclusion is substantiated that the establishment by the legislator of the possibility of the courts to apply a deferral of payment of a court fine for a period of up to five years serves as a form of realisation of the principle of humanism.

Keywords: fine, exemption from criminal liability, court fine, deferment, deferment period, criminal punishment, execution of sentence, statute of limitations.

Борьба с преступностью станет эффективной лишь в случае, если будут задействованы все рычаги экономического, социального и правового влияния. В средствах правового влияния должна обязательно присутствовать гармоничность сочетания мер предупреждения, пресечения и ответственности за преступление. Предоставление гипертрофированного или ведущего значения одним лишь уголовно-правовым средством, без использования иных правовых средств, не приведет к достижению желаемого эффекта, обеспечению эффективной борьбы с преступностью, ее сдерживанию и сокращению.

Реализация задач охраны интересов лица, общества и государства от преступных посягательств предусматривает применение судом к лицам, которые виновны в их совершении, установленных законом мер уголовной ответственности. Однако социальный опыт показывает, что могут возникнуть такие условия, при которых для реализации задач уголовного законодательства не требуется, чтобы лицо было привлечено к уголовной ответственности, в том числе к отбыванию наказания[1], то есть в ряде случаев применение уголовного наказания не является целесообразным и выгодным для государства, общества, потерпевших от преступлений лиц.

Установление в уголовном законе отсрочки можно считать реализацией принципа гуманизма, предусмотренного ст. 7 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)[2]. Об этом, в частности, пишет Е. Зикратова[3]. Суть отсрочки заключается в

[1] *Сердюк Л. В.* Вопросы совершенствования борьбы с наркоманией и токсикоманией // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства: межвуз. сб. науч. тр. Хабаровск: Изд-во Хабар. ВШ МВД СССР, 1988. С. 54.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] *Зикратова Е.* Институт отсрочки в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном праве // Актуальные проблемы российского права и

перенесении сроков исполнения судебных решений, в том числе приговоров, на более позднее время с учетом тех или иных обстоятельств лица, в отношении которого принято данное решение. Значение отсрочки состоит в оптимизации процесса исполнения судебного решения ввиду той или иной жизненной ситуации. Отсрочка используется как инструмент индивидуализации и дифференциации обязанности лица относительно исследуемого вопроса.

В ст. 82 и 82.1 действующего УК РФ предусмотрены условия отсрочки отбывания наказания, связанные с наличием детей в возрасте до 14 лет (до достижения ими данного возраста), и отсрочка отбывания наказания больным наркоманией[1]. Иные виды отсрочки в уголовном законе отсутствуют.

По мнению ряда авторов, в частности В. П. Коняхина, отсрочка является условным освобождением от наказания[2]. Е. В. Суслина утверждает, что отсрочка характеризуется наличием признаков как условного осуждения, так и признаков условно-досрочного освобождения[3]. Некоторые, например С. И. Никулин, указывают, что данный институт имеет некорректное название и его целесообразно именовать «освобождение от наказания под условием»[4]. По утверждению других, отсрочка представляет собой поощрительную меру уголовно-правового характера[5]. По нашему мнению, значение отсрочки заключается в оптимизации процесса исполнения судебного решения ввиду той или иной жизненной ситуации, а также в том, что она служит инструментом индивидуализации и дифференциации обязанности лица при уплате судебного штрафа.

законодательства: сб. материалов X Всерос. науч.-практ. конф. студ., аспир., мол. ученых (Красноярск, 22 марта 2017 г.) / сост. Е. В. Василенко. Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2017. С. 218.

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2014. С. 287.

[3] Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В. В. Лукьянова, В. С. Прохорова, В. Ф. Щепелькова. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2018. С. 510.

[4] Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В. К. Дуюнова. 6-е изд. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. С. 260–261.

[5] *Тараканов И. А.*, *Горина Е. Е.* Особенности законодательной регламентации отсрочки отбывания наказания в уголовном праве России // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2019. № 2 (20). С. 75.

Судебный штраф, как вид освобождения от уголовной ответственности, введен в УК РФ в 2016 г. Определение судебного штрафа дано в ст. 104.4 УК РФ[1]. На основе анализа положений этой нормы можно констатировать, что судебным штрафом признано определенное денежное взыскание, назначаемое исключительно судом и следствием, предназначение которого состоит в освобождении лица от уголовной ответственности. Введение судебного штрафа в качестве вида освобождения от уголовной ответственности вызвало множество дискуссионных вопросов и в научной, и в практической деятельности[2].

В действующем уголовном законодательстве не предусмотрено положений, относительно возможности применения отсрочки при уплате судебного штрафа. Отсутствуют и пояснения относительно этого в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» и постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора».

По нашему мнению, целесообразно указать на возможность отсрочки выплаты штрафа, предусмотренную законодателем. Несмотря на это, штраф является видом уголовного наказания и не является аналогом судебного штрафа, поскольку они относятся к разным институтам, в частности институту наказания и институту освобождения от уголовной ответственности соответственно. Так, в ч. 2 ст. 398 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ указано: «Уплата штрафа может быть отсрочена или рассрочена на срок до пяти лет, если немедленная уплата его является для осужденного невозможной»[3].

Установление законодателем возможности применения отсрочки в выплате штрафа можно рассматривать в качестве одной из форм реализации принципа гуманизма. Причины (основания) предоставления отсрочки судом законодательно не закреплены. Указано лишь положение о том, что «…немедленная

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] *Красуцких Л. В.*, *Беляева И. М.* Некоторые проблемы применения судебного штрафа // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 2. С. 17.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Рос. газ. 2001. 22 декабря.

уплата его является для осужденного невозможной». Такое решение может быть принято судом в результате материальных трудностей у осужденного на момент вынесения приговора с назначением данного вида наказания (вследствие утраты работы, необходимости использования материальных средств на лечение осужденного или близких родственников, утраты жилья по причинам, не зависящим от воли осужденного и т. п.). Установление исчерпывающего перечня обстоятельств, в соответствии с которым возможно применить отсрочку, стало бы негативным фактором не только для реализации принципа гуманизма, но и для индивидуализации и дифференциации ответственности.

На основании изложенного считаем, что отсутствие регламентации возможности применения отсрочки при выплате судебного штрафа – это необоснованная позиция законодателя. В данном случае прослеживается несоблюдение принципов справедливости и гуманизма. Установление положений о применении отсрочки выплаты штрафа свидетельствует о возможности ее использования в отношении лица, которое признано виновным в совершении преступления и которому назначено наказание, то есть отсутствуют основания для его освобождения от уголовной ответственности или от наказания. Если суд признает возможным применить судебный штраф к лицу, то в соответствии со ст. 76.2 УК РФ возникают основания для освобождения его от уголовной ответственности. Указанное выше, по нашему мнению, позволяет сделать вывод о том, что во втором случае общественная опасность лица значительно меньше ввиду совершенного преступления и определенного посткриминального поведения, вследствие которого оно освобождается от уголовной ответственности. Однако отсутствие законодательного закрепления возможности применения отсрочки судебного штрафа ухудшает положение такого лица наряду с осужденным.

Раскрывая исследуемый вопрос, обратим внимание на то, что И. О. Ткачев указал на возможность установления отсрочки уплаты судебного штрафа. В качестве основания установления отсрочки выделено наличие уважительных причин неуплаты[1].

[1] *Ткачев И. О.* Актуальные проблемы назначения и исполнения судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 2 (Вологда, 6 декабря 2020 г.) / ред. В. Н.

Утверждается, что, наряду с установлением отсрочки, должен быть решен вопрос о приостановлении сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Л. А. Абашина считает целесообразным предоставление суду права освобождения от уголовной ответственности без уплаты судебного штрафа или его оставшейся части, если лицо не смогло осуществить оплату с учетом исключительных обстоятельств. Под указанными обстоятельствами могут подразумеваться тяжелая болезнь лица или его близких родственников, повлекшая инвалидность первой или второй группы, полная утрата ими имущества[1]. Анализируя данную позицию, целесообразно привести положение ч. 3 ст. 82 УК РФ: «По достижении ребенком четырнадцатилетнего возраста суд освобождает осужденного, указанного в ч. 1 настоящей статьи, от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости либо заменяет оставшуюся часть наказания более мягким видом наказания»[2]. На основании этого считаем, что такая позиция является обоснованной и соответствует иным положениям уголовного закона, регламентирующим вопросы отсрочки.

Раскрывая данный вопрос, нельзя не акцентировать внимание и на возможном сроке отсрочки уплаты судебного штрафа. Относительно такого уголовного наказания, как штраф, с учетом указанных выше положений дополним, что в соответствии с ч. 2 ст. 398 УПК РФ его уплата может быть отсрочена на срок до пяти лет.

Относительно уплаты судебного штрафа Л. А. Абашина полагает возможным установить указанный срок в пределах двух лет. В качестве обоснования данного периода обращено внимание на его соотношение со сроками давности привлечения лица к уголовной ответственности[3]. С такой позицией нельзя согласиться, поскольку она не является всесторонне обоснованной. В соответствии со ст. 76.2 УК РФ судебный штраф может быть применен в отношении лица, «впервые совершившего

Некрасов. Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2020. С. 129.

[1] *Абашина Л. А., Минаков Г. Л.* Судебный штраф – новая иная мера уголовно-правового характера // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 2. С. 271.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] *Абашина Л. А., Минаков Г. Л.* Указ. соч. С. 271.

преступление небольшой или средней тяжести», а на основании п. б ч. 1 ст. 78 УК РФ срок давности привлечения к уголовной ответственности за преступления средней тяжести составляет шесть лет[1]. В связи с этим видится, что установление срока отсрочки в размере двух лет, если основываться на сроках давности привлечения к уголовной ответственности лишь за преступления небольшой тяжести, будет нецелесообразным.

М. Ю. Дудченко пишет о том, что срок уплаты судебного штрафа должен составлять при совершении преступлений небольшой тяжести два года, средней тяжести – шесть лет[2]. По мнению О. В. Дорошенко, привязка сроков уплаты к давности привлечения нецелесообразна, поскольку к моменту вынесения судебного решения они могут истечь. Указанный автор полагает необходимым установить срок уплаты судебного штрафа в пределах шести месяцев с учетом опыта иных стран[3]. На наш взгляд, приведенные позиции также не являются всесторонне обоснованными. О применении сроков давности для установления срока отсрочки наша позиция уже изложена ранее в статье. Относительно установления срока в контексте положения о том, что «…лицо должно иметь достаточный срок для его уплаты…», считаем, что наличие неопределенных понятий в уголовном законе вызовет трудности для нормоприменителей ввиду различного толкования, что сделает крайне затруднительным или невозможным использование данного положения. Дополним, что использование опыта зарубежных стран служит одним из оснований совершенствования национального законодательства. Однако это должно быть аргументировано надлежащим образом с учетом в том числе и положений действующего законодательства. Ввиду изложенного установление срока в виде шести месяцев для отсрочки выплаты судебного штрафа не является, на наш взгляд, обоснованной позицией.

Анализируя исследуемую проблему, целесообразно указать, что в гражданском и гражданско-процессуальном законодательстве (ст. 330 и ст. 230 соответственно) содержатся

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] *Дудченко М. Ю.* Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: возможные проблемы на практике // Уголовный процесс. 2016. № 10 (142). С. 60.

[3] *Дорошенко О. В.* Реализация принципа справедливости при назначении судебного штрафа // Уголовная юстиция. 2020. № 16. С. 19.

нормы, регламентирующие вопрос об отсрочке уплаты штрафа (как вида неустойки), но пределы не установлены[1][2]. Кроме того, по мнению, например, Ю. В. Грачевой, допустима возможность применения в уголовном праве судейского усмотрения, которое заключается в использовании судьей (следователем, дознавателем) правомочий по выбору решений, установленных законом. При этом предоставление такого права коррелируется с нецелесообразностью в отдельных случаях формулирования в законе абсолютно-определенных норм. Предоставление указанного права должно быть реализовано в пределах, очерченных законом[3].

На основании изложенного мы придерживаемся мнения о том, что отсутствие четких пределов (размеров) тех или иных положений в уголовном законе неизбежно влечет противоречия в толковании норм, дополнительные трудности для следственной и судебной практики. При определении срока отсрочки суду необходимо учитывать обстоятельства, вследствие которых принято данное решение: имущественное положение лица, наличие на иждивении лиц, наличие источников доходов, задолженности по жилищно-коммунальным услугам, наличие кредитных обязательств и иные факты, влияющие на имущественное положение. Кроме того, суду стоит учитывать негативные обстоятельства относительно применения отсрочки уплаты штрафа, наличие движимого и недвижимого имущества, доходы супруга и иные подобные факты[4]. При установлении окончательного срока может быть учтен период, когда будет возможным устранение или окончание указанных обстоятельств (трудоустройство, погашение кредитных обязательств, окончание срока лечения и т. п.).

По нашему мнению, срок отсрочки уплаты судебного штрафа не может быть меньшим срока отсрочки уплаты штрафа как

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

[3] *Грачева Ю. В.* Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законотворчества, теории и практики: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 8.

[4] Там же. С. 19.

уголовного наказания. В качестве обоснования считаем целесообразным обратить внимание на то, как указано ранее, что в случае применения данного вида освобождения от уголовной ответственности общественная опасность лица меньше ввиду совершенного преступления и определенного посткриминального поведения, в сравнении с лицами, в отношении которых невозможно его применить. При этом необходимо учитывать и тот факт, что и при условии применения судебного штрафа лицо признают виновным в совершении преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ. Безусловно, вследствие последующего поведения общественная опасность лица снижается, но общественная опасность преступления, совершенного им, остается неизменной, как и в случае отсутствия оснований применения к лицу того или иного вида освобождения от уголовной ответственности.

Раскрывая исследуемый вопрос, сделаем акцент на невозможности применения положений уголовного закона, регулирующих применение отсрочки в отношении штрафа как вида наказания. Этому препятствуют требования ч. 2 ст. 3 УК РФ[1], запрещающие аналогию в уголовном праве.

Таким образом, на основании изложенного можно констатировать, что в отношении судебного штрафа целесообразно установить его отсрочку. В связи с этим оптимальным сроком отсрочки уплаты судебного штрафа представляется период в пять лет. Учитывая указанное, предлагаем дополнить ч. 1.1 ст. 104.4 УК РФ следующего содержания: «В случае наличия уважительных причин, суд может принять решение об отсрочке уплаты судебного штрафа на срок до пяти лет». Кроме того, предлагаем внести изменения в п. 21.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», изложив его в следующей редакции: «Обратить внимание судов на возможность принятия решения об отсрочки уплаты судебного штрафа на срок до пяти лет».

[1] Там же.

Библиографический список

1. *Абашина Л. А., Минаков Г. Л.* Судебный штраф – новая иная мера уголовно-правового характера // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 2. С. 266–274.

2. *Грачева Ю. В.* Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законотворчества, теории и практики: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. 37 с.

3. *Дорошенко О. В.* Реализация принципа справедливости при назначении судебного штрафа // Уголовная юстиция. 2020. № 16. С. 16–24.

4. *Дудченко М. Ю.* Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: возможные проблемы на практике // Уголовный процесс. 2016. № 10 (142). С. 59–63.

5. *Зикратова Е.* Институт отсрочки в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном праве // Актуальные проблемы российского права и законодательства: сб. материалов X Всерос. науч.-практ. конф. студ., аспир., мол. ученых (Красноярск, 22 марта 2017 г.) / сост. Е. В. Василенко. Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2017. С. 215–218.

6. *Красуцких Л. В., Беляева И. М.* Некоторые проблемы применения судебного штрафа // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 2. С. 17–22.

7. *Сердюк Л. В.* Вопросы совершенствования борьбы с наркоманией и токсикоманией // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства: межвуз. сб. науч. тр. Хабаровск: Изд-во Хабар. ВШ МВД СССР, 1988. С. 53–59.

8. *Тараканов И. А., Горина Е. Е.* Особенности законодательной регламентации отсрочки отбывания наказания в уголовном праве России // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2019. № 2 (20). С. 71–76.

9. *Ткачев И. О.* Актуальные проблемы назначения и исполнения судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 2 (Вологда, 6 декабря 2020 г.) / ред.

В. Н. Некрасов. Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН, 2020. С. 125–129.

10. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2014. 336 с.

11. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В. В. Лукьянова, В. С. Прохорова, В. Ф. Щепелькова. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 628 с.

12. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В. К. Дуюнова. 6-е изд. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. 780 с.

УДК 347.1
ББК 67.404.0

Е. А. Остапова
аспирант кафедры
гражданского права и процесса
Юридического института
Севастопольского государственного университета
Россия, г. Севастополь
ostapov-a@mail.ru

СРОКИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ И ИХ ИСЧИСЛЕНИЕ

TIME LIMITS IN CIVIL LAW AND THE CALCULATION OF THEM

Проблема сроков в гражданском праве актуализировалась в связи с тем, что в главе 11 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) законодатель установил предельно жесткие требования к исчислению сроков, а применительно к срокам исполнения обязательств допустил любые способы определения сроков, если только они при этом остаются определимыми. В таких условиях судебная практика постепенно склоняется к признанию второго варианта определения сроков исполнения обязательств, но процесс изменения судебной практики не завершен и в настоящее время. Целью статьи является обоснование необходимости изменения положений гражданского законодательства о сроках. Речь идет о необходимости приближения содержания этих положений к потребностям общественных отношений и приближения судебной практики к положениям ст. 314 ГК РФ. Сделан и обоснован вывод о неоправданности различий в требованиях к определению сроков, которые, с одной стороны, установлены главой 11 ГК РФ, с другой – предусмотрены ст. 314 ГК РФ. Утверждается, что законодательные положения о сроках в главе 11 и ст. 314 ГК РФ необходимо согласовать, приблизив положения главы 11 к содержанию ст. 314 ГК РФ. Судебную практику следует привести в соответствие со ст. 314 ГК РФ.

Ключевые слова: сроки в гражданском праве, определение сроков, сроки исполнения обязательств, календарные сроки, астрономические сроки, событие, юридический факт, правоприменение.

The problem of terms in civil law has become more relevant due to the fact that in Chapter 11 of the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter - the Civil Code of the Russian Federation) the legislator has established extremely strict requirements for the calculation of terms, and in relation to the terms of fulfilment of obligations allowed any means of determining the terms, as long as they remain determinable. Under such conditions the judicial practice is gradually inclined to recognise the second option of

determining the terms of performance of obligations, but the process of changing the judicial practice has not been completed even now. The purpose of the article is to justify the necessity to change the provisions of civil legislation on terms. The question is about the need to bring the content of these provisions closer to the needs of social relations and to bring judicial practice closer to the provisions of Article 314 of the Civil Code of the Russian Federation. The conclusion is made and substantiated about the unreasonableness of differences in the requirements for the determination of terms, which, on the one hand, are established by Chapter 11 of the Civil Code of the Russian Federation, on the other - provided by Article 314 of the Civil Code of the Russian Federation. It is argued that the legislative provisions on time limits in Chapter 11 and Article 314 of the Civil Code of the RF should be harmonised, bringing the provisions of Chapter 11 closer to the content of Article 314 of the Civil Code of the RF. Judicial practice should be harmonised with Art. 314 of the Civil Code of the RF.

Keywords: terms in civil law, definition of terms, terms of fulfilment of obligations, calendar terms, astronomical terms, event, legal fact, law enforcement.

Актуальность проблемы определения и исчисления сроков в гражданском праве обусловлена тем, что при принятии ч. 1 ГК РФ допущен существенно разный подход к установлению содержания общих правил об определении и исчислении сроков, предусмотренных главой 11 ГК РФ, с одной стороны и специальных правил о сроках исполнения обязательств, предусмотренных ст. 314 ГК РФ, – с другой. В п. 1 ст. 314 ГК РФ логически закреплена правовая норма, которая обнаруживается при толковании при помощи вывода от последующего правового явления (признание возможности существования обязательств с определенным сроком их исполнения) к предыдущему правовому явлению (разрешению определять в договорах сроки любым способом при одном непременном условии: сроки должны быть определимыми). Судебная практика после введения в действие ч. 1 ГК РФ стала руководствоваться предельно жесткими правилами главы 11 ГК РФ в их предельно жесткой интерпретации. Но постепенно эта практика стала либерализироваться, окончательно утвердившись в таком варианте правотолкования только после внесения дополнения в п. 1 ст. 314 ГК РФ Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». Но и после этого судебная практика не признала возможности установления договорами сроков исполнения обязательств любым способом,

позволяющим эти сроки определить, хотя в научно-практической литературе уже вскоре после принятия ч. 1 ГК РФ признавали возможность существования наряду с определенными сроками сроков определимых[1].

Целью исследования, результаты которого изложены в настоящей статье, стала разработка таких теоретических положений, которые позволили бы глубже понять содержание и смысл законодательных положений о сроках, оценить соответствие этих положений потребностям регулируемых общественных отношений и на этой основе сформулировать рекомендации, необходимые для правотворчества и правоприменения. В процессе исследования решены следующие задачи: 1) оценены единицы времени, называемые в ст. 190 ГК РФ как астрономические или календарные, и обоснована допустимость такого сочетания; 2) показано, в чем заключается жесткость правил главы 11 ГК РФ; 3) раскрыто логическое содержание п. 1 ст. 314 ГК РФ; 4) разработаны предложения для правоприменения.

Основными методами исследования послужили анализ (разложение) и синтез. Использован метод выявления логически закрепленных в актах законодательства правовых норм при помощи вывода от последующего правового явления к предыдущему. Метод сопоставления применен для разрешения коллизий между общими нормами гражданского права о сроках, установленными главой 11 ГК РФ, и специальными нормами, предусмотренными ст. 314 ГК РФ. Методологической базой исследования стали научные труды М. И. Брагинского[2], М. Я.

[1]Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части первой) / под ред. О. Н. Садикова. М.: Контракт; Инфра-М, 1997. С. 563.

[2] *Брагинский М. И.* Сделки. Представительство. Сроки. Исковая давность: комментарий к ГК РФ // Хозяйство и право. 1995. № 6. С. 3.

Кирилловой и П. В. Крашенинникова[1], Е. А. Суханова[2], В. В. Луця[3], А. В. Жгуновой[4], Л. Г. Вострикової[5], Т. Г. Петрухиной[6].

В главе 11 ГК РФ закреплены общие правила об исчислении сроков, устанавливаемых законом, иными правовыми актами, сделками или назначаемых судом. Эти правила распространяются и на исчисление сроков исполнения обязательств, что не исключает установления особенностей исчисления этих последних сроков.

Первым способом определения сроков в гражданском праве в ч. 1 ст. 190 ГК РФ признано указание на календарную дату. А. Г. Карапетов интерпретировал это законодательное положение таким образом, что оно позволяет указать в договоре на дату исполнения обязательства или на «период до указанной даты»[7]. Между тем указание в договоре на дату исполнения не может толковаться так, что оно позволяет исполнять обязательство в период до наступления этой даты: если договор предусматривает возможность исполнения обязательства в период до наступления определенной даты, то срок при этом определен указанием не на календарную дату, а на период, который исчисляется от вступления договора в силу (п. 1 ст. 425 ГК РФ) до установленной договором даты. Указание на период – это уже другой способ определения сроков (наряду с определением сроков календарной датой). Кроме того, полагаем, что применение рассматриваемого положения ч. 1 ст. 190 ГК РФ к исполнению обязательств вряд ли возможно, поскольку к срокам исполнения обязательств применяют специальные правовые нормы, установленные ст. 314 ГК РФ. Эти нормы настолько либеральны, что полностью

[1] *Кириллова М. Я., Крашенинников П. В.* Сроки в гражданском праве. Исковая давность. М.: Статут, 2016. С. 10.

[2] *Суханов Е. А.* О месте сроков в системе юридических фактов советского гражданского права // Вестник МГУ. Серия «Право». 1970. № 6. С. 70.

[3] *Луць В. В.* Сроки в гражданских правоотношениях // Правоведение. 1989. № 11. С. 37.

[4] *Жгунова А. В.* Сроки в советском гражданском праве: дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 72.

[5] *Вострикова Л. Г.* Сроки осуществления и защиты гражданских прав: дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. С. 94.

[6] *Петрухина Т. Г.* Сроки в гражданском праве // Право и экономика. 2006. № 5. С. 15.

[7] Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. С. 1130.

охватывают собою и правила ст. 190 ГК РФ. Поэтому предложенный А. Г. Карапетовым вариант установления срока исполнения обязательства возможен, но его законодательным основанием является не ч. 1 ст. 190 ГК РФ, а п. 1 ст. 314 ГК РФ.

В свое время В. П. Грибанов писал, что «срок есть лишь момент во времени либо определенный период времени»[1]. И термин «момент» широко используется в гражданском законодательстве – момент возникновения права собственности у приобретателя по договору (ст. 223 ГК РФ), момент заключения договора (ст. 433 ГК РФ), момент возникновения залога (п. 1 ст. 339.1; п. 2, 3 с. 341; ст. 358.5; ст. 358.11; ст. 358.16 ГК РФ). Но определение срока календарной датой нельзя квалифицировать как определение срока указанием на момент. Дата (день) – это не момент, а период с ноля часов до 24 часов соответствующего дня. Менее определенным является установление срока «указанием на событие, которое должно неизбежно наступить» (ч. 2 ст. 190 ГК РФ). Из ст. 191 ГК РФ, предписывающей исчислять период со следующего дня после календарного дня или после наступления события, можно сделать вывод о том, что указаниями и на дату, и на событие определяется день (а не момент).

В. А. Белов пишет, что буквальное толкование фразы «…событие, которое неизбежно должно наступить» не соответствует, конечно, ни замыслу законодателя, ни повсеместной практике, ни (самое главное!) не может быть объяснено теоретическими соображениями[2]. Полагаем, что это – поспешная оценка рассматриваемого законодательного положения. Его следует оценить прежде всего с точки зрения протяженности времени. В сделках разумным было бы указание на событие объединять с указанием на день наступления соответствующего события. Не желая обременять наследников соответствующими хлопотами, наймодатель может включить в договор найма такого помещения условие о сроке найма «до дня его (наймодателя) смерти». Можно установить срок «до дня женитьбы сына». Такие условия разумно было бы толковать как до 24 часов соответствующего дня. Очевидно, аналогичным образом следует толковать эти условия и в случаях, если указания на день

[1] *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. С. 250.

[2] *Белов В. А.* Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 2. Общая часть. Лица, блага, факты. М.: Юрайт, 2012. С. 1006.

в них нет. По существу, определение срока указанием на событие, которое должно неизбежно наступить – лишь один из способов определения срока указанием на календарную дату (день). Изложенное понимание данного способа определения срока позволяет понять значение термина «событие», употребляемого в ч. 2 ст. 190 ГК РФ, и соответствующего выражения в целом: это «событие» должно также неизбежно наступить, как и календарная дата (день), если только она еще не прошла. В этой связи следует критически оценить мнение В. А. Белова о том, что ст. 190 ГК РФ «необходимо толковать расширительно, поскольку в действительности она имеет ввиду всякое фактическое обстоятельство – как событие, так и действие, которое (судя по характеру отношений и особенностям ситуации) может или должно наступить (совершиться)»[1].

Однако преимущественно сроки в сфере действия гражданского права определяются истечением периода, который в соответствии с ч. 1 ст. 190 ГК РФ может исчисляться годами, месяцами, неделями, днями, часами. Но эту правовую норму нельзя применять прямо. Нужна дополнительная законодательная база. Это было бы возможным только при условии, что в ч. 1 ст. 190 ГК РФ имелись бы в виду календарные годы, месяцы, недели, исчисляемые, соответственно, с 1 января, первого дня месяца, понедельника. Но из ст. 191 ГК РФ мы узнаем, что течение срока, определяемого отрезком времени, начинается со следующего дня после календарной даты или наступления события, которыми определено его (периода) начало. Следовательно, годы, месяцы, недели, дни, часы, о которых речь идет в ч. 1 ст. 190 ГК РФ, не являются календарными. Впервые сталкиваемся с ситуацией, в которой при исчислении срока, определяемого периодом, его начало может быть связано с событием. Становится понятным, что речь не идет о том событии, о котором говорится в ч. 2 ст. 190 ГК РФ (то есть о событии, которое неизбежно должно наступить). Вместе с тем в ст. 191 ГК РФ речь идет именно о событии. Для сравнения обратим внимание на то, что в ст. 157, 314, 327.1 ГК РФ употребляется термин «обстоятельство», а не «событие».

Обстоятельства как юридические факты (да и в целом как явления, сопутствующие чему-либо, сопровождающие что-либо) по волевому критерию, как известно, подразделяются на действия и события. Еще в 1949 г. О. С. Иоффе писал, что события и действия

[1] *Белов В. А.* Указ. соч. С. 1007.

«обычно отграничивают друг от друга по источнику их происхождения, относя к разряду действий то, что происходит по воле людей, и к разряду событий то, что происходит помимо и независимо от воли людей»[1]. Вместе с тем О. С. Иоффе считал, что «различие между событиями и действиями следует ... усматривать не в источнике их происхождения, а в характере их процесса: события носят не волевой характер в своем процессе, независимо от причин их возникновения, тогда как действия являются волевыми не только в своей причине, но и в своем процессе»[2]. В связи с этим О. А. Красавчиков предложил различать события, имеющие юридическое значение, на абсолютные и относительные. Абсолютными он называл события, не обусловленные в своем возникновении и действии человеческой деятельностью, а относительными – явления, вызванные деятельностью человека, но впоследствии проявляющие действие независимо от причин, которые их породили[3]. В принципе с таким делением можно согласиться: разница между случаями, если человек был убит молнией или выстрелом из ружья, если пожар произошел вследствие удара молнии или поджога, существует.

Но все-таки следует признать, что при толковании законодательных положений (в данном случае – при толковании слова «событие», употребляемого в ст. 191 ГК РФ) на первое место следует ставить не филологические упражнения, а контекст соответствующих положений и их согласование с другими законодательными положениями. Как утверждается в научной литературе, в первую очередь словам и терминам, употребляемым в нормативных правовых актах, следует придавать то значение, которое вытекает из положений законодательства[4]. Во-первых, трудно согласиться с тем, что законодатель в ст. 191 ГК РФ допускал исчисление срока, определенного отрезком времени, с момента наступления не любого юридического факта, признаваемого таковым в соответствии со ст. 8 ГК РФ, а только некоей группы юридических фактов. Во-вторых, сегодня

[1] *Иоффе О. С.* Избранные труды: в 4 т. Т. 1. Правоотношения по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 162.

[2] Там же. С. 162–163.

[3] *Красавчиков О. А.* Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2017. С. 224–225.

[4] Новейшее учение о толковании права: монография / под ред. В. Г. Ротаня. Симферополь, 2019. С. 159.

юридическая наука не в состоянии провести определенную границу между юридическими фактами, которые обозначают в науке как «относительные события» и иными действиями участников отношений, регулируемых гражданским правом: то, что на стороне действующего лица характеризуется как волевое действие на другой стороне является событием (лицо совершило действие, повлекшее смерть потерпевшего). В-третьих, следует учитывать и то обстоятельство, что в многочисленных случаях законодатель предписывает исчислять сроки со дня совершения лицами соответствующих действий.

Доверенность, в которой не указан срок ее действия, сохраняет силу в течение года со дня ее совершения (п. 1 ст. 186 ГК РФ). Кредитор вправе предъявить иск к поручителю в течение двух лет со дня заключения договора поручительства (при условиях, указанных в положении предложения третьего п. 6 ст. 367 ГК РФ). Гарантийный срок начинает течь с момента передачи товара покупателю (п. 1 ст. 471 ГК РФ). Таких примеров можно привести множество. Поэтому следует согласиться с мнением А. Г. Карапетова о том, что «для целей применения ст. 191 ГК РФ “под событием следует понимать и совершение тех или иных действий (или бездействий) стороной сделки или иным лицом”»[1].

Если срок определен отрезком времени, этот период исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами (ч. 1 ст. 190 ГК РФ). А. Г. Карапетов пришел к выводу о том, что временные отрезки, установленные ч. 1 ст. 190 ГК РФ, носят иллюстративный характер и не исключают использования для определения сроков минут, кварталов или иных единиц[2]. Но, поскольку текст ст. 190 ГК РФ не давал каких-либо оснований для утверждения об иллюстративном характере перечня единиц времени: использование временных отрезков, не предусмотренных ч. 1 ст. 190 ГК РФ, не будет соответствовать этому законодательному положению. Между тем ст. 191 ГК РФ предусматривает использование таких единиц исчисления сроков как полгода, полмесяца и квартал, которые в ст. 190 ГК РФ не упоминаются. Но к сроку, определяемому продолжительностью полгода, применяют правила, установленные для сроков, исчисляемых месяцами. Следовательно, срок продолжительностью полгода, – это срок, исчисляемый месяцами, количество которых

[1] Сделки, представительство, исковая давность… Указ. соч. С. 1138.
[2] Там же. С. 1130.

равно шести. Срок продолжительностью полмесяца – это, по существу, срок, исчисляемый днями, количество которых будет равным 15 (п. 3 ст. 192 ГК РФ). Срок, исчисляемый кварталами, находится рядом со сроком, определяемым в полгода. Поэтому в п. 2 ст. 192 ГК РФ и установлено, что к сроку, исчисляемому кварталами года, применяют правила для сроков, исчисляемых месяцами. Иногда это действительно становится возможным. Но в основном этого не происходит, поскольку месяц, который упоминается в главе 11 ГК РФ, – это месяц астрономический, а квартал, о котором речь идет в этой же главе, – это квартал календарный.

Месяцы можно исчислять после любой календарной даты или после наступления события (ст. 191 ГК РФ). Кварталы, как они понимаются в п. 2 ст. 192 ГК РФ, исчисляются с 1 января, 1 апреля, 1 июля, 1 октября и заканчиваются 31 марта, 30 июня, 30 сентября, 31 декабря. Иначе нельзя будет соблюсти правило п. 2 ст. 192 ГК РФ об отсчете кварталов с начала года. Между тем в учебной литературе кварталы (календарные) рассматриваются наряду с месяцами, неделями (астрономическими)[1], что не вполне соответствует ст. 192 ГК РФ, которая, однако, нуждается в изменении. Законодатель должен сделать выбор. Допустим вариант относительно того, что он склонится к возможности и в дальнейшем распространять на кварталы правила о сроках, исчисляемых месяцами. При этом нужно будет отказаться от правила об отсчете квартала с начала года и исключить возможность использования для исчисления сроков календарных кварталов. Возникает и обратный вариант: признание возможности использования для исчисления сроков астрономических кварталов. В этом случае для исчисления таких сроков, действительно, можно будет использовать правила о сроках, исчисляемых месяцами.

Возможным видится и установление отдельных правил об использовании для исчисления сроков и астрономических и календарных лет, месяцев, недель, дней, часов (термин «календарные часы» не очень удачный, но он хорошо становится в терминологический ряд). Но это может усложнить законодательство до такого уровня, что в этой части его перестанет воспринимать правоприменительная практика. Таких

[1]Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1. Общая часть / под ред. Е. А. Суханова. М.: Статут, 2019. С. 556.

случаев в гражданском законодательстве России и без того много, хотя надо было бы учитывать предостережение, которое 150 лет тому назад сделал Р. ф. Иеринг: «Какую пользу приносят точнейшие и подробнейшие законы, если судья … при самом сильном желании едва способен овладеть им? Какая польза от тончайших определений понятий и разграничений, если их применение к отдельному случаю наталкивается на величайшие затруднения вследствие недостатка в формальной осуществимости закона?»[1]. Во всяком случае, если уж законодатель использует единицы времени, исчисляемые астрономически (год, неделя) и календарно (квартал, день), то это надо было хотя бы осознавать.

Относительно часов как единицы исчисления сроков практика показывает, что они могут быть использованы для установления и момента, (наряду с минутами) и периода во времени. Абстрактно рассуждая, можно указать, что часы при этом могут использоваться и как астрономические, и как календарные (услуга должна быть оказана в течение последнего часа уходящего 2023 г.). Законодательная практика обычно использует астрономические часы, которые исчисляются с определенного момента во времени. Хотя на это прямо и не указано, но штраф уплачивают за каждый час задержки отправления и за опоздание принятия транспортного средства (ст. 110 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации»; п. 13 ст. 34 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта»; п. 2 ст. 116 Кодекса внутреннего водного транспорта; ст. 120 Воздушного кодекса РФ), исчисляемый с установленного времени (момента) отправления или прибытия поезда, автобуса, самолета, теплохода).

Кроме того, если речь идет о сроке исполнения обязательства, то следует учитывать положение, сформулированное в п. 1 ст. 314 ГК РФ. Оно текстуально не устанавливает требований к порядку определения сроков. Но правовая норма, закрепленная в этом законодательном положении, имеет гипотезу такого содержания: «Если обязательство предусматривает или позволяет определить день его исполнения, либо период, в течение которого оно должно

[1] *Иеринг Р. ф.* Избранные труды: в 2 т. Т. 2. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 331.

быть исполнено…». В науке такой прием законодательной техники не замечается и не интерпретируется. Лишь в одном издании утверждается, что в такого рода гипотезах, которые закрепляются текстуально, логически закрепляются другие правовые нормы, которые обнаруживаются при толковании с помощью вывода от последующего правового явления к предыдущему: раз устанавливается в ч. 1 ст. 314 ГК РФ определенное правило на случай, когда обязательство позволяет определить день либо период его исполнения (последующее правовое явление), то такие случаи могут быть, закон допускает установление срока (периода) исполнения обязательства любым образом, лишь бы его можно было определить по тексту договора с учетом действующего законодательства (предыдущее правовое явление)[1].

Свобода выбора способа закрепления в договоре условия о сроке исполнения обязательства, которую сторонам предоставляет п. 1 ст. 314 ГК РФ, диссонирует с жесткостью правил о сроках в гражданском праве, установленных в главе 11 ГК РФ. Отличается от соответствующих положений этой главы и определение обстоятельства, от момента наступления которого исчисляется период, в пределах которого должно быть исполнено обязательство. Если для выяснения обстоятельства, от момента наступления которого исчисляется соответствующий период на основании ст. 191 ГК РФ, нам понадобится пространный дискурс, то на основании п. 1 ст. 314 ГК РФ такое обстоятельство устанавливается элементарно. Например, фрагмент «с момента исполнения обязанностей другой стороной» законодатель приводит лишь для того, чтобы устранить всякие сомнения в том, что с этого момента можно исчислять соответствующий период. А общее правило, установленное п. 1 ст. 314 ГК РФ, позволяет исчислять период, в течение которого должно быть исполнено обязательство, с момента наступления любого обстоятельства, предусмотренного законом или договором. Это общее правило по юридическому содержанию не было изменено Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ, которым п. 1 ст. 314 ГК РФ дополнен словами в скобках «в том числе в случае, если этот период исчисляется с момента исполнения обязанностей другой стороной или наступления иных обстоятельств, предусмотренных законом или договором». Это дополнение сделало только более доступным смысл п. 1 ст. 314 ГК РФ для юристов, не желающих вникать в

[1] Новейшее учение о толковании права… Указ. соч. С. 231–232.

содержание законодательных положений. Юридическое содержание п. 1 ст. 314 ГК РФ от этого дополнения не изменилось. Но даже и после дополнения п. 1 ст. 314 ГК РФ указанным положением в научной литературе встречаются комментарии, игнорирующие концептуальное законодательное решение, заложенное в п. 1 ст. 314 ГК РФ, а упомянутое дополнение безосновательно интерпретируется как «осложнение срока отлагательным условием»: «Если срок исполнения определяется периодом времени, момент начала течения такого срока может быть привязан к наступлению обстоятельства, которое неизбежно должно наступить, а также к моменту заключения договора. Привязка начала периода времени для исполнения обязательства к моменту наступления обстоятельства, которое не наступает неизбежно, также возможно, но в данном случае мы имеет осложнение срока отлагательным условием»[1]. Думается, что термин «отлагательное условие» для интерпретации п. 1 ст. 314 ГК РФ не подходит. Но, если во втором из приведенных случаев (если наступление обстоятельства не является неизбежным) автор считает допустимым вести речь об отлагательном условии, то непонятно, что мешало ему говорить об отлагательном условии в первом случае (если наступление обстоятельства является неизбежным).

Помимо указанной концептуальной разницы между общими правилами о сроках в гражданском праве и о сроках исполнения обязательств выявлена и разница технико-юридического характера. Ст. 190 ГК РФ предусматривает определение срока календарной датой или событием. Начало течения срока, установленного в виде отрезка времени, также приурочено к календарной дате или наступлению события. Но устанавливать правило об определении срока исполнения обязательства путем указания на наступление обстоятельства (на день наступления соответствующего обстоятельства) законодатель не стал. В результате образовался пробел: определять срок путем указания на наступление обстоятельства в сочетании со следующим за этим периодом предусмотрено, а без этого сочетания – не предусмотрено. Так и появилась идея обусловленного исполнения обязательства, реализованная в ст. 327.1 ГК РФ в усложненном

[1] Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. С. 116.

виде. Но эти усложнения в науке восприняты, а указанная идея – нет, то есть обусловленность принята как «работающая» неизбежно в сочетании с отрезком времени: «Модель этого обязательства такова: если наступит то или иное обстоятельство, должник должен осуществить исполнение в течении того или иного отрезка времени»[1].

Но это уже предмет другого исследования, а пока вернемся к той концепции, которая изначально была заложена в п. 1 ст. 314 ГК РФ, но в значительной мере судами не воспринята: «Ранее в судебной практике часто встречался подход, согласно которому фиксация в договоре срока исполнения обязательства в виде периода времени, исчисляемого… с момента исполнения обязательства другой стороной или наступления иных отлагательных условий, считалась незаконной. Для договоров, в отношении которых срок исполнения является существенным условием (например, строительный подряд), это приводило суды к абсурдному выводу о незаключенности договора»[2]. Только уже ближе к двадцатой годовщине принятия ч. 1 ГК РФ высшие судебные инстанции эту ситуацию изменили. Да и нельзя было не изменить, поскольку законодатель в п. 1 ст. 314 ГК РФ позволил определять срок любым образом лишь бы этот срок был определим, а судебная практика пошла по пути разрушения гражданского оборота (в доступной ей мере).

И рецидивы этой практики сохранились: даже после дополнения ГК РФ ст. 327.1 и разъясняющего дополнения п. 1 ст. 314 ГК РФ Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ судебная практика стоит на позиции о том, что определение срока действия договора аренды указанием на начало реконструкции здания означает, что договор является бессрочным, а указание в договоре поручительства на его действие до фактического исполнения обеспеченного поручительством обязательства или до наступления иного обстоятельства, не соответствующего ч. 2 ст. 190 ГК РФ, будет означать, что срок поручительства не установлен. А. Г. Карапетов полагает, что «такой подход следует признать в

[1] Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2022. С. 485.

[2] Там же. С. 487.

целом логичным и соответствующим закону»[1], хотя и логику и соответствие закону в таких правовых позициях усмотреть трудно.

Положения гражданского законодательства, в том числе и положения о сроках исполнения обязательств, нуждаются в существенном совершенствовании. Следует допустить определение сроков указанием на день наступления любого юридического факта, признать возможность исчисления срока, установленного в виде периода, со дня наступления любого такого факта. Необходимо исключить смешение астрономических и календарных сроков. Судебная практика должна признать, что п. 1 ст. 314 ГК РФ дает сторонам договора существенную свободу в установлении сроков исполнения обязательств, если только при этом оказывается возможным их определение при правоприменении, и исключить излишне жесткий подход к договорам, соответствующим приведенному условию.

Библиографический список

1. *Белов В. А.* Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 2. Общая часть. Лица, блага, факты. М.: Юрайт, 2012. 1093 с.

2. *Брагинский М. И.* Сделки. Представительство. Сроки. Исковая давность: комментарий к ГК РФ // Хозяйство и право. 1995. № 6. С. 3–28.

3. *Вострикова Л. Г.* Сроки осуществления и защиты гражданских прав: дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. 159 с.

4. Гражданское право. Общая часть: учебник: в 4 т. Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова. М.: Статут, 2019. 576 с.

5. *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. 411 с.

6. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. 1120 с.

7. *Жгунова А. В.* Сроки в советском гражданском праве: дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. 209 с.

8. *Иеринг Р. Ф.* Избранные труды: в 2 т. Т. 2. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 547 с.

9. *Иоффе О. С.* Избранные труды: в 4 т. Т. 1. Правоотношения по советскому гражданскому праву. Ответственность по

[1] Сделки, представительство, исковая давность… Указ. соч. С. 1131.

советскому гражданскому праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 511 с.

10. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2022. 1124 с.

11. *Кириллова М. Я., Крашенинников П. В.* Сроки в гражданском праве. Исковая давность. М.: Статут, 2016. 80 с.

12. *Красавчиков О. А.* Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2017. 494 с.

13. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части первой) / под ред. О. Н. Садикова. М.: Контракт; Инфра-М, 1997. 778 с.

14. *Луць В. В.* Сроки в гражданских правоотношениях // Правоведение. 1989. № 11. С. 37–43.

15. Новейшее учение о толковании права: монография / под ред. В. Г. Ротаня. Симферополь, 2019. 792 с.

16. *Петрухина Т. Г.* Сроки в гражданском праве // Право и экономика. 2006. № 5. С. 15–19.

17. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. 1264 с.

18. *Суханов Е. А.* О месте сроков в системе юридических фактов советского гражданского права // Вестник МГУ. Серия «Право». 1970. № 6. С. 70–77.

УДК 343.6
ББК 67.408.111.2

Э. Т. Сиразетдинова
аспирант Южно-Российского института
управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Россия, г. Ростов-на-Дону
Elvira-st24@rambler.ru

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА САМОУБИЙСТВО И ПРЕСТУПНОЕ УЧАСТИЕ В НЕМ

HISTORY OF RESPONSIBILITY FOR SUICIDE AND CRIMINAL PARTICIPATION IN IT

В статье утверждается, что совершение самоубийства является одной из важных социальных проблем современного общества. Доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства и другие преступные действия, направленные на лишение жизни человеком самого себя, негативно сказываются в целом на системе уголовного права, хотя непосредственно самоубийство не является предметом его изучения. В целях раскрытия проблем указанных составов автор освещает историю становления ответственности за самоубийство и преступное участие в нем. Проанализирована ответственность за самоубийство и доведение до него путем ретроспективного анализа, то есть с учетом действующего законодательства. Согласно авторской позиции, самоубийство наказывалось только в ранние времена, но до сих пор оно является поступком, который общество осуждает. Понятие доведения до самоубийства сформировалось не сразу, но в итоге претерпело существенные изменения.

Ключевые слова: самоубийство, суицид, доведение до самоубийства, история, ответственность, криминализация, преступление, склонение к совершению самоубийства.

The article claims that committing suicide is one of the important social problems of modern society. Leading to suicide, inducement to commit suicide and other criminal actions aimed at depriving a person of his/her own life have a negative impact on the criminal law system as a whole, although suicide is not directly the subject of its study. In order to disclose the problems of the mentioned corpus delicti, the author highlights the history of the formation of responsibility for suicide and criminal participation in it. The responsibility for suicide and bringing to it is analysed by means of retrospective analysis, i.e., taking into account the current legislation. According to the author's position, suicide was punished only in early times,

but it is still an act that society condemns. The concept of driving to suicide was not formed at once, but eventually underwent significant changes.

Keywords: self-harm, suicide, assisted suicide, history, responsibility, criminalisation, offence, inducement to commit suicide.

Для уголовного права Российской Федерации (РФ) самоубийство, как деяние, не представляет большого интереса, поскольку не предусматривает выполнение целей уголовного наказания. Поэтому ответственность за совершение самоубийства или покушение на него отсутствует в действующем Уголовном кодексе (УК) РФ. Однако это прослеживается до того момента, пока для совершения такого деяния не привлечено еще одно лицо, чьи действия можно квалифицировать по статьям 110–110.2 УК РФ. Установление ответственности за такое преступление направлено на охрану в целом комплекса общественных отношений в сфере личных прав граждан[1]. Но всегда ли было именно так? Чтобы ответить на этот вопрос, очень важно проследить логическую связь при становлении ответственности за доведение до самоубийства на протяжении периода формирования российского уголовного права. Некоторые авторы даже определяют по этапам исторического развития уголовного законодательства в России[2]. Настоящее исследование проведено путем ретроспективного анализа, то есть рассмотрена норма о доведении до самоубийства с учетом изменения во времени, от текущего периода до исторического основания указанной нормы.

Действующая редакция статей 110–110.2 УК РФ применяется с июня 2017 г. Ранее ст. 110 «Доведение до самоубийства» УК РФ была представлена в содержании, идентичном диспозиции действующей ч. 1 указанной статьи, но с иной санкцией. Такие действия, как склонение, содействие, организация деятельности, направленной на побуждение, а также квалифицированный состав доведения отсутствовали. Это изменение обусловлено социальной обстановкой в стране и резонансными делами, которые невозможно было допустить вновь. Ситуация

[1] *Сбирунов П. Н.* Проблемные вопросы определения и совершенствования состава доведения до самоубийства // Magyar Tudományos Journal. 2020. № 42. С. 17.

[2] *Ларин Д. Н.* Развитие российского уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства // Юридический факт. 2021. № 128. С. 28.

осложнялась тем, что законодатель не рассматривал эти действия в качестве преступных. Как пишут ряд ученых, возникла необходимость корректировки указанных статей в сторону ужесточения ответственности за совершение деяний, предусмотренной данными составами[1].

В конце 2011 г. изменен пенализационный показатель категории «доведения до самоубийства» путем дополнения к имеющимся такого вида наказания, как принудительные работы. Другие изменения исследуемого состава с начала действия УК РФ отсутствуют. В УК РФ 1996 г. такое преступное деяние, как доведение до самоубийства, уже существовало. Так, с начала действия УК РФ, действующего сегодня, доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего наказывали ограничением свободы до трех лет или лишением свободы на срок до пяти лет[2]. За 27 лет существования УК РФ статья «Доведение до самоубийства» претерпела два изменения, одно из которых было существенным, так как произошла криминализация деяния. Законодатель тем самым решил разграничить круг действий в виде доведения, склонения, содействия, побуждения, направленных на поощрение суицидального поведения.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., предшествующий действующему УК РФ, также предусматривал ответственность за доведение до самоубийства при такой диспозиции: «Доведение лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного, до самоубийства или покушения на него путем жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства»[3]. Санкция статьи была практически равной первой редакции настоящего УК РФ, но предусматривала наказание только в виде лишения свободы на срок до пяти лет. Положение о том, что лицо, совершившее самоубийство или покушавшееся на его совершение, должно

[1] *Апкаев Д. М., Зыков Д. А.* Доведения до самоубийства: анализ состава преступления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 10. С. 113.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 13.06.1996) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Уголовный кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

находиться в материальной или иной зависимости по отношению к виновному, сегодня в УК РФ переведено в особо квалифицированный состав, а значит, предусматривает наказание строже, чем по основному составу. Отсутствие в основном составе этого положения можно объяснить тем, что не всегда причастные к самоубийству находятся в зависимости по отношению друг к другу. И наличие только этого исключения, в частности специального субъекта, допускает иным лицам произвести действия, направленные на совершение самоубийства другим лицом. На практике возникают случаи, в которых указанными действиями занимаются посторонние люди. Их цель невозможно понять. Но в случае, если эти действия совершают люди, находящиеся в зависимости от потерпевшего, такое деяние становится социально опасным, а значит, требует дополнительных мер, направленных на их предотвращение.

Ранее применялся УК РСФСР 1926 г., ст. 141 которого устанавливала ответственность за доведение до самоубийства или покушения на него. Пенализационный показатель был также равен пяти годам лишения свободы. Данный состав предусматривал содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего лица или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значения им совершаемого либо руководить своими поступками[1]. По конструкции составов «доведения до самоубийства» эти два предшествующих кодекса практически идентичны друг другу. Однако УК РСФСР 1960 г. не включал в отдельный состав содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего лица, обобщая это в основном составе.

УК РСФСР 1922 г., являвшийся первым советским УК, не включал ответственность за доведение до самоубийства. Несмотря на это, судебная практика устанавливает возможность «применения по аналогии статей, предусматривающих убийство»[2], а значит, необходимо рассмотреть ранее действовавшие правовые документы, содержащие уголовно-правовые нормы. В советское время УК стал основой как становления отечественного уголовного

[1] Уголовный кодекс Р.С.Ф.С.Р.: утв. постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

[2] *Пионтковский А. А.* Уголовное право. Особенная часть. Преступления против личности. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. С. 35.

законодательства в целом, так и введения в действие современного состава о доведении до самоубийства в частности. Практически полная идентичность конструкций говорит о разработанности исследуемой диспозиции. Государство на примере ошибок УК РСФСР 1922 г. совершенствовало вновь принятые кодексы, об этом говорит введение состава «Доведение до самоубийства» в УК РСФСР 1926 г.

Последним документом, содержащим нормы уголовного права, до образования Советского Союза было Уголовное уложение, утвержденное в 1903 г. В теории уголовного права многие авторы пишут о том, что доведение до самоубийства исключено из числа преступлений, поскольку законодатель включил состав способствования самоубийству[1]. Такие действия можно объяснить тем, что законодатель ввиду политических и экономических причин не увидел надобности во включении такого состава. С учетом того, что многие нормы этого Уложения не вступили в действие, ответственность была предусмотрена «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., которое действовало до принятия УК РСФСР 1922 г. Многие исследователи указывают, что ответственность за доведение до самоубийства возникла именно в этом Уложении. Оно «внедрило впервые в истории российского законодательства состав побуждения лицом, обладающим какой-либо властью, к самоубийству зависимого от него лица, то есть состав доведения до самоубийства лица, зависимого от виновного»[2]. Именно в этой норме усматривается законодательное становление современного состава доведения до самоубийства. Очевиден тот факт, что для квалификации такого преступного деяния, как доведение до самоубийства, необходимо было, чтобы лицо по отношению к потерпевшему находилось во властном состоянии, поскольку на тот момент еще не отменено крепостное право, а значит, действовали властные отношения. В этой норме можно отследить определенную защиту подвластных людей.

От Уложения 1845 г. до действующего законодательства отсутствует положение о наказании за совершение самоубийства,

[1] *Хатуев В. Б.* Доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: становление, состояние и проблемы уголовно-правовой регламентации в российском уголовном законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9 (106). С. 32.

[2] Там же. С. 33.

уже в указанный период это не считали преступлением. При Екатерине II людей, покушавшихся на совершение самоубийства, понижали в чине, а дворяне и купцы подвергались церковному покаянию на полгода[1]. Завещания, составленные самоубийцами, признавали недействительными, но такая мера распространялась только на лиц, которые при составлении завещаний находились в беспамятстве или сумасшествии. Свод законов Российской империи предусматривал лишение христианского обряда погребения для лиц, совершивших добровольное самоубийство. Следовательно, при отсутствии законодательного закрепления государство старалось любыми, действенными и значимыми на тот момент мерами предотвратить наступление последствий в виде смерти, причиненной самому себе.

В Морском Уставе 1720 г. Петра I отсутствовала ответственность за доведение до самоубийства, однако установлена кара за попытку самоубийства в виде смертной казни. Этого не предусматривали более новые правовые акты, устанавливающие наказание. Кроме того, в нем присутствовали обстоятельства, исключающие ответственность за самоубийство (например, болезнь, беспамятство и др.). Отсутствие нормы в данном правовом документе можно объяснить тем, что он направлен на конкретных лиц, в частности на моряков. Значит, и закрепление нормы не требовалось, поскольку действовал Артикул воинский 1715 г. Петра I, который предусматривал ответственность за самоубийство: через приговор судьи определяли способ погребения лица, совершившего самоубийство. Таким образом, еще в исследуемый период самоубийство считали поступком, осуждаемым обществом, тем самым предписывая совершение по отношению к самоубийцам позорящей процедуры[2]. Тело такого человека проносили по улице, чтобы показать всем, как поступать нельзя.

В XV в. самоубийство было приравнено к убийству, как и внезапная смерть в результате несчастного случая, что считалось душегубством на основании «Записи о душегубстве», а значит, было признано наиболее тяжким преступлением.

---

[1] *Алехин В. П., Голикова Е. Б.* История развития уголовной ответственности за доведение до самоубийства в дореволюционной России // Достижения науки и образования. 2018. № 10 (32). С. 47.

[2] *Худяков С. С.* Доведение до самоубийства – история развития отечественного уголовного законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 3. С. 170.

В. Б. Хатуев указывал, что нормы ответственности за доведение до самоубийства или покушения на него предусмотрены еще в Уставе князя Ярослава Владимировича о церковных судах – древнейшем источнике права[1]. Конечно, в указанный период отсутствовали современные термины, но интерпретировать данные нормы возможно. Так, в Уставе было предусмотрено, что родителям запрещено насильно выдавать замуж дочку или женить сына. Ответственность на родителей была возложена в случае, если ребенок что-то сделает с собой. Так, еще в XI–XIII вв. прослеживается тенденция к ответственности за доведение до самоубийства.

Ответственность за самоубийство в ранние периоды развития общества и государства была установлена именно духовными судами, которая на протяжении развития общества так и не приобрела иного оттенка. И в современном мире самоубийство трактуется как поступок, осуждаемый обществом и церковью, то есть является социальной проблемой. Причины совершения человеком акта суицида могут быть различны: проблемы в семье, отношениях, на работе и другие. Однако нередко возникают случаи, в которых на совершение самоубийства человека «подталкивают» путем физического или психологического воздействия, и в итоге он не видит иного способа прекратить эти действия. В таком случае возникает уголовно-правовая охрана.

На протяжении периода становления ответственности за доведение до самоубийства его уголовно-правовая регламентация неоднозначна. Так, ответственность то исчезала, то появлялась в законодательстве, в зависимости от политической, социальной и экономической обстановки. Тем не менее государство постоянно старалось предотвратить как совершение самоубийства, так и доведение до него. В ранние периоды государство это делало показательными и устрашающими методами, будь то лишение обряда погребения или лишение значимых вещей – классного чина, завещания. Все это направлено на то, чтобы население увидело последствия совершенного поступка. В дальнейшем стали обращать внимание на понятие доведения до самоубийства. Практически на протяжении периода становления уголовного права в целом нормы, предусматривающие ответственность за доведение до самоубийства, применялись только для лиц,

[1] *Хатуев В. Б.* Указ. соч. С. 29.

находящихся в определенной зависимости от лиц, совершивших самоубийство. Впоследствии государство отменило эту диспозицию, тем самым расширив круг лиц, которые могут совершить указанное преступление. Затем снова ввело ее, но уже как условие, отягчающее положение преступника. Все изменения указанного состава произведены с учетом иностранного опыта уголовно-правовой борьбы с анализируемым явлением[1].

Государство по-прежнему сегодня устанавливает дополнительные механизмы противодействия деятельности, направленной на побуждение как детей, так и взрослых к суицидальному поведению. Особое внимание уделено несовершеннолетним[2], сознание которых еще не сформировано в полной мере и которые более виктимны для данного преступления. Существенной проблемой в контексте темы настоящего исследования можно признать и развитие информационно-коммуникационной сети Интернет и социальных сетей[3]. Поэтому профилактические и превентивные мероприятия очень важны для предупреждения самоубийства.

Библиографический список

1. *Алехин В. П., Голикова Е. Б.* История развития уголовной ответственности за доведение до самоубийства в дореволюционной России // Достижения науки и образования. 2018. № 10 (32). С. 46–48.

2. *Апкаев Д. М., Зыков Д. А.* Доведения до самоубийства: анализ состава преступления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 10. С. 110–114.

[1] *Хатуев В. Б.* Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство по законодательству зарубежных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 3. С. 66.

[2] *Никонорова Ю. В.* К вопросу об уголовной ответственности за доведение до самоубийства несовершеннолетнего лица // Уголовное судопроизводство по делам несовершеннолетних и ювенальная юстиция: проблемы и перспективы развития (правовые, социальные и психолого-педагогические аспекты): сборник ст. науч.-представительских мероприятий / коллектив авторов. Руза: ИП Коняхин А. В., 2021. С. 131.

[3] *Мальцева О. А., Чаплыгина А. Д.* Особенности предотвращения доведения до самоубийства и склонения к совершению самоубийства несовершеннолетних в сети Интернет // Современная наука. 2021. № 1. С. 22.

3. *Ларин Д. Н.* Развитие российского уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства // Юридический факт. 2021. № 128. С. 28–29.

4. *Мальцева О. А., Чаплыгина А. Д.* Особенности предотвращения доведения до самоубийства и склонения к совершению самоубийства несовершеннолетних в сети Интернет // Современная наука. 2021. № 1. С. 21–23.

5. *Никонорова Ю. В.* К вопросу об уголовной ответственности за доведение до самоубийства несовершеннолетнего лица // Уголовное судопроизводство по делам несовершеннолетних и ювенальная юстиция: проблемы и перспективы развития (правовые, социальные и психолого-педагогические аспекты): сборник ст. науч.-представительских мероприятий / коллектив авторов. Руза: ИП Коняхин А. В., 2021. С. 131–134.

6. *Пионтковский А. А.* Уголовное право. Особенная часть. Преступления против личности. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 136 с.

7. *Сбирунов П. Н.* Проблемные вопросы определения и совершенствования состава доведения до самоубийства // Magyar Tudományos Journal. 2020. № 42. С. 14–18.

8. *Хатуев В. Б.* Доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: становление, состояние и проблемы уголовно-правовой регламентации в российском уголовном законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9 (106). С. 27–40.

9. *Хатуев В. Б.* Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство по законодательству зарубежных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 3. С. 50–69.

10. *Худяков С. С.* Доведение до самоубийства – история развития отечественного уголовного законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 3. С. 169–174.

УДК 340.5
ББК 67.3

М. В. Соболева
старший преподаватель
кафедры криминалистики
Нижегородской академии
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
Россия, г. Нижний Новгород
soboleva.mv79@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПЛАТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LEGAL LIABILITY FOR PROFESSIONAL OFFENCES IN THE SPHERE OF PAID MEDICAL SERVICES: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN EMPIRE AND THE RUSSIAN FEDERATION AND THE RUSSIAN FEDERATION

В статье исследуются институты платных медицинских услуг двух исторических периодов страны – Российской империи и Российской Федерации – в контексте ответственности медицинских работников за профессиональные правонарушения. Проведен сравнительный анализ правовых норм дореволюционного и современного законодательства, устанавливающих юридическую ответственность за врачебные ошибки. Показана сравнительная оценка деятельности правовых систем указанных периодов в сфере уголовного наказания. По результатам исследования автором выделена специфика юридической ответственности медицинских работников, характерная для Российской империи, и сделан акцент на целесообразности такого вида наказания за медицинские ошибки, как направление виновного на дополнительную подготовку и прохождение испытания для проверки медицинских знаний. Обоснован вывод о необходимости закрепления в современном уголовном законодательстве наказания за причинение тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности. Медицинский работник должен быть направлен на обязательную аккредитацию, подготовка к которой позволит актуализировать его знания в области медицинского искусства. В целом рассмотрение проблемы соотношения юридической ответственности в Российской империи и Российской Федерации

позволило установить объективную истину в познании прошлого и настоящего.

Ключевые слова: платные медицинские услуги, профессиональные правонарушения, юридическая ответственность, медицинские работники, неправильное лечение, медицинские ошибки, дефект в оказании медицинских услуг, нормативные правовые акты, сравнительно-правовой анализ.

The article studies the institutions of paid medical services of two historical periods of the country - the Russian Empire and the Russian Federation - in the context of responsibility of medical workers for professional offences. The comparative analysis of legal norms of pre-revolutionary and modern legislation establishing legal responsibility for medical errors is carried out. The comparative assessment of the activities of the legal systems of the mentioned periods in the field of criminal punishment is shown. Based on the results of the study, the author singled out the specifics of legal responsibility of medical workers, characteristic of the Russian Empire, and emphasised the expediency of such a type of punishment for medical errors as sending the perpetrator for additional training and passing a test to verify medical knowledge. The conclusion about the necessity of fixing in the modern criminal legislation the punishment for causing serious harm to health or death by negligence is substantiated. A medical worker should be sent for compulsory accreditation, preparation for which will allow to actualise his knowledge in the field of medical art. In general, the consideration of the problem of the correlation of legal responsibility in the Russian Empire and the Russian Federation allowed to establish the objective truth in the cognition of the past and present.

Keywords: paid medical services, professional offences, legal liability, medical workers, improper treatment, medical errors, defect in the provision of medical services, regulatory legal acts, comparative legal analysis.

Институт платных медицинских услуг не является исключительно современным правовым институтом. Это хронодискретный институт, который существовал в Российской империи и был возрожден в Российской Федерации (РФ) после продолжительного перерыва – существования Советского Союза. Современный правовой институт не является повторением дореволюционного, поскольку институты сформированы в разное время, при определенных условиях и существуют до тех пор, пока продолжают существовать соответствующие причины и обстоятельства, обусловливающие их появление. В связи с этим для исследования института платных медицинских услуг видится возможным применение методологии хронодискретного моногеографического сравнительного

правоведения[1]. При этом под институтом платных медицинских услуг в Российской империи и Российской Федерации следует понимать устойчивую группу взаимосвязанных правовых норм, регулирующих права, обязанности и ответственность всех участников общественных отношений, связанных с оказанием платных медицинских услуг.

Интерес к ответственности за профессиональные правонарушения, совершаемые медицинскими работниками, обусловлен необходимостью установления справедливого и разумного наказания и возник неслучайно. История медицинского дела насчитывает немало примеров, когда врачевателей привлекали к ответственности за неправильное лечение. Медицинские «ошибки» трактовали по-разному, а наказание варьировалось от смертной казни, церковного покаяния до общественного порицания, возмещения ущерба.

Первые Указы о наказании за неправильное лечение изданы Петром I в 1686 и 1700 гг., в которых установлено следующее: *«буде кто нарочно или не нарочно кого уморят, а про то сыщется: и им быть казненным смертью»*[2]. Основные профессиональные обязанности служащих медицинских чинов, сверхштатных и вольнопрактикующих врачей, акушеров и повивальных бабок предусмотрены Уставом врачебным, который вошел в первое издание тома XIII Свода законов Российской империи 1833 г.[3] За незаконную, ненадлежащую медицинскую практику и в целом неисполнение своих обязанностей медицинские работники подлежали ответственности по статьям 1078–1092 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение

[1] См., напр.: Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: проблемы методологии: коллективная монография / науч. ред. А. А. Демичев. М.: Русайнс, 2021. С. 19; Российские хронодискретные институты: монография / под ред. А. А. Демичева. М.: Русайнс, 2022. С. 28.

[2] О наказании лекарей за умерщвление больных по умыслу и по неосторожности // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. II. № 1171. СПб.: Тип. второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 747–748; О наказании незнающих медицинских наук, и по невежеству в употреблении медикаментов, причиняющих смерть больным // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. IV. № 1756. СПб.: Тип. второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.С. 10–11.

[3] Учреждения и Уставы Врачебные по гражданской части // Свод законов Российской империи: в 16 т. Т. 13. Ч. 3. СПб.: Тип. второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. С. 22–24, 28, 32–33.

о наказаниях)[1]. В редакции 1885 г. Уложения о наказаниях рассматриваемые статьи вошли под другими порядковыми номерами (870–880), дополнены примечаниями, уточняющими и дополняющими основной текст.

Прежде всего необходимо остановиться на положении ст. 872 Уложения о наказаниях в редакции 1885 г., которая устанавливала ответственность медицинских работников, как вольнопрактикующих, так и состоящих на государственной службе, за неоказание медицинских услуг, неявку по приглашению больных и предусматривала наказание в виде штрафа[2]. В дополнение к установленному штрафу за повторное неисполнение обязанностей, выраженное в «неуважении к страждущему человеку», медицинский служащий мог быть «отрешен» от занимаемой должности. Исключительное значение для нас имеют разъяснения относительно содержания настоящей статьи, согласно которым ответственность могла наступить, независимо от того, находился ли больной, обратившийся за помощью к врачу, в опасном положении или его болезнь не представляла угрозу жизни[3].

Законодательство Российской империи содержало правовую норму, устанавливающую ответственность за ошибки в медицинской практике. Статья 870 Уложения о наказниях 1885 г. определяла «ошибки» как «неправильное лечение», за которое назначалось наказание врачам, акушерам, повивальным бабкам в виде запрета на медицинскую практику и направления медика на повторные экзамены, а в подтверждение успешного знания медицинского дела – получения свидетельства. За ошибки во врачевании, повлекшие вред здоровью или смерть больного, виновный подлежал церковному покаянию[4].

---

[1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. Отд. 1. СПб.: Тип. второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1846. № 19283. С. 801–803.

[2] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: издание 1885 г., с включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 гг. // Свод законов Российской империи: в 16 т. Т. 15. Ч. 1. Петроград, 1916. С. 180–181.

[3] *Таганцев Н. С.* Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / сост. С. Н. Таганцев. 11-е изд., пересм. и доп. СПб.: Гос. тип., 1901. С. 343–344.

[4] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: издание 1885 г., с включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 гг. // Свод законов Российской империи: в 16 т. Т. 15. Ч. 1. Петроград, 1916. С. 180.

Профессиональному медику, имеющему свидетельство или диплом о специальном медицинском образовании, предоставляли полную и неограниченную свободу действий по отношению к пациенту[1]. Больным закон запрещал призывать к себе «шарлатанов»[2]. Вместе с тем не признавали правонарушениями действия вольнопрактикующих врачей, не имеющих право заниматься медицинской практикой, которые проявляли гуманность к больным и бесплатно помогали советом, а также не использовали токсические и сильнодействующие средства во время лечения[3]. В случае применения этих средств их действия могли быть квалифицированы по ст. 104 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., предусматривающей наказание в виде ареста или штрафа[4]. Это же деяние, сопряженное с причинением вреда здоровью больного, влекло уголовную ответственность по ст. 871[1] Уложения о наказаниях 1885 г., с назначением исправительного наказания в виде лишения свободы или ареста, или денежного штрафа[5].

Уголовно наказуемым деянием в XIX в. считали искусственное прерывание беременности, осуществленное медицинским работником по согласию женщины, за что было предусмотрено наказание в соответствии со ст. 1462–1463 Уложения о наказаниях 1885 г. в виде лишения всех прав состояния и ссылки на поселение[6].Советское законодательство уже исходило из идеи о ненаказуемости аборта при условии, что он произведен врачом[7]. Сегодня это врачебное вмешательство не является наказуемым при соблюдении всех нормативных требований относительно квалификации медицинского работника.

---

[1] Учреждения и Уставы врачебные по гражданской части // Свод законов Российской империи: в 16 т. Т. 13. Ч. 3. СПб.: Тип. второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. С. 19, 26.

[2] Там же. С. 26.

[3] Там же. С. 26.

[4] Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Ч. 1. 2-е изд., доп. СПб.: Гос. канцелярия, 1867. С. 47.

[5] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: издание 1885 г., с включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 гг. // Свод законов Российской империи: в 16 т. Т. 15. Ч. 1. Петроград, 1916. С. 180.

[6] Там же. С. 328–329.

[7] *Василевский Л. М.* Аборт как социальное явление. 2-е изд., значительно доп. и испр. Днепропетровск: Космос, 1927. С. 61–62.

Наказание в виде лишения всех прав состояния и ссылки на каторжные работы назначали медицинскому чиновнику за коррупционное преступление. Медицинский чиновник, изобличенный в корыстных побуждениях в выдаче заведомо ложного свидетельства о болезни, подвергался наказанию за получение взятки, предусмотренному ст. 373 Уложения о наказаниях 1885 г.

Итак, с учетом вышеизложенного дореволюционное законодательство предусматривало ответственность медицинских работников (вольнопрактикующих и медицинских служащих) за профессиональные деяния, носящие противоправный характер. К ним отнесены:

неявка на вызов больного (неоказание помощи больному, независимо от состояния его здоровья);

медицинские ошибки (неправильное лечение);

оказание медицинских услуг на возмездной основе лицами, не имевшими специального образования;

причинение смерти по неосторожности;

искусственное прерывание беременности;

получение взятки медицинским чиновником.

Гражданская ответственность медицинских работников могла возникнуть из договора оказания платных услуг. В Российской империи отношения, возникающие при оказании платных услуг, включали в себя согласованные обязательства сторон, облеченные как в устный, так и письменный договор (разъяснение к ст. 276 Устава врачебного 1905 г.)[1], который относился к категории договоров «о действиях личных», а именно «о найме в услуги», где одно лицо приобретает право пользоваться услугами другого лица за вознаграждение. Такие договорные соглашения носили частноправовой характер, регулировались нормами гражданского законодательства и пользовались судебной защитой[2].

[1] *Колычев Л. А.* Устав врачебный, изд. 1905 г. и по Продолжениям 1912 и 1913 гг., и узаконения по врачебно-санитарной части, дополненные постатейными разъяснениями Сената и правительственных установлений, правилами и инструкциями / сост. Л. А. Колычев. Неофиц. изд. Петроград: В. П. Анисимов, 1915. С. 89.

[2] О обязательствах по договорам // Свод законов Российской империи: в 16 т. Т. 10. Ч. 1. СПб.: Тип. второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. Ст. 1528. С. 302.

В зависимости от характера профессиональных правонарушений медицинские работники могли понести следующие виды юридической ответственности:

уголовные: за деяния, воспрещенные законом и носящие преступный характер, которые влекли за собой более суровое наказание при их совершении медицинским служащим, а также преступные деяния по должности (получение взятки);

гражданские: за нарушение договорных обязательств, причинение внедоговорного имущественного ущерба;

административные: за правонарушения, предусмотренные Уставом врачебным, с определением административных наказаний, налагаемых полицейской властью;

4) *дисциплинарные*: за нарушение обязанностей, предусмотренных Уставом врачебным.

Наряду с юридической господствовала моральная ответственность – внутреннее состояние дореволюционного врача. Врач прежде всего был ответственен перед своей совестью, коллегами и пациентами, только в крайних случаях он мог предстать перед законом и судом[1].

В настоящее время в России при оказании медицинских услуг можно выделить несколько видов ответственности медицинских работников: уголовную; гражданско-правовую за нарушение договорных обязательств, причинение внедоговорного имущественного ущерба; административную и дисциплинарную. В современной медицинской практике также важна морально-нравственная ответственность, поскольку здоровье человека не может быть предметом торга или морального осуждения.

Рассматривая уголовную ответственность медицинских работников, выделим и обобщим преступления, связанные с нарушением ими профессиональных обязанностей. В зависимости от специфики осуществляемой медицинской деятельности следует различать несколько *групп*:

преступления, связанные с ненадлежащим исполнением медицинским работником своих профессиональных обязанностей, такие как причинение по неосторожности вреда здоровью

[1] *Трегубов С. Н.* Уголовная ответственность врача за врачевание без согласия больного: доклад, прочитанный в заседании Уголов. отд-ния Юрид. о-ва при С.-Петерб. ун-те и напечатанный в Журн. М-ва юст. (март 1904 г.). СПб.: Сенат. тип., 1904. С. 43, 53.

пациентов в процессе оказания медицинских услуг (ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, статьи 122, 124, 236 УК РФ)[1];

преступления, связанные с нарушением особых правил (ч. 2 ст. 137 УК РФ);

преступления, повлекшие нарушение прав граждан в сфере охраны здоровья (статьи 120, 293 УК РФ);

преступления против здоровья и интересов личности, общественной нравственности, связанные с осуществлением медицинской деятельности (статьи 153, 233, 235, 238 УК РФ).

Несмотря на то, что деяния, предусмотренные статьями 120, 153, 233, 235 и 238 УК РФ, затрагивают взаимоотношения «медицинский работник – пациент», законодатель не определил медицинского работника в качестве специального субъекта совершения преступления, что повышает степень общественной опасности совершенных ими деяний. В связи с этим использование медицинским работником профессиональных обязанностей при совершении указанных преступлений должно быть выделено законодателем в качестве квалифицирующего признака.

Уголовные преследования медицинских работников единичны. Вместе с тем существует ряд обстоятельств, определяющих повышенный интерес к профессиональной ответственности со стороны исследователей и медицинских работников. В первую очередь это связано с проблемой толкования понятий, использование которых определяет возможность привлечения к уголовной ответственности.

В отличие от дореволюционного уголовного законодательства, в котором «ошибка» определена как «неправильное лечение», сегодня термин «врачебная ошибка», не имеющий юридической основы, трактуется в медицинской литературе неоднозначно. На протяжении десятилетий в отечественной практике ведущее определение дано академиком И. В. Давыдовским. Он понимал ошибку как «добросовестное заблуждение врача при исполнении им профессиональных обязанностей», если в ней не выявлены элементы халатности,

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

невнимательности или медицинского невежества[1]. Этим определением созданы основы для многих других, сформулированных в медицинской литературе. Чаще всего под «врачебными ошибками» понимают наступление неблагоприятных последствий лечения при надлежащем выполнении медицинским работником своих обязанностей, связанных с добросовестным заблуждением, крайней сложностью заболевания, несовершенством медицинских знаний и т. д.[2] В таких случаях ответственность не возникает.

Законодательство Российской империи предусматривало ответственность за ошибки в медицинской практике и причинение смерти больному по неосторожности, устанавливало принудительное церковное покаяние в качестве наказания, которого нет в современном законодательстве. Кроме того, назначали наказание в виде направления на сдачу экзамена. В настоящее время существует иная оценка врачебных ошибок, и законодатель определяет их как влекущие уголовную ответственность за совершение в медицинской практике преступлений по неосторожности и исключающие уголовную ответственность в результате невиновного причинения вреда. Учитывая исторический опыт, представляется необходимым закрепить в современном уголовном законодательстве наказание за причинение тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности (ч. 2 ст. 118 или ч. 2 ст. 109 УК РФ) в виде направления медицинского работника на обязательную аккредитацию, подготовка к которой позволит актуализировать его знания в области медицинского искусства.

При рассмотрении уголовных дел в отношении медицинских работников обычно речь идет о преступлениях, совершенных по неосторожности, а не с прямым умыслом. Совершенное по легкомыслию или небрежности, если виновное лицо, хотя и не предвидело возможности таких последствий, но с необходимой осторожностью и предусмотрительностью должно было и могло их предвидеть[3]. Не менее распространенной ситуацией в

[1] *Давыдовский И. В.* Врачебные ошибки. Большая медицинская энциклопедия: в 35 т. Т. 5 / гл. ред. Н. А. Семашко. М.: Советская энциклопедия, 1928. С. 697–700.

[2] *Лесниченко А. М.* Врачебные ошибки // Вопросы науки и образования. 2018. № 13-25. С. 66.

[3] *Сенокосова Е. К.* Преступная некомпетентность и недобросовестность в медицине: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 40.

медицинской практике является несчастный случай, если нельзя предвидеть и предотвратить все возможные варианты неблагоприятного исхода при оказании медицинских услуг, что исключает уголовную ответственность в соответствии со ст. 28 УК РФ.

Сравнительно-правовой анализ неоказания помощи больному медицинскими работниками в дореволюционный период (статьи 872, 873, 1522 Уложения о наказаниях 1885 г.) и современной России (ст. 124 УК РФ), позволил установить, что наказание медицинским работникам Российской империи следовало независимо от последствий для больного, в то время как медицинским работникам РФ назначают уголовное наказание за неоказание медицинской помощи, повлекшее причинение вреда здоровью пациента средней тяжести. Административная ответственность медицинских работников сегодня может наступить за нарушение законодательства в области санитарно-эпидемиологического благополучия, незаконную частную медицинскую практику, незаконное предпринимательство.

Типичным представителем публичной правовой ответственности в течение длительного времени была дисциплинарная ответственность. Это связано с тем, что в советский период государство было собственником всех медицинских учреждений, а трудовой деятельности придавали государственное значение. Поэтому любой дисциплинарный проступок воспринимался как правонарушение, наносящее вред государству.

В настоящее время трудовые обязательства стали официально договорными, формирующимся между медицинским работником и работодателем, а значит, ответственность за их нарушение носит частный правовой характер. Наиболее существенным представителем частной правовой ответственности выступает гражданско-правовая ответственность, возникающая за неисполнение медицинскими работниками своих гражданских обязанностей или нарушение гражданских прав других лиц, которые предусмотрены нормативными правовыми актами и договором. Субъектом гражданско-правовой ответственности с учетом действующего законодательства является медицинская организация, если фактически причинителем вреда выступает определенный медицинский работник.

При оказании платных медицинских услуг ответственность возникает в первую очередь из договора, определенные

требования к которому предусмотрены ст. 778–783 Гражданского кодекса (ГК) РФ. В соответствии со ст. 15 ГК РФ медицинская организация при оказании медицинских услуг, независимо от ее вины, если запланированный результат лечения не достигнут, обязана обеспечить продолжение лечения бесплатно или вернуть оплату, а в случае признания вины – возместить моральный ущерб. При неудовлетворении на добровольной основе имущественных требований потребителя медицинских услуг к исполнителю спор подлежит разрешению в рамках гражданского судопроизводства[1]. Вред, причиненный жизни и здоровью пациента в результате ненадлежащего оказания услуг, а также предоставления неполной или недостоверной информации об услуге, согласно ст. 1095 ГК РФ, возмещает исполнитель, заключивший договор с потребителем услуги.

Подводя итоги исследования юридической ответственности медицинских работников в Российской империи и Российской Федерации можно дополнить, что законодательством были установлены и сегодня действуют правила поведения для медицинских работников, за нарушение которых виновные могли быть привлечены к ответственности различных видов. Характер совершенных деяний медицинских работников и проанализированная степень общественной опасности позволяют сделать однозначно важный вывод о том, что человеческая жизнь была и остается высшей ценностью, которая должна быть защищена самым надежным способом

Библиографический список

1. *Василевский Л. М.* Аборт как социальное явление. 2-е изд., значительно доп. и испр. Днепропетровск: Космос, 1927. 162 с.

2. *Давыдовский И. В.* Врачебные ошибки // Большая медицинская энциклопедия: в 35 т. Т. 5 / гл. ред. Н. А. Семашко. М.: Советская энциклопедия, 1928. С. 697–700.

3. *Колычев Л. А.* Устав врачебный, изд. 1905 г. и по Продолжениям 1912 и 1913 гг., и узаконения по врачебно-санитарной части, дополненные постатейными разъяснениями Сената и правительственных установлений, правилами и

[1] О защите прав потребителей: закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (в ред. от 5 декабря 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3. Ст. 140.

инструкциями / сост. Л. А. Колычев. Неофиц. издание. Петроград: В. П. Анисимов, 1915. 660 с.

4. *Лесниченко А. М.* Врачебные ошибки // Вопросы науки и образования. 2018. № 13-25. С. 66–78.

5. Российские хронодискретные институты: монография / под ред. А. А. Демичева. М.: Русайнс, 2022. 246 с.

6. *Сенокосова Е. К.* Преступная некомпетентность и недобросовестность в медицине: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 207 с.

7. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Ч. 1. 2-е изд., доп. СПб.: Гос. канцелярия, 1867. 201 с.

8. *Таганцев Н. С.* Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / сост. С. Н. Таганцев. 11-е изд., пересм. и доп. СПб.: Гос. тип., 1901. 925 с.

9. *Трегубов С. Н.* Уголовная ответственность врача за врачевание без согласия больного: доклад, прочитанный в заседании Уголов. отд-ния Юрид. о-ва при С.-Петерб. ун-те и напечатанный в Журн. М-ва юст. (март 1904 г.). СПб.: Сенат. тип., 1904. 54 с.

10. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: проблемы методологии: коллективная монография / науч. ред. А. А. Демичев. М.: Русайнс, 2021. 176 с.

УДК 347.963
ББК 67.72

И. А. Соколов
аспирант кафедры
организации судебной и
прокурорско-следственной деятельности
Московского государственного
юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
мировой судья судебного участка № 336
Балашихинского судебного района
Московской области
Россия, Московская область, г. Щелково
sokolovilyapilot@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

THE SPECIFICS OF DEFINING THE LIMITS OF THE PROCURATOR'S OFFICE'S ACTIVITIES TO PROVIDE INFORMATION SECURITY OF THE STATE

В статье исследована проблематика определения пределов как надзорной, так и ненадзорной деятельности прокуратуры по обеспечению информационной безопасности государства. На основе общего понимания категорий «пределы прокурорского надзора», «пределы прокурорской деятельности» автором раскрыты особенности определения границ рассматриваемого направления деятельности надзорного органа не только по классическим критериям (круг нормативных правовых актов, круг объектов прокурорской деятельности, внутриведомственные разграничения и т. д.), но и выделены критерии, характерные для сферы обеспечения информационной безопасности государства (запрет ограничения определенных видов информации). Сделан вывод об ограниченности пределов такой деятельности, обусловленных не только особенностями действующего законодательства, субъектного состава правоотношений, но и спецификой феномена информации, культурными особенностями, связанными с ее распространением.

Ключевые слова: информация, прокуратура, информационно-коммуникационные технологии, прокурорская деятельность, закон, информационная безопасность государства, защита информации, пределы прокурорского надзора.

The article investigates the problem of defining the limits of both supervisory and non-supervisory activities of the prosecutor's office to ensure information security of the state. On the basis of the general understanding of the categories "limits of prosecutor's supervision", "limits of prosecutor's activity" the author reveals the peculiarities of defining the limits of the considered area of activity of the supervisory body not only by classical criteria (the range of normative legal acts, the range of objects of prosecutor's activity, intra-departmental delimitations, etc.), but also highlighted the criteria characteristic of the sphere of ensuring information security of the state (prohibition to restrict certain types of information). The conclusion is made about the limited limits of such activities, conditioned not only by the peculiarities of the current legislation, the subject composition of legal relations, but also by the specificity of the phenomenon of information, cultural features associated with its dissemination.

Keywords: information, prosecutor's office, information and communication technologies, prosecutor's activity, law, information security of the state, information protection, limits of prosecutor's supervision.

Вопросы об установлении пределов прокурорской деятельности, без сомнения, имеют теоретическую и практическую значимость. Рассматриваемая тема до настоящего времени относится к разряду дискуссионных, в том числе и по причине отсутствия закрепления указанной правовой категории в федеральном законодательстве, а также на ведомственном уровне.

А. Ю. Винокуров вполне справедливо считает, что понятие «пределы прокурорского надзора» представляет собой «один из краеугольных камней теории и практики прокурорского надзора»[1]. Одновременно с этим вопросам различных аспектов рассматриваемой категории посвящено множество научных работ и публикаций[2]. С точки зрения А. Х. Казарина, пределы прокурорского надзора – это правовая категория, в рамках которой заключаются границы как должного, так и возможного, и запрещенного в процессе выбора прокурором объектов предстоящей прокурорской проверки. Кроме того, пределы прокурорского надзора определяют границы применения

[1] *Винокуров А. Ю.* Актуальные вопросы организации и деятельности прокуратуры: избранные статьи. М., 2012. С. 174.

[2] См., напр.: *Бессарабов В. Г., Викторов И. С., Казарина А. Х., Маматов М. В.* Предмет, пределы надзора за исполнением законов и полномочия прокурора по его осуществлению // Настольная книга прокурора / под общ. ред. С. Г. Кехлерова, О. С. Капинус. М.: Юрайт, 2013. С. 175.

прокурорских полномочий и средств прокурорского реагирования на факты нарушения закона, выявление которых проводится в процессе прокурорского надзора[1].

А. Д. Берензон полагает, что такая категория, как «пределы прокурорского надзора», реализуется в правовом пространстве с помощью «совокупности следующих элементов: круга предприятий, на которые распространяется общий надзор; круга актов, надзор за исполнением которых возложен на прокуроров; характера общенадзорных действий; реализации прокурорских обязанностей по выявлению обстоятельств, способствующих нарушению законов; характера вмешательства прокуроров в деятельность учреждений и организаций, а также должностных лиц в процессе реагирования на выявленные нарушения закона»[2]. В научной работе В. Г. Даевой и М. Н. Маршуновой «пределы прокурорского надзора» охарактеризованы как правовая категория, позволяющая определить компетенцию прокуроров по осуществлению надзора, с точки зрения установления группы нормативных актов, точное и единообразное исполнение которых составляет предмет прокурорского надзора, круга органов, деятельность которых поднадзорна прокуратуре, а также объема полномочий прокуроров[3].

Большой научный интерес представляет собой правовая модель А. Х. Казариной. В рамках данной правовой модели выделяют критерии (то есть «ограничители») пределов прокурорского надзора. В их число входят: 1) круг актов, за соблюдением которых осуществляется прокурорский надзор; 2) круг объектов, за законностью в работе которых осуществляется прокурорский надзор; 3) полномочия прокурора[4]. В целом, соглашаясь с указанными критериями, а также исходя из возможности применения перечисленных критериев не только к надзорной, но и к ненадзорной видам деятельности, целесообразно выделить следующие особенности определения пределов

[1] *Казарина А. Х.* Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов (сфера предпринимательской и иной экономической деятельности). М.: ИПК РК Генеральной прокуратуры РФ, 2005. С. 99.

[2] *Берензон А. Д.* Основные направления совершенствования общего надзора советской прокуратуры: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1977. С. 9.

[3] *Даева В. Г., Маршунов М. Н.* Основы теории прокурорского надзора. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. С. 63.

[4] *Казарина А. Х.* Указ. соч. С. 100.

деятельности прокуратуры в сфере участия в обеспечении информационной безопасности государства:

1. По кругу нормативных правовых актов, образующих предмет прокурорского надзора: Конституция Российской Федерации (РФ), федеральные конституционные, федеральные законы и законы субъектов РФ, международные правовые акты, международные договоры и соглашения, регламентирующие правоотношения в сфере обеспечения информационной безопасности государства, подзаконные акты, а также иные нормативные правовые акты субъектов РФ и органов местного самоуправления, которые приняты в рамках их компетенции в области информационной безопасности.

2. По кругу объектов осуществления прокурорской деятельности в сфере обеспечения информационной безопасности государства: круг объектов надзорной деятельности четко очерчен в ст. 21 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

Под объектом деятельности прокурора в современной правовой науке понимают деятельность определенных субъектов в области исполнения законов. Эти субъекты обладают прокурорскими компетенциями по осуществлению надзора, а также деятельности в отношении иных субъектов права – участников правоотношений, на которых распространяется компетенция прокурора по реализации полномочий, не являющихся надзорными по своей природе[1].

Итак, объектом прокурорской деятельности может служить деятельность таких субъектов, которые в парадигме существующего законодательства не могут быть объектами прокурорского надзора: физическими лицами (например, при реализации функции по проведению административного расследования и возбуждению дел о соответствующих правонарушениях), судебными органами (как правило, в случае обеспечения прокурорского участия в административном, гражданском и уголовном судопроизводстве) и т. д. Рассматривая возможность отнесения деятельности того или иного субъекта к объектам прокурорской деятельности применительно к вопросам информационной государственной безопасности, можно подробно

[1] *Коршунова О. Н., Головко И. И.* Категория объекта в теории прокурорской деятельности: теоретический и прикладной аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 71.

охарактеризовать Доктрину информационной безопасности, утвержденную Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646. Важная роль в Доктрине отведена силам обеспечения информационной безопасности (или субъектам информационной безопасности государства).

Поскольку круг объектов прокурорской деятельности включает в себя объекты как надзорной, так и ненадзорной деятельности прокуратуры, представляется возможным прийти к заключению о том, что деятельность всех приведенных в Доктрине информационной безопасности субъектов (Совета Федерации, Правительства, Центробанка) может служить объектом деятельности прокуратуры по обеспечению информационной безопасности государства в той или иной мере (например, в аспекте взаимодействия с неподнадзорными органами).

Обратим внимание на деятельность судебных органов, а также физических лиц в качестве специфичных объектов деятельности прокурора по обеспечению информационной безопасности государства. Например, деятельность судов может выступать объектом прокурорской деятельности в рассматриваемой сфере при обращении прокурора в суд с исковыми заявлениями (заявлениями), а также иных формах участия в гражданском, арбитражном, административном и уголовном судопроизводстве (например, вступление в дело для дачи заключения).

Прокурор вправе ориентировать суд на необходимость осуществления разбирательства в закрытом судебном заседании путем заявления соответствующего ходатайства в случае возникновения необходимости сохраняемой законом тайны, разглашение которой может нести информационную угрозу защищенности государства, общества, граждан (ст. 10 Гражданского процессуального кодекса (ГПК) РФ, ст. 11 Кодекса административного судопроизводства (КАС) РФ). Прокурор вправе заявлять суду мотивированные отводы, ходатайства в рамках административного искового заявления и рассмотрения административного дела, обжаловать судебные постановления в предусмотренном законом порядке, в том числе и о запрете на распространение определенной информации, размещенной в интернете.

Деятельность граждан как субъектов информационной безопасности тоже может служить объектом деятельности прокурора в сфере обеспечения информационной безопасности

государства. При осуществлении полномочий по административному преследованию прокурор (исходя из положений ст. 28.4 Кодекса РФ об административных правонарушениях) обладает полномочиями по возбуждению производств об административных правонарушениях и осуществлению административных расследований в отношении физических лиц за совершение ряда правонарушений в сфере информационной безопасности (например, в сфере распространения экстремистских материалов, что регулируется ст. 20.29 Кодекса РФ об административных правонарушениях).

Кроме того, предполагается, что деятельность физических лиц может служить объектом деятельности прокуратуры в рассматриваемой сфере и иных случаях. Например, при осуществлении профилактической работы (речь идет об участии прокурора в заседаниях рабочих собраний трудовых коллективов, лекциях в образовательных учреждениях и иных формах работы прокурора по правовому просвещению).

3. По критерию разграничения полномочий прокуратуры внутри ведомства:

1) разграничения полномочий по признаку «специализации» прокуратур (например, особенности в деятельности военных и специализированных прокуратур). Так, исключительные обязанности военной прокуратуры включают в себя противодействие в участии военнослужащих в деятельности экстремистских организаций или распространении ими экстремистских материалов, в том числе в глобальной информационной сфере;

2) разграничения полномочий по территориальному признаку;

3) разграничения полномочий по звеньевому (субординационному) признаку.

В частности, прокуроры городских, районных и приравненных к ним военных и специализированных прокуратур лишены возможности самостоятельно принимать решения по выявленным фактам нарушений в области распространения информации. Прокуроры нижнего звена осуществляют предварительное рассмотрение поступивших уведомлений о нарушениях информационной безопасности, а затем направляют соответствующие материалы не позднее десяти рабочих дней (по общему правилу) с момента поступления таких уведомлений в прокуратуры субъектов.

4. По объему полномочий прокурора:

1) в соответствии с п. 2 ст. 21 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокурорам в рамках отведенных им полномочий и соответствующего предмета ведения запрещается подменять другие государственные органы. Размытость указанной формулировки привела к наличию нескольких подходов о допустимости и случаях подмены органами прокуратуры контролирующих (прежде всего) органов, а на практике – к многочисленным случаям прокурорского вмешательства в правоотношения вместо иных уполномоченных органов. В частности, К. И. Амирбеков указывает на то, что со стороны прокурора обоснованной будет подмена контролирующего органа в случаях его бездействия, отсутствия такого органа в государстве и в условиях чрезвычайных ситуаций[1].

В пособии «Проверка прокурором исполнения законов» под общей редакцией Н. В. Субановой приведен ряд обстоятельств, при которых подмена иных органов допустима и законна. Среди них – наличие оснований полагать предвзятость органов государственного контроля, их хроническое бездействие, попустительство, неэффективность принятых мер и др[2]. Н. Д. Бут справедливо пишет о том, что прокурор не может действовать вместо контролирующего органа, перекладывая на себя обязанности специально созданных контролирующих служб, освобождая их от ответственности перед государством и обществом[3].

Государственный контроль в сфере законодательства об обеспечении информационной безопасности государства осуществляется органами государственной власти в соответствии с компетенцией в зависимости от предмета регулируемой сферы. Так, контроль за обеспечением защиты государственной тайны возложен на органы Федеральной службы безопасности (ФСБ) России. Кроме того, Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» четко определены органы,

[1] *Амирбеков К. И.* К вопросу о подмене органами прокуратуры иных государственных органов // Законность. 2015. № 9. С. 42.

[2] Проверка прокурором исполнения законов: пособие / под общ. ред. Н. В. Субановой. М.: Ген. прокуратура РФ; Академия Ген. прокуратуры РФ, 2015. С. 17.

[3] *Бут Н. Д.* Теоретические, правовые и организационные основы прокурорского надзора за исполнением законов о свободе экономической деятельности в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 170.

уполномоченные осуществлять межведомственный и ведомственный контроль в сфере обеспечения сохранности сведений, составляющих государственную тайну.

Так называемым ограничителем для вмешательства прокурора в отношения, связанные с обеспечением информационной безопасности государства, являются положения Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в которых установлен административный порядок блокирования доступа к различным видам информации. Например, Генеральный прокурор РФ или его заместители могут обратиться в Роскомнадзор с требованием блокировать доступ к определенным информационным ресурсам или удалить информацию, в которой содержатся оскорбления человеческого достоинства и общественной нравственности или призывы к массовым беспорядкам, или к осуществлению экстремистской деятельности.

Прокуратура является не единственным государственным институтом, который может идентифицировать экстремистскую или нежелательную информацию в интернете. В соответствии с административными решениями уполномоченных органов исполнительной власти в пределах их полномочий, например, сотрудники МВД России выносят административные решения в отношении сайтов, которые содержат способы изготовления наркотических средств. Роспотребнадзор выносит соответствующие решения в отношении сайтов, содержащих способы совершения самоубийства. Федеральная налоговая служба (ФНС) России выносит административные решения в отношении сайтов или страниц, в которых содержится информация об осуществлении азартной деятельности в сети Интернет. Роскомнадзор выносит административные решения в отношении материалов с использованием порнографических изображений несовершеннолетних и др.

Поэтому с учетом дополнительных изменений, внесенных в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также требований подзаконных актов представляются неверными случаи обращения прокурора в суды в порядке административного судопроизводства с исками о признании запрещенной к распространению информации о способах покупки воинского билета, приобретения психоактивных веществ, о

продаже поддельных дипломов, о приобретении автомобильных номеров и т. д.[1], поскольку предусмотрен административный порядок ограничения этой информации. Подобные действия прокурорских работников выходят за пределы прокурорской надзорной деятельности в изучаемой сфере.

В результате анализа приведенных норм приходим к выводу о том, что деятельность прокуратуры в сфере обеспечения информационной безопасности ограничена соответствующими полномочиями государственных органов, в компетенцию которых входят осуществление федерального государственного контроля, а также межведомственного и ведомственного контроля, а также иные административные полномочия в этой сфере;

2) в п. 2 ст. 26 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» содержится запрет на вмешательство прокуратуры в повседневную деятельность экономических организаций. Указанный аспект, определяющий границы прокурорского вмешательства, уточнен ведомственными актами Генеральной прокуратуры РФ. Некоторые исследователи предлагают расширить перечень объектов прокурорского надзора, вмешательство в оперативно-хозяйственную деятельность которых со стороны прокуратуры должно быть ограничено (в частности включить в такой перечень все объекты прокурорского надзора)[2].

Специфика изучаемого направления деятельности прокуратуры сама по себе крайне ограничивает вероятность административного вмешательства органов прокуратуры в экономическую деятельность организаций при осуществлении полномочий надзорного и ненадзорного характера. Поэтому в

[1]См., напр.: Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 мая 2021 г. № 88а-7716/2021 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=33234&ysclid=ln03g8hs9t18312287#Nt67xqTkhmPTe1P82 (дата обращения: 10.05.2023); Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13 октября 2021 г. № 88а-16200/2021 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: ttps://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=43603&ysclid=ln03j2ujml800542518#Z9f7xqTWwYDnqmQL (дата обращения: 10.05.2023).

[2] См., напр.: *Черепанов М. М.*, *Пугачев А. В.* Принцип невмешательства органов прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных субъектов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 1. С. 101.

процессе реализации прокуратурой деятельности, направленной на обеспечение информационной безопасности государства, стоит руководствоваться общими критериями запретов на такое вмешательство, установленными федеральным законодательством и ведомственными актами;

3) запрет ограничения определенных видов информации. На наш взгляд, указанный ограничительный критерий вытекает из двух важнейших принципов: конституционного права каждого на получение информации и принципа целесообразности, соразмерности вмешательства прокурора в информационную сферу.

Так, например, в ст. 3.1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» закреплен порядок применения законодательства о противодействии экстремистской деятельности в отношении определенных религиозных текстов. В соответствии с указанной нормой такие основополагающие религиозные труды, как Библия, Танах, Ганджур и Коран, цитаты и выдержки из них не могут быть рассмотрены как экстремистские материалы.

Закрепление конкретных источников информации, в отношении которых не могут быть применены общие правила оценки относительно наличия признаков экстремизма, можно считать своего рода новеллой национального законодательства. Возникновению указанной нормы предшествовало решение Южно-Сахалинского городского суда от 12 августа 2015 г. по делу № 2-118/2015, которым удовлетворено заявление прокурора Южно-Сахалинска о признании книги «Мольба (дуа) к Богу: ее назначение и место в Исламе» экстремистской. В контексте указанного судебного постановления экстремистскими признаны в том числе и аяты из Корана. Впоследствии апелляционной инстанцией решение суда отменено[1].

Принятие подобного решения, в том числе факт обращения прокурора с таким иском, вызвали в обществе широкий резонанс с резко негативной оценкой[2]. Как результат, Генеральным прокурором РФ издан приказ от 16 марта 2016 г. № 159 «О порядке

[1] Решение Южно-Сахалинского городского суда Сахалинской области от 12 августа 2015 г. по делу № 2-118/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/court/gzOHqjYEH14/?ysclid=ln04aurbs3937682494 (дата обращения: 23.10.2022).

[2] См., напр.: *Вышковская Т.* Честь Корана защитил Сахалинский суд // Коммерсантъ. 2015. 5 ноября.

реализации прокурорами полномочий по направлению в суд заявлений о признании информационных материалов экстремистскими», в котором указано, что прокурорское реагирование не должно вызывать неблагоприятные социальные последствия.

Таким образом, на ведомственном уровне закреплено, что деятельность прокуратуры в изучаемой сфере должна не только соответствовать действующим в России законам, но и отвечать основным принципам информационной безопасности, информационной этики, принципам разумности, соразмерности и здравому смыслу в целом. Полагаем, что не только на установленные религиозные источники может распространяться запрет на возможность ограничения их распространения.

Активная общественно-политическая дискуссия развернулась после того, как в Ставропольском крае прокуроры с помощью мер прокурорского реагирования потребовали изъять книги С. Есенина, И. Бунина и В. Набокова за «эротику, мистику, ужасы и хулиганские стихи» из школьных библиотек[1]. Впоследствии в отношении прокурора, который предоставил СМИ комментарии о запрете в школах и изъятии книг С. Есенина и В. Набокова, применены строгие меры дисциплинарной ответственности[2].

Данные факты свидетельствуют о необходимости прокурора более ответственно, а не формально оценивать любые информационные материалы, в том числе в контексте их исторической, культурной значимости. В связи с этим полагаем невозможным ограничивать в распространении общепризнанные культурные достижения: произведения классической литературы, художественные и документальные фильмы, прокат которых уже осуществлен на территории РФ, картины и скульптуры и т. д. В противном случае прокуратура рискует стать своего рода цензором, искусственно влияя на развитие культуры в государстве.

[1] *Ганенко Н.* Прокуратура на Ставрополье потребовала изъять из школ книги Есенина // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). 2013. 20 ноября. URL: https: //rapsinews.ru/incident_news/20131120/269738242.html (дата обращения: 30.10.2022).

[2] Прокурора уволили за «запрет» Есенина и Набокова // Lenta.ru. 2013. 25 ноября. URL: https://lenta.ru/news/2013/11/25/sharipov/ (дата обращения: 30.10.2022).

В связи с невозможностью четко очертить указанный круг источников информации считаем преждевременным вносить изменения об увеличении их числа в ст. 3.1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Но целесообразной видится возможность внести соответствующие изменения в п. 4 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 16 марта 2016 г. № 159 «О порядке реализации прокурорами полномочий по направлению в суд заявлений о признании информационных материалов экстремистскими», закрепив положения о том, что также нельзя признавать экстремистскими материалы, имеющие высокую значимость ввиду их общепризнанности, культурной и исторической ценности.

Изложенные обстоятельства указывают на наличие у органов прокуратуры факторов ограниченности пределов деятельности в сфере обеспечения информационной безопасности государства, обусловленных не только особенностями действующего законодательства, субъектного состава правоотношений, но и спецификой феномена информации, культурными особенностями, связанными с ее распространением.

Библиографический список

1. *Амирбеков К. И.* К вопросу о подмене органами прокуратуры иных государственных органов // Законность. 2015. № 9. С. 40–42.

2. *Берензон А. Д.* Основные направления совершенствования общего надзора советской прокуратуры: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1977. 29 с.

3. *Бессарабов В. Г., Викторов И. С., Казарина А. Х., Маматов М. В.* Предмет, пределы надзора за исполнением законов и полномочия прокурора по его осуществлению // Настольная книга прокурора / под общ. ред. С. Г. Кехлерова, О. С. Капинус. М.: Юрайт, 2013. 525 с.

4. *Бут Н. Д.* Теоретические, правовые и организационные основы прокурорского надзора за исполнением законов о свободе экономической деятельности в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. 550 с.

5. *Винокуров А. Ю.* Актуальные вопросы организации и деятельности прокуратуры: избранные статьи. М., 2012. 492 с.

6. *Вышковская Т.* Честь Корана защитил Сахалинский суд // Коммерсантъ. 2015. 5 ноября.

7. *Ганенко Н.* Прокуратура на Ставрополье потребовала изъять из школ книги Есенина // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). 2013. 20 ноября. URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20131120/269738242.html (дата обращения: 30.10.2022).

8. *Даева В. Г., Маршунов М. Н.* Основы теории прокурорского надзора. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 136 с.

9. *Казарина А. Х.* Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов (сфера предпринимательской и иной экономической деятельности). М.: ИПК РК Генеральной прокуратуры РФ, 2005. 280 с.

10. *Коршунова О. Н., Головко И. И.* Категория объекта в теории прокурорской деятельности: теоретический и прикладной аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 62–79.

11. Проверка прокурором исполнения законов: пособие / под общ. ред. Н. В. Субановой. М.: Ген. прокуратура РФ; Академия Ген. прокуратуры РФ, 2015. 124 с.

12. Прокурора уволили за «запрет» Есенина и Набокова // Lenta.ru. 2013. 25 ноября. URL: https://lenta.ru/news/2013/11/25/sharipov/ (дата обращения: 30.10.2022).

13. *Черепанов М. М., Пугачев А. В.* Принцип невмешательства органов прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных субъектов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 1. С. 91–104.

УДК 347.6
ББК Х404.532

А. И. Сурдина
аспирант
Института государственной
службы и управления Российской Академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Россия, г. Москва
ai.surdina@igsu.ru

ПРИНЦИПЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И МЕСТО В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ РОССИЙСКОГО ПРАВА

PRINCIPLES FOR THE PROTECTION OF CHILDREN'S RIGHTS: DEFINITION, ESSENCE AND PLACE IN THE SYSTEM OF PRINCIPLES OF RUSSIAN LAW

Согласно авторской позиции, за последние десятилетия международное сообщество сделало огромный шаг в защите прав детей. Однако, несмотря на все усилия и достижения, многое еще предстоит сделать, чтобы гарантировать полную реализацию принципов международных конвенций о защите прав детей. В настоящей статье рассмотрены этапы формирования принципов защиты прав детей через призму системной взаимосвязи основных международных документов о правах детей. Проанализировано современное состояние национального законодательства в сфере защиты прав несовершеннолетних. Определено место принципов защиты прав детей в системе принципов российского права, а также рассмотрены их сущностные признаки и основные направления реализации. По итогам проведенного исследования автором уточнено понятие принципов защиты прав детей; обоснована необходимость рассмотрения детских принципов как межотраслевого, междисциплинарного явления; выявлено три концептуальных подхода к определению места детских принципов в системе принципов российского права.

Ключевые слова: принципы семейного права, принципы защиты прав детей, защита прав несовершеннолетних, правосубъектность ребенка, реализация принципов Конвенции ООН 1989 г., принцип обеспечения наилучших интересов, принцип уважения мнения, принцип развивающихся способностей, реализация норм международных договоров.

According to the author's position, the international community has made huge strides in the protection of children's rights over the past decades.

However, despite all the efforts and achievements, much remains to be done to guarantee the full realisation of the principles of international conventions on the protection of children's rights. This article examines the stages of the formation of principles for the protection of children's rights through the prism of the systemic interrelation of the main international instruments on children's rights. The current state of national legislation on the protection of the rights of minors is analysed. The place of the principles of children's rights protection in the system of principles of Russian law is determined, as well as their essential features and the main directions of their implementation are considered. Based on the results of the research, the author clarified the concept of principles of children's rights protection; substantiated the need to consider children's principles as an inter-branch, interdisciplinary phenomenon; identified three conceptual approaches to determining the place of children's principles in the system of principles of Russian law.

Keywords: principles of family law, principles of protection of children's rights, protection of minors' rights, legal personality of a child, implementation of the principles of the 1989 UN Convention, principle of best interests, principle of respect for opinion, principle of evolving capacities, implementation of norms of international treaties.

Необходимость проведения детального анализа и научной разработки понятия такой правовой категории, как принципы защиты прав детей, обусловлена особой уязвимостью детей в спорах об их правах, а также отсутствием единообразия в толковании и применении принципов и норм, регламентирующих процессуальные и материальные аспекты защиты прав детей.

Международные конвенции о защите прав детей являются важнейшим международным инструментом, направленным на защиту интересов и прав детей. Они устанавливают нормы и принципы, которые государства-участники должны соблюдать при разработке законов и политик в отношении детей. Несмотря на значительный прогресс в области защиты прав детей, многие страны сталкиваются с существенными проблемами и вызовами в реализации этих конвенций, и Российская Федерация (РФ) не является исключением.

На универсальном уровне первым шагом в направлении признания ребенка полноправным субъектом, а не объектом права, несомненно, стало принятие Лигой Наций Женевской декларации прав ребенка в 1924 г. Этот международный документ не был обязательным для государств, но он, бесспорно, заложил прочный фундамент для формирования института защиты прав

детей и развернул фокус внимания государств на особое положение ребенка в праве.

Второй этап ознаменован принятием Декларации прав ребенка 1959 г. в рамках Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (ООН). Этот документ также сыграл огромную роль в развитии защиты прав детей. Именно после принятия Декларации ООН государствами подписано множество соглашений, конвенций и деклараций по отдельным вопросам.

Завершающей вехой в формировании принципов защиты прав детей на универсальном уровне стало принятие Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. (далее – Конвенция). По сравнению с предыдущими этапами, это –революционный для того времени шаг, которому предшествовал долгий период согласования. Конвенция ООН «представляла собой радикальный взгляд на возможности и права детей; помимо уделения первоочередного внимания наилучшему обеспечению интересов ребенка и защите детей, она также заявила, что дети обладают радикальными правами, такими как право свободно выражать свои взгляды “по всем вопросам, затрагивающим ребенка”, и что этим взглядам должно уделяться должное внимание»[1]. Положения об обеспечении прав ребенка на жизнь, выживание и достойное развитие, запрете дискриминации также сформулированы в аспекте принципов защиты прав детей. Кроме того, Конвенция ООН закрепила широкий ряд фундаментальных индивидуальных норм, получивших дальнейшее развитие в рамках национальных правовых систем.

В России принятие Конвенции ООН 1989 г. послужило отправной точкой для трансформации семейного законодательства, поскольку широкий спектр норм, закрепляющих права детей имплементирован в Семейный кодекс (СК) РФ. Однако вопрос об эффективности реализации принципов Конвенции ООН остается в правовой науке открытым и дискуссионным.

Для эффективного функционирования любого правового института или категории необходимо иметь четкий алгоритм, основанный на правовых принципах. Пробелы в

[1] *Гриндхайм Л. Т.* В наилучших интересах ребенка: от века ребенка к веку устойчивого развития // Культура детства в процессе трансформации: 30 лет Конвенции ООН о правах ребенка в действии на пути к устойчивому развитию / под ред. Й. С. Борген, Э. Э. Одегаард. Брилл, 2021. С. 17.

правоприменительной практике появляются, если правовые принципы не определены и не конкретизированы в доктрине. В результате могут возникать проблемы, связанные с применением норм права, что усложняет защиту прав и законных интересов субъектов правоотношений. Такая ситуация наблюдается, в частности, относительно реализации норм детских международных конвенций в национальном законодательстве.

Чтобы выявить место принципов защиты прав детей в системе принципов российского права, необходимо уточнить теоретическое определение данной категории. В этой связи представляется целесообразным обратиться к общим определениям принципов права и принципов семейного права.

Для формирования понятия принципов права в науке используется широкий спектр оснований. Несмотря на это, все они сходятся в придании принципам права фундаментального, исходного начала, необходимого для возникновения и эффективного функционирования права.

За отправную точку в исследовании возьмем устоявшееся определение принципов семейного права, сформулированное Л. М. Пчелинцевой. Исследователь констатирует, что «принципы семейного права представляют собой фундаментальные начала, на которых основывается семейное законодательство и практика его применения, обусловленные особыми предметом и методом регулирования семейных правоотношений»[1]. Это определение получило общее признание в науке, но насколько оно коррелируется и может быть применимо к определению принципов защиты прав детей, которые традиционно рассматриваются как составная неотъемлемая часть принципов семейного права?

Нельзя не отметить, что предмет семейного права широк. Поэтому принципы и нормы, посвященные защите прав детей, теряются в массиве общеотраслевых принципов, что закономерно приводит к затруднениям при их определении, толковании и реализации. Представляется, что для полноценного теоретического анализа принципы защиты прав детей необходимо рассматривать как сложносоставное, межотраслевое, междисциплинарное явление, поскольку оно выходит за рамки предмета семейного права. Как пишет М. Л. Шелютто, «надлежащая, полная

[1] Семейное право: учебник и практикум для вузов / под ред. Л. М. Пчелинцевой. М.: Юрайт, 2023. С. 23.

реализация конституционных положений, имеющих семейно-правовое значение, невозможна исключительно в границах семейного законодательства, она обеспечивается системой норм разноотраслевой природы»[1].

Данный вывод подтверждается и анализом судебной практики, доказывающим, что принципы, закрепленные Конвенцией, суды применяют для обоснования решений не только при рассмотрении семейных споров. Кроме того, положения Конвенции применяются как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами разных уровней. При этом не имеет значения, затрагивают ли споры права и законные интересы конкретных детей или неопределенного круга несовершеннолетних.

Так, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 15 декабря 2021 г. по делу № А40-41871/2019 суд ссылается в том числе на положения ст. 3 Конвенции при отмене судебных актов нижестоящих судов о включении квартиры должника в конкурсную массу и направлении дела на новое рассмотрение. В процессе обоснования своей позиции суд указал на то, что при вынесении решений судами не учитывается тот факт, что спорная квартира является единственным жильем для проживания несовершеннолетних на территории РФ, интересы детей проигнорированы, а к участию в деле не привлечены компетентные органы.

В деле по заявлению администрации Волгограда в лице комитета муниципального заказа к Управлению Федеральной антимонопольной службы по Волгоградской области Арбитражный суд Поволжского округа рассматривал вопрос о нарушении Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд». При отмене судебных актов в постановлении от 14 октября 2014 г. по делу № А12-6722/2013 суд также ссылался на ст. 3 Конвенции, поскольку заказ размещался на поставку продуктов питания для образовательных учреждений, и все вопросы, связанные со спорами о проведении торгов, так или иначе затрагивали права и законные интересы несовершеннолетних. В отличие от первого

[1] *Шелютто М. Л.* Реализация конституционных принципов семейного права в российском законодательстве // Журнал российского права. 2013. Т. 1. № 12. С. 56.

примера, в контексте которого суд рассматривал вопросы, затрагивающие интересы конкретных детей, в данном деле перед судом стоял вопрос о защите прав и законных интересов неопределенного круга несовершеннолетних, обучающихся в детских образовательных учреждениях.

Анализ значительного объема судебной практики, содержащей ссылки на основные принципы Конвенции, но не связанной с рассмотрением семейных споров, позволяет сделать однозначный вывод о том, что принципы защиты прав детей применяются для регулирования большого массива правоотношений, в которых так или иначе затрагиваются права и законные интересы детей (семейные, жилищные, административные, налоговые, корпоративные и т.д.)[1], что свидетельствует о межотраслевом характере данной категории.

[1] См., напр.: Судебная практика по ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20 июля 2022 г. № 88а-11360/2022 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=63979&dst=100001&ysclid=llgc2cq84a200421053#tq3wGnTeUuT58U2T1 (дата обращения: 20.03.2023); постановление Арбитражного суда Московского округа от 2 июня 2020 г. № Ф05-13234/2019 по делу № А40-56312/2017 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=350854&ysclid=llgcc34l9d455659158#u0yxGnTmDJja12cC (дата обращения: 20.03.2023); постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14 октября 2014 г. № Ф06-2239/2013 по делу № Ф12-6722/2013 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/search/?q (дата обращения: 20.03.2023).

Судебная практика по ст. 6 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 22 января 2010 г. по делу № А78-6970/2009 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.03.2023); постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 27 августа 2009 г. по делу № А19-6579/09 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.03.2023).

Судебная практика по ст. 2 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 июня 2020 г. по делу № 88а-9554/2020 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=12715&ysclid=llgcwwyzlf429283483#co22HnTyxa50f9jy2 (дата обращения: 15.03.2023); апелляционное определение Нижегородского областного суда от 16 августа 2017 г. по делу № 33а-9129/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=&regular-case_doc=33%D0%B0-9129%2F2017+&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-

Таким образом, основываясь на общих определениях, выработанных в науке, можно трактовать принципы защиты прав детей как совокупность главных фундаментальных начал, которые являются ценностными ориентирами и предусматривают ключевые направления защиты прав и законных интересов детей на межотраслевом уровне посредством эффективного механизма реализации норм международных договоров и национального законодательства. Однако при разрешении споров, затрагивающих интересы несовершеннолетних, суды далеко не всегда применяют положения международных конвенций о защите прав детей, а ссылки на международно-правовые нормы зачастую носят сугубо формальный характер, и решения далеко не всегда вынесены через призму основных принципов защиты прав детей. М. Л. Шелютто пишет: «При этом речь идет в основном не о разрешении противоречия между российским законодательством и Конвенцией на основании последней, а скорее о дополнительной правовой аргументации позиции, занятой судом в защиту прав и интересов ребенка, или о случаях отсутствия прямой нормы, на основании которой может быть разрешено дело»[1].

В научных кругах остро обсуждается вопрос, связанный с разработкой системы и механизмов эффективной реализации объективных принципов защиты прав детей, не зависящей от норм позитивного права и от субъективного толкования содержания этих норм. Данный факт свидетельствует о том, что в настоящее время назрела необходимость определения места принципов защиты прав детей, на которых выстраивается

date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court (дата обращения: 15.03.2023).

Судебная практика по ст. 12 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26 января 2021 г. по делу № 88-2165/2021, 88-29240/2020 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=28449&ysclid=llgdv07c12188064861#sei8HnTbEOORxiEd (дата обращения: 15.03.2023); постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 14 мая 2021 г. № 16-612/2021 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=35799&ysclid=llgdx2ez2h978334017#pc79HnTicY0A4Cms3 (дата обращения: 15.03.2023).

[1] *Шелютто М. Л.* Конвенция ООН о правах ребенка и конституционный уровень защиты прав детей // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. Т. 2. № 2. С. 34.

система защиты прав и законных интересов детей в общей правовой системе.

В начале статьи неслучайно дан краткий обзор основных этапов развития принципов защиты прав детей. Нам необходимо четко понимать, что данная категория сформирована на международно-правовом уровне, поэтому встраивание норм международного права в национальную систему требует от государств не только ратификации конвенций и соглашений, но и принятия на внутреннем уровне эффективных мер, способных обеспечить полное соблюдение обязательств, предусмотренных этими договорами.

Положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ имеют важное значение для решения вопроса о применении норм международных договоров в случае, если в них содержатся иные правила, чем предусмотренные национальным законом. Применительно к анализу Гаагской конвенции от 28 октября 1980 г. О. А. Хазова указала на значимость следования судами «принципам, заложенным в самой Конвенции, и правилам, выработанным конвенционной судебной практикой, для обеспечения единообразное применение Конвенции в разных странах»[1]. Это заключение вполне может быть применено к механизмам реализации любого международного договора, поскольку носит обобщающий характер.

Концептуально выделим несколько подходов к процессу определения места принципов международных конвенций в национальном праве:

– усиление влияние принципов посредством их конституционализации;

– реформирование законодательства, внесение изменений и дополнений в действующие нормативно-правовые акты, принятие новых законов;

– разработка различных программ и стратегий.

Встраивание любого принципа в Основной Закон государства делает его общеобязательным не только для правоприменителя, но и для законодательных и административных органов, существенно повышает уровень

[1] *Хазова О. А.* Некоторые аспекты трактовки понятий незаконного перемещения и незаконного удержания ребенка в контексте Гаагской Конвенции о гражданско-правовых аспектах похищения детей 1980 г. // Закон. 2016. № 10. С. 176.

осуществления норм международных договоров в национальной системе. Такой подход способствует распространению принципов на всех, кто взаимодействует с детьми, независимо от характера сложившегося правоотношения.

Фактически попытка реализации первого подхода при определении места принципов защиты прав детей предпринята законодателем в 2020 г. Благодаря этому в Конституцию РФ включены положения о том, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России, а создание условий для достойного воспитания детей в семье находится в совместном ведении РФ и ее субъектов. Вместе с тем признание детей важнейшим достоянием в том виде, в котором оно сформулировано в Основном Законе страны, оставляет широкое поле для субъективных оценок, дискуссий и не может само по себе стать основанием для признания ребенка самостоятельным субъектом права в том контексте, который предполагается Конвенцией и содержащимися в ней принципами.

Данный вывод подтверждается оживлением дискуссий в рамках отечественной научной мысли. С одной стороны, нельзя не согласиться с тем, что «принятая формулировка содержит не только характеристику значимости, но также и большой потенциал реализации действий в отношении детей, свойственных политике как таковой»[1]. Эти поправки дали толчок к изменению ситуации и пересмотру положения ребенка в семье и социуме. Но, с другой стороны, представляется, что кардинально поправки проблему не решили, поскольку ребенок рассматривается не как самостоятельный субъект, а скорее, как объект государственной политики. Права ребенка продолжают рассматриваться в качестве надстройки в целостной структуре семьи как единого организма, а учет интересов ребенка до сих пор отсутствует среди основ семейного законодательства.

Проблемам, связанным со вторым подходом к реализации принципов защиты прав детей, поиском их места в правовой системе, в работах ученых и юристов также уделено немало внимания. Невозможно отрицать тот факт, что корректировка действующих законов, а также принятие качественно новых

[1] *Емелина Л. А.* Конституционный принцип защиты прав ребенка в России и проблемы его реализации // Семья и дети в праве: вызовы современности: сб. ст. по материалам Междунар. конф. / отв. ред. Н. В. Кравчук. М.: ИНИОН РАН, 2022. С. 14.

нормативно-правовых актов позволяют избежать противоречий между национальным и международным правом. Особенно этот подход актуален с внесением в Основной Закон страны положений о неисполнении решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров в их истолковании, противоречащих Конституции РФ.

Так, Ю. Ф. Беспалов констатирует, что «российская государственная семейная политика, семейное законодательство, правоприменение по семейным делам не имеют единых системных подходов к существу семейных отношений, их ценности для человека, общества и государства в целом»[1], что однозначно свидетельствует о необходимости разработки концептуально нового подхода к реформированию законодательства, затрагивающего права и законные интересы детей.

Предлагаемые к принятию поправки в СК РФ, которые в настоящее время разрабатывает Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ, «исходят из необходимости обеспечить понимание ключевого значения правосубъектности ребенка, в первую очередь обязанностей родителей в отношении детей; соблюдение наилучших интересов ребенка и учет его развивающихся способностей; а также гибкость правового регулирования положения ребенка в семье в целом»[2]. Кроме того, сегодня наблюдается тенденция расширенного применения принципов и норм международного права. Следуя веяниям времени, некоторые исследователи делают вывод о необходимости корректировки законодательства не только с учетом четырех принципов, определенных Комитетом ООН по правам ребенка в Замечании общего порядка № 5 (*CRC/GC/*2003/5) в качестве приоритетных, но и с учетом новых, формирующихся принципов.

В качестве одной из таких правообразующих концепций предложено рассматривать принцип развивающихся способностей ребенка, который, по мнению ученых, должен быть признан одним из руководящих принципов толкования соответствующих норм права, поскольку именно «эта концепция

[1] *Беспалов Ю. Ф.* Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ: науч.-практ. пособие. М.: Проспект, 2020. С. 6.

[2] *Тригубович Н. В., Хазова О. А., Чашкова С. Ю., Чефранова Е. А.* О Концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения детей и родителей // Закон. 2022. № 1. С. 28.

является отправной точкой обеспечения реализации прав ребенка»[1]. В качестве еще одного перспективного направления реформирования законодательства многие ученые видят создание специализированных судов, российский и зарубежный опыт успешного функционирования которых неоднократно был предметом рассмотрения в научной литературе[2].

В настоящее время живую дискуссию вызывает обсуждение идеи о разработке и принятии качественно нового нормативно-правового акта, основополагающими принципами действия которого должны стать главные принципы защиты прав детей. Так называемый Кодекс детства должен представлять собой межотраслевой документ, который не будет ограничен исключительно семейными правоотношениями, он должен объединить в целом спектр правоотношений, затрагивающих права и законные интересы детей. И именно в этот документ может быть гармонично встроена рассматриваемая категория, которая будет предопределять спектр основных направлений защиты детей на межотраслевом уровне.

Третий концептуальный подход базируется на реализации принципов через принятие и осуществление различных национальных программ, стратегий и концепций. В Замечании общего порядка № 5 (*CRC/GC/*2003/5) Комитет ООН по правам ребенка разъясняет свою позицию в отношении таких мероприятий: «Хотя некоторые из этих факторов могут представляться по сути своей лишь средствами косметического улучшения положения, их возникновение по меньшей мере свидетельствует об изменении концептуального подхода к представлению о месте, занимаемом детьми в обществе, решимости ставить проблемы детей на более высокий уровень в шкале политических приоритетов и более глубоком осознании

[1] *Кравчук Н. В.* Принцип развивающихся способностей ребенка: теория и практика // Семья и дети в праве: вызовы современности: сб. ст. по материалам Междунар. конф. / отв. ред. Н. В. Кравчук. М.: ИНИОН РАН, 2022. С. 123.

[2] См., напр.: *Кистринова О. В.* Специализированные суды: опыт России и зарубежных стран // Российский судья. 2015. № 2. С. 9; *Филиппов С. А., Цепкова Т. М.* Нужны ли России «семейные суды»? Культура и качество правосудия по семейным делам // Правовая культура. 2018. № 3. С. 72; *Рыженков А. Я.* Реализация принципа судебной защиты семейных прав: проблемы и перспективы // Современное право. 2020. № 9. С. 59; *Вуколова А. И., Казанкова Т. Н.* Правовые проблемы взыскания алиментов в Российской Федерации // Актуальные проблемы правоведения. 2022. № 1 (73). С. 11.

воздействия государственного управления на решение проблем детей и обеспечение их прав человека»[1].

Реализация государственной политики в интересах детей – одно из приоритетных направлений в России. Грамотность и последовательность действий в данной сфере подтверждается несколькими стратегическими документами. В первую очередь указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 утверждена Национальная стратегия действий в интересах детей на период с 2012 по 2017 г. Далее, указом Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 объявлено Десятилетие детства с 2017 по 2028 г.

Для успешной реализации поставленных задач Правительством РФ приняты постановления, в которых предусмотрены различные мероприятия в интересах детей. К примеру, Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. утверждена распоряжением Правительства РФ № 1618-р от 25 августа 2014 г. Регулярно утверждают планы основных мероприятий, которые позволяют эффективно проводить Десятилетие детства в России.

Подобная государственная поддержка и защита интересов детей не только способствует их благополучию, но и служит гарантией успешного будущего страны. Поэтому вопросы относительно детей и их благополучия в России постоянно находятся на повестке дня, на государственном уровне принимают соответствующие решения и меры. Но, насколько эффективна данная концепция для развития приоритетного направления в области защиты прав детей и реализации основных принципов Конвенции, в настоящее время говорить сложно. Этот подход предполагает длительный, многовекторный и многоуровневый процесс.

Исследовательский интерес представляет опыт, описанный в исследовании А. Г. Филиповой и И. Н. Бухтияровой, в котором с помощью количественного контент-анализа проверена результативность мероприятий, проведенных в рамках Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. В процессе исследования учеными сделан вывод о том,

[1] Общие меры по осуществлению конвенции о правах ребенка: замечание общего порядка от 27 ноября 2003 г. № 5 (CRC/GC/2003/5) // Refworld. Комитет ООН по правам ребенка (КПР). URL: https://www.refworld.org.ru/type,GENERAL,,,4b1384c92,0.html (дата обращения: 30.04.2023).

что, «несмотря на шестилетний период действия Нацстратегии, с 2012 по 2017 г., сложно говорить о существенных изменениях в практиках детского участия на уровне семьи, школы, муниципалитета, а также об изменении отношения взрослых к детям»[1].

Таким образом, в заключение можно констатировать, что принципы защиты прав детей обладают межотраслевым характером, и они не должны быть ограничены исключительно нормами СК РФ. Актуальность вопроса об определении места этой категории в системе принципов российского права очевидна. Однако сегодня механизм, позволяющий разработать и закрепить целостную систему принципов защиты прав детей, в российской правовой системе отсутствует.

Библиографический список

1. *Беспалов Ю. Ф.* Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ: науч.-практ. пособие. М.: Проспект, 2020. 224 с.

2. *Вуколова А. И., Казанкова Т. Н.* Правовые проблемы взыскания алиментов в Российской Федерации // Актуальные проблемы правоведения. 2022. № 1 (73). С. 11–14.

3. *Гриндхайм Л. Т.* В наилучших интересах ребенка: от века ребенка к веку устойчивого развития // Культура детства в процессе трансформации: 30 лет Конвенции ООН о правах ребенка в действии на пути к устойчивому развитию / под ред. Й. С. Борген, Э. Э. Одегаард. Брилл, 2021. С. 13–36.

4. *Емелина Л. А.* Конституционный принцип защиты прав ребенка в России и проблемы его реализации // Семья и дети в праве: вызовы современности: сб. ст. по материалам Междунар. конф. / отв. ред. Н. В. Кравчук. М.: ИНИОН РАН, 2022. С. 13–21.

5. *Кистринова О. В.* Специализированные суды: опыт России и зарубежных стран // Российский судья. 2015. № 2. С. 9–11.

6. *Кравчук Н. В.* Принцип развивающихся способностей ребенка: теория и практика // Семья и дети в праве: вызовы

[1] *Филипова А. Г., Бухтиярова И. Н.* О смыслах, барьерах и практикахучастия детей: размышления надседьмым разделом Национальнойстратегии действий в интересах детей // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 1. С. 36.

современности: сб. ст. по материалам Междунар. конф. / отв. ред. Н. В. Кравчук. М.: ИНИОН РАН, 2022. С. 13–21.

7. *Рыженков А. Я.* Реализация принципа судебной защиты семейных прав: проблемы и перспективы // Современное право. 2020. № 9. С. 59–65.

8. Семейное право: учебник и практикум для вузов / под ред. Л. М. Пчелинцевой. М.: Юрайт, 2023. 330 с.

9. *Тригубович Н. В., Хазова О. А., Чашкова С. Ю., Чефранова Е. А.* О Концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения детей и родителей // Закон. 2022. № 1. С. 28–38.

10. *Филипова А. Г., Бухтиярова И. Н.* О смыслах, барьерах и практиках участия детей: размышления над седьмым разделом Национальной стратегии действий в интересах детей // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 1. С. 23–36.

11. *Филиппов С. А., Цепкова Т. М.* Нужны ли России «семейные суды»? Культура и качество правосудия по семейным делам // Правовая культура. 2018. № 3. С. 72–81.

12. *Хазова О. А.* Некоторые аспекты трактовки понятий незаконного перемещения и незаконного удержания ребенка в контексте Гаагской Конвенции о гражданско-правовых аспектах похищения детей 1980 г. // Закон. 2016. № 10. С. 175–186.

13. *Шелютто М. Л.* Конвенция ООН о правах ребенка и конституционный уровень защиты прав детей // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. Т. 2. № 2. С. 30–36.

14. *Шелютто М. Л.* Реализация конституционных принципов семейного права в российском законодательстве // Журнал российского права. 2013. Т. 1. № 12. С. 56–64.

УДК 347.15/18
ББК 67.404

А. В. Шахов
начальник Управления
по вопросам миграции
ГУ МВД России по Московской области
tonius@rambler.ru

ДЕТЕРМИНАНТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

THE DETERMINANTS OF THE CIVIL LEGAL STATUS OF FOREIGN CITIZENS

В статье на основе анализа российского и зарубежного законодательства выявлены факторы, влияющие на формирование гражданско-правового статуса иностранных граждан. По утверждению автора, данная категория неоднородна, и это нельзя не учитывать при определении объема гражданских прав и обязанностей соответствующих субъектов. Хотя он не всегда имеет значение для участия в гражданском обороте. В частности, законность или незаконность пребывания сама по себе не влечет недействительности совершенных иностранцем сделок. Личные неимущественные права, такие как право на жизнь, здоровье, честь, достоинство, с учетом их основополагающего характера признаны и защищены в отношении всех лиц, находящихся на территории государства, включая нерегулярных мигрантов. Обращено внимание на то, что законодатель особое значение придает формированию прочных связей конкретного лица с принимающим государством, о чем свидетельствует расширение прав иностранцев, длительное время проживающих на территории принимающего государства. Автор делает акцент на значении процессов регионализации, стремлении поддержать исторические и культурные связи народов и территорий. Подробно раскрыт вопрос о деструктивном влиянии на статус иностранцев санкционного законодательства.

Ключевые слова: иностранные граждане, основания пребывания в стране, резидентство, беженцы, гражданско-правовой статус, права соотечественников за рубежом, интеграция иностранных граждан, самозанятые, санкции иностранные граждане, основания пребывания в стране, резидентство, беженцы, гражданско-правовой статус, права соотечественников за рубежом, интеграция иностранных граждан, самозанятые, санкции.

The article analyses Russian and foreign legislation to identify the factors influencing the formation of civil legal status of foreign citizens. According to the author, this category is heterogeneous, and this cannot be

ignored in determining the scope of civil rights and obligations of the relevant subjects. Although it does not always matter for participation in civil turnover. In particular, the legality or illegality of residence does not in itself entail the invalidity of transactions made by a foreigner. Personal non-property rights, such as the right to life, health, honour and dignity, in view of their fundamental nature, are recognised and protected in respect of all persons in the territory of the State, including irregular migrants. Attention is drawn to the fact that the legislator attaches particular importance to the formation of strong ties between the individual and the host State, as evidenced by the expansion of the rights of foreigners residing in the territory of the host State for a long period of time. The author emphasises the importance of regionalisation processes and the desire to maintain historical and cultural ties between peoples and territories. The issue of the destructive impact of sanctions legislation on the status of foreigners is discussed in detail.

Keywords: foreign citizens, grounds of stay in the country, residency, refugees, civil legal status, rights of compatriots abroad, integration of foreign citizens, self-employed, sanctions foreign citizens, grounds of stay in the country, residency, refugees, civil legal status, rights of compatriots abroad, integration of foreign citizens, self-employed, sanctions.

Трактовка понятия «иностранный гражданин», на первый взгляд, не порождает трудностей в определении специфики его правового статуса, поскольку речь идет о субъекте, не являющемся гражданином принимающего государства и имеющем доказательства наличия гражданства (подданства) другого государства. Однако анализ действующего законодательства показывает, что данная категория неоднородна, и это нельзя не учитывать при определении объема гражданских прав и обязанностей соответствующих субъектов. Ввиду указанного обстоятельства и возник интерес к исследованию проблемы. Соответственно, с этим связана и научная новизна, актуальность настоящей статьи[1]. Сегодня можно говорить о сложной системе факторов, детерминирующих правовое положение иностранцев.

Прежде всего законодатель ориентируется на основания пребывания иностранцев на территории принимающего государства, что, однако, не всегда имеет значение для участия в гражданском обороте. Так, законность или незаконность

[1] Подробнее об этом см.: *Зайцев В. В., Демидова А. Г.* О некоторых проблемах научной новизны в цивилистических исследованиях (на примере диссертационных работ) // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 64.

пребывания сама по себе не влечет недействительности совершенных иностранцем сделок. Личные неимущественные права, такие как право на жизнь, здоровье, честь, достоинство с учетом их основополагающего характера признаны и защищены в отношении всех лиц, находящихся на территории государства, включая нерегулярных мигрантов. Вместе с тем нельзя не признать, что основание нахождения на территории страны влияет на объем принадлежащих иностранцу прав. Российское законодательство[1] всех законно находящихся на территории страны иностранных граждан подразделяет, в зависимости от оснований пребывания, на несколько категорий: 1) постоянно проживающих, то есть имеющих вид на жительство; 2) временно проживающих на основании соответствующего разрешения; 3) временно пребывающих, среди которых различаются лица, имеющие визу и (или) миграционную карту, либо иные предусмотренные федеральным законом или международным договором Российской Федерации (РФ) документы, подтверждающие право на пребывание (проживание) в стране. Наибольшим объемом прав в гражданско-правовой сфере обладают иностранцы, имеющие вид на жительство, длительность пребывания которых на территории страны указывает на наличие относительно прочных правовых связей с ней.

Длительность проживания иностранного гражданина на территории принимающей страны влияет на его гражданско-правовой статус практически во всех странах[2]. В частности, Европейский совет еще в 1999 г. на специальном заседании в Тампере заявил, что правовой статус граждан третьих стран, продолжительное время находящихся на территории государств-членов (обычно имеют в виду срок более пяти лет), должен быть приближен к правовому статусу граждан последних. Вследствие этого лицо, легально проживавшее в них в течение определенного периода, должно обладать набором единообразных прав, как можно более близких к тем, которыми пользуются граждане Европейского союза (ЕС). Подобная интеграция рассмотрена в качестве ключевого элемента содействия экономической и

[1] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

[2] *Иксанов И. С.* Правовое положение иностранцев // Российский судья. 2021. № 6. С. 49.

социальной сплоченности как основополагающей цели ЕС. В Директиве ЕС 2003/109/ЕС от 25 ноября 2003 г. о статусе граждан третьих стран, являющихся долгосрочными резидентами[1], в связи с этим указано, что «резиденция должна быть как законной, так и непрерывной, чтобы показать, что человек пустил корни в стране». Это не исключает учета обстоятельств, при которых лицо было вынуждено временно покидать территорию страны.

В ЕС долгосрочные резиденты пользуются равным обращением с гражданами в отношении доступа к занятости, включая осуществление самостоятельной деятельности при условии, что она не влечет за собой даже эпизодического участия в осуществлении государственной власти, а также условия найма и условия труда, в том числе условия увольнения и вознаграждения. Этому, в свою очередь, призвано способствовать признание профессиональных дипломов, сертификатов и других квалификаций при условии соблюдения соответствующих национальных процедур и ограничений, установленных в интересах собственных граждан. Им также гарантирован равный доступ к товарам и услугам, предоставлению товаров и услуг населению (ст. 11 Директивы ЕС 2003/109/ЕС).

Значение имеет и статус члена семьи лица, интегрировавшегося в соответствующем государстве. Особая роль этому вопросу отведена в ЕС. В частности, согласно Директиве ЕС 2003/86/ЕС от 22 сентября 2003 г. о праве на воссоединение семьи[2], оно рассмотрено как инструмент создания социокультурной стабильности, способствующей интеграции граждан третьих стран в государстве.

Предполагается, что такая практика должна, безусловно, применяться к членам нуклеарной семьи, то есть к супругу и несовершеннолетним детям. В остальном государствам предоставлено право самостоятельно определять, хотят ли они разрешить воссоединение семьи родственникам по прямой восходящей линии, взрослым детям, не вступившим в брак, не

[1] Council Directive 2003/109/EC of 25 November 2003 concerning the status of third-country nationals who are long-term residents // European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32003L0109 (дата обращения: 20.05.2023).

[2] Council Directive 2003/86/EC of 22 September 2003 on the right to family reunification // European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32003L0086 (дата обращения: 20.05.2023).

состоящим в браке или зарегистрированным партнерам, а в случае полигамного брака – несовершеннолетним детям другого супруга и спонсора. Сделан акцент на том, что право на воссоединение семей должно осуществляться в надлежащем соответствии с ценностями и принципами, признанными принимающими государствами, что оправдывает возможное принятие ограничительных мер в отношении заявлений о воссоединении семей полигамных домохозяйств (п. 11 Директиве ЕС 2003/86/ЕС).

Важным обстоятельством служит то, что воссоединяющимся членам семьи предоставлен статус, независимый от статуса интегрировавшегося иностранного гражданина, что в случаях прекращения брака и разрыва партнерских отношений не лишает их предоставленных прав. Вместе с тем указанная Директива предоставляет государствам дискретные полномочия в аспекте установления различных ограничений для данной категории иностранных граждан. Согласно ст. 14 Директивы ЕС 2003/86/ЕС государства-члены в соответствии с национальным законодательством в целях изучения ситуации на рынке труда вправе устанавливать на срок до 12 месяцев условия, при которых члены семьи могут работать по найму или быть самозанятыми. Кроме того, они вправе ограничивать доступ к занятости или самозанятости родственников первой степени по прямой восходящей линии или взрослых детей, не состоящих в браке. Право на получение автономного вида на жительство, как правило, возникает у членов семьи по истечении пяти лет постоянного проживания на территории государства ЕС, хотя условия и порядок реализации этого права регламентируются национальным законодательством (ст. 15 Директивы ЕС 2003/86/ЕС).

Специфической категорией иностранных граждан выступают беженцы, то есть граждане третьей страны, которые ввиду вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находятся вне страны своей гражданской принадлежности и не могут пользоваться защитой этой страны или не желают пользоваться ею вследствие таких опасений. Обеспечение их частноправовых интересов нередко берет на себя государство. Это обусловлено, помимо прочего, долгосрочным характером сопутствующих проблем, и

репатриация зачастую не является наилучшим решением, позволяющим устранить правовую незащищенность указанных лиц[1], о чем свидетельствует использование так называемой Дублинской системы, применяемой в ЕС[2]. В России иностранному гражданину, получившему свидетельство о рассмотрении ходатайства о признании беженцем на ее территории, то есть, по существу, признанному беженцем или получившему временное убежище на территории России, и прибывшим с ним членам семьи за счет бюджетных ассигнований, предусмотренных МВД России в федеральном бюджете на прием и содержание беженцев и лиц, ходатайствующих о признании их таковыми, оказывают содействие в обеспечении проезда и провоза багажа к месту пребывания на территории России, включая обеспечение питанием и постельными принадлежностями[3].

Особую категорию иностранных граждан образуют лица, рассматриваемые государством в качестве имеющих исторические, культурные и иные связи с ним. Так, согласно ст. 2 Федерального закона от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»[4], к ним, кроме граждан РФ, постоянно проживающим за пределами ее территории, относятся проживающие за пределами РФ лица и их потомки, как правило, относящиеся к народам, исторически проживающим на территории РФ, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с нею. С формально юридической точки зрения ориентиром для этого является то, что

[1] *Иванов Д. В.* Международно-правовые аспекты сотрудничества государств в области долгосрочного решения проблемы беженцев // Миграционное право. 2019. № 4. С. 21.

[2] *Бирюков М. М., Алиев Д. М.* Дублинское регулирование: история становления и содержание // Московский журнал международного права. 2018. № 2. С. 123.

[3] Правила оказания содействия иностранному гражданину (лицу без гражданства), получившему свидетельство о рассмотрении ходатайства о признании беженцем на территории Российской Федерации по существу, признанному беженцем или получившему временное убежище на территории Российской Федерации, в обеспечении проезда и провоза багажа к месту пребывания на территории Российской Федерации: утв. постановлением Правительства РФ от 18 июня 2012 г. № 595 (в ред. от 7 августа 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 26. Ст. 3516.

[4] О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: федер. закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 22. Ст. 2670.

их родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории РФ, в том числе состояли в гражданстве СССР, проживая в государствах, входивших в состав СССР, и получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства, а также выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и РФ, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства или лицами без гражданства. Вместе с тем в гражданско-правовой сфере преимущества их правового положения сводятся к тому, что в рамках Государственной программы по оказанию содействия их добровольному переселению в Россию им в безвозмездное пользование может быть предоставлен земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности и расположенный в Арктической зоне РФ и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ[1]. Это дает основания говорить о недостаточности принимаемых мер по поддержке данной категории лиц[2]. Кроме того, речь идет о том, что подобный подход, в том числе причисление указанных лиц к иностранным гражданам, не учитывает исторические реалии, то есть факт проживания некогда единого (в рамках Союза ССР) русского народа на территории бывших советских республик[3].

Гораздо шире на данную проблему смотрит законодатель в Хорватии. Лица, не имеющие гражданства указанной страны, эмигрировавшие с этой территории, а также их потомки имеют особый статус, отличающийся от правового положения остальных иностранных граждан. Ввиду этого, в частности, им

[1] Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 18. Ст. 2495.

[2] *Меркулова А. П.* К вопросу о понятии и содержании государственной политики России в отношении соотечественников за рубежом // Юридический мир. 2011. № 4. С. 45.

[3] *Ульянова Ю. Е.* Правовое положение в Российской Федерации иностранных граждан и соотечественников, постоянно проживающих за рубежом и желающих переселиться в Российскую Федерацию // Современное право. 2014. № 1. С. 30.

предоставлено право приобрести право собственности на недвижимое имущество наравне с гражданами Хорватии[1].

Своеобразная ситуация наблюдается в Британском Содружестве наций, которая не утратила связи с бывшими колониями. Вследствие этого жители доминионов считают Великобританию своей Родиной в качестве традиции[2]. Согласно ст. 50 Закона Великобритании о британском гражданстве 1981 г.[3] иностранцем признают лицо, не являющееся ни гражданином Содружества, ни британским охраняемым лицом, ни гражданином Республики Ирландия. Будучи гражданином Содружества, британский заморский гражданин, то есть лицо, связанное с бывшими британскими колониями, не имеющими тесных связей с Соединенным Королевством или его оставшимися заморскими территориями, не вправе свободно въезжать, жить и работать в Великобритании. В период членства ее в ЕС такие лица не были гражданами ЕС и не пользовались свободой передвижения в нем. Не отнесены к полноправным гражданам, хотя и пользуются консульской защитой, граждане британских заморских территорий[4]. Таким образом, обладание подобным дополнительным статусом практически ничего не дает, в том числе для участия в гражданском обороте. Это относится и к британским охраняемым лицам, выделяемым в соответствии с приказом о британских протекторатах, государствах, находящихся под защитой, и лицах, находящихся под защитой, 1982 г.[5] Указанные субъекты при отсутствии гражданства другого государства де-факто являются лицами без гражданства, поскольку право въезда в Великобританию им не гарантировано, хотя с принятием Закона

[1] *Bećirovic-Alić M.* Acquisition of real estate by foreigners in the comparative law // Univerzitetska misao – časopis za nauku, kulturu i umjetnost. 2021. Vol. 20. S. 132.

[2] *Петухов Д. В.* Понятие правового института «соотечественники за рубежом» // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 10. С. 15.

[3] British Nationality Act 1981 // Legislationline. URL: https:// www.legislationline.org/download/id/6587/file/ British_nationality_act_1981_am2016_en.pdf (дата обращения: 20.06.2023).

[4] British Overseas Territories Act 2002 // Legislation.gov.uk. URL: https://www.legislation.gov.uk/ ukpga/2002/8/section/1 (дата обращения: 20.06.2023).

[5] The British Protectorates, Protected States and Protected Persons Order, 1982 // Legislation.gov.uk. URL: https://www.legislation.gov.uk/uksi/1982/1070/contents/made (дата обращения: 20.05.2023).

о гражданстве, иммиграции и убежище 2002 г.[1] у них появилась возможность регистрации в качестве британских граждан в целях ликвидации статуса так называемого безгражданства. Иная ситуация складывается относительно заморских департаментов и заморских территорий Франции, на жителей которых ввиду положений ст. 73–75 Конституции 1958 г.[2] распространяется французское законодательство с возможностью его адаптации с учетом особых характеристик и проблем соответствующих административно-территориальных образований.

Не менее значимым аспектом в формировании правового статуса иностранных граждан можно считать регионализм, обусловливающий создание политических, реже экономических, объединений государств, в рамках которых их гражданам предоставляют особые преференции, не характерные для граждан стран, не являющихся их участниками. Наиболее отчетливо эта тенденция представлена в странах ЕС, что находит отражение и в законодательстве государств – членов ЕС. Так, Закон Лихтенштейна от 17 сентября 2008 г. № 331 «Об иностранцах»[3] не распространяется на граждан государств – членов Европейской экономической зоны (государства – члена ЕЭЗ) и Швейцарии, они не являются гражданами ни одного государства – члена Европейской экономической зоны (ст. 1). Закон Республики Болгария о владении и пользовании сельскохозяйственными землями[4], устанавливая в качестве общего правила возможность приобретения таких земель иностранцами только в результате наследования по закону (п. 4 ст. 3), признает право граждан государств – членов ЕС и государств – участников Соглашения о Европейском экономическом пространстве приобретать право

[1] Nationality, Immigration and Asylum Act 2002 // Legislation.gov.uk. URL: https://www.legislation.gov.uk/ ukpga/2002/41/contents (дата обращения: 20.05.2023).

[2] La Constitution du 4 octobre 1958, texte fondateur de la Ve République, a été adoptée par référendum le 28 septembre 1958 // Conseil constitutionnel of the French Republic. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/ constitution_russe_version_aout2009.pdf (дата обращения: 20.05.2023).

[3] Gesetz über die Ausländer (Ausländergesetz; AuG) № 331 vom 17. September 2008 // Konsolidiertes Recht. URL: https://www.gesetze.li (дата обращения: 20.05.2023).

[4] Закон за собствеността и ползуването на земеделските земи. София: Изд. къща Цанко Церковски,1991. 29 с.

собственности на сельскохозяйственные земли на условиях настоящего Соглашения (ст. 3б).

Существенным фактором, определяющим гражданско-правовой статус иностранных граждан, служат взаимоотношения принимающего государства с иными странами, которые могут характеризоваться острым противостоянием, быть нейтральными или дружескими. В первом случае возможны два варианта правового регулирования: «спящие нормы» в случае любого потенциального конфликта, а также оперативное реагирование на ту или иную складывающуюся ситуацию. Примером первого подхода является Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях (IEEPA), который принят 28 октября 1977 г.[1], предоставляющий Президенту США возможность реагировать на любую необычную и чрезвычайную угрозу национальной безопасности, внешней политики или экономики США, источник которой полностью или в существенной части находится за их пределами. Помимо универсальных ограничений, накладываемых на имущество членов террористических, транснациональных преступных организаций, а также лиц, вовлеченных в глобальную незаконную торговлю наркотиками[2], вводятся персональные санкции, обусловленные реакцией США на отдельные события, происходящие в мире. Так, в 2014 г. на основании этого закона затронута собственность лиц, вовлеченных в украинский кризис; в 2021 г. ограничения распространены на имущество лиц, связанных с «вредной внешней деятельностью правительства, в том числе деятельностью, подрывающей безопасность и стабильность США и их союзников».

Статья 1702 указанного закона предоставляет Президенту возможность регулировать или запрещать любые операции с иностранной валютой, ценными бумагами и любым имуществом, находящимся под юрисдикцией США. В качестве крайней меры

[1] Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях / International Emergency Economic Powers Act (IEEPA): принят в США в 1977 г. // Центр Международного права на Чистых прудах. URL: https://european-court-help.ru/sankcionnye-ukazy-ssha-international-emergency-economic-powers-act-ieepa-zakon-o-mezhdunarodnyh-chrezvychajnyh-jekonomicheskih-polnomochijah/?ysclid=l2uu3ru6l3 (дата обращения: 19.04.2023).

[2] *Antiterrorism and Effective Death Penalty Act*, 1996 г. // Congress.gov. URL: https://www.congress.gov/bill/104th-congress/senate-bill/735 (дата обращения: 19.04.2023); *Foreign Narcotics Kingpin Designation Act*, 1999 г. // Congress.gov. URL: https://www.congress.gov/bill/106th-congress/house-bill/3164 (дата обращения: 19.04.2023).

предусмотрена конфискация любого находящегося под юрисдикцией США имущества иностранного лица, которое планировало, санкционировало, помогало или участвовало в военных действиях либо нападениях против США. В этом случае все права, правовой титул и проценты от использования имущества переходят к агентству или лицу, которое Президент может периодически назначать. При этом такое имущество должно находиться во владении, использовании, управлении, ликвидироваться, продаваться или иным образом применяться в интересах и на благо США, а назначенное агентство или лицо может выполнять для достижения указанных целей любые необходимые действия.

Следует отметить, что начало этой практике положено Законом о торговле с враждебными государствами 1917 г.[1], позволяющим федеральному правительству брать под контроль вражескую иностранную собственность во время войны или объявленной чрезвычайной ситуации. Под его действием в разное время оказались 48 государств.

Введение ограничительных мер странами ЕС обусловлено положениями Общей внешней политики и политики безопасности (*Common Foreign and Security Policy*), нашедшей закрепление в ст. 215 Договора о функционировании Европейского союза 1957 г.[2] и предусматривающей полное или частичное приостановление либо сокращение экономических и финансовых отношений с одной или несколькими третьими странами. Предполагается, что такие меры в отношении и физических, и юридических лиц могут быть введены для защиты ценностей ЕС, его основополагающих интересов, безопасности, независимости и целостности; консолидации и поддержки демократии, правового государства, прав человека и принципов международного права; сохранения мира, предотвращения конфликтов и укрепления международной безопасности в соответствии с целями и принципами Устава ООН, а также принципами Хельсинкского Заключительного акта и целями Парижской хартии, включая такие, которые относятся к внешним границам; развития международной системы,

[1] *Trading with the Enemy Act*, 1917 // Govinfo.gov. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2011-title50/html/USCODE-2011-title50-app-tradingwi.htm (дата обращения: 19.04.2023).

[2] Договор о функционировании Европейского союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в ред. Лиссабонского договора 2007 г. // EUR-Lex. URL: http://eur-lex.europa.eu/ (дата обращения: 19.04.2023).

основанной на усиленном многостороннем сотрудничестве и хорошем глобальном управлении (ст. 3, 21 Договора о Европейском союзе 1992 г.[1]). Подобные меры, воспроизводимые в законодательстве государств-членов, охватывают запрет на въезд в страны ЕС, а также замораживание активов иностранных физических и юридических лиц, находящихся на их территории. Предполагается, что они должны быть оправданными и пропорциональными. Однако защите публичных интересов в подобных случаях отдан приоритет[2]. Более того, действующие акты ЕС допускают атрибуцию вины государства, в частности России, ее резидентам, и не рассматривают это как нарушение принципа пропорциональности[3]. Последнюю приносят в жертву идее достижения целей введения ограничительных мер. В связи с этим Европейский суд по правам человека признал возможность расширенного толкования категории «физических, юридических лиц или учреждений, которые существенно или финансово поддерживают действия, подрывающие территориальную целостность, суверенитет или независимость Украины или угрожающие им». В п. 176 решения по делу А. Р. Ротенберга указано, что принятые ограничительные меры призваны оказать давление на российские власти, чтобы они прекратили свои действия и политику, дестабилизирующие Украину[4]. Речь идет и о том, что санкционными актами ЕС не нарушил Соглашение о партнерстве между Европейским союзом и Россией 1994 г.[5], оно не препятствует принятию одной из сторон любых мер, которые она считает необходимыми для защиты существенных интересов ее безопасности, а именно во время обострения международной

[1] Договор о Европейском союзе 1992 г. // EUR-Lex. URL: http://eur-lex.europa.eu/ (дата обращения: 19.04.2023).

[2] *Слепак В. Ю., Трубачева К. И.* Средства правовой защиты при обжаловании ограничительных мер Европейского союза // Lex russica. 2017. № 9. С. 130.

[3] *Гландин С. В.* Европейское право ограничительных мер после первых российских дел в Суде Европейского союза // Международное правосудие. 2017. № 2. С. 83.

[4] Judgment of the General Court (Ninth Chamber) of 30 November 2016. Case T-720/14. Arkady Romanovich Rotenberg v Council of the European Union // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62014TJ0720 (дата обращения: 20.04.2023).

[5] О ратификации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, учреждающего партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами с другой стороны: федер. закон 25 ноября 1996 г. № 135-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 49. Ст. 5494.

напряженности, представляющего собой угрозу войны, или в целях выполнения обязательств, которые она взяла для поддержания мира и международной безопасности (ст. 99). Указанные обстоятельства свидетельствуют о недостаточном уровне правовой защиты иностранных граждан. Неслучайно их традиционно относят к категории «социально уязвимых групп»[1].

В целом можно констатировать, что формирование гражданско-правового статуса иностранных граждан предопределено совокупностью нескольких факторов, имеющих как политическую, так и экономическую подоплеку. В ряде случаев законодатель учитывает исторические и культурные связи. Особое значение придают формированию прочных связей конкретного лица с принимающим государством.

Библиографический список

1. *Бирюков М. М., Алиев Д. М.* Дублинское регулирование: история становления и содержание // Московский журнал международного права. 2018. № 2. С. 115–125.

2. *Булатов Р. Б., Андрейцо С. Ю.* Направления совершенствования защиты прав иностранных граждан в современной России // Российская юстиция. 2021. № 2. С. 10–13.

3. *Гландин С. В.* Европейское право ограничительных мер после первых российских дел в Суде Европейского союза // Международное правосудие. 2017. № 2. С. 80–93.

4. *Зайцев В. В., Демидова А. Г.* О некоторых проблемах научной новизны в цивилистических исследованиях (на примере диссертационных работ) // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 64–86.

5. *Иванов Д. В.* Международно-правовые аспекты сотрудничества государств в области долгосрочного решения проблемы беженцев // Миграционное право. 2019. № 4. С. 19–23.

6. *Иксанов И. С.* Правовое положение иностранцев // Российский судья. 2021. № 6. С. 48–53.

7. *Меркулова А. П.* К вопросу о понятии и содержании государственной политики России в отношении

[1] *Булатов Р. Б., Андрейцо С. Ю.* Направления совершенствования защиты прав иностранных граждан в современной России // Российская юстиция. 2021. № 2. С. 12.

соотечественников за рубежом // Юридический мир. 2011. № 4. С. 44–47.

8. *Петухов Д. В.* Понятие правового института «соотечественники за рубежом» // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 10. С. 14–17.

9. *Слепак В. Ю., Трубачева К. И.* Средства правовой защиты при обжаловании ограничительных мер Европейского союза // Lex russica. 2017. № 9. С. 127–133.

10. *Ульянова Ю. Е.* Правовое положение в Российской Федерации иностранных граждан и соотечественников, постоянно проживающих за рубежом и желающих переселиться в Российскую Федерацию // Современное право. 2014. № 1. С. 28–34.

11. *Bećirovic-Alić M.* Acquisition of real estate by foreigners in the comparative law // Univerzitetska misao – časopis za nauku, kulturu i umjetnost. 2021. Vol. 20. S. 132–139.

УДК 347.42
ББК 67.404.219

Т. Ю. Яготинцева
аспирант кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Волгоградского института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Россия, г. Волгоград
vorobey.25@mail.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

THE CIVIL LEGAL LIABILITY FOR CORRUPTION OFFENCES OF OFFICERS OF GOVERNMENT BODIES

В статье рассмотрены феномен гражданско-правовой ответственности должностных лиц государственных органов за совершение ими коррупционных правонарушений, способы реализации данного вида юридической ответственности. Установлены перечень деяний, которые можно отнести к коррупционным правонарушениям, круг потерпевших и порядок возмещения и компенсации причиненного такими правонарушениями вреда. Цель исследования состоит в выявлении существующих законодательных пробелов в правовом регулировании гражданско-правовой ответственности должностных лиц органов власти за коррупционные правонарушения и обосновании предложений по совершенствованию действующего законодательства. Проведен анализ существующих механизмов возмещения причиненного в результате коррупционного деяния должностного лица вреда физическим и юридическим лицам, государству. Выявлен недостаток гражданско-правового регулирования процедуры обращения в доход государства имущества, в отношении которого не доказано его приобретение на законные доходы, и сформулированы предложения по изменению гражданского законодательства.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, коррупция, правонарушение, коррупционное правонарушение, вред, возмещение вреда, компенсация вреда, должностное лицо, государственный орган.

The article deals with the phenomenon of civil liability of public officials for corruption offences, ways of implementation of this type of legal liability. It

establishes the list of acts that can be attributed to corruption offences, the range of victims and the procedure for compensation and reimbursement of harm caused by such offences. The purpose of the study is to identify the existing legislative gaps in the legal regulation of civil liability of government officials for corruption offences and to substantiate proposals to improve the current legislation. The article analyses the existing mechanisms of compensation for the damage caused as a result of a corrupt act of an official to physical and legal persons and the state. A shortcoming of civil law regulation of the procedure for conversion of property, in respect of which it has not been proved that it was acquired on legitimate income, into the state income, has been identified and proposals to amend the civil legislation have been formulated.

Keywords: civil liability, corruption, offence, corruption offence, harm, compensation for harm, compensation for harm, official, state body.

Коррупция является одной из наиболее острых проблем в обществе и государстве на современном этапе. Коррупционные проявления способствуют разложению общественного порядка, ведут к нарушению должного функционирования государственных органов и снижению эффективности реализации задач по обеспечению благополучия населения. Кроме того, совершение коррупционных правонарушений должностными лицами органов государственной власти подрывает авторитет как государства, так и соответствующих органов, а также доверие общества к представителям власти. В связи с этим в условиях современной действительности большое значение приобретают меры противодействия коррупции, которые включают в себя как профилактические мероприятия, так и различные методы ликвидации и минимизации последствий коррупционных нарушений. В качестве мер борьбы с коррупцией предусмотрено установление различных видов юридической ответственности, в том числе гражданско-правовой ответственности государственных органов и их должностных лиц[1]. Гражданско-правовая ответственность как мера антикоррупционной направленности представляет наибольший интерес с позиции

[1] См.: *Смородина О. С.* Гражданско-правовая ответственность за совершение коррупционных правонарушений // Актуальные проблемы гражданского права и гражданского судопроизводства: сборник ст. VI Межвузовской науч.-практ. конф. имени К. И. Малышева. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2018. С. 187.

того, что, помимо нарушения закона, коррупционное деяние всегда влечет причинение определенного вреда.

Гражданско-правовая ответственность выражена в совершении действий имущественного характера, направленных на восстановление нарушенных имущественных или неимущественных прав другого лица, общества или государства[1]. Исходя из анализа гражданского законодательства, некоторые исследователи[2] в основном сводят указанный вид ответственности к нормам, посвященным обязательствам из причинения вреда и обязательствам из неосновательного обогащения, а также компенсации морального вреда. Вместе с тем в указанных нормах не учтен ряд особенностей правоотношений, возникающих вследствие совершения коррупционных правонарушений, в частности причинения вреда государству и последующего возмещения такого вреда посредством обращения в доход государства незаконно нажитого имущества должностного лица, что обусловливает необходимость изучения данного вопроса с целью восполнения пробелов в действующем законодательстве.

Гражданско-правовой механизм возмещения вреда, причиненного незаконными, в том числе коррупционными, действиями (бездействием) должностных лиц государственных органов базируется на нормах статей 1064, 1069, 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), согласно которым причиненный в результате таких действий (бездействия) вред подлежит возмещению в полном объеме за счет казны соответствующего уровня. Основанием для запуска указанного выше механизма возмещения вреда является установленный факт совершения должностным лицом органа государственной власти коррупционного правонарушения.

Понятие коррупционного правонарушения законодательно не закреплено. Вместе этого в специальном нормативном правовом акте, Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», законодатель определяет круг деяний, объединенных термином «коррупция». В число этих

[1] *Вородюхин С. Е., Глушков Е. Л.* Гражданско-правовая ответственность за коррупционные правонарушения в Российской Федерации // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 4. С. 7.

[2] Там же; *Резюк В. И.* Материальные нормы о гражданско-правовой ответственности за совершение правонарушений коррупционного характера в законодательстве России и Беларуси // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 1. С. 24.

деяний включены такие составы преступлений, как дача взятки, получение взятки, злоупотребление должностными полномочиями. Кроме того, определение коррупции в этом Федеральном законе также содержит указание на иное незаконное использование физическим лицом должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды для себя или третьих лиц. С учетом этого детальный анализ установленных Уголовным кодексом (УК) РФ составов преступлений позволяет заключить, что к преступлениям коррупционной направленности можно отнести не только деяния, включенные в главу 30, но и другие преступления, совершенные должностным лицом с использованием служебного положения.

Реализация права на возмещение вреда, причиненного коррупционным преступлением, осуществляется посредством предъявления гражданского иска в уголовном процессе либо после его окончания в процессе гражданского судопроизводства, так как установление судом факта совершения коррупционного правонарушения имеет преюдициальное значение для взыскания соответствующего возмещения потерпевшему. Потерпевшим в делах о коррупционных преступлениях, преступлениях против государственной власти выступает государство как публично-правовой субъект гражданских правоотношений. Поэтому гражданские иски о возмещении вреда, причиненного в результате совершения коррупционных преступлений, как правило, подает прокурор[1].

Существуют деяния, которые не обладают признаками уголовно наказуемого преступления, но при этом имеют все характеристики коррупционного правонарушения. Такие правонарушения называют коррупционными проступками, за совершение которых законодательством установлена дисциплинарная ответственность. Привлечение к ней, однако, не освобождает правонарушителя от обязанности возместить причиненный проступком вред[2]. К коррупционным проступкам относятся, в частности, несоблюдение требований к служебному

[1] *Мирошниченко М. Н.* Обращение прокуроров в суды с исками о возмещении ущерба, причиненного государству преступлениями // Законность. 2020. № 3. С. 9.

[2] *Булгаков С. Н.* Виды коррупционных правонарушений // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/vidy_korrupcionnyh_pravonarushenij/?ysclid=llatbif3n1472762054 (дата обращения: 20.03.2023).

поведению государственных служащих, неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, а также непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов на государственной службе. Потерпевшим в результате совершения коррупционных проступков могут стать как физические и юридические лица, так и государство.

Например, если при проведении закупок контракт на поставку продукта для государственных нужд намеренно заключается с определенной фирмой ввиду того, что директором данной фирмы является близкий родственник главы контрактной службы государственного органа, такую ситуацию называют конфликтом интересов, а непринятие мер по его урегулированию и, более того, извлечение выгоды заинтересованными лицами из данной ситуации является коррупционным проступком. В данном случае потерпевшим будет юридическое лицо либо индивидуальный предприниматель – поставщик товаров (услуг), с которым должен был быть заключен контракт с учетом наилучшего предложения в отсутствие указанной ситуации конфликта интересов. Потерпевший в таком случае вправе требовать возмещения вреда, в том числе в виде упущенной выгоды.

Рассмотрим другую ситуацию, связанную с конфликтом интересов на государственной службе. На должность государственной службы в государственном органе претендуют несколько кандидатов. По итогам конкурса, несмотря на очевидное преимущество одно из кандидатов по его профессиональному уровню, опыту работы по специальности и личным качествам, на вакантную должность назначают другого кандидата, который, как оказалось, состоит в близких отношениях с председателем конкурсной комиссии. В такой ситуации конфликта интересов, получившей развитие в очевидном коррупционном проступке, потерпевший, то есть кандидат, который превосходил остальных по всем критериям, вправе обратиться за гражданско-правовой защитой своих нарушенных прав, применив такой способ защиты, как признание недействительными актов государственного органа об утверждении результатов конкурса и о назначении на должность. Кроме того, на наш взгляд, в данном случае потерпевший также вправе требовать компенсацию морального вреда по правилам статей 151, 1099–1101 ГК РФ.

В обеих ситуациях, рассмотренных выше, коррупционный проступок не содержит признаков состава преступления. В связи с этим установление факта его совершения в судебном порядке для реализации права потерпевшего на возмещение причиненного вреда и, соответственно, наступления гражданско-правовой ответственности не является обязательным. По нашему мнению, в качестве доказательств факта совершения коррупционного проступка и причинения вреда могут быть предъявлены соответствующие документы, в том числе акты государственного органа, показания свидетелей, материалы переписок и другие.

К числу основных механизмов гражданско-правовой ответственности за коррупционные правонарушения должностных лиц государственных органов относят обращение в доход РФ имущества должностного лица, в отношении которого не доказано его приобретение на законные доходы[1]. Вместе с тем представляется спорным нормативное основание гражданско-правового регулирования указанного механизма.

Данная процедура осуществляется в порядке гражданского судопроизводства на основании ст. 235 ГК РФ только после осуществления контроля за расходами должностного лица в порядке, установленном Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Однако, по сути, ст. 235 ГК РФ закрепляет основания прекращения права собственности на имущество, а не основания возмещения вреда в пользу государства как потерпевшей стороны, в чем усматривается пробел в законодательном регулировании настолько важного механизма гражданско-правовой ответственности.

В данном случае речь идет не о возмещении имущественного вреда, а о компенсации так называемого репутационного вреда, но в отношении государства как публично-правового субъекта предлагается использовать иной термин для обозначения такого рода неблагоприятных последствий[2]. Для обозначения свойства

[1] См., напр.: *Илюшина М. Н.* Гражданско-правовые элементы механизма контроля за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам // Гражданское право. 2019. № 6. С. 5; *Резюк В. И.* Указ. соч. С. 24; *Снегирева Н. И., Новрузова О. Б., Снегирева П. Е.* Гражданско-правовые меры противодействия коррупции // Мировой судья. 2020. № 3. С. 27.

[2] См.: *Дерюгина Т. В.* Проблемы определения условий гражданско-правовой ответственности при причинении вреда // Власть Закона. 2018. № 1 (33). С. 35.

государственных структур, которым причинен вред, «наиболее корректно использовать термин “легитимность”, означающий положительное отношение жителей страны, больших групп, общественного мнения (в том числе и зарубежного) к действующим в конкретном государстве институтам власти, признание их правомерности. В том случае, если органы государственной власти не обладают достаточным уровнем легитимности в глазах граждан, исполнение возложенных на них функций становится затруднительным, поскольку взаимодействие с общественностью является одним из важных факторов эффективного государственного управления и осуществления тех публично-правовых задач Российской Федерации»[1].

Исходя из изложенного выше, полагаем, целесообразно ввести в гражданское законодательство специальный механизм компенсации вреда, причиненного легитимности органов государственной власти и государству как публично-правовому субъекту. Для этой цели предлагаем дополнить главу 59 ГК РФ статьей, устанавливающей порядок компенсации такого вреда, а также основания, в частности непредставление доказательств законного характера доходов, на которые приобретено спорное имущество. Таким образом, будет устранена правовая неопределенность при применении механизма обращения в доход РФ имущества должностного лица, приобретенного на незаконные доходы, что, в свою очередь, способствует укреплению мер по противодействию коррупции.

Библиографический список

1. *Булгаков С. Н.* Виды коррупционных правонарушений // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/vidy_korrupcionnyh_pravonarushenij/?ysclid=llatbif3n1472762054 (дата обращения: 20.03.2023).

[1] *Яготинцева Т. Ю.* Правовая природа механизма возмещения вреда, причиненного коррупционными действиями должностных лиц органов государственной власти // Реформирование правовой модели договорных и внедоговорных обязательств в эпоху создания национальной цифровой экосистемы: сборник науч. трудов Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 14 мая 2021 года / сост. А. В. Тумаков. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021. С. 199.

2. *Вородюхин С. Е., Глушков Е. Л.* Гражданско-правовая ответственность за коррупционные правонарушения в Российской Федерации // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 4. С. 6–9.

3. *Дерюгина Т. В.* Проблемы определения условий гражданско-правовой ответственности при причинении вреда // Власть Закона. 2018. № 1 (33). С. 31–39.

4. *Илюшина М. Н.* Гражданско-правовые элементы механизма контроля за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам // Гражданское право. 2019. № 6. С. 3–7.

5. *Мирошниченко М. Н.* Обращение прокуроров в суды с исками о возмещении ущерба, причиненного государству преступлениями // Законность. 2020. № 3. С. 8–11.

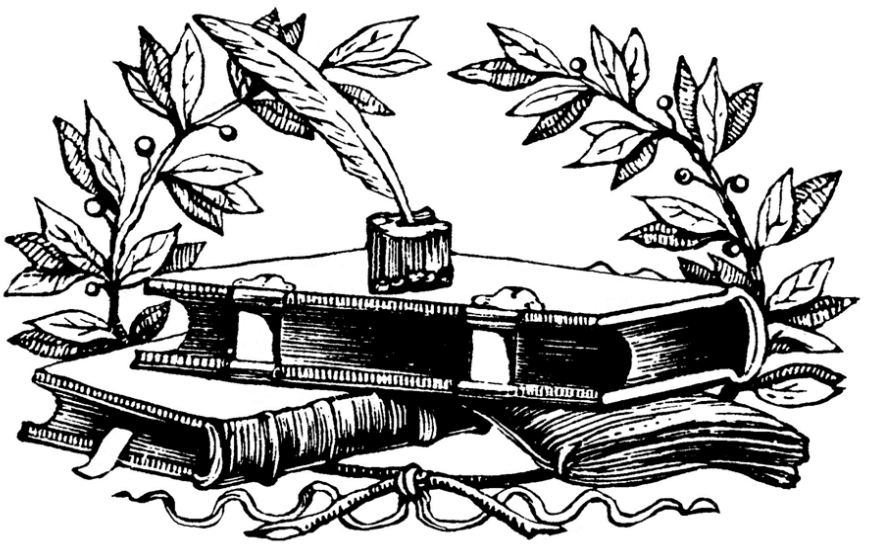
6. *Резюк В. И.* Материальные нормы о гражданско-правовой ответственности за совершение правонарушений коррупционного характера в законодательстве России и Беларуси // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 1. С. 21–27.

7. *Смородина О. С.* Гражданско-правовая ответственность за совершение коррупционных правонарушений // Актуальные проблемы гражданского права и гражданского судопроизводства: сборник ст. VI Межвузовской науч.-практ. конф. имени К. И. Малышева. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2018. С. 186–194.

8. *Снегирева Н. И., Новрузова О. Б., Снегирева П. Е.* Гражданско-правовые меры противодействия коррупции // Мировой судья. 2020. № 3. С. 25–29.

9. *Яготинцева Т. Ю.* Правовая природа механизма возмещения вреда, причиненного коррупционными действиями должностных лиц органов государственной власти // Реформирование правовой модели договорных и внедоговорных обязательств в эпоху создания национальной цифровой экосистемы: сборник науч. трудов Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 14 мая 2021 года / сост. А. В. Тумаков. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021. С. 198–201.

Раздел



Рецензии. Критика

В. П. Камышанский
заведующий кафедрой
гражданского права
Кубанского государственного аграрного
университета имени И. Т. Трубилина,
директор АНО «Научно-исследовательский
институт актуальных проблем современного права»,
доктор юридических наук, профессор
Российская Федерация, г. Краснодар
vpkam@rambler.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ АНДРЕЕВ Ю. Н. ИНТЕРЕСЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА: МОНОГРАФИЯ. – М.: ПРОСПЕКТ, 2023. – 496 С.

BOOK REVIEW ANDREEV Y. N. INTERESTS IN MODERN RUSSIAN LAW: THEORY AND PRACTICE: A MONOGRAPH. - MOSCOW: PROSPECT, 2023. - 496 P.

В рецензии проведен анализ монографии известного своими научными трудами доктора юридических наук, профессора Юрия Николаевича Андреева, в которой с общетеоретических и гражданско-правовых позиций рассмотрены актуальные проблемы реализации

законных интересов в российском праве. Раскрыт генезис понятия «законный интерес», сформулировано его авторское определение, охарактеризованы виды, способы защиты и охраны. Субъективные гражданские права, правоотношение, правовые ограничения и договоры исследованы автором как правовые средства реализации законных интересов. В процессе погружения в текст у читателя возникнет желание вникнуть в суть исследования специальных способов защиты прав и законных интересов субъектов гражданского права, а также участников жилищных, земельных, корпоративных правоотношений. Подготовленная Ю. Н. Андреевым монография, несомненно, должна привлечь внимание научных и практических работников, преподавателей, аспирантов и обучающихся юридических вузов, а также тех, кто неравнодушен к проблемам науки гражданского права и общей теории права.

Ключевые слова: субъективное гражданское право, законный интерес, защита прав, охрана прав, судебная защита, корпоративные права, правовое ограничение, договор.

The review analyses the monograph of Doctor of Law, Professor Yuri Nikolaevich Andreev, famous for his scientific works, in which the urgent problems of realisation of legitimate interests in Russian law are considered from general theoretical and civil law positions. The genesis of the concept of "legitimate interest" is revealed, its author's definition is formulated, types, methods of protection and defence are characterised. Subjective civil rights, legal relations, legal restrictions and contracts are investigated by the author as legal means of realisation of legitimate interests. In the process of immersion in the text, the reader will have a desire to delve into the essence of the study of special ways of protecting the rights and legitimate interests of subjects of civil law, as well as participants in housing, land, corporate legal relations. The monograph prepared by Y. N. Andreev, undoubtedly, should attract the attention of researchers and practitioners, teachers, postgraduates and students of law schools, as well as those who are not indifferent to the problems of the science of civil law and the general theory of law.

Keywords: subjective civil right, legitimate interest, protection of rights, protection of rights, judicial defence, corporate rights, legal restriction, agreement.

Законные интересы занимают особое место в науке гражданского права. Интересы в праве оказывают существенное влияние на возникновение, изменение и прекращение гражданских правоотношений. Представленная на суд научного сообщества монография Ю. Н. Андреева «Интересы в современном российском праве: теория и практика: монография. – М.: Проспект, 2023. – 496 с.» (далее – монография) состоит из введения, трех глав, заключения, а также списка литературы и правовых источников.

В первой главе «Понятие, правовая природа и виды интересов в праве» автор исследует эволюционный путь развития учения об интересах и праве через общетеоретический и цивилистический подходы к изучаемой категории. Дана подробная классификация интересов в российском праве на основе анализа трудов российских и зарубежных теоретиков права и ученых-цивилистов. Этой главе отведена ключевая роль, поскольку авторская позиция относительно сущности понятия «законный интерес» и его отличия от понятия «субъективное гражданское право» как объекта охраны и защиты имеет принципиальное значение. Если мы будем исходить из позиции Р. Иеринга, который утверждал, что сущность субъективного права представляет собой юридически защищенный интерес (с. 13, 21), у нас возникнет вопрос о том, в чем тогда заключается законный интерес как самостоятельная правовая категория, нуждающаяся в охране и защите? Профессор Г. В. Мальцев также считает, что субъективные права есть преобразованные интересы (с. 33).

Вместе с тем, как справедливо утверждают Н. И. Матузов и А. В. Малько[1], «законные интересы», «охраняемые законом интересы» не могут быть в полной мере отражены в субъективных правах. Их большая часть формально не закреплена в законодательстве, а их юридическая сила исходит из общих принципов и духа права (с. 35). Из этого следует, что законные интересы и могут быть реализованы в субъективных гражданских правах, и могут существовать в качестве самостоятельных объектов защиты. Именно данная позиция вполне обоснованно занимает и Ю. Н. Андреева. Он пишет, что субъективное гражданское право и законный интерес выступают самостоятельными правовыми явлениями, хотя и тесно связаны между собой (с. 38).

В завершение широкого анализа различных подходов к понятию и сущности интереса, законного интереса Ю. Н. Андреев формирует собственную позицию и свое видение этой правовой категории. Под законными интересами он предлагает понимать «содержащиеся в нормах объективного и субъективного права, либо вытекающие из духа, смысла, принципов права (закона)…» желания, мотивы, побуждающие действия носителей интересов (с. 44–45).

[1] Подробнее об этом см.: Малько А. В. Законные интересы советских граждан: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1985. 207 с.

Во второй главе «Правовые средства реализации законных интересов» проведен глубокий анализ юридической сущности основных правовых средств, позволяющих реализовать законные интересы. В первую очередь автор исследует субъективные права как средство удовлетворения законных интересов. Затем он переходит к правоотношению и рассматривает его также как средство удовлетворения законных интересов субъектов права. Правовые ограничения Ю. Н. Андреев рассматривает как средство гармонизации субъектов права (правоотношений). На основе всестороннего анализа различных позиций, изложенных в литературе, автор приходит к самостоятельному определению ограничения прав применительно к соседским правоотношениям (с. 217). Отдельный параграф второй главы посвящен гражданско-правовому договору именно как правовому средству согласования и достижения взаимности законных интересов субъектов договорного правоотношения.

В третьей главе «Гражданско-правовая охрана (защита) законных интересов» речь идет об охране и о защите законных интересов. В первом параграфе этой главы Ю. Н. Андреев формирует авторское представление об общих положениях охраны и защиты законных интересов. Во второй главе он специально выделяет вопросы охраны и защиты законных интересов собственников вне зависимости от вида объектов права собственности. В двух последующих главах исследует проблемы охраны и защиты законных интересов собственников и пользователей жилых помещений и земельных участков как объектов, имеющих особую социальную значимость и нуждающихся в особой правовой защите.

В пятом параграфе третьей главы Ю. Н. Андреев определяет дальнейшие перспективы защиты и охраны владельческих интересов. Отдельный параграф посвящен защите законных интересов участников корпоративных организаций. В седьмом параграфе автором исследованы особенности защиты личных неимущественных интересов. Завершает третью главу параграф о судебной защите законных интересов в сфере интеллектуальной деятельности.

Ценным свойством рецензируемого научного труда является его доступность, ясность изложения непростого теоретического материала, успешная попытка донести до читателя наиболее значимые проблемы уяснения юридической сущности законного интереса, его охраны и защиты, в том числе судебной защиты

применительно к отдельным наиболее социально значимым объектам гражданских прав. Автор умело увязывает теоретические проблемы с глубоким анализом правоприменительной практики, что повышает практическую значимость издания.

Несомненную ценность для исследователей может представлять обширный список литературы и правовых источников, который завершает монографию. Этот список содержит не только перечень нормативных правовых актов, но и материалы судебной практики, диссертации и авторефераты диссертаций, учебники, учебные пособия, монографии, научные статьи, а также ряд иностранных источников.

Как нам представляется, рецензируемая монография Ю. Н. Андреева «Интересы в современном российском праве: теория и практика: монография. – М.: Проспект, 2023. – 496 с.» задает новый вектор научного поиска в современной юридической науке, в том числе науке гражданского права. Она, несомненно, привлечет внимание ученых-юристов и юристов-практиков, а также будет полезна в качестве источника новых знаний, идей аспирантам, магистрантам и бакалаврам, тем, кто неравнодушен к проблемам реализации законных интересов в российском праве, их охраны и защиты.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ «ВЛАСТЬ ЗАКОНА»

1. Подписанная заявка от каждого автора и текст статьи в формате Microsoft Word в электронном виде направляются в редакцию журнала по ***e-mail***: **vzlaw.journal@yandex.ru** для проверки на соответствие формальным критериям.

2. Текст публикации должен быть набран в текстовом редакторе Word, шрифт **Times New Roman**, размер шрифта – **14**, межстрочный интервал – **одинарный**, абзацный отступ – **1,25 см**, поля сверху, снизу, слева, справа – **2 см**, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

3. Объем статьи должен быть **не менее семи**, но не более **15** страниц – для аспирантов и соискателей; **20** страниц – для авторов, имеющих степень кандидата или доктора наук (при интервале 1,5).

4. Количество авторов одной статьи не должно превышать трех человек.

5. Научная статья проходит рецензирование согласно Положению о порядке рецензирования рукописей статей, представленных для публикации в научном периодическом издании «Власть Закона» (утверждено решением главного редактора журнала от 20 ноября 2015 года). Оригиналы заявки и статьи в распечатанном виде, подписанные автором, после принятия решения о публикации направляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир
Павлович).

6. Статья должна содержать следующие элементы, оформленные в соответствии с требованиями журнала:

– индекс УДК;

– ндекс ББК;

– заглавие статьи на русском и английском языках;

– фамилии и инициалы автора(*-ов*) на русском и английском языках;

– должность и место работы автора(*-ов*) на русском и английском языках;

– аннотацию на русском языке, выполненную по требованиям журнала. Для размещения на англоязычной версии сайта журнала и в системе РИНЦ необходим качественный перевод аннотации и названия статьи на английский язык, с соблюдением грамматических и орфографических правил. Перевод с помощью компьютерных программ и сайтов не допускается. Аннотация должна быть информативной (не содержать общих слов), оригинальной, содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования), структурированной (следовать логике описания результатов в статье), компактной (укладываться в объем от 50 до 100 слов);

– не менее 10 ключевых слов на русском и английском языках;

– библиографический список. В оригинальной научной статье необходимо упоминание не менее десяти источников, имеющих автора. Федеральные и иные законы **не приводят** в библиографическом списке. Самоцитирование автора допускается в объеме не более 10 % от общего количества цитирования источников из библиографического списка. Ссылки на электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты приводят в постраничных (подстрочных) сносках и в библиографический список **не выносят.**

7. Все ссылки в статье на литературу и другие источники должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки в тексте статьи – подстрочные и постраничные, вынесенные из текста вниз полосы документа (в сноску), шрифт ссылок – **Times New Roman**, размер шрифта – **12**, **одинарный** межстрочный интервал.

8. После проверки подписанные автором(*-ами*) оригиналы статьи и всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович). Документы в распечатанном виде (на бумажном носителе) должны полностью соответствовать электронной версии.

Уважаемые читатели!

Уведомляем Вас о возможности
приобретения научно-практического журнала
«Власть Закона»
в интернет-магазине: www.niiapsp.ru

Стоимость продукции:

КВАРТАЛ (ОДИН ВЫПУСК) – 400 РУБ.
ПОЛУГОДИЕ (ДВА ВЫПУСКА) – 700 РУБ.
ГОД(ЧЕТЫРЕВЫПУСКА) – 1100 РУБ.

С уважением, редакция журнала!

Отпечатано в типографии
ИП Купреев В.В.
353240, ст. Северская,
ул. Чехова, 18а.
Тел./факс 8(86166) 2-14-63.
E-mail: prhouse2016@mail.ru